ЭТНОМИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОЦИАЛИЗАЦИИ БУДУЩЕГО ПРОФЕССИОНАЛА

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке

The Humanities and Social Studies in the Far East

ETHNOMIGRATION PROCESSES IN THE FAR EAST

SOCIO-PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES IN THE SOCIALIZATION OF THE FUTURE PROFESSIONAL

Vol. XV, Issue 3, 2018

Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ФГБОУ ВО
«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

Том XV

Выпуск 3, 2018

Хабаровск, 2018

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Отдел философии
Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф. (редактор отдела);
А.П. Забияко, д-р филос. наук, проф.; **Кальво-Мартинез Томас Мариано**, PhD (Испания);
Р.Л. Лившиц, д-р филос. наук, проф.; **Б.В. Марков**, д-р филос. наук, проф.;
И.Б. Микиртумов, д-р филос. наук, доц.; **С.В. Пишун**, д-р филос. наук, проф.

Отдел филологии
З.Г. Прошина, д-р филол. наук, проф. (редактор отдела);
У.М. Бахтикиреева, д-р филол. наук, проф.; **Е.Л. Лысенкова**, д-р филол. наук, проф.;
Нобуюки Хонна, PhD (Япония); **Е.А. Первушина**, д-р филол. наук, проф.;
Раймонд Хики, PhD (Германия); **Г.Н. Ловцевич**, д-р филол. наук, проф.

Отдел психологии
К.И. Воробьева, д-р психол. наук, проф. (редактор отдела);
Л.Г. Дикая, д-р психол. наук, проф.; **А.Н. Занковский**, д-р психол. наук, проф.;
Н.А. Кравцова, д-р психол. наук, проф.; **Лора Роджерс**, PhD (США);
Мартин Кашорке, PhD (Германия); **Т.Х. Невструева**, д-р психол. наук, проф.

Отдел «Проблемы Дальнего Востока»
Е.Н. Спасский, д-р полит. наук, проф. (зам. главного редактора, редактор отдела);
М.А. Ковальчук, д-р ист. наук, проф.; **Н.Е. Мерецкий**, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Рудецкий, канд. филос. наук, доц. (ответственный секретарь);
Ю.В. Тюрина, д-р соц. наук, проф.; **С.В. Филонов**, д-р ист. наук, проф.;
А.М. Шкуркин, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКТОР ВЫПУСКА

Ю.В. Тюрина, д-р соц. наук, проф.,
О.А. Рудецкий, канд. филос. наук, доц.

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

Ю.В. Пономарчук, канд. физ.-мат. наук (web-мастер);
Е.В. Листопадова (технический секретарь); **Е.Л. Рябкова** (переводчик)

Решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» по отраслям научного знания, в рамках которых осуществляется профессиональная экспертиза публикаций: 09.00.00 – философские науки; 10.01.00 – литературоведение; 10.02.00 – языкознание; 19.00.00 – психологические науки.

Печатается по решению Совета ректоров вузов Дальневосточного федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № 77-16283 от 29 августа 2003 г.
Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,
Тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 6

СТАТЬИ 7

ЭТНОМИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы из Южной Америки в Приморье: переселение и адаптация 7

Арутюнян М.П. Идея целостности мировоззрения: контексты созвучия русской и китайской социокультурной традиции 15

Бельды О.А. Трансформация традиционной культуры народов России и этнокультурное образование в полиэтническом пространстве Хабаровского края 22

Ващук А.С. Северные корейцы в дальневосточном приграничье: исторические сценарии второй половины XX века и новые вызовы XXI века 37

Галлямова Л.И. Хозяйственное освоение Дальнего Востока России и роль восточно-азиатских миграций (конец XIX – начало XX века) 46

Завалишин А.Ю. Этническая миграция в Хабаровском крае: социальные мифы и реальность (по материалам социологических исследований 2014–2017 годов) 52

Зангиров В.Г., Зангирова О.А. Дальний Восток России: геостратегические риски «этнического сдвига» 58

Ким А.С., Довгополов Е.Ю. Этническая и миграционная политика: проблема институционализации (на примере Дальнего Востока России) 67

Ляхов Д.А. К вопросу об организации переселения на Дальний Восток на рубеже XIX–XX веков 74

Маниковская М.А. Этномиграционные процессы на Дальнем Востоке: коммуникативно-интегративный потенциал эстетического 79

Редчун В.М. Отражение древней славянской культуры в орнаменте славян-переселенцев Дальнего Востока России 86

Рудецкий О.А. Русский фактор этномиграционной ситуации в дальневосточном регионе России 95

Смоляков В.А. Особенности политики интеграции мигрантов в странах организации экономического сотрудничества и развития 104

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОЦИАЛИЗАЦИИ БУДУЩЕГО ПРОФЕССИОНАЛА

Тюрина Ю.А. Социологический подход в формировании концепции воспитания (на примере Дальневосточного государственного университета путей сообщения) 113

Агранат Ю.В., Зиновьева Е.А. Социально-педагогические технологии в воспитательной системе вуза (на примере Дальневосточного государственного университета путей сообщения) 124

Надорожная М.В. Наставничество как механизм социализации и адаптации студентов транспортного вуза 130

Казаку О.В., Тюрина Ю.А. Мотивация к успеху как условие социализации будущих профессионалов 136

Сокольская М.В., Ткаченко А.В. Представление о себе как фактор профессионального самоопределения студентов дальневосточного региона 142

Богомаз З.А., Коцуба М.Л. Повышение профессионализма преподавателей и мастеров производственного обучения как условие подготовки будущих высококвалифицированных специалистов 152

Леонтьев Ю.А. Критический рационализм как коммуникативная стратегия профилактики проявлений экстремизма в молодежной среде 158

Луценко Е.Л., Баженова Н.Г. Патриотизм как ценность студенческой молодежи 163

Холодилов А.А., Ещенко Р.А., Фалеева Е.В. Развитие профессионального образования путем подготовки участников регионального этапа чемпионата WorldSkills на Дальнем Востоке 168

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Брейтман А.В. Книги и судьбы: из фонда редких книг Хабаровского педагогического института 173

Зайцев Э.А., Махова И.Ю. Представления выпускников городских и сельских средних школ о Дальнем Востоке России как пространстве самореализации 180

Карташева Н.В. Два подхода к определению задач православной миссии на Дальнем Востоке: святитель Николай Японский и Лев Тихомиров 190

Малакшанова В.Б. Политические события 1930–1931 годов в Тугуро-Чумиканском районе Хабаровского края 194

Мамаева Т.Г. Российское предпринимательство в Маньчжурии (конец XIX века – 1917 год) 198

Молчанова Е.Г. Благотворительная и меценатская деятельность немецких предпринимателей на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX века 202

Тарасов О.Ю., Чернов В.А. Изучение православной ойконимии как инструмент выявления проблем в современном состоянии христианства на Дальнем Востоке 210

Титорева Г.Т. Народная медицина эвенов Приохотья 215

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ 219

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ 220

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Вашему вниманию представлен выпуск журнала, сформированный по итогам двух научных конференций.

Первый раздел журнала включает материалы Всероссийской научной конференции с международным участием *«Этномиграционные процессы на Дальнем Востоке»*, состоявшейся 27–28 ноября 2017 г. в Дальневосточном государственном университете путей сообщения. Конференция была организована Правительством Хабаровского края, Дальневосточным государственным университетом путей сообщения, Дальневосточным институтом психологии и психоанализа. В работе конференции приняли участие российские и зарубежные исследователи этномиграционных процессов из Биробиджана, Благовещенска, Владивостока, Даляня (КНР), Комсомольска-на-Амуре, Ланьчжоу (КНР), Москвы, Сеула (Республика Корея), Урумчи (КНР), Хабаровска, Чэнду (КНР).

В первом тематическом разделе представлены статьи, отражающие различные аспекты проблемы этнических миграций в дальневосточном регионе: история переселенческого движения и хозяйственного освоения региона (Ю.В. Аргудяева, Л.И. Галлямова, Д.А. Ляхов); этномиграционная политика (А.С. Ващук, А.С. Ким, Е.Ю. Довгополов, В.А. Смоляков); социальные мифы об этнической миграции (А.Ю. Завалишин); риски современных этномиграционных процессов (Зангиров В.Г., Зангирова О.А., Рудецкий О.А.); культурная динамика (О.А. Бельды, В.М. Редчун); философский анализ основ межкультурной коммуникации (М.П. Арутюнян и М.А. Маниковской).

Второй раздел журнала сформирован по итогам Всероссийской научно-практической конференции *«Социально-педагогические технологии в социализации будущего профессионала»*, состоявшейся 29 марта 2018 г. в Дальневосточном государственном университете путей сообщения (г. Хабаровск). В работе конференции приняли участие представители академической науки и специалисты-практики в области воспитательной деятельности в высшей школе из Москвы, Новосибирска, Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Южно-Сахалинска, Биробиджана, Благовещенска, Свободный, Уссурийска.

Статьи, вошедшие во второй раздел журнала, освещают проблемы формирования концепции воспитания в современном вузе (Ю.А. Тюрина); социально-педагогических технологий в высшем образовании (Ю.В. Агранат, Е.А. Зиновьева), мотивации, социализации и адаптации студентов (М.В. Надорожная, О.В. Казаку, Ю.В. Тюрина); профессионального самоопределения и повышения профессионализма (М.В. Сокольская, А.В. Ткаченко, З.А. Богомаз, М.Л. Коцуба, А.А. Холодилов, Р.А. Ещенко, Е.В. Фалеева); патриотического воспитания (Е.Л. Луценко, Н.Г. Баженова) и профилактики экстремизма в студенческой среде (Ю.А. Леонтьев).

Третий раздел журнала *«Проблемы Дальнего Востока»* по традиции включает в себя статьи по вопросам истории региона (В.Б. Малакшанова, Т.Г. Мамаева, Е.Г. Молчанова), его культуры (А.В. Брейтман, Н.В. Карташёва, О.Ю. Тарасов, В.А. Чернов), этнографии (Г.Т. Титорева), социальных проблем (Э.А. Зайцев, И.Ю. Махова).

Редакторы выпуска
д-р социол. наук, проф. Ю.А. Тюрина
канд. филос. наук, доц. О.А. Рудецкий

СТАТЬИ

ЭТНОМИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

РУССКИЕ СТАРООБРЯДЦЫ ИЗ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ В ПРИМОРЬЕ: ПЕРЕСЕЛЕНИЕ И АДАПТАЦИЯ

Ю.В. Аргудяева

Аргудяева Юлия Викторовна – доктор исторических наук, профессор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, главный научный сотрудник (г. Владивосток).

Контактный адрес: argudiaeva@mail.ru

Освещается история переселения русских старообрядцев в Приморье, их внутренняя миграция. Показаны причины эмиграции приморских старообрядцев в Маньчжурию в 1920–30-е гг. Рассматриваются проблемы их переселения с азиатского на американский континент, хозяйственная деятельность и быт в Южной Америке. Указываются основные причины реэмиграции их потомков в Приморский край. Характеризуются особенности адаптации южно-американских старообрядцев в хозяйственной, социальной и культурной жизни в Приморье.

***Ключевые слова*:** русские старообрядцы, переселение, эмиграция, реэмиграция, традиционная русская культура, Маньчжурия, Южная Америка, Приморье.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-11-18

Миграция человека или общности людей детерминирована комплексом условий, факторов и причин – политических, социально-экономических, религиозных, экологических, особенностями исторического, демографического, хозяйственного, культурного развития, приведшими к решению переменить место проживания. В этом отношении особый интерес представляют миграционные процессы у старообрядцев – самобытной, устойчивой к изменениям, хорошо сохранившей народные и православные традиции этнокультурной группы преимущественно русского народа, существование которой на современном этапе в той форме, в которой она смогла сохраниться, можно считать явлением уникальным. Именно поэтому она вызывает интерес у исследователей, в том числе у ученых Дальнего Востока, изучавших переселение старообрядцев в Приморье (в прошлом – Южно-Уссурийский край) во второй половине XIX – начале XX в. из европейской части России, Урала, Сибири, Алтая, Забайкалья, Приамурья [1: с. 17–83], в 1920–1930-е гг. из Приморья в Северо-Восточный Китай [3: с. 52–129], откуда – в 1950–1960-е гг. – в Южную Америку [4: с. 243–280], и уже оттуда – в Северную Америку [4: с. 281–385] и реэмиграцию их потомков в Приморье в начале XXI в.

Самое раннее старообрядческое поселение в Южно-Уссурийском крае – деревня Ильинка около оз. Ханка, основанная уроженцами Самарской губернии в 1865 г. [1: с. 40]. В 1870 г. в Ильинку подселили 24 семьи забайкальских старообрядцев – семейских[*], обслуживавших до 1867 г. Аянский тракт, соединявший г. Якутск с расположенным на побережье Охотского моря портом Аян. Некоторые семейские поселились в соседней с Ильинкой деревне Петропавловке.

После 1867 г., с прекращением деятельности Российско-Американской компании и открытием портов на юге Дальнего Востока России, почтовый тракт между Аяном и Якутском утратил свое значение и был закрыт. Некоторые аянские старообрядцы приняли предложение генерал-губернатора Восточной Сибири переселиться в малонаселенный Южно-Уссурийский край, и в 1869 г. большинство старообрядцев, проживавших по Аянскому тракту (119 душ мужского и 111 женского пола, всего 230 душ обоего пола), покинули его [2: с. 122]. На юге Приморья они основали деревни Алмазовку, Амбо-Бело, Богословку, Красный Яр и частично, как уже говорилось, поселились на берегах оз. Ханка.

В последующие годы старообрядческие общины Южно-Уссурийского края пополнились другими

[*] Семейскими называли русских крестьян-старообрядцев, насильственно переселённых правительством Екатерины II в 1764–1765 гг. из западной России и Польши в Забайкалье, где их расселили преимущественно в долинах рек Чикой и Хилок (См.: Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск: Февраль, 1994. С. 31).

группами старообрядцев – поповцами и беспоповцами разных толков из центральной части России, Урала, Алтая, Сибири, Забайкалья и Амурской области. К сложному забайкальскому компоненту старообрядцев добавился не менее сложный по происхождению поволжско-уральско-сибирско-алтайский состав, включавший помимо севернорусских и южно-русских традиций и элементы культуры аборигенных народов – коми (зыряне и пермяки), обских угров (ханты и манси), через территории которых шли миграционные пути русских в Сибирь [1: с. 93–94]. В дальневосточном регионе этнокультурное развитие старообрядцев ещё более усложнилось. Наряду с сохранением некоторых черт северо- и южно-русских традиций, у старообрядцев Приморья в процессе взаимодействия с аборигенными и другими пришлыми как восточнославянскими (украинцы и белорусы), так и восточно-азиатскими (корейцы и китайцы) народами выработались определённые элементы регионального, русского по языку и традициям, комплекса культуры. Этот в основе русский культурный комплекс старообрядцы распространили на всю таёжную часть Южно-Уссурийского края и побережье Японского моря, куда они уходили из Приханкайской низменности из-за роста численности официально признанного православного – крестьянского и казачьего населения, и их причисления к староверческим поселениям.

Основная часть старообрядцев Приморья относилась к часовенным – переходным между старообрядцами-поповцами и старообрядцами-беспоповцами согласием, которое считали беспоповщинским.

В Маньчжурию приморские старообрядцы-беспоповцы начали перебираться в 1920-е гг. в так называемое Трёхречье (долины рек Ган, Дербул, Хаул на западе Маньчжурии), но наиболее мощный поток сформировался в начале 1930-х гг., когда часть старообрядческих семей Приморья, спасаясь от коллективизации, атеизации и репрессий, тайно эмигрировала в Маньчжурию и недалеко от Харбина основала селения Коломбо, Чипигу (Масаловку), Медяны, Романовку [3: с. 32] и др. Впоследствии к этим «харбинским» старообрядцам подселились и некоторые «синьцзянские», эмигрировавшие в Северо-Западный Китай (Синьцзян) с российского Алтая.

С приходом в Маньчжурию в 1945 г. Красной армии многие русские деревни здесь практически исчезли. Часть мужчин-старообрядцев увезли в СССР и подвергли репрессиям, обвинив их в незаконном переходе границы. Хозяйства их семей, оставшихся в Маньчжурии без основных работников-мужчин, стали хиреть.

Жизнь русских в Маньчжурии, как и во всем Китае, в послевоенные годы изменилась в худшую сторону и в результате внутрикитайских событий: власти ужесточили систему налогов, ввели ограничения на выезд в поле, на сенокос, заготовку леса, начали массовое раскулачивание китайских крестьян. Эти процессы затронули и русские посёлки. Уже через год после провозглашения Китайской Народной Республики (1949) китайцы начали новый эксперимент: прекратили раскулачивание, стали образовывать колхозы, куда надо было сдать скот и сельскохозяйственный инвентарь. Старообрядцы предпочитали вести частное хозяйство и не приветствовали происходившие в Китае хозяйственные перемены [4: с. 223].

После прихода в Маньчжурию Красной армии советские консулы стали агитировать всех русских принять советское гражданство, получить советские паспорта и выехать в СССР в основном для освоения целинных земель. И некоторые на этот призыв откликнулись. В середине 1950-х – начале 1960-х гг. отправилась в Россию и часть старообрядческих семей, главным образом из числа тех, чьи сыновья или мужья освободились из заключения после отбытия наказания «за незаконный переход границы».

Оставшимся в Китае старообрядцам, пожелавшим отправиться в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, и советские консулы, и китайские власти продолжительное время препятствовали выезду из Китая различными способами. И лишь после победы в Китае коммунистов в 1949 г. ситуация несколько изменилась – новые власти стали недвусмысленно «выдавливать» из страны старообрядцев как нежелательный элемент [9: с. 654–655].

О выезде из Китая за границу старообрядцы стали хлопотать еще в 1952 г. [4: с. 225]. Они узнали, что в Гонконге существует организация «Совет церквей», которая оказывает помощь всем желающим выехать из Китая. В китайской полиции от всех просителей визы в Гонконг требовали принести справку из советского консульства о снятии с учета. Советские власти всячески препятствовали стремлению русских людей эмигрировать в капиталистические страны. Старообрядцам приходилось заполнять многочисленные анкеты и в течение нескольких месяцев, а то и лет ожидать разрешения властей на новую эмиграцию. С середины 1950-х гг. и до начала 1960-х гг. из самых глубинных районов Китая семья за семьей, оставив хозяйства, старообрядцы со скромными пожитками на попутных грузовиках и повозках добирались до ближайшей железнодорожной станции, откуда на поездах с документами и без них отправлялись в Тяньцзинь или Шанхай. И уже оттуда – на теплоходах в Гонконг, где старообрядцы жили от 8 месяцев до полутора лет [4: с. 244–264]. Устроиться и продержаться в Гонконге им помогали Международный Красный

Крест и Всемирный совет церквей (ВСЦ − World Council of Churches). Из Гонконга старообрядцы смогли разъехаться по разным странам. К этому времени их принимали Австралия, Новая Зеландия, некоторые страны Южной Америки. Основная часть «харбинцев» и «синьцзянцев» попала в Бразилию [4: с. 255–256].

Из Гонконга старообрядцы добирались на южно-американский континент разными путями. Некоторые – на океанских пароходах по маршруту Гонконг – Сингапур – Кейптаун – Рио-де-Жанейро. Другие – самолетом по маршруту Гонконг – Калькутта – Карачи – Бейрут – Рим, а оттуда передвигались на испанском пассажирском пароходе «Кобо–Сан-Викентий» – через Францию, Испанию, Португалию в Бразилию. Ещё одна группа старообрядцев была отправлена из Гонконга в Лос-Анджелес самолётом, а оттуда на пароходе – в Бразилию. Некоторые старообрядцы прямо из Гонконга воздушным путем были отправлены чартерным рейсом непосредственно в Бразилию [4: с. 249–251].

В переселении русских беженцев, в том числе старообрядцев, в страны Азиатско-Тихоокеанского региона и Латинской Америки оказывала существенную поддержку также Федерация русских благотворительных организаций, созданная в 1950 г. в Нью-Йорке и Сан-Франциско; координацию работы со старообрядцами в Лос-Анджелесе взяло на себя общество «Гуманите Колс»; огромную помощь оказали молокане, прибывшие в Лос-Анджелес еще в 1904 г. [4: с. 247–248].

Бразильским переселенцам-старообрядцам с помощью Всемирного совета церквей было выделено 6 тыс. акров земли. Несмотря на то что организаторы переселения старообрядцев в Бразилию существенно помогли этой группе русских в обустройстве – выделили землю и продукты, снабдили тракторами, – настоящего удовлетворения от переезда в эту страну старообрядцы не получили. Земля оказалась малопригодной для земледелия, некоторые старообрядческие семьи совершенно не устраивали природные условия этой страны (сильная жара, неурожаи, низкие цены на зерно, обилие насекомых, невозможность получить урожай при отсутствии удобрений и др.) [7: с. 401–402]. В итоге многие из них при помощи спонсоров перебрались в 1960–70-е гг. в Северную Америку (штаты Нью-Джерси, Орегон и др.), а уже оттуда – в штат Аляска и в соседнюю Канаду.

Часть южно-американских старообрядцев, прожив несколько лет в Бразилии, перебрались в соседние страны – Аргентину, Боливию, Парагвай, Уругвай, Чили. Причин перемещения в эти страны было несколько. В частности, основной причиной переезда старообрядцев в Боливию в 1980-е гг. был не только радушный прием со стороны боливийского правительства, но и то обстоятельство, что в их переезде были заинтересованы местные заводы по производству растительного масла, куда можно было сдать под определённый процент выращенную сою. Государство ни кредитов, ни льгот не давало, но зато выделило для старообрядцев земли. Важным было и то обстоятельство, что местная земля могла давать урожаи без применения удобрений. С тех пор старообрядческая община в Боливии стала одной из самых крепких во всей Латинской Америке. Примерно такая же община старообрядцев сложилась и в Уругвае. Основное занятие старообрядцев в этих странах – скотоводство и земледелие (выращивание риса, кукурузы, пшеницы, бананов, ананасов, подсолнухов, сои). В повседневной жизни старообрядцы хорошо сохранили традиционную русскую культуру и свои религиозные воззрения [6: с. 192–200].

С приходом к власти в Боливии президента Эво Моралеса, стремившегося изгнать из создаваемого им чисто индейского государства все «чужеродные элементы», включая и белых боливийцев, к числу которых относятся и русские старообрядцы, у староверов этой страны возникли серьёзные проблемы, прежде всего в пользовании землёй. Именно после этого активизировался процесс обратного переселения старообрядцев в Россию, сначала из Боливии, а потом, по их примеру, и из других латино-американских государств. Помимо этого, по словам самих старообрядцев, их потянуло на родину своих предков, о которой они знали от своих отцов и дедов. Некоторые из них своей родиной считают Россию. Желание перебраться в Россию у многих южно-американских старообрядцев возникло давно. Особенно оно усилилось в последние годы благодаря не только развитию межгосударственных отношений между южно-американскими странами и Россией, но и созданию в России в 2006 г. государственной программы «Об оказании содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», которая была распространена в ряде российских, в том числе дальневосточных, регионов и о которой стало известно и старообрядцам Южной Америки.

Возможность компактного переселения старообрядцев начали рассматривать в Приморье с января 2009 г., когда в Приморский край прибыли из Уругвая первые представители старообрядческой общины (семьи Фёдора Килина и его сына Алексея, и семья Петра Фефелова). Они не являлись участниками Госпрограммы по переселению соотечественников и приехали для определения территории, где смогла бы жить их община в случае переезда в Приморье. Состоялась их встреча с руководителями администрации Приморского края, коор-

динатором по реализации Программы переселения соотечественников и со специалистами краевой налоговой инспекции, которые провели с ними консультацию по наиболее приемлемым формам регистрации. Для зарубежных старообрядцев были организованы ознакомительные поездки в Надеждинский, Красноармейский и Чугуевский районы Приморского края, где они могли пообщаться с местными ответственными работниками муниципальных образований. Старообрядцы выбрали для жительства старообрядческое с. Дерсу (в прошлом – с. Лаулю) Дальнекутского сельского поселения Красноармейского района, хотя на тот период оно не являлось территорией вселения согласно краевой программе переселения соотечественников из-за рубежа. И все же 9 старообрядцев туда поехали.

Обживаясь в с. Дерсу, первые прибывшие туда старообрядческие семьи плотно сотрудничали с краевой администрацией. В частности, она организовала телефонный разговор Алексея Килина с В.В. Путиным (занимавшим тогда пост Председателя Правительства РФ), который обещал старообрядцам оказывать всяческое содействие. Вскоре при содействии посетившего Приморье И.И. Шувалова (бывшего тогда первым заместителем Председателя Правительства РФ) старообрядческой общине был безвозмездно выделен и передан трактор.

В августе 2009 г. еще три семьи русских старообрядцев Боливии, родственники которых уже проживают в Приморье, пожелали перебраться на Дальний Восток. Им было отказано, так как в пункте анкеты, касающемся профессиональных навыков, они указали вид своей деятельности: «земледелец». А работодатели, включенные в программу на тот момент, не предусматривали привлечение работников по этому виду деятельности. Помимо этого, староверами для жительства было выбрано с. Единка Тернейского района Приморского края, облюбованное старообрядцами еще с 1920-х гг., но оно на тот момент не являлось территорией вселения зарубежных соотечественников.

Принятая в 2006 г. Программа об оказании содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, начала действовать в Приморском крае с 2007 г. Основная цель Программы – стабилизация демографической ситуации в крае, которая характеризуется снижением общей численности населения за счет естественной убыли и миграционного оттока. Первоначально для реализации этой Программы в Приморье были определены шесть территорий вселения: 4 городских округа (Артемовский, Дальнегорский, Находкинский, Уссурийский), Пограничный муниципальный район и пос. Восток Красноармейского района. В дальнейшем в Приморье была разработана новая редакция Программы переселения сроком действия до конца 2012 г. включительно. В проекте предусматривалось увеличение (с 6 до 16) территорий вселения, скорректирована численность участников и объем финансирования, предусмотрена возможность компактного переселения религиозных общин для ведения сельскохозяйственной деятельности. В 2010–2012 гг. этой Программой и воспользовались несколько старообрядческих семей (в основном семьи нескольких братьев Мурачевых) из Боливии и Уругвая (практически все – потомки приморских старообрядцев). Прибывшие в этот период старообрядцы, которым были возмещены транспортные расходы и выплачены подъемные, поселились вначале в с. Корфовка под Уссурийском. Всех их временно разместили на территории бывшего военного гарнизона в пятиэтажных домах. Им были выделены земли, на которых они вырастили огородные культуры, собрали хороший урожай овощей и в течение лета заготовили и продали 200 рулонов сена, обеспечив сеном всю округу [8: с. 16].

В Корфовке у старообрядцев возникли проблемы, связанные с земельным и жилищным обустройством, сбытом сельхозпродукции, кредитованием, школьным образованием, воинской обязанностью молодежи и др. В частности, учитывая особенности уклада жизни старообрядцев, их желание проживать обособленно, вдали от цивилизации, администрация Уссурийского городского округа рассмотрела возможность строительства отдельного поселения для староверов на 10 одноэтажных домов, для чего был даже выделен участок местности недалеко от с. Корфовка площадью около 25 га. Однако локальное поселение для старообрядцев-переселенцев так и не было построено, не были выделены и пахотные земли. В итоге все семьи старообрядцев-переселенцев, за исключением одной семьи, уехавшей в Калужскую область, в 2012 г. перебрались подальше от «мирских» – в старинное, но к началу XXI в. заброшенное, некогда старообрядческое таёжное с. Дерсу Красноармейского района Приморского края. В 2014–2015 гг. из Боливии в Приморье подъехало ещё несколько старообрядческих семей, поселившихся в соседнем – Дальнереченском районе Приморского края (с. Любитовка, хутор Русский Флаг). Несколько старообрядческих семей с. Дерсу в 2015 г. перебрались в Амурскую область и поселились около г. Свободный. В настоящее время число старообрядцев-реэмигрантов в Приморье (с. Дерсу, Любитовка, хутор Русский Флаг) составляет около 100 чел. Постепенно южно-американские старообрядцы стали укореняться, их численность растет за счёт браков с местными старообрядцами-часовенными. Девушки выходят замуж за старообрядцев Приморья, Приамурья и Сибири, юноши берут в жёны старо-

обрядок из Приморья и Хабаровского края. В Южной Америке остались близкие родственники старообрядцев-реэмигрантов – женатые сыновья, братья и сёстры со своими семьями. Они приезжают в гости, оценивают обстановку, рассуждают о возможности переезда в Россию.

Неоднократные полевые исследования, проведенные нами среди старообрядцев селений Дерсу, а в 2017 г. также в Любитовке и на хуторе Русский Флаг Приморского края, показали, что несмотря на полувековое пребывание русских староверов на американском континенте, они хорошо сохранили русские традиции – хозяйственные навыки, материальную культуру, семейные уклад, демографические установки, обряды, русский язык, и в неизменности – религию, которая является основной цементирующей составляющей в сохранении в целом русской культуры в иноэтничном окружении на разных континентах земного шара.

Адаптация южно-американских старообрядцев к природной среде Приморья проходила успешно. Они научились охотиться в местной тайге, рыбачить в местных реках, привыкают к зиме. Иное дело – хозяйственная и социальная ситуации. В этих сферах до 2017 г. были довольно сложные проблемы, которые пока окончательно не решены ни районными, ни краевыми, ни общероссийскими властями.

До 2017 г. старообрядцам с. Дерсу было выделено 600 га земли, но эти земли находятся в разных местах (по 150 га в с. Дерсу и близлежащем с. Островное, 300 га в соседнем с. Дальний Кут). При отсутствии транспорта и дорог добраться к ним нелегко. К тому же эти земли пригодны только под сенокосы и пастбища, да и то, если они будут облагорожены. Каждой семье выделили приусадебные участки, но пахотные угодья им не предоставили. В с. Дерсу семьи переселенцев разместились в заброшенных домах, оставленных жившими здесь в прошлом старообрядцами. Одним жилье досталось бесплатно, другим пришлось заплатить. Первым четырем семьям на сооружение жилых построек было выделено по 40 куб. строевого леса. Тем, кто прибыл в Дерсу позднее, дали только по 20 куб. строевого леса, чего явно недостаточно для старообрядческих многодетных и создающихся молодых семей.

Стационарное электричество в Дерсу отсутствует. Электрическое освещение осуществляется всего 4–5 часов в сутки (утром и вечером) от маломощного генератора.

Долина, где расположено село, довольно обширная и очень удобная. Она закрыта от северных ветров, не подвергается наводнению. Правда, добираться туда непросто, общественный транспорт не ходит в связи с отсутствием хороших дорог. Через р. Большая Уссурка жители в летнее время перебираются на пароме, обустроенном местными умельцами; зимой – по льду реки. Стационарной капитальной переправы нет, что создает неудобства как для жителей Дерсу, так и для обитателей Дальнего Кута, также расположенного на левом берегу р. Большая Уссурка.

Сложная ситуация складывалась с обеспечением старообрядцев с. Дерсу дровами. Рядом с их поселением расположен национальный парк «Удэгейская легенда», находящийся в федеральной собственности. В связи с этим местные власти не могли разрешить жителям пользоваться даже дровяным сухостоем. В итоге старообрядцы могли использовать лишь мелкий плавниковый лес, попавший при сильной воде в речные заломы. Этого явно недостаточно для отопления жилищ в зимнее время, когда температура опускается ниже минус 45 градусов. К таким низким температурам южанам-старообрядцам привыкнуть сразу нелегко, тем более что далеко не все они были обеспечены хорошей зимней одеждой и обувью.

Основные средства к существованию старообрядцам давали собранный с приусадебных участков урожай огородных культур, выручка, полученная от продажи молочных продуктов в близлежащих сёлах, случайные заработки, остатки подъемных денег. Многие семьи, особенно многодетные, бедствовали.

Начиная с июля 2012 г. мы неоднократно выезжали на полевые этнографические исследования в с. Дерсу Красноармейского района Приморского края, чтобы изучить особенности традиционной культуры русских старообрядцев-эмигрантов и непосредственно ознакомиться с условиями жизни. Вплоть до 2017 г. и самими старообрядцами, и сотрудниками Института истории ДВО РАН и ДВФУ, и некоторыми общественными деятелями Красноармейского района Приморского края неоднократно отправлялись письма губернатору, в Законодательное собрание Приморского края, в Федеральную миграционную службу Приморья и Российской Федерации и в другие инстанции. В письмах, в частности, отмечалось, что с учетом специфики этноконфессионального состава населения, незнания ими российских законов и многих реалий российской действительности, необходимости положительного решения многих повседневных проблем и других причин желательна организация группы специалистов (юристы, социальные, медицинские и другие работники), которые могли бы приехать к старообрядцам-реэмигрантам, разъяснить им их права и обязанности и оказать необходимую юридическую и социальную помощь, в том числе по оформлению документов на организацию фермерских хозяйств, на получение пенсионного обеспечения, детских пособий и др.

Предлагалось также разработать в рамках Программы переселения соотечественников из-за рубежа отдельную подпрограмму по переселению русских старообрядцев с южно-американского континента в Приморье, в которой бы учитывались особенности их традиционной культуры и религии. Говорилось также о том, что прибывшие из Южной Америки старообрядцы – исконные земледельцы и традиционно многодетны, поэтому они могли бы во многом разрешить в сельских районах края современную острую демографическую и экономическую ситуацию. От всех инстанций были получены ответы, по сути дела – отписки, с обещанием разобраться в будущем и по возможности решить указанные проблемы силами административных органов.

Что же мешало адаптации переселенцев в Приморье, куда намеревались переехать ещё несколько десятков, а может быть и сотен старообрядческих семей из Южной Америки?

К примеру, основные просьбы старообрядцев с. Дерсу заключались в следующем.

1. Выделить старообрядческой общине пахотные земли.

2. Провести за государственный счёт межевание земель.

3. Остановить в связи со стремлением старообрядцев жить обособленно сооружение непосредственно на территории с. Дерсу и в его окрестностях баз отдыха и выделение гражданам (не старообрядцам) участков под дачи, так как поведение граждан, приезжающих отдыхать в Дерсу с музыкой и спиртными напитками, противоречит образу жизни староверов, всегда стремившихся к уединению. К тому же если к старообрядцам приедут из Южной Америки семьи их единоверцев, земель в селе может не хватить.

4. Предусмотреть возможность выплаты единовременных или постоянных пособий многодетным (у всех от 3 до 9 детей) семьям. Это поможет быстрее адаптироваться к местным природным условиям (дополнительные одежда, питание, отопление и др.).

5. Освободить общину хотя бы на ближайшие 5 лет от уплаты земельного налога и предоставить возможность получения льготных беспроцентных кредитов на строительство жилья, объектов сельхозназначения, закупку инвентаря, транспортных средств.

6. Предусмотреть в программе по переселению соотечественников предоставление жителям полного социального пакета за счет краевого и районного бюджетов.

7. Провести в с. Дерсу стационарное электричество или поставить более мощный генератор.

8. Обеспечить целевое выделение лесосечного фонда для заготовки деловой древесины под строительство новых домов и заготовку дров.

Эти и другие просьбы были отправлены старообрядцами с. Дерсу весной 2013 г. в законодательное собрание Приморского края, департамент внутренней политики администрации края, его губернатору, в Федеральную миграционную службу Приморья и Российской Федерации, а также в другие инстанции.

Таким образом, соответствующие службы и органы власти были проинформированы о неблагополучном положении дел с созданием для старообрядцев-реэмигрантов нормальных условий жизни и труда. От всех были получены обещания учесть поступившие предложения. Однако в реальности так ничего и не было сделано. Проблемы прибывших из Боливии и Уругвая старообрядцев оставались нерешенными. Между тем в отличие от других мигрантов, в частности выходцев из государств Средней Азии, интенсивно прибывавших в Приморье, старообрядцам не надо было учить русский язык. Они прекрасные работники-земледельцы, которых так не хватает в пустеющих приморских деревнях, где практически разрушено сельскохозяйственное производство. Они традиционно многодетны, что в определенной мере помогло бы решать острую для Приморского края демографическую проблему.

Слабо представляя реалии России и наивно поверив отечественным чиновникам на слово, многие латино-американские староверы оказалась в очень тяжелом положении на первом этапе переселения в 2009–2015-х гг. В результате далеко не все реэмигранты остались в России.

Как со временем выяснилось, Государственная программа по переселению соотечественников из-за рубежа охватывала только начальный этап переезда, поскольку фактически была разработана с целью поддержки переселенцев на этапе оформления ими гражданства, включая выдачу подъемных, компенсацию расходов за проезд и транспортировку багажа. Такая недальновидность разработчиков Госпрограммы в итоге привела ко множеству конфликтных ситуаций, связанных с невозможностью решения вопросов адаптации староверов к реалиям российской действительности. Так, к примеру, в качестве одного из базовых условий трудоустройства переселенцев Госпрограмма предусматривала обучение их новым специальностям. Однако выполнение данного пункта оказалось неосуществимым по причине весьма низкого уровня грамотности переселенцев, которые, отлично владея разговорным русским языком, лучше пишут и читают на испанском или португальском, чем на русском языке. Имея значительный стаж управления сельхозтехникой и автотранспортом, а также практические навыки по многим другим рабочим специальностям, они по объективным причинам не могут

сдать предусмотренные законодательством России экзамены для получения соответствующих прав и удостоверений и, следовательно, не могут быть приняты на работу на законных основаниях. В то же время веками накопленный жизненный опыт работы на земле классифицирует их как грамотных и успешных специалистов сельского хозяйства.

Лишь в 2017 г. начались определённые позитивные подвижки в жизнедеятельности южноамериканских переселенцев-старообрядцев. Немалую роль в этом сыграли инициативы конкретных людей. В частности, 16 марта 2017 г. произошла историческая встреча Президента РФ В.В. Путина с предстоятелем Русской православной старообрядческой церкви митрополитом Московским и всея Руси Корнилием. На встрече, в том числе, была затронута тема нездоровой ситуации, в которой оказались старообрядцы, приехавшие на Дальний Восток по Государственной программе по переселению соотечественников, проживающих за рубежом. По прозвучавшим оценкам, ситуация с ними в Приморском крае стала наглядным свидетельством фактического провала региональными властями федеральной программы содействия переселению соотечественников. Обсуждались варианты помощи верующим, желающим вернуться в Россию из Южной Америки. Президент России обещал обратить внимание на этот вопрос и 31 мая 2017 г. нанес ответный визит в духовный центр Русской православной старообрядческой церкви, посетил храмы и новую выставку, поздравил митрополита Корнилия с юбилеем. Эти события стали своеобразной переломной вехой в долгом и очень не простом пути русских старообрядцев, пожелавших вернуться на родину своих предков.

25 апреля 2017 г. на базе Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына в Москве в формате видеоконференции, связавшей Владивосток, Благовещенск, с. Рощино Приморского края и Москву, прошло совещание «Возвращение староверов на Дальний Восток» под председательством министра Российской Федерации по развитию Дальнего Востока А.С. Галушка. На этом, по сути, историческом совещании были заслушаны выступления учёных, руководителей некоторых отделов Приморской краевой и Амурской областной администрации, глав старообрядческих семей, которые рассказали о текущей жизненной ситуации староверов, переехавших по Госпрограмме по переселению соотечественников в Амурскую область и Приморский край. Были затронуты все «острые» проблемы переселенцев, ранее поднимавшиеся учёными и общественными деятелями в различных инстанциях.

По итогам этой конференции был предпринят ряд шагов, позволивших кардинально изменить ситуацию в отношении южно-американских старообрядцев-реэмигрантов. К решению обозначенных проблем и реанимированию Государственной программы по переселению соотечественников из-за рубежа было привлечено одно из структурных подразделений Минвостокразвития РФ – Автономная некоммерческая организация «Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке» (АНО «АРЧК ДВ»). Им, в частности, летом 2017 г. в Приморском крае и Амурской области было проведено этносоциологическое обследование жизнедеятельности прибывших в Россию зарубежных старообрядцев, разработаны дорожные карты федерального и регионального уровней, проведён телефонный опрос среди старообрядцев, живущих в Австралии и Южной Америкие, для определения их планов переселения в Россию, проделана и другая работа. В частности, Агенство по развитию человеческого капитала начало вплотную заниматься экономическими и социальными проблемами «южно-американских» старообрядцев. Некоторые из них уже получили в аренду по 300 га земли на свою семью, другие – вместе со взрослыми женатыми сыновьями распоряжаются земельными участками уже в 1000 га. Улучшаются и социальные проблемы – обустроена дорога внутри с. Дерсу, там же заменены опоры для линий электропередачи и запущен дополнительный дизель-генератор для обеспечения бесперебойного электроснабжения, построены несколько новых домов; сооружена новая паромная переправа повышенной грузоподъемности через р. Большая Уссурка, которая сняла все проблемы автомобильной доставки дров, пиломатериалов, дизтоплива, продуктов и прочих большегрузных материалов в с. Дерсу и другие села, расположенные на правом берегу р. Большая Уссурка; в соответствии с действующим федеральным и краевым законодательством старообрядцам предоставлены меры социальной поддержки: ежемесячная денежная выплата по случаю рождения третьего ребенка или последующих детей до достижения ими возраста трех лет; вручены сертификаты на материнский капитал; улучшено медицинское обслуживание; департаментом лесного хозяйства Приморского края со старообрядцами с. Дерсу заключены договора купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд граждан с общим объемом 300 куб. м; старообрядцам оказывается всесторонняя консультационная помощь по мерам государственной поддержки в области сельского хозяйства (регистрация крестьянских фермерских хозяйств; подготовка документов на безвозмездное и арендное пользование земельными участками; помощь в подготовке пакета документов по программе «Начинающий фермер» по направлению «молочное животноводство», предусматривающей выдачу гранта в размере 3 млн руб.) и др.

28 октября 2017 г. в селе Дерсу прошло расширенное совещание с участием старообрядческого митрополита Московского и всея Руси Корнилия, и.о. губернатора Приморского края А.В. Тарасенко, других представителей государственных органов и деловых кругов края, на котором в непринужденной атмосфере были затронуты наиболее острые проблемы, связанные с переселением староверов и их адаптацией на Российской земле.

В настоящее время предпринимаемые Приморской краевой администрацией действия снимают большинство наболевших проблем старообрядцев-переселенцев.

И это вселяет надежду.

С учетом того, что старообрядческие семьи, как правило, многодетные (десять детей в семье – не исключение, а скорее норма) и что староверы полностью посвящают себя сельскому хозяйству и народным промыслам, основанным на принципах самозанятости, и при этом предпочитают селиться в уединенных удаленных местах, в построенных своими руками сёлах, их можно рассматривать как, пожалуй, единственных претендентов, способных выполнить обозначенную в Государственной программе по переселению соотечественников цель – заселить дальневосточные регионы работящими русскими людьми и тем самым способствовать восстановлению плодородия земель, социальной и демографической базы сельского хозяйства юга Дальнего Востока России.

Какой будет дальнейшая судьба этой группы старообрядцев, хорошо сохранивших традиционную русскую культуру в хозяйстве, семейном быту, языке, религии и отчасти материальной культуре, сказать трудно. Тем не менее очень медленно, но процесс адаптации постепенно налаживается, и сегодня можно надеяться, что не только для этих, теперь уже приморских, старообрядцев, но и для большинства их родственников, ещё остающихся в Южной Америке, их одиссея рано или поздно завершится на их исторической Родине.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аргудяева, Ю.В.* Старообрядцы на Дальнем Востоке России / Ю.В. Аргудяева. – М. : ИЭА РАН, 2000. – 365 с.

2. *Аргудяева, Ю.В.* Этническая и этнокультурная история русских на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Кн. I. Крестьяне / Ю.В. Аргудяева. – Владивосток : ДВО РАН, 2006. – 312 с.

3. *Аргудяева, Ю.В.* Русские старообрядцы в Маньчжурии / Ю.В. Аргудяева. – Владивосток : ДВО РАН, 2008. – 400 с.

4. *Аргудяева, Ю.В.* Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы / Ю.В. Аргудяева, А.А. Хисамутдинов. – Владивосток : Дальнаука, 2013. – 428 с.

5. *Болонев, Ф.Ф.* Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. / Ф.Ф. Болонев. – Новосибирск : Февраль, 1994. – 148 с.

6. *Жаринов, Д.* До боли родная, родная Боливия / Д. Жаринов // Аэрофлот (Aeroflot Inflight Magazine). – 2003. – Июль – Август. – С. 192–200.

7. *Лысова, А.Н.* Китай–Бразилия–США / А.Н. Лысова // Русские старообрядцы: язык, культура, история : сб. ст. к XIV Междунар. съезду славистов / отв. ред. Л.Л. Касаткин. – М. : Языки славянских культур, 2008. – С. 395–405.

8. *Макаров, Е.В.* О реализации краевой целевой программы «Об оказании содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» на 2007–2012 годы / Е.В. Макаров // Приморье: народы, религии, общество. – Владивосток, 2011. – С. 6–17.

9. *Мартюшев, П.Г.* Вот как русские делают / П.Г. Мартюшев // Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. В 2 т. / сост. Г.М. Прохоров; общ. ред. В.В. Нехотина. – М. : Ин-т Дик-Дик, Квадрига, 2009. – С. 654.

ИДЕЯ ЦЕЛОСТНОСТИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ: КОНТЕКСТЫ СОЗВУЧИЯ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

М.П. Арутюнян

Арутюнян Маргарита Павловна – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: mpa@email.su

Автор статьи обращается к онтологическому потенциалу целостного мировоззрения как формы гармонизации «духовного» и «практического» человеческой экзистенции на пути преодоления в современном глобальном мире антропологических кризисов, рисков и разрывов бытия техногенной цивилизации. Апеллирует к общему и особенному социокультурной традиции России и Китая.

Ключевые слова: мировоззрение, целостное мировоззрение, идея, идеология, методология, историческая традиция, культура, Россия, Китай.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-19-25

Хронотоп современной мировоззренческой ситуации. Идея целостного мировоззрения перманентно сопутствует истории человечества и его духовной культуре. Эта идея многомерна и, оставаясь тождественной себе (в поисках путей осуществления гармонии «духовного» и «практического» человеческой жизнедеятельности), она в каждую историческую эпоху обретает специфические черты и, своеобразно оформляясь в контекстах культуры и в проблемных полях их практической самореализации, во многом определяет доминирующий в данную эпоху социокод культуры[1]. В динамике функционирования социокода культуры историческая традиция встречается с новацией, способствуя сохранению и углублению выверенных временем состояний целостного мировоззрения, либо его существенным трансформациям, нередко граничащим с рисками саморазрушения. В свою очередь существенные трансформации мировоззрения могут свидетельствовать о коренных изменениях в основаниях социокода культуры и рисках серьезных деформаций сложившегося порядка цивилизационного развития, угасания традиционных способов гармонизации «духовного» и «практического» человеческой жизнедеятельности.

В современной динамике глобального мира все более напряженно встают вопросы нарушения мер гармонии культуры и цивилизации; рушатся вековые традиции, утрачиваются многие выверенные временем нравственные устои бытия; разрываются онтологические «скрепы» культурной истории, традиционно моделирующие архитектонику целостности миров бытия. Ментальные образы современности гротескно выписываются причудливыми мыслеформами ее онтологических разрывов, – *нестабильности, фрагментарности и угасания.* Мыслеобразы: «мировоззренческая черная дыра», «трансгуманизм», «одномерный человек», «расчеловечивание», «симулякр», «текучая социальность», «общество спектакля», «социум футуршока», «человейник», «клиповое сознание», «лоскутная культура», «глокализация», «экзистенциальные риски» и т.д. разноплановo и по существу фиксируют реалии онтоса глобального мира своеобразными символами хронотопа современной мировоззренческой ситуации, далекой от состояний гармонии и цельности бытия.

Поднимая проблему «сознания и цивилизации», М. Мамардашвили следующими словами фиксирует «болезненный нерв» своих переживаний и размышлений на этот счет: «Это – ощущение, что из всего множества катастроф, которыми славен и угрожает нам XX век, одной главной и часто скрытой от глаз рассудка является *антропологическая катастрофа…* . Я имею в виду событие, происходящее с самим человеком и связанное с цивилизацией в том смысле, что нечто жизненно важное может необратимо в нем сломаться в прямой зависимости от разрушения или отсутствия цивилизационных основ процесса жизни и общения…» [16: с. 9]. Экзистенциальный кризис цивилизационной динамики порождает своеобразный парадокс актуальной

[1] Феномен «социокод» в онтологическом значении рассматривается как внебиологическое средство кодирования, хранения и трансляции условий существования индивида; как «глубинное ядро цивилизации и культуры», несущее информацию «продукта деятельности, переведенного в общественное достояние и отчужденного от человека», однако нормативно задающего определенный тип поведения и способы жизнедеятельности людей (Бучило Н.Ф. Социокод. Глобалистика: энцикл. М., 2003. С. 945). Понятие *социокода культуры* многомерно и разноплановo. Одним из первых, как отмечается в исследованиях, его ввел в социологическую теорию М.Н. Петров, обращаясь к культуре в работе «Язык, знак, культура» (1991) как к «обширному социальному тексту».

культуры: в культурной истории накоплен богатейший опыт бытия человека в мире, потенциал духовных ценностей; однако эти ценности и этот опыт становятся невостребованными сферой повседневности. Этические нормы культуры не оборачиваются в нравственный поступок человека [2]. Матрицы массовой культуры прописывают в жизнь свои нормативы, образы и практики реально функционирующего социокода. Встают новые глобальные вопросы, адресованные всему человечеству.

В данных контекстах размышлений, с одной стороны, по-новому звучит тема диалектики «традиции-новации», а с другой – актуализируется особенный интерес к дальнейшей рефлексии понятий целостного мировоззрения, исторического социокода культуры; интерес к изучению тех форм социальности, которые в сложнейших условиях социокультурной динамики оказываются способными (в силу своей онтологической природы) сохранять и воспроизводить его устойчивый, исторически непреходящий «человекомерный» стержень.

Что делать? Дискурс рефлексивных подходов. В качестве выхода из сложившейся ситуации отдельные исследования прогнозируют появление в XXI в. «единой планетарной цивилизации» с новой шкалой ценностей, с новым «коллективным Разумом, Памятью, Духовным миром» [17: с. 3]. В них поиски мировоззренческих оснований погружаются в дискурсы глобализации. А традиционные формы целостного мировоззрения, такие как мифология, религия, философия и (по В. Дильтею) сфера искусства, проходят проверку временем. В данных контекстах обсуждаются и вопросы о «новой мировоззренческой парадигме», «глобальном мировоззрении», дискутируется проблематика различных версий «космополитического мировоззрения». Размышляя о вызовах и рисках человечества XXI в., У. Бек, к примеру, обосновывает теоретический космополитизм как становящееся мировоззрение единого человеческого сообщества. Подобная модель «глобализующейся политической определенности» призвана, по его мнению, объединить всех людей, независимо от их национальной, этнической и религиозной идентичности [4]. Соответственно данному дискурсу актуализируется и обсуждение вопросов диалога культур, проблем трансформации и консолидации культурно-исторической традиции; изучение онтологической природы модификации и опыта самосохранения традиционных форм целостного мировоззрения.

Созвучные взгляды на «Глобальное мировоззрение» человечества, «созревающего к глобальной культуре», ориентированной «на сохранение национального многообразия как одного из условий нормального гармоничного развития современного глобального мира» и «управления процессами глобализации», мы находим и в любопытном проекте «модернизации мировоззрения» – «Global Outlook». При этом «модернизация мировоззрения», осуществляющаяся «на пути к устойчивому развитию мира», позициируется, по мнению В.Ю. Беличенко, в «Симметричной онтологии», альтернативной «онтологической Асимметрии модерна». На смену существовавшей тысячелетиями теологической мировоззренческой основе «Человек и Бог», а также и атеистической мировоззренческой основе «Человек – Природа» предлагается новая версия мировоззренческой основы – «Человек и Универсум». В системе «Человек и Универсум» мыслимая «онтологическая фокусировка мира» полагает, по мнению автора, «смещение исходной точки отсчета человека». А именно – переход «от горизонтально-исторического к вертикально-онтологическому, от религиозно-мистического – к рационально-реалистическому восприятию мира». Тем самым проект планирует «поставить» на единую культурную мировоззренческую основу «технологически и экономически, глобальный единый мир» [6].

Нетрудно заметить (и в этом плане последняя фраза во многом говорит сама за себя) то, что из новой версии мировоззрения в предлагаемом проекте «Глобальное мировоззрение» исчезает в качестве «сущего человеческого бытия» его носитель – сам человек. И соответственно такому замыслу и такой логике проект в основе своей ориентируется на политизированную методологию сциентизма и социоцентризма, оказываясь тем самым модернизированной версией идеологической ментальности[2]. Между тем культура только тогда проявляет свое

[2] Идеология с необходимостью должна включаться в механизмы корреляции методологии на уровне ментального, однако не может подменять собой сами методологические основания и методологический дискурс. Будучи специфической формой проявления мировоззрения – одной из множества «мировоззренческих форм», идеология необходима социуму на всех ступенях и стадиях его саморазвития. Особенно значимым идеологический дискурс становится в ситуациях кризисов, нестабильности и разрывов социального бытия. Вместе с тем по своей природе и назначению идеология призвана обслуживать – обосновывать и проводить в жизнь интересы тех или иных социальных групп. И в силу своей локальной социальной направленности она не может заменить оснований глубинной онтологической «размерности» форм целостного мировоззрения. Вместе с тем, беря на себя не свойственные ей функции (к примеру, философии и науки), идеология уходит от исходного онтологического основания и становится «превращенной формой», искажая при этом и онтологию ключевого мировоззренческого отношения «человек–мир». То же происходит с любой другой «мировоззренческой формой», стремящейся «превзойти» свою исходную онтологическую природу и собственные онтологические грани. Таковой может стать и научная картина мира, претендующая на роль целостного мировоззрения. Вспомним в этом плане логику механицизма, реализовавшуюся в мировоззренческих притязаниях механической картины мира Нового времени [2].

«человеческое лицо», только тогда «созидательна и конструктивна», когда она, как справедливо замечает К.Х. Делокаров, «…опирается на проведенные историей философско-методологические ценности, а не сводится к массовой культуре» [11: с. 25]. Идеологический и политический дискурсы, направленные на решение государственных задач социума, во многом являются доминантными в отношении дискурса культурологического. Но своеобразная и весьма значимая миссия этой «подчиненной» формы дискурса состоит именно в том, продолжает свою мысль К.Х. Делокаров, чтобы «…сделать культурологический дискурс приоритетным в обществе, что может оказать позитивное влияние на политику, экономику и другие "несущие" сферы деятельности, поскольку, в конечном итоге, действительной реперной точкой выступат человек, от знаний и ценностей которого зависит будущее общества» [11: с. 25]. Основанием онтологического соотнесения «своей» и «иной» культуры, созвучно высказывается М.Т. Степанянц, видится «исследование концентрирующего существо любой культуры представления о том, что такое Человек» [18: с. 4].

Таким образом, аналитическим уроком для культурно-исторического дискурса современности становятся *идеи: «человекомерного» диалога культур; онтологической значимости многообразия культурных традиций и культурных различий; методологической ценности многомерного дискурса межкультурной коммуникации.* Коммуникации, способной сохранить само это многообразие, формирующее способность адаптации культур к условиям современности через их коммуникативное взаимообогащение.

Логика «парадокса» как методологическая установка и потенциал межкультурной коммуникации. Размышляя в контекстах прояснения смыслов «философской логики XX в.» и становления логики XXI в., В.И. Библер ставит вопрос о «логике мышления» как «логике общения» «диалогически обращенных друг к другу» исторических культур – античной, средневековой, нововременной и современной культуры, культуры Запада и Востока, – и «культур возможных, еще не осуществленных» [7: с. 32]. И делает при этом особый акцент на становлении нового типа рациональности как проблемы понимания Иного, акцент на логике «парадокса», полагающей соотносимость пространств «Я» – «Другой» в пространстве «непонимания». Переход к разуму парадокса означает способность «самоотнести» «несамоотносимые» понятия, погружая их «в реальную живую логику бытия и мышления XX в.». «Задача философской логики – осмыслить и актуализировать этот реальный рискованный сдвиг мысли» [7: с. 33]. Осмыслить и логику иной культуры, раскрывая в контекстах коммуникации подлинные смыслы Иного в качестве значимых как самой коммуникации, так и «для Себя значимые» в коммуникации – через Другую культуру. И дело тут не только в культурах, – это то же самое, пишет В. Библер, что понять другого человека, другую личность. «Ведь и в личном взаимопонимании есть тот же парадокс: понимание существует до тех пор, пока есть непонимание (разумение того, что это – иной человек, иная духовная вселенная, запредельная для моего бытия…), но – снова – совершенно насущная, необходимая для моего бытия, моего мышления. Опять разумение общения (а не "снятия") различных всеобщих» [7: с. 32]. Погружение в «реальную практическую логику» экзистенции оказывается необходимым прежде всего для самосохранения и трансляции ключевых смыслов коммуницирующих текстов, культур, для порождения основ сущностного взаимопонимания. При этом основания целостного мировоззрения, экзистенциально воспроизводящие культурную традицию, способны максимально воспроизвести и раскрыть в диалоге культур свой глубинный коммуникативный потенциал, направляя логику дискурса на прояснение смыслов и выработку консенсуса в понимании существа феномена и направленность его на «трансдисциплинарный», «транскультурный» путь поиска практических решений с признанием «значимости для Себя» позиции Иного. Такой подход отрицает саму возможность межкультурной коммуникации с позиций исходной безусловности и «абсолютности» любого доминантного приоритетного смысла.

Весьма интересен и полезен в этом отношении опыт России и Китая. Здесь речь идет не просто о проявлениях (при всех имеющихся различиях) созвучий в закономерностях бытования и функционирования многонациональных и разноконфессиональных поликультурных сообществ. Культурно-исторический опыт России и Китая в значительной мере демонстрирует уроки бытования и трансформации архетипических оснований таких культур, онтически настраивающих и настраивающихся на возможности самосохранения и их гармоничной коммуникабельности в сложной динамике миров бытия[3]. Методо-

[3] Отмечая ценность самобытной традиционной культуры Якутии, ее современного этнокультурного взаимодействия и взаимообогащения в полилоге с другими культурами, С.С. Игнатьева условно выделяет несколько связанных между собой уровней форм ее бытования и идентификации: «1) "аутентичный" уровень, свойственный уникальной культуре коренных народов Севера с их традиционным мировоззрением чувственно-сверхчувственного характера бытия; 2) уровень включенности в структурное ядро "архаической" культуры евроазиатского типа (русского и других народов России); 3) уровень освоения западных форм культуры, что наиболее активно, – отмечает автор, – проявляется в эпоху глобализации» [12].

логически раскрывается и обосновывается подобная «концентрация» существа культуры, на мой взгляд, в контекстах «человекомерной» онтологии целостного мировоззрения.

Онтология целостного мировоззрения. Сущность мировоззрения кроется в онтологии человека, в духовно-практической природе его бытия. Мировоззрение предстает особым способом «включения» человека в мир посредством специфического идеального конструкта. В мировоззрении формируются, трансформируются, преобразуются миры человеческого бытия, происходит «упорядочивание» первичного хаоса бытия, прояснение «непонятного мира» до его смысловой «прозрачности» – в целом идентификация человека и его адаптация к условиям внешней среды. Мир внешний «превращается» в контекстах мировоззрения в мир внутренний, гармонизируется, трансформируясь в образы, смыслы и ценности, экзистенциально значимые для человека. Так, через мировоззрение моделируются отличные от чисто «объективистских» глубинные субъективные формы проявления и меры оценки и восприятия действительности, качества самой жизни.

В этом плане онтологическая природа мировоззренческой целостности состоит в том, что, будучи, с одной стороны, специфической, а с другой – универсальной формой духовно-практического освоения мира, мировоззрение находит свое выражение в системе практических ценностей и идеалов личности, социальной группы, общества, основанных на «выверенном» культурной историей опыте миропонимания. Будучи необходимым способом самовыражения «духовного», миропонимание во многом обусловливает «практическое» мировоззрения – сферу, в которой складывается действительность мироотношения, накапливается опыт самоосуществления, самопознания и самоотношения человека. В миропонимании происходит синтез и снятие многообразия действительных форм познавательной, коммуникативной и деятельностной активности человека, трансформация их внешнего проявления во внутренние состояния, в некую цельность и целостность, на основе которой формируется ценностное отношение человека к миру, лежащее в основе саморегуляции его бытия[4].

Нельзя не отметить и тот факт, что *духовно-практическое освоение обусловливает «особенное» форм целостностей мировоззрения, его амбивалентных размерностей:* ментального-визуального, рационального-внерационального, научного-вненаучного, повседневного-культуроемкого, личностного-социального, конечного-бесконечного, трансцендентного-имманентного, вечного-преходящего и т.д. Амбивалентная онтологическая природа *порождает в мировоззрении не только противоречивую специфику его целостных форм, но обусловливает и различные состояния возможных мировоззренческих «превращений» и нарушений.* Нарушения же, в свою очередь, могут проявляться и фиксироваться дисгармонией, экзистенциальными кризисами и «разрывами бытия». Соответственно *феномен мировоззрения онтологически заявляет себя и раскрывается в анализе не только «значимым» бытию, но и «ответственным» за бытие, а его носитель – человек – самореализующимся в модусах свободы и творческого ответственного выбора.*

Таким образом, идея целостности мировоззрения характеризуется как проявляющая *«сущностное» и «особенное» человеческого бытия, как меру человеческого в самом человеке.* И может быть спроецирована на методологическую позицию конструктивной активности субъекта в его мироотношении, воспринимающем кризисные реалии настоящего через творческое усвоение традиции, опыта прошлого и свою обращенность к созиданию цельности мироотношения и гармонии будущего. Обозначенные качества целостного мировоззрения в полной мере характеризуют и по-своему проявляются в исторической судьбе русской и китайской социокультурной традиции.

Прояснение смыслов понятия «мировоззрение» в русской языковой традиции. Типологические образы целостности мировоззрения русской духовной культуры отражены и концентрированно выражены

[4] Отметим и ту особенность, что целостность мировоззрения моделирует уникальный образ – Я. Мировоззренческий стержень личности организуется в уникальный образ «Я», или «Я-концепцию». Именно через целостность «внутреннюю» – «Я-концепцию» – человек воспринимает целостность «внешнюю» – окружающий мир, становясь «говорящим субъектом» (Ж. Лакан) посредством языка, понимания, диалога, дискурса, игры, образования, инкультурации, социализации. При этом мировоззрение как личностный стержень человека в проекции «практического» может заявить себя и полномерно проявиться в уникальном микрокосме его бытия. Многочисленные функционалы – мироотношение, мироощущение, мировосприятие, миропонимание, миросозидание, миропреобразование, самосознание, самопознание, самопонимание, самоотношение, самореализация, адаптация, идентификация и др., составляя архитектонику мировоззренческих функционалов, структурируют не менее уникальную систему коммуникативных воплощений этого микрокосма. Будучи культуроемким интерпретативным контекстом познания, мировоззрение в своих функционалах осуществляет перевод, перенос, трансляции социально и личностно значимых когнитивных смыслов; знание в мировоззренческом контексте «оживает» – образуется, развивается, замещается, преобразуется, запрещается, возрождается либо забывается. Мировоззрение как познание становится своеобразной лабораторией динамики мысли. В ней осуществляются необходимые синтезы и интерпретации, идентификации и генерализации смысловых значений [2].

историей русской религиозной философии. Вместе с тем сама русская языковая традиция употребления понятия «мировоззрения»[5] оказывается, как утверждает исследование, гармоничной экзистенциальным воплощениям онтоса целостного мировоззрения. Характеризуя отличительные черты русского мировоззрения, С.Л. Франк в одноименной работе связывает существование русского мировоззрения с такими особенностями «русской души», русской ментальности, как интуитивное мышление и вчувствование [21: с. 162], – т.е. «надрациональность». «Мы-мировоззрение», в отличие от западного мировоззрения, берущего «Я» за отправную точку [21: с. 179], и «Мы-философия», в которой «…жизненность Я создается сверхиндивидуальной целостностью человечества» [21: с. 159]; мировоззрение как продукт и выражение творящего индивидуального духа [21: с. 161]; антирационалистичность – свободная и ненаучная форма мировоззренческой теории, лежащая в религиозно-эмоциональном толковании жизни [21: с. 164–165]; стремление к умозрительности, к философской глубине и основательности [21: с. 165]; – «духовная трезвость, воздержание от всякого рода восторженных состояний, экзальтации», созвучных национальному русскому аскетизму; гносеологическим основанием русского мировоззрения видится жизненный опыт; познание как «внутреннее осознание и сопереживание», т.е. «живознание» (И.В. Киреевский, Ю.Ф. Самарин, В.С. Соловьев) – как единственная основа истинного, полного познания [21: с. 167].

«Живознание» предстает особым способом познания, объединяющим логику, интуицию и волю на основе веры в Бога, ставящим обретение истины в зависимость от *духовной целостности человеческой личности*, познание внешнего мира в зависимость от *самопознания человека*. «Живознание», по мнению русских философов, должно лежать как в основе индивидуального мировоззрения и образа жизни, так и общественного строя, и именно на этом требовании, отмечает мысль И.В. Киреевского С.Л. Франк, мыслитель основывает свой *идеал целостной жизни* – в противоположность расщепленности и окостенению, господствующим на Западе [21: с. 167]. «Живознание» востребуется «живой жизнью» (Ф.М. Достоевский, В.В. Вересаев). Для русского мировоззрения характерна и тяга к реализму, или онтологизму как преодолению идеализма и субъективизма, искусственно обосновывающему путь от «cogito» к «sum». «Истинный путь», основанный на «жизнеощущении», ведет, по мнению русских философов, напротив, от «sum» к «cogito», поскольку жизнь – центральное понятие мировоззрения – есть «именно реальная связь между "Я" и бытием» [21: с. 169–170]. Это «живая жизнь» – жизнь, которая есть «…нечто до того прямое и простое, до того прямо на нас смотрящее, что именно из-за этой-то прямоты и ясности и невозможно поверить, что это было именно то самое, чего мы всю жизнь с таким трудом ищем» [9: с. 58].

Специфические черты русской мировоззренческой мысли XIX в., максимально проявившей себя, по мнению Н.А. Бердяева, в творчестве П.Я. Чаадаева, И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, К.Н. Леонтьева, Н.Ф. Федорова и в особенности Ф.М. Достоевского, определяет «подлинная свобода духа», противостоящая не только «авторитарной вере», но и «эгоистическому индивидуализму» и «атеистическому коллективизму», отрицающему, полагает мыслитель, «личность как свободу духа» [8: с. 13]. Другой особенностью русской мысли Н.А. Бердяев считает идею соборности как идею «единения людей между собой и всех вместе с церковью», полагая слово «соборность» чисто русским, «не передаваемым» на иностранных языках не только из-за грамматических трудностей, но, прежде всего, по причине различий мировоззренческих, противопоставивших человека и церковь в протестантской и особенно католической традиции [8: с. 14]. Следующей особенностью русского мировоззрения (несомненно, воплощающей черты традиционного социокода русской культуры) мыслитель называет гуманизм, но гуманизм, отличный от европейского гуманизма ренессансного типа, для которого характерно «самоутверждение», «обоготворение человека» и «отрицание мира божественного». Русский гуманизм, «пронизанный человечностью», единством, «диалектикой божественного и человеческого», соразмерен с «особенным социальности» – еще одной существенной чертой русской культуры, отразившейся в философском мировоззрении, в частности в утопиях о радикальном переустройстве мира [8: с. 14].

Итак, обоснованные русскими философами свойства русской духовности по-своему характеризуют важнейшие черты ее традиционного социокода; раскрывают следующие особенности целостности мировоззрения в традиции русской культуры: *многогранность, емкость, противоречивость, открытость, человечность, обращенность к Другому, трансцендентальность, пафос свободы, «живознания» и жизнеутверждения.* Именно эти качества русской духовности, русского мировоззрения исторически заявили себя и воплотились в кон-

[5] В русской языковой традиции использования понятия мировоззрения «изначально-значимое» для немецкого «Weltanschauung» – слово «anschauung» – «взгляд» (в переводе – «калька», «копия», позднее преобразовавшееся в мировоззрение как «картину мира») превращается во «взор», читаем: «всматривание», «вглядывание», «свою позицию», «точку зрения» (См: [2: с. 90–92]; Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986. С. 68–69; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. С. 311).

текстах экзистенциально-феноменологической философской традиции и художественно-поэтических образах русской культуры. В ней обозначены вполне определенные методологические ориентиры и смысловые вариации понимания «целостности» мировоззрения, онтологически полагающей основания гармонизации миров «духовного, ментально-когнитивного» и «практического» человеческой жизнедеятельности. Весьма значимы и порождаемые ею способы межкультурного взаимодействия. Традиционная русская философия концентрируется именно на «практическом» мировоззрении и по своему содержательно-смысловому пафосу во многом предстает «философией предупреждения». А ее рационализм, удерживающий в своих конструктах «волю», «веру» и «интуицию», становится самовыражением методологической идеи «надрационализма», принципиально отличной от западного рационализма именно контекстами мировоззрения.

В диалоге культур эта традиция может стать своеобразным вектором и прообразом логики «транскультурального» подхода, открытого взаимообогащению коммуницирующих культур на пути решения общих проблем глобального мира и способного снять многие методологические ограничения, идеологические изъяны логики «толерантности» и сложившихся ее негативных воплощений в социокультурной динамике современности. Межкультурная коммуникация в диалоге с русской культурой, таким образом, может быть представлена ее достаточно перспективной позицией, выверенной историческим временем, практическим и философско-методологическим опытом.

«Поверх парадоксов»: мировоззренческие мосты коммуникации с китайской культурой. Отдельные аспекты рефлексии опыта межкультурной коммуникации и анализ проявлений целостности мировоззрения в китайской духовной традиции нашли свое отражение в ранее опубликованных работах автора[6]. В настоящем контексте изложения особый интерес для обсуждения представляют векторы со-относимости русской и китайской духовной традиции в основаниях онтоса целостного мировоззрения, а также методологическая интерпретация факта созвучия философских интерпретаций природы и особенностей склада «русской души» и их практической «считываемости», т.е. узнаваемости в оценках со стороны иной, китайской культуры, в повседневной межкультурной коммуникации.

В своей работе «Русский национальный характер глазами китайцев» Цзинь Хуа на основе социологических опросов (2007), исследования аналитической литературы и обобщения личных наблюдений китайцев дает типизированную картину отношения китайцев к русским и приводит характеристики, данные ими особенностям русского национального характера[7]. При знакомстве с результатами исследования возникает закономерный вопрос – рефлексии контекстов предпонимания со-звучия восприятия, оценок и приведенных характеристик. Очевидно, что сама возможность такого со-звучия определяется со-размерностью глубинных архетипических оснований предпонимания в исходных установках и контекстах целостного мировоззрения китайской и русской культурной традиции.

Если попытаться охарактеризовать китайскую культуру на шкале традиционных базовых ценностей, следует определить в ее приоритетах и внутренней архитектонике уникальную традиционалистскую целостность как *гармоничную, соединяющую противоположное в единстве, символичную, саморазвивающуюся, иерархичную, коллективистскую.* Гармония *«Человек–Мир»* в традиции «семи-

[6] Арутюнян М.П. Восточные единоборства как модель целостного мировоззрения // Философско-психологические аспекты восточных единоборств: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Хабаровск, Уссурийск, Владивосток, 15–19 мая 2013 г.) / под ред. О.А. Рудецкого. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2013. С. 55–62; Арутюнян М.П. Россия–Китай: приоритеты «экоцентризма» на пересечении ценностей культуры и цивилизации // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 4. С. 41–47; Арутюнян М.П. Онтология этноса как «мира малого» // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 4 (40). С. 71–78; Арутюнян М.П. Россия–Китай: птенциал целостного мировоззрения в становлении новой экологической цивилизации // Проект Евразийской экологической цивилизации (на примере устойчивого развития Байкальского региона) : сб. науч. тр. Улан-Уде: Изд-во ВСГУТУ, 2016. С. 37–56; Арутюнян М.П. Россия–Китай: к истокам становления современного экологического сознания – потенциал целостного мировоззрения и идеологический поворот 1949–1955 гг. // Китай и СССР в период с 1945 по 1955 г. : материалы Междунар. науч. симпозиума. Изд-во Хэбейского пед. ун-та. г. Шицзячжуань, Китай, 2017. С. 242–250 (на китайском языке).

[7] «Китайцы по-прежнему относятся к России с большой теплотой» [23: с. 130]; «некоторые китайцы считают русских своими самыми любимыми иностранцами» [23: с. 131]. Отмечается эмоциональность русских в «пограничных состояниях», которая «содержит в себе великий подъем и великий упадок, великую радость и великую скорбь» [23: с. 131]; их «таинственная непостижимость» [23: с. 132]. «Русские обладают выдающимися природными способностями и громадными скрытыми творческими силами», при этом «русские работают, в целом, меньше, чем китайцы, но более качественно, чем они» [23: с. 132–133], «сталкиваясь с трудностями или несправедливостью, русские обычно не отступают, но могут вступить в спор и борьбу, упорно настаивая на своем. Если для китайца требуются для этого усилия, то русские берут силу откуда-то изнутри самих себя и могут моментально превратиться в настоящих воинов…» [23: с. 133]. По сравнению с китайцами «русские – более религиозные люди» [23: с. 133] и т.д.

факторной модели» («*да-ци*» – «Большая семерка»), как показывает С. Торопцев, характеризуется следующими локальными измерениями китайской ментальности: 1) *экстраверсией (вайсянсин)* (эмоциональность, общительность, оптимизм); 2) *добросердечием (шаньлян)* (искренность, внимание к людям, доверие, прямота, дружелюбие); 3) *деловым стилем (синши фэнге)* (реалистичный подход к проблемам, продумывание, очерчивание целей – «стратегемность» китайского мышления, кооперация с другими людьми); 4) *способностью к ведению дел (цайгань)* (решимость, непреклонность, способность к исполнению работы); 5) *чувствительностью (цинсюйсин)* (эмоциональная открытость); 6) *межличностными отношениями (жэньцзи гуаньси)* (дружелюбие, теплота отношений, отзывчивость); 7) *жизненной позицией (чуши тайду)* (ясность цели, стабильность, уверенность в завтрашнем дне, высокие идеалы) [20]. Очевидно, что эти экзистенциальные измерения культурной традиции есть не что иное, как проявление гармоничности «духовного» и «практического» человеческой жизнедеятельности и могут стать верной и прочной основой межкультурной коммуникации, ориентированной на приоритеты целостного мировоззрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова, Н.Т.* Возможно ли единство разнообразия: модели идентичности и догматизм сознания / Н.Т. Абрамова // Глобализация и проблема сохранения культурного многообразия. – М. : ИФ РАН, 2010. – С. 168–197.

2. *Арутюнян, М.П.* Феномен мировоззрения: историко-философский и методологический анализ : моногр. / М.П. Арутюнян. – Хабаровск : КГБНУК Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2016. – 336 с.

3. *Арутюнян, М.П.* Целостность мировоззрения как форма проявления и экзистенциальная мера качества жизни / М.П. Арутюнян // Формирование мировоззрения как фактор оптимизации качества жизни : сб. науч. тр. / под ред. И.Ю. Маховой. – Комсомольск-на-Амуре : Изд-во АмПГУ, 2013. – С. 5–14.

4. *Бек, У.* Космополитическое мировоззрение / У. Бек. – М. : Центр исследований постиндустриального о-ва, 2008.

5. *Бек, У.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2007.

6. *Беличенко, В.Ю.* Глобальное мировоззрение [Электронный ресурс] / В.Ю. Беличенко. – Режим доступа: http://globaloutlook2012.blogspot.com/2012/08/blog-post.html.

7. *Библер, В.С.* На гранях логики культуры. Книга избранных очерков / В.С. Библер. – М. : Русское феноменологическое о-во, 1997. – 440 с.

8. *Бердяев, Н.А.* Мое философское миросозерцание / Н.А. Бердяев // Н.А. Бердяев о русской философии / сост. Б.В. Емельянов, А.И. Новиков. – Свердловск, 1991. – Ч. 1. – С. 13–25.

9. *Вересаев, В.В.* Живая жизнь: о Достоевском и Л. Толстом: Аполлон и Дионис (о Ницше) / В.В. Вересаев. – М., 1991. – 336 с.

10. *Гуревич, П.С.* Расколотость человеческого бытия / П.С. Гуревич. – М. : ИФ РАН, 2009.

11. *Делокаров, К.Х.* Моделирование межкультурного диалога в условиях глобализации / К.Х. Делокаров // Обсерватория культуры. – 2015. – № 5. – С. 23–26.

12. *Игнатьева, С.С.* Традиционная культура модернизационной Якутии: проблема человека в глобальном обществе / С.С. Игнатьева // Обсерватория культуры. – 2015. – № 5. – С. 62–64.

13. *Корнеев, М.Я.* Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур [Электронный ресурс] / М.Я. Корнеев, Е.А. Торчинов. – Режим доступа: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/torchinov/0/.

14. Культура и политика. Межкультурный потенциал сотрудничества России со странами Северо-Восточной Азии как ресурс ее национальной безопасности : моногр. / под ред. С.Е. Ячина. – Владивосток : Дальнаука, 2016. – 420 с.

15. *Малявин, В.В.* Китайская цивилизация / В.В. Малявин. – М. : ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография»: Астрель: АСТ, 2013.

16. *Мамардашвили, М.* Сознание и цивилизация. Тексты и беседы / М. Мамардашвили. – М. : Логос, 2004. – 272 с.

17. Социальная экология и развитие экологического сознания в России и Китае : сб. ст. / под ред. Н.Г. Скворцова, Хэ Цзенке. – СПб. : Астерион, 2013.

18. *Степанянц, М.Т.* Человек в традиционном обществе Востока (Опыт компаративистского подхода) / М.Т. Степанянц // Бог – человек – общество в традиционных культурах Востока. – М. : Наука; Восточ. лит., 1993. – С. 3–19.

19. *Судзуки, Т.Д.* Наука Дзен – Ум Дзен / Т.Д. Судзуки. – К. : Пресса України, 1992.

20. *Торопцев, С.А.* Локус культуры в китайской ментальности / С.А. Торопцев // Отечественные записки. – 2008. – № 42 (3). – С. 205–221.

21. *Франк, С.Л.* Русское мировоззрение / С.Л. Франк. – СПб., 1996. – 738 с.

22. *Фукуяма, Ф.* Великий разрыв / Ф. Фукуяма. – М., 2008. – 474 с.

23. *Хейзинга, Й.* Тени завтрашнего дня. Человек культуры. Затемненный мир : эссе / Й. Хейзинга. – СПб., 2010. – 456 с.

24. *Цзинь, Хуа.* Русский национальный характер глазами китайцев / Цзинь Хуа // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – Владивосток, 2013. – № 2 (25). – С. 129–136.

25. Что такое дзен? : сб. / Э. Фромм, К.Г. Юнг, А. Уоттс, Р.Х. Блис. – Львов : Инициатива; Киев : Airland, 1994.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

О.А. Бельды

Бельды Ольга Александровна – кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры философии Дальневосточного государственного медицинского университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: olga_beldy99@mail.ru

Рассматриваются процессы взаимодействия традиционных культур народов в контексте межэтнического взаимодействия как этнокультурного потенциала развития региона на примере деятельности национально-культурных центров, Хабаровской краевой общественной организации «Ассамблея народов Хабаровского края» и Автономной некоммерческой организации «Центр межнационального сотрудничества женщин "Дружба без границ"».

Ключевые слова: культура, народы, национальности, национально-культурные центры, межэтнические отношения, межэтническое взаимодействие, многонациональный, полиэтнический, развитие, традиции, толерантность, этнокультурное многообразие, этнокультурный потенциал региона, язык, история, образование.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-26-39

Социально-политические трансформации постсоветского периода истории нашей страны обнажили ряд проблем, среди которых приобрели особую остроту межэтнические отношения, толерантность, взаимодействие национальных культур как фактор совершенствования межнациональных отношений в государстве.

Культура как целое есть способ деятельности, технология ролевого субъекта (человечества), порожденная небиологической (социально-экономической) субстанцией и характеризуемая в своем бытии единством приспособительного, преобразовательного и стереотипно-продуктивного моментов.

В то же время культура приспосабливается к условиям своего существования и функционирования, вырабатывая в себе некий набор «средств практической адаптации» к социокультурным обстоятельствам [5]. В этом плане она выступает как совокупность устойчивых воспроизводимых субординационных и координационных связей между символическими программами поведения людей – объективированными в знаковых системах и живых человеческих сознаниях нормами морали и права, философскими мировоззрениями, эстетическими пристрастиями, религиозными верованиями, доминирующими в том или ином человеческом коллективе.

Взаимодействие культур народов – объективный процесс, имеющий глубокие исторические корни. Результатом такого взаимодействия является формирование общенациональных культурных ценностей многонационального народа России. Ибо культура народов России, составляющая в сумме общенациональную культуру, является незыблемым гарантом формирования нравственных основ государства, гражданского общества.

В преамбуле Конституции Российской Федерации подчеркивается: «Мы – многонациональный народ Российской Федерации». Здесь закладывается политическая основа общероссийской идентичности.

В современной науке процесс взаимодействия культур рассматривается с разных точек зрения:

– как определенный уровень взаимодействия культур – этнический, национальный или цивилизационный;

– как изучение различных форм и результатов взаимодействия культур; как исследование механизмов восприятия основы межкультурного взаимодействия;

– как выявление возможностей к взаимодействию культурно-цивилизационных комплексов Запада и Востока и др.

Взаимодействие культур – сложный социокультурный механизм, обеспечивающий, с одной стороны, взаимопонимание и взаимообогащение разных народов, с другой стороны, активизирующий их стремление к сохранению самобытности и уникальности национальной культуры. Как показывает история, данные процессы имеют разную периодичность, степень интенсивности и устойчивость к изменениям [9].

Проблема взаимодействия народов, национальных культур обусловлена спецификой многонационального общества, историей, взаимовлиянием, взаимообогащением культур.

В настоящее время важно обратить внимание на преемственность в исследовании духовных ценностей многонационального российского народа.

Исследование трансформации культуры и социодинамики перехода имеет особую актуальность для понимания содержания и направленности про-

цесса модернизации современной России, для разработки стратегии поступательного и сбалансированного развития мультикультурного общества.

Переходные состояния в развитии культуры являются одной из сложнейших областей познания в социальных и гуманитарных науках. В истории общественной мысли значительные идеи в изучении социальных изменений и эпохальных переходов содержатся в трудах Августина, Й. Гердера, Г.-Ф. Гегеля, Ф. Ницше, О. Конта, К. Маркса, В. Вундта, З. Фрейда, О. Шпенглера, К. Ясперса, Х. Плеснера, П. Тиллиха, П. Сорокина, А. Тойнби, Э. Мунье, П. Тейяра де Шардена и др.

В российской классической историографии данная тема находит своё фундаментальное отражение в сочинениях М.П. Погодина, Н.И. Надеждина, Н.Я. Данилевского, Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева, Н.Ф. Фёдорова, В.С. Соловьёва, Е.Н. Трубецкого, М.О. Гершензона, А. Белого, В.В. Розанова, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, И.А. Ильина, Л.С. Выготского, М.М. Бахтина, Я.Э. Голосовкера, А.Ф. Лосева, Д.С. Лихачёва, Ю.М. Лотмана и др.

В современном гуманитарном знании различные трактовки переходного процесса и критических состояний культуры представлены в концепциях А.С. Ахиезера (переходная культура как кризис воспроизводства упорядоченности социальных связей), Э.С. Маркаряна (культурный кризис как дезинтеграция и дисфункция системных связей), В.М. Межуева (современность как кризис цивилизационной идентичности), Н.А. Хренова (переходный процесс как смена жизненных циклов культуры), А.М. Кантора (переходный процесс как способ перекодирования культуры), С. Хантингтона (глобальный кризис как столкновение цивилизаций), З. Баумана (современная культура как распад индивидуализма), Й. Галтунга (культурная напряжённость как структуральный конфликт), Ю. Хабермаса (глобализация культуры как коммуникативный сдвиг), А. Хоннета (кризис культуры как нарушение коллективного опыта), Ф. Фукуямы (современная культура как конфликт истории и постистории), И. Валлерстайна (глобальная трансформация культуры как кризис мир-системы), Ж.-Ф. Лиотара (кризис как недостаток культурной реальности), Р. Жирара (кризис как обезразличивание культуры), Ж. Бодрийяра (кризис как опустошение культуры и её симуляция), Э. Гидденса (кризис как деинституционализация культуры) и др.

По тематической направленности, характеру и специфике объектов интерпретации в современном гуманитарном знании выделяются четыре основных ракурса осмысления переходного процесса и трансформационной динамики культуры, которые рассматриваются:

1) в контексте изучения критических состояний культуры, смены исторических парадигм и глобальных вызовов цивилизации (А.С. Ахиезер, Д. Беннетт, В.П. Булдаков, И. Валлерстайн, Й. Галтунг, Э. Гидденс, Н. Гилхот, М. Годелье, Г.Г. Дилигенский, Л.Г. Ионин, Я.Р. Исар, А.М. Кантор, И.В. Кондаков, Э. Лясло, Х. Линдборг, А.П. Назаретян, К.С. Пигров, С.Н. Полторак, Г. Ритзер, Н. Своб-Докич, Т.Ю. Сидорина, Х. Старр, Е.И. Степанов, А.Г. Франк, С. Хантингтон, Д. Хедьд, Н.А. Хренов, Е.Б. Черняк, М.А. Чешков, Н.А. Чёрная, Ш. Эйзенштадг, Ю.В. Яковец, И.Г. Яковенко и др.);

2) в дискурсе культурно-генетического анализа антропологических оснований культуры, механизмов и артефактов исторической трансформации, становления, воспроизводства и диффузии культурных форм, способов опредмечивания, адаптации и выживания, взаимодействия традиций и инноваций, кросскультурных и мультикультурных преобразований (С.А. Арутюнов, В.Н. Боряз, В.С. Бочаров, В.С. Бочкарёв, Ю.В. Бромлей, В.А. Геодакян, А.В. Коротаев, Р. Лайтон, Э.С. Маркарян, В.М. Массой, Ю.В. Павленко, Э.В. Сайко, М. Салинс, Ю.А. Смирнов, Д. Стюард, А.Я. Флиер, В.А. Шнирельман, П. Штомпка и др.);

3) как проблема феноменологического понимания сущности и специфики явлений переходности в русле изучения онтологических параметров культуры, анализа границы и перехода, пространства и времени, порядка и хаоса, постоянства и изменчивости, идентичности и разнообразия, индивидуального и универсального в культурном процессе и пр. (В.В. Василькова, Л.Е. Бляхер, Ж. Бодрийяр, Р. Будон, Д. Грин, Ж. Делёз, Ж. Деррида, М.С. Каган, В.А. Конев, Р. Ле Коадик, Ж.-Ф. Лиотар, С.Ф. Мартынович, В.М. Межуев, В.И. Свидерский, В.С. Степин, М. Фуко, Ю. Хабермас, А. Хоннет, О.М. Штомпель и др.);

4) на уровне исследования генезиса и развития отдельных структур и институтов трансформации, включая инкультурацию, социализацию перехода, ритуальный процесс, мифосимволическую деятельность, коммуникативные технологии, социальное нормотворчество, визуальные и меморативные ценности и пр. (В.П. Большаков, С.Т. Вайман, О.Н. Глазунов, В.В. Глебкин, Я.З. Голосовкер, Р. Жирар, С.Н. Иконникова, В. Капферер, Р. Кимболл, Х. Крамер, Э.А. Куруленко, В. Ла Барре, Ю.М. Лотман, С.Т. Махлина, Л.М. Морева, Л.М. Мосолова, А.А. Пелипенко, Ш. Плаггенборг, В.В. Селиванов, Д.И. Спивак, В. Тэрнер, В.Н. Топоров, С.С. Хоружий, М.А. Шабанова, Р. Шечнер и др.)

Важно различать в изучении смены культурных форм понятия «изменение», «трансформация» и «переход». Всякий переход есть изменение, но не всякое изменение можно классифицировать в стро-

гом понимании термина как переход. По Б. Малиновскому, культурные изменения есть более или менее быстрый процесс, при котором социальный порядок переводится из одного типа в другой. При этом изменения обычно не затрагивают сущностных сторон самой изменяемой вещи, и она может оставаться прежней. Трансформация представляет интерактивное социальное изменение системного характера. В современном мире трансформация обеспечивает структуры для культурных переходов от национальных к глобальным контекстам.

Рассматриваемая тематика находит частичное отражение в материалах парламентских слушаний в Государственной Думе и в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, в материалах Ассамблеи народов России.

Ключевая проблема этнокультурных процессов, происходящих в современной Российской Федерации, состоит в том, что на фоне социально-экономической и общественно-политической трансформации происходит расширение политического и правового поля проявлений многокультурности (поликультурности) как тенденции консолидации современного российского общества.

Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных (полиэтнических) государств мира. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., сформированным на основе самоопределения граждан, на территории нашей страны проживают представители 193 этнических общностей. Для сравнения в 2002 г. в России насчитывалось 182 народа, обладающих уникальными особенностями материальной и духовной культуры. В 2010 г. использовалось 277 языков и диалектов, в 2002 г. – 239 [3].

Одним из самых многонациональных регионов России является Хабаровский край, занимающий по площади 4-е место среди субъектов Российской Федерации. Проживание в нем представителей 145 народов, в том числе 8 коренных малочисленных народов Севера, для которых край является исторической родиной, постоянно ставит перед государственной властью и общественностью вопросы регулирования в сфере межнациональных отношений в полиэтническом пространстве. Решение этих вопросов имеет важное стратегическое значение для укрепления единства россиян, достижения гражданского и межэтнического согласия в отношениях, сохранения этнокультурного разнообразия российской нации в целом [1; 2].

Большинство народов формировались на территории России на протяжении веков и внесли свой вклад в развитие российской государственности и культуры. Между ними существуют самые разнообразные дружественные связи, которые нашли свое отражение в общей российской культуре и мировоззрении.

В начале 1990-х гг. граждане России стали осознавать свои национальные корни, в обществе возникла острая необходимость в возрождении национальных традиций, языков, культур. По инициативе граждан, являющихся представителями разных народов и этнических групп, желающих реализовать свои права на объединение, стали возникать землячества, национально-культурные объединения, общины, общественные и некоммерческие организации, и это движение охватило всю многонациональную страну.

Национально-культурные организации и некоммерческие объединения (НКО) играют важную роль в этнокультурном развитии народов в качестве потенциала укрепления российской идентичности. В России отмечается тенденция роста количества НКО и, что еще более важно, – активности. В большей степени это характерно для полиэтничных регионов. Подтверждением данной тенденции является пример Хабаровского края, где в 1999 г. было зарегистрировано и действовало 8 национально-культурных центров, в 2013 г. – 35 национальных общественных объединений, в том числе две национально-культурные автономии.

В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 2015 г. Президент России В.В. Путин назвал патриотизм общим объединяющим началом, одной из базовых ценностей, центральной идеей, вокруг которой должен объединиться российский народ.

Задачей особой важности и сложности является активное, последовательное использование нравственного, эстетического потенциала культур народов России в целях снятия возникающих межэтнических напряженностей, в регулировании социально-политических противоречий, стихийное развитие которых, собственно говоря, и приводит к конфликтным ситуациям. Максимальное наращивание межэтнических культурных контактов на этой основе, как показывает отечественный и зарубежный опыт, создает гораздо более благоприятные условия для регулирования противоречий, преодоления конфликтных ситуаций. Через культуру достигается более высокий уровень понимания, терпимости, уважения особенностей и интересов друг друга.

Взаимодействие культур народов России, выступающее как процесс усиления связей и взаимозависимостей внутри единой системы, является фактором консолидации народов России. Но при этом интегрирующие процессы в современном российском обществе отнюдь не означают нивелировки культурных особенностей каждой национально-

сти, они объединяют духовные ценности, укрепляют духовную общность российского социума.

Для устойчивого развития народов недостаточно традиционных форм взаимодействия общественных организаций и государственных структур. Для сохранения государственности и мира, укрепления единства многонационального народа России, воспитания чувства патриотизма, чести и достоинства гражданина России, развития толерантности в таком крупном полиэтническом регионе России, как Хабаровский край, необходим поиск инновационных форм общения между различными нациями и народами.

Залогом устойчивого развития межнациональных отношений является ориентация национально-культурных объединений региона не только на продвижение и сохранение своей культуры, но и на расширение межкультурных и международных связей.

Одной из форм межэтнического взаимодействия национально-культурных объединений стала Хабаровская краевая общественная организация «Ассамблея народов Хабаровского края» (далее – ХКОО «Ассамблея народов Хабаровского края»), в состав которой входят 20 национально-культурных объединений – диаспоры, землячества, ассоциации и две национально-культурные автономии. Общественные и национальные объединения, созданные по инициативе граждан, помогают сохранять традиции и обряды, языки народов и этнических групп, знакомить со своей культурой и обычаями жителей региона, страны. Национально-культурные центры используют в своей работе самые разнообразные формы деятельности: национальные праздники, дни национальной культуры (Дни еврейской, корейской, нанайской культуры, татаро-башкирский праздник Сабантуй, Дни славянской культуры и письменности, Дни немецко-российской культуры, Дни Республики Саха (Якутия), Дни украинской культуры, Дни Армении в Хабаровском крае), торжественные вечера, фестивали, конкурсы и другие мероприятия. Жители и гости края посещают выставки живописи и декоративно-прикладного искусства, фотографий, книг, детского рисунка, фильмы, концерты фольклорных коллективов.

Деятельность ХКОО «Ассамблея народов Хабаровского края» освещается в средствах массовой информации, а также в одноименном информационно-публицистическом журнале, на страницах которого публикуются материалы о реализации национальной политики, истории, культуре и образе жизни народов региона. Публикации в СМИ способствуют развитию в обществе культуры взаимопонимания, толерантности в отношениях между представителями разных народов, межэтническому и межконфессиональному диалогу.

Достижению данной цели способствует проведение культурных мероприятий, во время которых происходит не только знакомство с традициями и обычаями, но и межэтническое общение представителей разных народов. Активное участие и взаимодействие во время организации и проведения фестивалей и других мероприятий представителей разных национальностей превращает свободное общение людей в своеобразный праздник дружбы, способствует гармонизации межэтнических отношений в обществе.

Такие мероприятия помогают сохранить и укрепить не только единство россиян, чувство общности людей, проживающих в Хабаровском крае, но также содействуют укреплению мира, дружбы и согласия между народами, помогают предотвратить социальные, национальные и религиозные конфликты.

Для сохранения государственности и мира, укрепления единства многонационального народа России, воспитания чувства патриотизма, чести и достоинства гражданина России в таком крупном регионе, как Хабаровский край, необходим поиск форм деятельности по укреплению единства российской нации в регионе.

Одной из таких форм стали Дальневосточный гражданский форум в 2015 г., Гражданский форум Хабаровского края в 2016–2018 гг., которые способствовали усилению позитивных действий гражданского общества, общественных организаций, национальных и культурных центров в поддержку политики и мер Президента Российской Федерации по повышению авторитета семьи, профилактике сиротства в стране, укреплению духовно-нравственных устоев семьи, российского общества. Мы признаем и высоко ценим общественное движение женщин Хабаровского края, которое характеризуется сложившимися традициями, яркими лидерами и значимыми достижениями.

На наш взгляд, прекрасным инструментом и инновационной формой деятельности по укреплению единства российской нации для решения поставленных задач могут стать проекты Автономной некоммерческой организации «Центр межнационального сотрудничества женщин "Дружба без границ"» (далее – АНО «Дружба без границ»), основанные на многовековых духовных традициях и направленные на возрождение нравственных, семейных ценностей.

В целях развития дружбы и сотрудничества женщин, популяризации традиций и обычаев народов, проживающих на территории Хабаровского края, среди национальных и религиозных объединений с 2013 г. ежегодно проводится фестиваль национальных традиций, посвященный Дню матери. Организатором фестиваля стал женский клуб

«Дружба без границ» – победитель конкурса на предоставление субсидий из краевого бюджета социально ориентированным некоммерческим организациям Хабаровского края в 2013 г.

Участниками проекта стали:

1) религиозные организации: Хабаровская епархия Приамурской митрополии Русской православной церкви Московского патриархата; местная религиозная организация «Хабаровская еврейская религиозная община ортодоксального иудаизма "Мизрах"», местная мусульманская религиозная организация «Махалля Аль-фуркан», местная религиозная организация «Буддийская община "Майтрейя" Хабаровского края традиционной сангхи»;

2) национально-культурные объединения: РО ОО «Союз армян России», ХКОО поддержки представителей среднеазиатских стран «Ватан», АНО «Белорусское землячество», еврейская, чувашская, татарская, бурятская, цыганская национально-культурные автономии, украинские землячества «Криниця» и «Зеленый клин», Ассоциация корейских организаций Дальнего Востока и Сибири, ХРО ООО «Всероссийский Азербайджанский конгресс», Ассоциация коренных малочисленных народов Хабаровского края, ХКОО «Союз Узбекистана», «Союз Кыргызстана», АНО «Дальневосточный конгресс татар», Представительства Республик Северная Осетия – Алания и Саха (Якутия) в Дальневосточном федеральном округе, Хабаровский краевой центр немецкой культуры «Корн», Окружное казачье войско Хабаровского края.

В программе фестивалей звучали поздравления, посвященные заслуженным женщинам-матерям, представляющим народы Хабаровского края; состоялись праздничный концерт творческих коллективов национально-культурных объединений, дегустация блюд национальной кухни. Смотр-конкурс национальных традиций и обычаев среди национальных и религиозных организаций и объединений края проводился по следующим номинациям: «Национальный обряд», «Национальная традиция», «Национальный фольклор», «Декоративно-прикладное искусство», «Блюдо национальной кухни», «Национальный костюм», «Творческий проект "Семейный альбом"», «Творческий номер, посвященный матери» и др.

Проекты АНО «Дружба без границ» по проведению «Фестиваля национальных традиций, посвященного Дню матери» в 2014 г., «Национальные традиции россиян» в 2015 г. стали победителями в конкурсах проектов г. Хабаровска. Они проходили в рамках муниципальной программы «Содействие развитию институтов и инициатив гражданского общества в городе Хабаровске» на 2014–2020 гг.

Проект АНО «Дружба без границ» включал в себя мероприятия по гармонизации межэтнических отношений в обществе, способствовал межнациональному сотрудничеству, знакомя с национальными традициями и обычаями жителей края и, таким образом, способствовал поддержанию межнационального мира и согласия в крае, формированию межнациональной и межконфессиональной толерантности и воспитанию чувства взаимоуважения между народами, внося существенную лепту в дело сохранения межнационального мира в регионе.

Реализация проектов «Фестиваль национальных традиций, посвященный Дню матери» и «Национальные традиции россиян» позволила не только осуществить знакомство широкого круга населения с национальными семейными традициями и обычаями народов, проживающих в г. Хабаровске, но и объединить силы гражданского общества, национальных организаций края для сохранения культуры и традиций, укрепления межнационального и межконфессионального мира в регионе, развитию дружбы и сотрудничества народов.

Проект позволил также решить некоторые задачи в рамках Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации.

С помощью данных проектов, имеющих интерактивный характер, мы хотим оказать положительное влияние на формирование в семьях, у молодежи представления о духовно-нравственных законах развития общества, поскольку проекты направлены на повышение духовно-нравственного уровня взрослых и детей через приобщение их к духовной национальной культуре, традиционным семейным ценностям.

Всё вышеперечисленное, безусловно, способствует развитию гармонизации межэтнических отношений, предупреждению межнациональных конфликтов и профилактике национального и религиозного экстремизма в Хабаровском крае.

Новые исторические условия построения правового, гражданского общества предъявляют и новые требования к процессам, происходящим в сфере этнокультурных отношений.

С одной стороны, вопрос межэтнического взаимодействия имеет важное стратегическое значение для укрепления единства россиян, достижения гражданского и межэтнического согласия в отношениях, сохранения этнокультурного многообразия российской нации в целом, толерантности и предотвращения конфликтов на почве национальной, расовой или религиозной ненависти [2].

С другой стороны, в Хабаровском крае в течение последних десятилетий на фоне стимулирования миграционных процессов граждане столкнулись с возросшим количеством людей из числа представителей разнообразных этнических групп,

как из дальнего и ближнего зарубежья (китайцы, корейцы, вьетнамцы, узбеки, таджики, казахи и др.), так из числа жителей, постоянно проживающих в регионе (русские, украинцы, белоруссы, якуты, буряты, эвенки, нанайцы, нивхи, чукчи и др.) [4; 6].

При взаимодействии постоянного населения с мигрантами постоянно встают проблемы, обусловленные особыми этнокультурными особенностями мигрантов, касающиеся непонимания ими русского языка, культуры, традиций и т.п. Например, реакция пациентов на действия врачей при оказании медицинской помощи, как правило, формируется довольно сложно и зависит от многих факторов. В частности, буддисты, мусульмане, выходцы из Юго-Восточной Азии имеют сходные типы реакций относительно своего здоровья и оказания медицинской помощи, в то же время представители европейских народов, относящиеся чаще всего к христианам или атеистам, реагируют на рекомендации и назначения врача по-своему, отлично от выходцев из Азии.

В условиях отрыва от территорий традиционного проживания народов происходит трансформация культуры.

В настоящее время гуманитарное обучение в вузе невозможно себе представить без осмысления связей педагогики с историей, философией, социологией, психологией, этнологией и многими другими и смежными дисциплинами в контексте развития всей мировой культуры. Междисциплинарный подход в преподавании обеспечивает взаимное обогащение культурных компонентов, направленных на раскрытие, стимулирование, развитие индивидуальных особенностей студентов в условиях научно организованного учебного процесса.

Проблематика этнической педагогики (этнопедагогики) приобретает актуальное значение в сфере национальной политики государства, а также в сфере организации образования в медицинском вузе. Перед содержанием образования ставится ряд специфических задач – от определения роли и места родного языка в обучении до отражения в учебных курсах различных традиций в представлениях о мире и системах нравственных ценностей. Этнопедагогические аспекты образования – зона пересечения различных, нередко полярных, интересов. Государство заинтересовано в том, чтобы семья, социум, гражданское общество, школа, вуз были инструментами не только образования, но и политической консолидации этнически разнородного населения.

Актуальность этнопедагогики в вузе продиктована многообразными проявлениями этничности в жизнедеятельности человека, сфере межэтнических коммуникаций в поликультурной среде, а также событиями, происходящими в мире и России.

Во-первых, следует отметить тенденции, складывающиеся в сфере межнациональных отношений. С одной стороны – проявления национализма, обострение межнациональных отношений, межнациональных конфликтов, терроризма и войн, а с другой – стимулирование роста национального самосознания народов, возрождение национальных культур, народной педагогики, изменение ценностных идеалов, обращение к национальным ценностям, составляющим культуру любого народа, стремление к возрождению этнической культуры через сохранение родного языка, обычаев и традиций.

Во-вторых, в условиях полиэтничности общества возникает ситуация существования на ограниченной территории многочисленных этнических групп, представителей разных национальностей и культур со своими ценностями, менталитетом, традициями, нормами и образом жизни. Миграционные процессы изменили этнический состав российского общества, усилили его неоднородность по национальному составу, культурной и конфессиональной принадлежности. Усиление мировых миграционных потоков (трудовая миграция, вынужденные переселенцы, беженцы, дети-мигранты) из стран ближнего и дальнего зарубежья приводит к возникновению проблем и в сфере образования, связанных с межкультурным и межэтническим взаимопониманием и взаимодействием участников образовательного процесса.

В-третьих, для современного этапа развития мира характерна двувекторность цивилизационных процессов: развитие тенденций унификации, с одной стороны, а с другой – сохранение этнокультурного своеобразия.

Этнопедагогическая компетентность должна стать одним из основных компонентов профессиональной культуры как преподавателей медицинского вуза, так и студентов – будущих медицинских работников в полиэтничном обществе в связи с возрастающей значимостью для общества этнонациональной составляющей личности, проблем её этнической и гражданской идентичности, развития толерантности, межнациональных и межконфессиональных отношений.

Проживание большого количества разных народов в регионе постоянно ставит перед государственной властью и гражданским обществом вопросы регулирования в сфере межнациональных отношений в полиэтническом пространстве. Вопрос межэтнического взаимодействия имеет важное стратегическое значение для укрепления единства россиян, достижения гражданского и межэтнического согласия в отношениях, сохранения этнокультурного многообразия российской нации в целом. Решению вопроса во многом может способствовать этнокультурное образование в различных формах.

Проблема сохранения мира в таком многонациональном регионе, как Хабаровский край, весьма актуальна в современных геополитических условиях, поскольку наличие большого количества разных национальностей является потенциальным очагом этнической напряженности в регионе. Решение этих вопросов имеет важное стратегическое значение для укрепления единства россиян, достижения гражданского и межэтнического согласия, сохранения этнокультурного многообразия российской нации в целом.

Межнациональные отношения сегодня перестали быть проблемой только одной какой-либо сферы общественной жизни, они приобрели статус глобальной социокультурной проблемы, проявляющейся во всех сферах жизнедеятельности: религии, политики, образования и проч.

Для достижения высоких социально-экономических показателей необходим мир, условия, при которых возможна реализация социального и культурного потенциала граждан в различных областях, в том числе в области межнационального сотрудничества. Наличие внутренних угроз безопасности, исходящих от параметров, определяющих жизнь гражданского общества (низкие качество и уровень жизни большей части населения, экономические и финансовые кризисы, высокий уровень преступности и терроризма, растущие межнациональные конфликты) относят проблему межнациональных отношений и межэтнической толерантности в современной России к числу актуальных.

С учетом актуальности вопросов межнациональных отношений в полиэтнической среде, а также использования этнопедагогического подхода в обучении студентов Дальневосточного государственного медицинского университета возникла необходимость исследования данного аспекта в образовательной деятельности. Для этого был проведен социологический опрос.

Цель исследования – оценка межнациональных отношений у студентов Дальневосточного государственного медицинского университета.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить ряд задач:

1) изучить литературу по теме исследования;

2) провести анализ разработанности проблемы толерантности в области социологических исследований;

3) провести социологический опрос студентов-медиков;

4) проанализировать результаты исследования и дать характеристику толерантности будущих специалистов здравоохранения.

В социологическом опросе приняли участие 300 студентов ДВГМУ.

Материалом для исследования являлись анкеты. Исследование проводилось анонимно. Хронологические рамки исследования охватили период 2015–2017 гг.

Данное исследование дало репрезентативные результаты, которые позволяют экстраполировать (распространить результаты) полученные данные на молодежь всего Дальневосточного федерального округа, поскольку опрашиваемые студенты прибыли на обучение из нескольких субъектов Дальневосточного федерального округа, а также стран ближнего зарубежья. Основанием для этого стал не только национальный состав студентов, но и одна из центральных проблем, исследуемых в рамках социологического опроса, – оценка характера межнациональных отношений.

Основные методы исследования: анкетный опрос, наблюдение, ситуационный мониторинг, компьютерная обработка данных в программе Microsoft Office Excel, описание и анализ полученных данных, анализ статистической информации и последующая систематизация полученных сведений.

Проведено мониторинговое исследование в форме опроса мнений студентов лечебного, медико-гуманитарного, педиатрического, стоматологического, фармацевтического факультетов и медико-фармацевтического колледжа ДВГМУ о состоянии межэтнических и межконфессиональных отношений в регионе.

В анкетировании приняли участие представители двадцати разных национальностей, в том числе: русские – 77,3 %, якуты – 4 %, таджики – 2 %, буряты – 1,6 %, узбеки – 1,6 %, корейцы – 1,6 %, украинцы – 1,3 %, татары – 1 %, армяне – 0,6 %, белорусы – 0,6 %, азербайджанцы – 0,3 %, башкиры – 0,3 %, грузины – 0,3 %, гураны – 0,3 %, киргизы – 0,3 %, чукчи – 0,3 %, эвены, – 0,3 %, японцы – 0,3 %, нанайцы – 0,2 %, эвенки – 0,2 %.

Среди первостепенных проблем современной России проблемы межэтнических (межнациональных) отношений 71 % респондентов относят к важным, но не главным, 19,7 % выделили эти проблемы, 6 % считают их незначительными.

В оценках студентов-медиков национальность человека не является определяющей. Большинство опрошенных студентов (69 %) считают, что личные качества человека важнее его национальности, 18 % отдали предпочтение ответу «только по отношению к некоторым национальностям», и 10 % считают, что национальность во многом определяет личные качества человека.

34,7 % опрошенных будущих специалистов здравоохранения указали, что им безразлично увеличение числа мигрантов нерусской национальности в Хабаровском крае, 33,3 % терпимо отнесутся к данному факту, 23,3 % – нетерпимо.

Проведенное исследование позволило оценить мнение респондентов об уровне толерантности в их родном населенном пункте. Ответ «нейтрально» дали 58,3 % будущих медиков, «доброжелательно» – 19,6 %, «недоброжелательно» – 16,3 %.

В рамках исследования была проведена оценка уровня толерантности межэтнических отношений по факультетам ДВГМУ. Данные опроса зафиксировали нейтральное отношение к представителям основных религиозных конфессий в Хабаровском крае у 90 % студентов лечебного и педиатрического факультетов, 70 % студентов-стоматологов, 67 % студентов медико-фармацевтического колледжа.

Проанализировав данные опроса, можно сказать, что большая часть молодежи не против того, чтобы в Россию приезжали люди других народностей при условии, что те будут соблюдать законы Российской Федерации и уважительно относиться к ее культуре.

Также была отмечена часть респондентов, относящихся к другим национальностям устойчиво негативно, независимо от сопутствующих факторов. Им не интересны мероприятия, направленные на улучшение взаимоотношений между разными народностями Хабаровского края.

Кроме того, стоит отметить, что девушки относятся в целом более терпимо к представителям других этнических групп, чем юноши.

Особое внимание респондентов вызвал вопрос веры. Значительное количество верующих – это граждане неславянской этнической группы. По данным социологического исследования, больше половины опрошенных студентов являются религиозно ориентированными.

По мнению студентов, чтобы ослабить межнациональное напряжение в учебных заведениях, уже в школе нужно проводить специальные мероприятия, направленные на знакомство представителей разных народов с культурой, традициями и искусством друг друга.

Из проведенного опроса стало понятно, что большинству студентов интересно узнать о других народах – их обычаях, стиле жизни, языке, блюдах национальной кухни. Потому что легче принять другую культуру, когда видишь, чем живет другой народ. Увеличение числа общеуниверситетских мероприятий, направленных на ознакомление с культурами разных этносов, позволит повысить уровень межнационального сотрудничества студентов и полнее реализовать социальный и культурный потенциал будущих врачей.

Таким образом, проведенная исследовательская работа показала, что толерантность у студентов ДВГМУ, отношение к ней как к важнейшей жизненной ценности во многом определяет их дальнейшую ориентацию, выбор стратегий сотрудничества, уважения к проявлениям инакомыслия, критическому, обоснованному пониманию различных социальных явлений. Такое понимание имеет практическое значение, поскольку поможет будущим специалистам здравоохранения осознанно применять в профессиональной деятельности полученные знания, позволит с достаточной глубиной осмысливать современные межличностные, социальные и этнопроблемы, проблемы общей культуры и сформирует психологическую готовность к их решению.

Формированию толерантности способствует международно-правовое определение терпимости, приводимое в ст. 1 Декларации принципов терпимости [3], изложенное в следующей редакции:

«1.1. Терпимость означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Терпимость – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая, и правовая потребность. Терпимость – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира.

1.2. Терпимость – это не уступка, снисхождение или потворство. Терпимость – это, прежде всего, активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах терпимость не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности, терпимость должны проявлять отдельные люди, группы и государства.

1.3. Терпимость – это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка. Терпимость – это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международных правовых актах в области прав человека.

1.4. Проявление терпимости, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих убеждений или уступки чужим убеждениям. Это означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими. Это означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим».

Мировой опыт показывает, что наиболее успешной стратегией аккультурации является интеграция, сохранение собственной культурной

идентичности наряду с овладением культурой других этносов.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. также отмечается, что на обеспечение национальных интересов негативное влияние будет оказывать дальнейшее развитие националистических настроений, ксенофобии, сепаратизма, национального экстремизма, в том числе под лозунгами религиозного радикализма. В этом же документе указываются и стратегические цели обеспечения национальной безопасности, в том числе защита основ конституционного строя Российской Федерации и сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе за счет постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, экстремизма и других преступных посягательств.

Достижение обозначенных целей невозможно без комплексного изучения проблемы, применения профилактических мер, направленных на формирование толерантности и межнационального мира, предотвращение действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства.

Все вышеизложенное обусловливает необходимость подготовки высококультурных и образованных членов общества, которые могут жить и работать в полиэтнической среде, знающих и уважающих не только свою этническую культуру, но и культуру других этнических групп, способных сочетать национальные и интернациональные интересы. Очевидно, что решение данной задачи находится в прямой зависимости от уровня этнопедагогической культуры преподавателя.

Формирование толерантности имеет свои особенности в различных культурных конфигурациях.

Принцип толерантности имеет особенное значение, поскольку она непосредственно связывает гуманистические принципы формирования культурных паттернов профессиональной деятельности будущих медицинских работников. Это требует специального подхода к системе медицинского образования.

В медицинских вузах России наблюдаются попытки решать проблему подготовки толерантных специалистов для сферы здравоохранения. Решение данной проблемы осложняется недостаточной разработанностью целевых установок, принципов, дидактических средств, определяющих профессиональную культуру и правовые установки будущих врачей, что дополняет тяжесть кадрового кризиса в отрасли.

В современной педагогике нашел отражение принцип федерализма – соединение национально-государственной и территориальной основ формирования государственного устройства России. Это связано с тем, что на протяжении длительного времени Российская Федерация была и остается полиэтническим, поликультурным, поликонфессиональным государством. С трансформацией общества в начале XXI в. изменилась государственная политика в области образования. Основные задачи государства в сфере образования сводятся к становлению единого образовательного пространства России, гармонизации национальных и этнокультурных отношений. Проблема сохранения исторической и духовной преемственности между всеми поколениями этноса, сохранения каждого этноса как уникальной духовной общности все чаще становится предметом обсуждения педагогической общественности, ученых-этнопедагогов, социологов и психологов. Решение этой проблемы, доказывают ученые, связано с включением в национальную систему образования на всех ее уровнях традиционной культуры воспитания, обращением преподавателя к веками отшлифованному опыту народной педагогики каждого этноса.

Законодательной базой такого понимания проблемы является принцип государственной политики в области образования, закрепленный в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ. А именно: защита и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства, и отвечает предъявляемому к содержанию образования требованию – содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами независимо от национальной, этнической принадлежности (п. 2 ст. 2, п. 4 ст. 14 Федерального закона Российской Федерации «Об образовании»), определяющие цели воспитания и обучения, пути их достижения посредством государственной политики в области образования, ожидаемые результаты развития системы образования. В данном законе ставились задачи защиты и развития национальных культур и обеспечения единства федерального образовательного и культурного пространств. Впервые для отечественной школьной практики закон отразил равенство трёх самостоятельных субъектов, реализующих свои цели в образовании: индивида (семьи), этноса и государства.

Значительные изменения содержания образования в вузе обусловлены вступлением России в единое европейское образовательное пространство. Открытая система высшего образования позволит создать единое образовательное пространство на всей территории Европы с учетом сохранения культурного разнообразия отдельных стран и различных образовательных систем. При построении системы педагогического образования в вузе необходимо оптимально сочетать требования мировой образователь-

ной системы, федеральные требования и реальные возможности определенного региона и вуза. Вместе с тем, по мнению многих работников в сфере высшего образования, в процессе присоединения России к Болонской декларации существует определенная опасность аккультурации. В целях осуществления безопасности российского образования особую актуальность приобретает этнопедагогическая подготовка преподавателя медицинского вуза.

Вышеизложенное позволяет говорить о наличии противоречий между:

– необходимостью единства культурного и образовательного пространства России при всемерном содействии развитию национальных культур и формально-механистическом расчленении общего государственного стандарта на изолированные федеральный (инвариантный) и национально-региональный (вариативный) компоненты;

– богатством народного педагогического опыта обучения, воспитания и социализации подрастающего поколения и недостаточным его использованием в силу различных причин в системе образования;

– потребностью общества в медицинских работниках, педагогах вузов, способных продуктивно использовать народный педагогический опыт, и невозможностью в полной мере удовлетворить данную потребность из-за недостаточного уровня сформированности культуры в обществе;

– необходимостью формирования этнопедагогической культуры у педагогов медицинских вузов и недостаточной разработанностью теоретического обоснования и методического обеспечения данного процесса в педагогической науке.

Данные противоречия определяют необходимость решения проблемы поиска и научного обоснования принципов, содержания, форм, методов и средств формирования культуры будущих врачей в процессе профессиональной подготовки в вузе.

При определении смысловой направленности этнопедагогической деятельности следует уделить внимание социальной психологии и лингвистике, используя психологические, лингвистические методы и приемы воздействия на аудиторию, которые применяют организации, направленные на экстремизм. Большинство таких приемов основано на использовании двух методов воздействия: внушения или убеждения.

Внушение – это метод воздействия, рассчитанный на некритическое восприятие сообщения субъектом. Оно не нуждается в доказательствах и логике и предполагает не согласие субъекта с высказанным суждением, а простое принятие информации без ее активного и целенаправленного анализа. Воздействие здесь ориентировано не на рассудок, а на эмоциональную сферу, не на сознание, а на бессознательное. Поэтому в основе внушения лежит ослабление действия сознательного контроля, осуществляемого индивидом в отношении воспринимаемой информации.

Убеждение основано на обращении к сознанию людей посредством логической систематизации и упорядочивания фактов, выводов, умозаключений, подтверждающих открыто декларируемый тезис с целью добиться согласия аудитории (или собеседника) с высказанной точкой зрения. Обязательным условием убеждения является строгое следование правилам логики, поскольку оно апеллирует к рациональному мышлению субъекта, его разуму.

Нередко недостоверные сведения приобретают вид внешне логичных, объективных, точных за счет подтасовок, неправильно построенных умозаключений, ложных посылок, скрытых манипуляций (от лат. manus рука) информацией и т.д. Часто убеждение аудитории происходит именно так. Внушение и убеждение, дополняя друг друга, используются в каждом акте общения, в том числе и в массовых коммуникативных процессах.

Ученые, исследовавшие вопросы психологических приемов манипулятивного воздействия на человека, выделяют следующие сущностные характеристики этого феномена:

– направленность воздействия на сознание и подсознание человека с целью изменения его установок и поведения;

– скрытый характер воздействия (как факта воздействия, так и его направленности);

– деперсонализированное, «вещное» отношение манипулятора к объекту воздействия как к орудию, средству достижения собственной цели, а не как к личности («объектный подход»).

Для демонстрации действенности манипулирования массовым сознанием можно привести следующие доказанные положения. Известно, что звучание громкой и мелодичной музыки с четким ритмом (по образцу маршей) мобилизует, оказывает активизирующее влияние на психику людей, особенно на демонстрациях, митингах. Само воздействие таких музыкальных композиций на аудиторию происходит помимо ее воли, вне зависимости об информированности слушателей о его механизмах и принципах. Подобного эффекта также достигают специально подготовленные сообщения средств массовой информации, публичные выступления. Еще одним примером служит прямая корреляция между нагнетанием страха в сообщении (до «оптимального» уровня) и повышением показателей результативности убеждающей коммуникации. К числу скрытых средств относится также подача информации в очень высоком темпе и одновременно ее дробление на отдельные, несогласованные друг с другом фрагменты. В такой ситуации зритель, стараясь уследить за быстрой речью комму-

никатора, частой сменой сюжетов на телеэкране, не успевает сконцентрировать свое внимание, быстро переключить его с одного на другой сюжет. Восприятие таких материалов имеет обобщенный и поверхностный характер. Реципиент (от лат. recipientis принимающий, получающий) упускает важные элементы сообщений (в частности, ссылки на источники информации) и уже сам в своем воображении связывает несогласованные части воспринимаемых телепрограмм.

Кроме приемов из области социальной психологии, при определении экстремистской направленности большое значение имеют специальные языковые средства воздействия на аудиторию, изучающиеся в рамках лингвистики. Здесь языковые единицы (особенно слова, выражения) в контексте с другими языковыми средствами данного текста могут приобретать дополнительные осмысления и стилистические оттенки (коннотации) под влиянием микро- и макротекста данного речевого произведения в развитие тех смысловых и стилистических значений, которые эти речевые единицы имеют в языке. В число конкретных способов, вуалирующих интолерантное содержание сообщений средств массовой информации, входят такие литературные приемы, как: аллюзия, гротеск, ирония, сарказм, метафора, шарж, эвфемизм.

В лингвистике существуют другие группы приемов языкового воздействия на аудиторию:

– употребление автором слов-ярлыков, «отмечающих» объекты положительным или отрицательным значением (добрый-злой, свой-чужой, правдивый-лживый, плохой-хороший и т.п.);

– использование выражений при подаче недостоверной информации в виде «бесспорно», «несомненно», «доказано»;

– подмена смысла слов и др.

Совершенно ясно, что рассмотренные методы влияния на массовое сознание находятся на стыке лингвистики, социальной психологии, музыковедения, киноведения, искусствоведения, религиоведения, этнологии. На этом фоне крайне важным представляется выявление подобных приемов в ходе специального исследования смысловой направленности публичных выступлений и сообщений средств массовой информации независимым, компетентным, объективным специалистом – экспертом или научным консультантом. Несмотря на злободневность ксенофобских проявлений, в настоящее время ощущается острый дефицит квалифицированных специалистов, способных на высоком научном уровне проводить психолингвистические экспертизы, давать теоретически обоснованные и методически грамотные заключения, отвечать на поставленные перед ними вопросы, при этом оставаясь в границах собственной профессиональной компетенции.

Эффективное формирование этнопедагогической культуры в процессе обучения в вузе может быть обеспечено, если:

– данный процесс протекает в рамках структурно-содержательной модели, отражающей целостность ее блоков: управления, педагогических условий, процессуального и результативного;

– в рамках разработанной модели реализуется следующий комплекс педагогических условий:

1) разработка и реализация спецкурса «Этнокультура врача», направленного на расширение информационного поля студентов;

2) целостное погружение студентов в практическую деятельность на основе взаимосвязи теории и практики при использовании активных методов и этноориентированных форм;

3) формирование у студентов установки на саморазвитие этнокультуры путем стимулирования выхода в рефлексивную позицию и актуализации личностных достижений.

Этнокультуру можно рассматривать как в широком, так и в более узком смысле. Применительно к настоящей статье необходимо рассматривать данное понятие в узком смысле как интегративное качество личности, отражающее меру освоения будущими врачами традиционной культуры народов России, проявляющуюся в ее понимании, в творческом их использовании в современной практике, во владении методами выстраивания модели поведения педагога и поведения студентов на основе межэтнического взаимопонимания и взаимодействия, в стремлении к педагогическим инновациям и саморазвитию, опыта взаимодействия с представителями разных этносов в своей профессиональной деятельности.

Выделяя компоненты этнокультуры будущего врача, мы исходили из того, что все содержание культуры личности организовано подобно тому, как организован сам человек, поскольку культура – это способ деятельного существования человека. Следовательно, как человек есть единство внешнего и внутреннего, так и культура представляет собой такое единство. Исходя из принципа единства личности, культуры и деятельности, мы выделили мотивационный, когнитивный и деятельностный компоненты, через развитие которых наиболее отчетливо просматриваются процесс и результат формирования у студентов этнокультуры.

Мотивационный компонент, выполняя стимулирующую функцию, отражает интегрирующую систему личностных смыслов, ценностных ориентаций, мотивов и интересов, которые не только регулируют этнопедагогическую деятельность преподавателя, но и отражают установку на самораз-

витие этнокультуры как личностно-необходимого, и, следовательно, внутренне принятого убеждения.

Когнитивный компонент, выполняя информационную и ориентационную функции, включает в себя этнологические знания теоретического и методического характера.

Деятельностный компонент, выполняющий трансляционную и регулятивную функции, вбирает в себя комплекс этнопедагогических умений и качеств.

В динамическом аспекте, учитывая процессуальный характер формирования культуры, мы определили ее уровни (низкий, средний, высокий) и этапы формирования (мотивационный, активно-действенный, обобщающий).

Формирование культуры будущего врача мы рассматриваем как неотъемлемую часть общего процесса становления культуры студента, где целенаправленное изменение внутренней структуры культуры и внешних форм ее проявления приводит к возникновению новых качественных состояний, основой которых выступает диалектическое единство возможного и действительного, а также как саморегулирующийся процесс, т.е. внутренне необходимое движение, «самодвижение» студента от наличного уровня культуры до более высокого в соответствии с этапами данного процесса.

Учитывая, что культура у будущих врачей не формируется сама по себе, необходимо провести специально организованную деятельность данного процесса.

С целью исследования логично определить тип проектируемой модели – модель структурно-содержательного типа. Спроектированную модель можно рассматривать как подсистему открытого типа, встроенную в контекст системы профессиональной подготовки будущих врачей в медицинском вузе. Модель представлена четырьмя взаимосвязанными блоками: управления, педагогических условий, процессуальным и результативным.

Блок управления определяет требования к организации рассматриваемого процесса. Его структуру составляют три компонента: нормативный, целевой и научного обеспечения. Нормативный компонент включает в себя: Закон РФ «Об образовании», Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (ФГОС ВПО), приоритетный национальный проект «Образование». Сопоставление главных идей, содержащихся в данных документах, позволило выявить приоритетные цели, стоящие перед системой высшего образования (ВО), и сформулировать составляющие целевого компонента модели.

Для сохранения государственности и мира, укрепления единства многонационального народа России, воспитания чувства патриотизма, чести и достоинства гражданина России, развитию толерантности в таком крупном полиэтническом регионе России, как Хабаровский край, помимо традиционных форм взаимодействия общественных организаций и государственных структур, необходим поиск инновационных форм общения между различными нациями и народами.

Для устойчивого развития межнациональных отношений в полиэтническом пространстве Хабаровского края национально-культурные объединения региона должны быть ориентированы не только на продвижение и сохранение своей культуры, но и на расширение межкультурных и международных связей.

Одной из форм межэтнического взаимодействия является взаимодействие студентов в процессе образовательной деятельности в вузе.

Деятельность по этнопедагогике должна освещаться в публикациях материалов о реализации национальной политики, истории, культуре и образе жизни народов региона. Распространение публикаций среди населения в определенной степени способствует этнокультурному образованию населения, развитию в обществе культуры взаимопонимания, толерантности в отношениях между представителями народов, межэтническому и межконфессиональному диалогу.

Достижению данной цели способствует, например, проведение культурных мероприятий, во время которых происходит межэтническое общение представителей разных народов. К числу таких ежегодных мероприятий, которые посещают тысячи людей, относятся национальный якутский праздник встречи лета, пробуждения природы и единения людей Ысыах, национальный татарский праздник Сабантуй, фестиваль корейской культуры и др.

Итак, всё вышеперечисленное свидетельствует о том, что в Хабаровском крае власти и общественность находятся в постоянном поиске различных форм сотрудничества, направленных на сближение народов, сохранение мира и согласия в обществе. Но этого явно недостаточно для развития и гармонизации межэтнических отношений, предупреждения межнациональных конфликтов и профилактики национального и религиозного экстремизма в Хабаровском крае.

Следует отметить ряд проблем по развитию традиционной культуры народов России, которые необходимо решать системно и комплексно, учитывая особенности полиэтнического пространства Хабаровского края.

1. Проблема подготовки педагогических кадров в цикле «Преподаватель высшей школы» с включением дисциплины «Этнопедагогика».

2. Учет этнического фактора в сфере языка и образования. Одним из важнейших механизмов усвоения программы ФГОС ВПО является эффективная систе-

ма высшего образования, включая изучение русского языка абитуриентами и студентами.

3. Проблема поддержания этнокультурного имиджа региона. В музее ДВГМУ могли бы быть размещены постоянные или сменные экспозиции, посвященные этнокультурным традициям.

Поскольку в Хабаровском крае полиэтничность и поликультурность возникли в процессе недавних миграций (около 150 лет назад), то этот факт относит его к менее стабильным регионам, по сравнению с территориями Российской Федерации, где имеется опыт длительной истории сосуществования разных этнических культур и где, как правило, процессы интеграции преобладают над процессами дифференциации. Для нестабильного региона характерно преобладание процессов активной дифференциации населения по этническому и религиозному признакам.

Поэтому необходимо активнее устанавливать культурные международные связи со странами Средней Азии, Кавказа, Прибалтики, Украиной и другими государствами, бывшие граждане которых сегодня являются гражданами России и проживают в крае. Дальнейшее развитие должно получить не только межнациональное развитие в Хабаровском крае, но и межэтнические отношения на уровне субъектов Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе, в полиэтническом пространстве стран Азиатско-Тихоокеанского региона, обладающем большим этнокультурным многообразием.

Предстоит выполнить комплекс мер для укрепления единства многонационального народа России, развития чувства патриотизма, чести и достоинства гражданина России. Используя системный подход, необходимо продолжить развитие культуры взаимопонимания, межконфессионального диалога и толерантности в отношениях между нациями и народами нашей страны как общего культурно-духовного достояния народов России.

Назрела необходимость проведения социологического исследования, данные которого позволили бы региональным экспертам уделить внимание проблеме поиска эффективных средств в распространении идей гражданского единства. В частности, изучить вопрос о роли праздников. То, что праздники разных религий и этнических групп – важный фактор объединения гражданского общества, воспринимается региональными властями как само собой разумеющийся факт. Но, например, после массовых столкновений в этнически бесконфликтной Карелии (г. Кондопога) последовала справедливая критика «фестивального» подхода в этнической политике.

Таким образом, расхожая точка зрения о снижении общественных потребностей в этнокультурном развитии, этнокультурном образовании населения не подтверждается. В Хабаровском крае необходимо последовательно и системно проводить большую и многоплановую работу в деле поддержки и сохранения этнокультурного наследия и гармонизации этнических отношений. Грамотная государственная политика служит становлению гражданского общества и гражданского самосознания.

У каждой великой страны бывают сложные периоды, проблемы, кризисы, смутное время. И только мощные внутренние процессы, идущие из глубины народного, общественного сознания, создают почву для выхода на новые горизонты, новые рубежи развития. Чувство национального единства всегда сопровождало важнейшие переломные вехи российской истории.

Отрадно, что Хабаровский край в условиях глобального информационного мира, нацеленного на уникальное сочетание единства и многообразия культуры народов мира, становится территорией диалога инициатив по поддержанию традиционных культур народов, являющихся составной частью этнокультурного наследия Российской Федерации.

Таким образом, преподавание в медицинском вузе, основанное на глубоком знании этнопедагогики, способствует развитию общественной активности граждан; развитию дружбы и сотрудничества студентов, представляющих народы Хабаровского края; популяризации традиций и обычаев культур народов, проживающих в крае; формированию межнациональной и межконфессиональной толерантности и воспитанию чувства взаимоуважения между народами.

Взаимодействие педагогов и студентов в процессе обучения будет способствовать сближению и лучшему взаимопониманию представителей различных народов, развитию и взаимообогащению культур и языков, укреплению российской идентичности.

Таким образом, политические катаклизмы XX и XXI вв. оказали существенное влияние на изменение убеждений и ментальность людей, особенно в сфере взаимоотношений с гражданским обществом и его представителями, в том числе представителями других народов.

Научно-техническийй прогресс, опережающее развитие технологий, урбанизация привели к тому, что межэтнические отношения в обществе трансформировались. Эта трансформация имеет как позитивные, так и негативные тенденции. Реалии времени таковы, что взаимоотношения между представителями разных народов должны строиться на паритетных началах.

Процесс взаимодействия национальных культур народов России является важным фактором социально-политической жизни современного российского общества.

Велика роль национально-культурных объединений в развитии и взаимодействии национальных культур. Современные этнонациональные общественные объединения в России играют важную роль в процессах становления и институирования правового государства и гражданского общества.

Рассмотрение формирования единого культурного пространства России показало неоднозначность и противоречивость современных этнополитических, этнокультурных процессов, которые протекают под непосредственным влиянием социально-экономических, политических и культурных трансформаций российского государства и общества.

В новых исторических условиях открываются благоприятные перспективы в ходе построения правового, гражданского общества, стимулируются процессы свободного развития этнических групп и сообществ и их интеграции в единое социокультурное пространство России.

Предстоит глубокий анализ их деятельности для выработки действенных механизмов согласования интересов государства, народов, этнических групп и национально-культурных общественных объединений в целях сохранения политической стабильности и консолидации народов России. Выводы и материалы таких исследований могут быть учтены при разработке федеральных и региональных программ этнокультурного развития народов.

Как показывает практика, состояние межнациональных отношений в нашей стране должно постоянно оставаться предметом самого пристального внимания государства.

Необходимо последовательно проводить в жизнь четкую политическую линию на сохранение государственно-территориальной целостности Российской Федерации, поддерживать политическую стабильность, сохранять и укреплять межнациональный мир и гражданское согласие в обществе – все это непременные условия его поступательного развития, движения к процветанию государства как «уникального единства и многообразия, духовной общности и союза различных народов», как сказано в Концепции государственной национальной политики Российской Федерации.

Таким образом, мы приходим к выводу, что одним из важных направлений современной государственной национальной политики Российской Федерации является всемерное развертывание диалога культур народов страны, создание необходимого общественно-политического климата и организация предпосылок для более глубокого, интенсивного развертывания процессов взаимного познания культур народов России, обмена их духовными ценностями, тесного взаимодействия и сотрудничества деятелей культуры, науки, искусства.

Факторами этнокультурного развития и участниками этнополитических процессов в России являются как граждане России, так и институты и структуры нарождающегося гражданского общества, а также органы государственной власти и местного самоуправления. Как показало проведенное нами исследование, все они вовлечены в сложный, противоречивый, но абсолютно неизбежный в силу естественной и социально обусловленной стратификации общества клубок этногосударственных, этносоциокультурных и этнополитических взаимоотношений.

Такой подход позволит приблизиться к оптимальному консенсусу межэтнических взаимоотношений в условиях либеральной трансформации российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бельды, О.А.* Этнокультурное образование в полиэтническом пространстве Хабаровского края / О.А. Бельды // Проблемы высшего образования : материалы междунар. науч.-метод. конф. (Хабаровск, 8–10 апр. 2015 г.) / под. ред. Т.В. Гомза. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2015. – С. 91–92.

2. Этнокультурное образование в полиэтническом пространстве Хабаровского края : коллектив. моногр. / А.Г. Асмолов [и др.] ; сост. У.А. Винокурова, С.С. Семенова. – Якутск, 2015. – Вып. 1. – С. 279–291. – (Сер. Этнокультурное образование).

3. Всероссийская перепись населения. 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

4. *Дьяченко, В.Г.* Состояние здоровья пришлого и коренного населения Хабаровского края и организация медицинской помощи в условиях социальных, политических и экономических реформ 90-х годов / В.Г. Дьяченко, В.Б. Пригорнев // Состояние здоровья коренных народов Приамурья. – Хабаровск, 1998.

5. *Миронов, В.В.* Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации [Электронный ресурс] / В.В. Миронов // Гуманитарий юга России. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-kultury-v-prostranstve-globalnoy-kommunikatsii-1

6. *Надточий, Л.А.* Депопуляция коренных и малочисленных народов и проблема сохранения этносов Северо-Востока России [Электронный ресурс] / Л.А. Надточий, С.В. Смирнова, Е.П. Бронникова // Экология человека. – 2015. – № 3. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/depopulyatsiya-korennyh-i-malochislennyh-narodov-i-problema-sohraneniya-etnosov-severo-vostoka-rossii (дата обращения: 30.09.2016).

7. *Рыбаковский, Л.Л.* Население Дальнего Востока за 150 лет / Л.Л. Рыбаковский. – М. : Наука, 1990. – 168 с.

8. *Сатрачева, М.З.* Взаимодействие культур как отличительная черта современного российского общества [Электронный ресурс] / М.З. Сатрачева. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-kultur-kak-otlichitelnaya-cherta-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva

9. *Юрченко, Т.В.* Взаимодействие национальных культур как фактор консолидации народов России [Электронный ресурс] : дис. … канд. полит. наук / Т.В. Юрченко // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. –

М., 2004. – Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/vzaimodeistvie-natsionalnykh-kultur-kak-faktor-konsolidatsii-narodov-rossii.

СЕВЕРНЫЕ КОРЕЙЦЫ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ПРИГРАНИЧЬЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА*

А.С. Ващук

Ващук Ангелина Сергеевна – доктор исторических наук, профессор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).

Контактный адрес: va_lina@mail.ru

Анализ пребывания трудовых мигрантов из КНДР ведется в рамках системного подхода и современной социальной истории. Вводится новое понятие «исторические сценарии» и дается его трактовка. Оно позволяет отразить специфику времени, территории концентрации прибывших из КНДР, а также особенности развития локального северокорейского сообщества. Раскрываются основные характеристики трех исторических сценариев – «сахалинского», «лесного» и «трансформационно-рыночного» в широком контексте переплетения событий разного уровня, связанных с историей двух государств. Доказывается вывод об устойчивости миграционной системы между СССР/Россией и КНДР в течение 70 лет, а также раскрывается вектор ее трансформации.

Ключевые слова: миграционная система, трудовые мигранты, миграционная политика, Россия, КНДР, Дальний Восток России.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-40-48

Постановка проблемы и методология анализа. Тема трудовых мигрантов из КНДР в России рассматривается в достаточно сложной информационной [16] и международной обстановке, связанной с военно-политическим курсом США и КНДР, санкциями против этого корейского государства. Госдеп США обвиняет Россию в использовании рабского труда северных корейцев.

Все это актуализирует продолжение научного анализа проблемы в исторической ретроспективе. Большой вклад в изучение жизни северокорейских рабочих, их дальнейшей судьбы на Сахалине в конце 1940-х –1950-е гг. внесли историки Бок Зи Коу [5] и А.Т. Кузин [19–22]. Изучены аспекты занятости и обустройства северокорейских работников в 1960–1980-е гг. [7; 13] В исследовании северокорейской миграции в 1990–2000-е гг. приоритет принадлежит А. Ланькову [23–25] и Л.В. Захаровой [16]. Нельзя не отметить и вклад Л.В. Забровской, представившую общую периодизацию этого сегмента зарубежной миграции на российском Дальнем Востоке [14; 15], хотя и спорную (см.: [6]). В некоторые современные исследования вводятся такие характеристики, как «принудительный характер» или «рабство северных корейцев», что перекликается с дискурсом докладов американских политиков и многими текстами журналистов. Теория «рабства» ярко прослеживается в статье Е.О. Скрипник, основанной преимущественно на опубликованных материалах предшественников и нескольких взятых ею интервью [31]. Надо заметить, что многие авторы признают высокую степень изолированности трудовых мигрантов из КНДР, что не отрицается и нами.

В данной статье предлагается обсудить заявленную проблему в формате эволюции исторических сценариев присутствия северных корейцев на территории Дальнего Востока. Под историческим сценарием мы понимаем совокупность системы миграционных отношений между государствами, всю организацию жизнедеятельности трудовых мигрантов, образ жизни на территории принимающего государства. Исторические сценарии включают также специфику переплетения событий разного уровня в пространстве и времени, включая правительственные соглашения, условия набора работников, механизмы расчетов и формирование образа жизни мигрантов в государстве-доноре в контексте трансформации социально-экономических систем принимающей страны и посылающего государства. Понятие исторического сценария трудовой миграции вытекает из системного метода, применяемого для других государств. Системный метод предполагает интерпретацию сущности и многообразия миграционных потоков. Этот принцип положен в теорию миграционных систем, разработанную американскими учеными М. Критц, Л. Лим, Х. Злотник в начале 1990-х гг. [4].

Миграционной системой называют группу стран, между которыми существуют относительно масштабные и устойчивые миграционные связи. Устойчивость миграционных связей может определяться как историческими причинами, так и взаим-

* Работа выполнена при поддержке Комплексной программы фундаментальных научных исследований ДВО РАН «Дальний Восток на 2018–2020 гг.». Проект № 18-5-057. «Приграничные регионы Дальнего Востока в условиях быстрых социальных изменений 1987–2017 гг.: опыт развития и обеспечения безопасности».

ной экономической заинтересованностью стран в миграционном обмене, которая обусловливает возникновение и сохранение миграционного движения определенной направленности. При этом географическая близость может играть значительную роль (но может и нет) [4].

Особой зоной в обозначенных смыслах был и остается юг Дальнего Востока. Изучение любого явления на территории с приграничным статусом всегда актуализирует учет аспекта обеспечения интересов безопасности принимающего общества и государства. Как показывает исследовательский опыт, стратегия безопасности всегда вытекает из мировоззренческих устоев властвующей политической элиты в конкретно исторический период. Сегодня набирает популярность концепт человеческой безопасности в международных отношениях [30], что трудно применить, например, ко времени «холодной войны».

Устойчивость миграционной системы не исключает трансформации отдельных ее элементов, например, идет развитие исторического контекста, происходит изменение не только численности привлекаемых работников, но и некоторых составляющих образ жизни работников в принимающем государстве. Названные элементы системы являются существенными для исследования пребывания любого иностранного трудового потока на разных территориях. Не является исключением и миграционная система «СССР/Россия–КНДР». Обозначенные теоретические идеи направлены на решение следующих задач: определить исторический контекст формирования и развития локального социального пространства северокорейской трудовой миграции в приграничье, устойчивые характеристики исторических сценариев и характер их эволюции в течение 70 лет.

Исторические сценарии пребывания северокорейских рабочих на дальневосточной периферии в 1946–1980-е гг. Глобальным фактором исторического процесса второй половины XX в. на восточных рубежах СССР стали последствия Второй мировой войны [18: с. 53–75; 26], а также территориальные изменения. В частности, произошло расширение дальневосточного приграничья за счет возвращения Союзу ССР Южного Сахалина и Курильских островов. Вызовом, определившим не только конфигурацию международных отношений на сто лет вперед, но и чрезвычайно сложный и специфический порядок международной миграции, стало образование нового государства – КНДР.

В 70-летней истории присутствия северных корейцев на российском Дальнем Востоке условно можно выделить следующие исторические сценарии: «сахалинский», «лесной, или хабаровско-амурский» (1946 – конец 1980-х) и «трансформационный», переходящий в рыночный (1990-е – первое пятнадцатилетие 2000-х).

*«Сахалинский сценарий»***.** Особенность сценария присутствия северных корейцев на Сахалине заключалась в том, что поток стал прибывать еще до установления дипломатических отношений между СССР и КНДР[1]. Это не могло не отразиться на установлении правил приема первого состава завербованных. Прибытие работников из КНДР не только расширило этническое пространство корейцев, но и усложнило всю обстановку на Сахалине, а также изменило социальную структуру мигрантов на дальневосточных рубежах СССР.

Приезду новых «завербованных» на острове предшествовало появление этнических их сородичей, прибывших в качестве принудительных трудовых мигрантов еще до появления государства КНДР – в результате политики другого государства – Японии, во времена губернаторства Карафуто (см. подробно: [21: с. 15–75]). Вхождение завербованных корейцев в новые для них условия жизни происходило тогда, когда сама территория находилась в стадии интеграции в советскую систему (в том числе и в социально-распределительные отношения).

Тогда партийно-советское руководство, решая множество задач на территории, в первую очередь контролировало социально-политическую обстановку преимущественно административно-силовыми методами. Созданным органам власти на местах необходимо было снизить послевоенную социальную напряженность и не допустить на территории ни этнических, ни социальных конфликтов, хотя об этом публично не заявлялось. (Но сквозь текст множества документов именно эта задача стояла на первом месте.) Целый ряд обстоятельств послевоенного времени [26: с. 100–183] во многом объясняет весь специфический набор методов контроля и урегулирования конфликтных ситуаций во время приема северных корейцев, в том числе и в ходе обустройства их быта, а в дальнейшем и способов их возвращения на родину.

«Сахалинский сценарий» включал в себя дифференцированный порядок обустройства мигрантов, тотальный контроль за всеми прибывшими, определял их статус в нормированной системе продовольствия и товаров. Основу управления всеми трудовыми ресурсами составляли административно-командные методы, причем применялись они ко всем, прибывшие из КНДР не составляли исключения, но иногда подвергались более жесткому контролю. Например, существовали очень строгие

[1] 12 октября 1948 г. СССР стал первой страной, признавшей новую Корейскую Народно-Демократическую Республику. 17 марта 1949 г. было подписано двустороннее соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве.

правила передвижения, но во время работы северные корейцы контактировали с советскими гражданами. Вовлечение иностранцев преимущественно в рыбную и в меньшей степени в лесную и угольную отрасли [10: ф. 53, оп. 1, д. 8, л. 25–26] шло параллельно с организованным набором советских переселенцев в эти же отрасли с материковой части СССР. Политические задачи быстрой интеграции территории в хозяйственный советский порядок сформировали мобилизационную политику Центра по обеспечению важнейших отраслей трудовыми ресурсами, в том числе и за счет северных корейцев, о чем подробно пишет А.Т. Кузин [22: с. 132–133]. Социальный состав трудовых мигрантов на Сахалине оказался чрезвычайно пестрым по этническому составу. Кроме того, сюда приезжали с материка не только романтики, но и люди с «темным» прошлым. Трудности быта испытывали все категории населения, степень различия не всегда определялась этнической принадлежностью мигранта, как утверждают некоторые исследователи, а порой – простым стечением обстоятельств.

Для КНДР же период 1946–1949 гг.– время тяжелой внутренней экономической обстановки и создания политического режима, который стал самым главным институтом трудоустройства своих граждан за рубежом. При этом политическая элита КНДР всеми своими действиями демонстрировала своим «посланцам», а также принимающей стороне, что она своих граждан будет держать под идеологическим контролем [22: с. 264].

Советское партийное руководство и правительство в условиях холодной войны в установившихся миграционных связях с КНДР действовали по ситуации и по вновь возникавшим обстоятельствам. Причем организуя северокорейский трудовой поток на Сахалин, осуществляли массированную экономическую поддержку КНДР. Но перед Ким Ир Сеном стояла задача создания условий для проведения независимого политического курса, он и его сторонники боролись за симпатии тех, кого отправили на заработки, власти КНДР стремились вернуть завербованных на родину. Поэтому важным звеном сахалинского сценария надо считать вопрос о принятии решения частью северных корейцев остаться в СССР или получить северокорейское гражданство. На 1 июня 1956 г. в области проживало 8800 чел., прибывших по трудовой вербовке, на 1 января 1964 г. из 11 288 взрослых корейцев завезенные по вербовке из КНДР составляли 1836 чел. [24: с. 129]. Численность небольшая, но проблемы гражданства, а значит, и социальных прав, дальнейшей интеграции для оставшихся продолжали быть актуальными. К 1960-м гг. в «сахалинском сценарии» (то время в целом характеризуется изменениями и всего переселенческого движения на восточные территории СССР) происходят заметные изменения, связанные в целом с советской внутренней политикой. В 1960-е гг. бывшим завербованным разрешили свободно передвигаться сначала по острову, а затем и за его пределы в связи с поступлением в учебные заведения.

«Лесной сценарий» на территории Хабаровского края и Амурской области. После 1957 г. к сахалинскому добавился лесной сценарий, который территориально охватил Хабаровский край и Амурскую область. К важнейшим его особенностям мы относим создание двумя государствами механизма взаимных расчетов при использовании иностранной рабочей силы в лесной промышленности, хотя некоторые его элементы использовались еще 1948 г. [9]. Механизм взаиморасчетов включал специальные структуры – корейские представительства и леспромхозы, работники которых компактно проживали в поселках, где доминировали бытовые порядки страны исхода.

Сегодня самым обсуждаемым остается вопрос о влиянии КНДР на своих граждан, работавших на территории Хабаровского края и Амурской области. В имеющихся публикациях руководство СССР подвергается критике за то, что оно допустило на своей территории организацию спецпоселков [31]. При изучении данного вопроса следует все-таки рассмотреть факторы, вызвавшие практику создания закрытых поселков на дальневосточной периферии. Конкретно-историческое время и его особенности вообще не учитываются журналистами и некоторыми авторами, активно использующими их материалы.

Практика существования спецпоселков в Хабаровском крае и позже в Амурской области как часть миграционной системы во многом объясняется целым набором факторов, а не субъективным желанием советского государства использовать подобную систему организации труда и быта. Эта практика началась после 1957 г. СССР и КНДР 30 июня этого же года заключили «Соглашение о вербовке рабочих в лесную промышленность Дальнего Востока [11: ф. П-1663, оп. 43, д. 95, л. 89–92], местом пребывания новых вербованных должен был стать Хабаровский край. (Политический лексикон Соглашения повторяет во многом терминологию документов «сахалинского сценария», да и принято оно было с учетом предыдущего опыта).

Начатая советской номенклатурной элитой десталинизация в СССР в середине 1950-х гг. медленно, но все-таки влияла на политику формирования трудовых ресурсов на восточных рубежах страны и в целом населения дальневосточного приграничья [29: с. 450–471]. Соглашение 1957 г. принималось сторонами в сложной международной обстановке («холодная война», война в Корее).

МГБ СССР в начале 1950-х все еще было озабочено судьбой некоторых групп населения, прибывших в принудительном порядке в регион – оставшейся части спецпоселенцев и ссыльных [18: с. 68–69]. Территория, где должны были работать северные корейцы, отличалась повышенной степенью уголовной преступности [18]. Вся социальная обстановка в районах, где должны были идти лесозаготовки (с учетом материального положения населения), также была непростой.

Особенности политических взаимоотношений двух стран, их экономические интересы [18: с. 108] подталкивали к принятию новых соглашений по привлечению северных корейцев в отрасли, которые имели значение как для СССР, так и для КНДР. Поддерживая тезис о сохранении жесткого контроля КНДР за своими гражданами на дальневосточном приграничье как отличительном признаке «лесного сценария», хотелось бы добавить, что политическая элита КНДР, обсуждая новое Соглашение, настаивала на своем участии в определении отбора и контроля корейскими управленцами за внутренним распорядком на территории спецпоселков.

Партийно-советские органы власти, объективно оценивая социальную и криминальную обстановку на дальневосточной периферии, поток отечественных переселенцев и располагая всей информацией о специфике условий жизни и организации труда в лесной отрасли и таежной глубинке, сохранили порядок организации леспромхозов и специальных поселков по следующему Соглашению от 2 марта 1967 г.[2] Изменялись только некоторые детали в механизме взаиморасчетов, определении состава работников, расширении мер по производственной подготовке кадров, проведении совместных культурных мероприятий. В результате привлечения трудовых мигрантов в лесную отрасль сформировалось северокорейское локальное пространство на юге Дальнего Востока России, состав которого постоянно менялся в ходе ротации.

Скрепами же устойчивости миграционной системы стали практики переговоров и обсуждения конкретных вопросов, была создана так называемая компенсационная модель расчетов. И партийные, и хозяйственные руководители двух государств на территории леспромхозов опирались на выработанные правила приема, обустройства и расчетов. В частности, при расчете с правительством КНДР учитывались объемы заготовленного леса и древесины северокорейскими рабочими, совокупные затраты СССР на материально-техническую обеспеченность производственного процесса, на бытовое обустройство иностранных рабочих, обучение на дальневосточной периферии кадров из Северной Кореи в 1960–1980-е гг. (см. подробно: [7]).

Вся специфика комплектования трудовых коллективов в лесной отрасли СССР, использование вахтового метода в таежной глубинке, а в дальнейшем масштабное присутствие временных отечественных работающих на строительстве Восточного участка БАМа по-прежнему заставляли партийно-советские органы власти учитывать возможные риски в таком масштабном процессе лесозаготовительного производства на дальневосточной периферии [28; 32]. Сфера формирования трудовых ресурсов лесной отрасли по-прежнему оставалась в русле обеспечения государственной и социальной безопасности [11: ф. 35, оп. 90, д. 508а, л. 1–6; оп. 101, д. 15, л. 90–100]. С советской стороны допускалось относительное невмешательство местных властей во внутреннюю жизнь специальных поселков, когда происходили какие-либо чрезвычайные события (бегство мигрантов, преступления, факты хулиганства и т.д.), проводились совместные разбирательства. Такая практика контроля обеспечивала прагматические интересы советской стороны, получавшей дешевую и дисциплинированную рабочую силу, а Северная Корея, контролируя трудовую дисциплину с использованием элементов принудительности, получала лес [23].

Развитие миграционной системы в 1960–1980-е гг. сопровождалось социальными последствиями не только для корейцев, временно проживавших на территории дальневосточного приграничья, но и для тех, кто оставался на своей родине: работа в СССР помогала корейскому обществу в лице трудовых мигрантов. Уникальность социальной составляющей рассматриваемого сценария состояла в том, что трудовые мигранты фактически одновременно были включены в две распределительные системы: советскую и северокорейскую нормированную систему[3]. Работники попадали в такие условия жизни в специальных поселках, к которым были готовы и привычны[4].

[2] Речь шла о 14,5 тыс. работниках. По предложению советской стороны 60 % работающих размещались в центральных поселках леспромхозов, а остальные во временных лесных поселках, строящихся вблизи лесосек, которые периодически перебазировались.

[3] В КНДР, по сути, было сословное деление населения на неравноправные и наследственные категории, которое стало характерной чертой политической организации северокорейского общества. В 1969 г. население КНДР было подразделено на 51 категорию. Значительная часть населения оказалась в разряде «нейтральных сил». Это были рабочие, служащие, крестьяне, ремесленники и другие группы, занятые на низкооплачиваемой работе.

[4] Мы, побывав в экономической зоне Раджин в 2017 г., обратили внимание на многие реалии, например на прикрепление рабочих к предприятиям, компактное расселение по производственному принципу.

К историческим особенностям «лесного сценария» развития локального северокорейского сообщества можно отнести и накопленный опыт адаптации подавляющей части северных корейцев, отработавших в Советском Союзе. Даже при постоянной смене состава сами они приспособились к условиям жизни в регионе, в том числе и к ограничениям передвижения. Но они получали определенные выгоды от работы в СССР, о чем подробно пишет Ланьков [23]. В 1970–80-е гг. поездка трудовым мигрантам на работу в СССР открывала возможность улучшить условия жизни семье. Работавшие в регионе также не прочь были сменить гражданство, воспользовавшись долговременным пребыванием за границей, но власти двух стран в этом не были заинтересованы [26].

Совершенствовалась и практика Соглашений. В мае 1984 г. во время визита Президента КНДР Ким Ир Сена в СССР обсуждался вопрос об экономических взаимоотношениях двух государств. 6 февраля 1985 г. стороны подписали очередное соглашение «О сотрудничестве в области заготовки леса и производства технологической щепы на территории Советского Союза для народного хозяйства КНДР» и договорились об увеличении численности северокорейских рабочих в Сибири и Дальнем Востоке до 20–30 тыс. чел., а также и об изменении оплаты их работы, переводе с северокорейских вон на советские рубли. Уже само название документа свидетельствует об усилении использования миграционных контактов для развития экономических связей. Меняется и терминология документации, на смену позднесталинского периода приходит позднесоветский дискурс. После визита Ким Ир Сена (октябрь 1986 г.) была достигнута договоренность о расширении площадей под лесоразработки северными корейцами [2][5]. Хотя приход к руководству КПСС М.С. Горбачева, по мнению многих аналитиков, был воспринят Ким Ир Сеном и его группировкой настороженно. Слово «перестройка» настораживало северокорейскую политическую элиту. Здесь еще не забыли «хрущевскую оттепель», обернувшуюся охлаждением северокорейско-советских отношений.

В целом сохранялся «лесной сценарий» присутствия северокорейского локального сообщества на юге Дальнего Востока. В 1989 г. в лесной отрасли трудилось 20 550 чел. (в том числе 13 550 чел. – в Хабаровском крае и 7000 чел. – в Амурской области). Специфика занятости людей в таежных условиях в совокупности с другими факторами во многом определяла относительно изолированный быт, (мигранты могли организованно посещать магазины, покупать товары[6] общаться с советскими производственными наставниками).

По неофициальным источникам установлено, что в позднесоветское время ежемесячная оплата труда у работников из КНДР очень разнилась, хотя ее механизм в подавляющем большинстве случаев складывался на базе принципа уравнительности и в рамках распределительной системы. В начале 1980-х, по одним данным, заработная плата составляла 50–80 руб. (у водителя тяжелого грузовика или лесоруба), по другим – 100 руб. (или 120 долл. по обменному курсу того времени в месяц). Трудовой мигрант получал меньше, чем за аналогичную работу получал бы гражданин СССР. Такое явление было и остается типичным для многих стран с капиталистической системой и сегодня. В формате «лесного сценария» продолжала развиваться так называемая компенсационная модель расчетов. На территории Дальнего Востока командировочные корейцы в СССР не голодали. Одновременно в период работы они старались вести привычный для них аскетический образ жизни[7], а полученные деньги особо не тратили, и у жившего «на всем готовом» рабочего скапливалась некоторая сумма советских рублей, которыми они могли воспользоваться, уезжая на родину

«*Трансформационно-рыночный сценарий*». Устоявшиеся к концу позднесоветского периода порядок пребывания и быт северных корейцев на Дальнем Востоке стали меняться в 90-е гг. XX в. Уникальность времени состояла в том, что и в принимающем государстве и стране-доноре складывалась новая социально-политическая и экономическая обстановка. Миграционная система объективно подверглась их мощному воздействию. Неудавшаяся перестройка в стране привела к кризису управления на предприятиях и в целом в региональной экономике [27: с. 693–869]. В условиях кризиса начала 1990-х пришедшая к власти команда либералов начала проводить программу разгосударствления собственности, повсеместно возникали предпринимательские структуры, в том числе и в лесной промышленности Дальнего Востока. В январе 1991 г. (незадолго до распада СССР и принятия плана разгосударствления собственности) возникла корпорация «Российские лесопромышленники».

[5] В развитие договоренностей Кан Сен Сан и Н.А. Тихонов подписали ряд соглашений: об экономическом и научно-техническом сотрудничестве, о строительстве в КНДР атомной электростанции, а также протокол о результатах переговоров о развитии торгово-экономического сотрудничества на 1986–1990 гг.

[6] Во время одной из экспедиций на восточный участок строительства БАМа мне довелось увидеть группу рабочих, которая обедала в столовой строителей недалеко от Тынды.

[7] Заметим, что это распространенная черта образа жизни и у других этнических мигрантов, например у современных гастарбайтеров из Узбекистана.

Она совместно с Хабаровским крайисполкомом, Амурским облисполкомом, наряду с другими заинтересованными территориями и ведомствами (Госкомэкономикой РСФСР, МВЭСом РСФСР, Минлесхозом РСФСР, МИДом РСФСР) внесли предложение о дальнейшем сотрудничестве с КНДР в 1991–1993 гг. на территории Хабаровского края и Амурской области по заготовке, переработке древесины. Правительство И. Силаева поручило доработать проект нового соглашения, и 22 июля 1991 г. документ был одобрен распоряжением Совета министров РСФСР [29]. Он содержал пункты, которые меняли некоторые положения, связанные с обязательствами сторон. Но в полном объеме документ так и не был реализован. Не стало государства СССР. Процесс приватизации государственных заготовительных предприятий в регионе привел к бурному росту числа мелких фирм и экспортеров, государственный контроль за деятельностью в лесной отрасли практически отсутствовал [2: с. 103–106]. Предприниматели, заинтересованные в быстрой прибыли, в основном делали ставку на привлечение дешевой рабочей силы, при этом они часто нарушали еще не устоявшийся миграционный режим.

В середине 1990-х гг. работники из КНДР, занятые в лесной отрасли на Дальнем Востоке наряду с другими иностранными и отечественными рабочими, оказались в сложных обстоятельствах. Трудовые мигранты из бывших советских республик уезжали с прежних мест из-за отсутствия работы и низких заработков. Известны факты, когда северные корейцы самовольно покидали предприятия. В целях социально-политической безопасности и обеспечения новых предпринимательских структур рабочей силой новая российская власть создавала новое миграционное законодательство[8], которое в дальнейшем постоянно корректировалось. С президентского указа Б.Н. Ельцина от 16 декабря 1993 г. началась новая эпоха приема иностранной рабочей силы на Дальнем Востоке. Даже после указа и принятия межправительственного соглашения между Россией и КНДР от 24 января 1997 г. часть прибывших из КНДР пополнила теневой рынок труда. Крупные дальневосточные предприятия-работодатели, находясь в процессе реформирования собственности, оказались неспособными обеспечить трудовых мигрантов работой, что повлекло за собой ухудшение положения работающих. Даже крупнейшее предприятие в регионе АО «Ургаллес» оказалось неспособным обеспечить работой северокорейских рабочих [18: с. 113]. Были случаи, когда как с российской, так и с корейской стороны была «передача» работников без оформления необходимых документов в целях сокрытия денежных оборотов во взаиморасчетах [18]. Таким образом, шло активное разложение «лесного сценария», т.е. советско-северокорейского наследства. Северокорейский поток, несмотря на исторически сложившуюся практику специализации, постепенно входил в условия рыночной конкуренции. Для него таковыми оказались китайцы и постепенно набиравший силу поток из государств СНГ.

Правительство страны-донора быстро приспосабливалось к новым реалиям. Но некоторые традиции миграционной системы по-прежнему сохранялись в 90-е гг., причем с выгодой для политического режима КНДР. Например, по требованию северокорейской стороны трудовые соглашения с принимающей стороной составлялись таким образом, что российские предприятия перечисляли все заработанные мигрантами деньги на счета их представительств по трудоустройству граждан КНДР в России. Рабочие из КНДР получали заработанное только по возвращении на родину, а в период работы в России должны были существовать на поденные заработки и вынуждены были переходить на самообеспечение. И, как следствие, уходили в прошлое жесткие правила передвижения, возникали новые практики найма на работу. Появились северокорейские менеджеры (бригадиры), которые искали дополнительные рабочие места. Более того, прибывавшие на Дальний Восток были из числа уже нового поколения, испытавшего изменения в собственной стране[9].

Российские властные структуры трудовой поток из КНДР вводили в общее миграционное правое поле. В 1997 г. Федеральная миграционная служба РФ приняла ряд мер по ужесточению правил въезда северных корейцев в Россию. А после того, как 31 декабря 1998 г. прекратило действие шестое межправительственное соглашение о совместных заготовках, соответствующие службы провели ра-

[8] 16 декабря 1993 г. Президент РФ Б.Н. Ельцин подписал указ «О привлечении и использовании в РФ иностранной рабочей силы», определивший и формирование краевых и областных миграционных служб, которые должны были заниматься всеми потоками мигрантов.

[9] В 1997 г. после окончательной концентрации власти в руках Ким Чен Ира он был назначен генеральным секретарем Трудовой партии Кореи и председателем Комитета национальной обороны, так как пост президента был навсегда закреплен за его отцом. В 1992 и 1998 гг. были приняты очень важные поправки в Конституции КНДР, открывшие путь элементам либерализации экономической сферы. Российские исследователи, оценивая реформы Ким Чен Ира, подметили, что страна предприняла ряд мер к смягчению и внутреннего режима, и международных внешних связей. Однако реформы вкупе с другими обстоятельствами в 1995–1999 гг. не смогли остановить социально-экономического кризиса: в КНДР наступил голод. По данным А. Ланькова, от голода погибли 240–600 тыс. чел. – это 1–2,5 % всего населения страны.

боту по сворачиванию деятельности лесозаготовительного представительства и по вывозу самих лесорубов на родину, что сказалось на сокращении их численности (табл. 1).

Таблица 1

Численность трудовых мигрантов из КНДР на юге Дальнего Востока(1995–2003), чел.
[12: с. 109]

Год	Амурская область	Хабаровский край	Приморский край	Итого
1995	6986	319	3956	11 261
1996	3652	364	4114	8130
1997	2574	1016	3119	6709
1998	1826	986	2134	4946
1999	1404	2020	2374	5798
2000	2698	1363	1469	5530
2001	2909	1720	2013	6642
2002	3450	1730	2089	7269
2003	3269	1957	2020	7246

С 1990-х гг. локальное северокорейское сообщество на юге Дальнего Востока (трудовых мигрантов) постепенно видоизменятся. Идет расширение территории и отраслевой занятости. На первое место по численности работников из КНДР не только на Дальнем Востоке, но и в целом по России выходит Приморье, имеющее непосредственную границу с КНДР. Специфика корейского потока состояла в том, что даже при «рыночном сценарии» он стимулировался политическими событиями. В 1995 г. во время визита в КНДР главы администрации Приморского края Е.И. Наздратенко было подписано соглашение, по которому в регион могли прибыть около 10 тыс. северокорейских работников, в основном в сельское хозяйство и строительство (табл. 2). В городах Артеме и Уссурийске были открыты представительства корейского сельскохозяйственного общества, привлечено 500 граждан КНДР. Корейцы стали работать также на строительных объектах компаний Дальрыбстрой и АКФЕС [6]. Но при расширении географии и отраслевой занятости численность северных корейцев в период трансформации и развития рынка так и не достигла советского времени (см. табл. 1).

Таблица 2

Динамика численности северных корейцев в Приморье в 2004–2009 гг. [3]

Годы	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Северные корейцы, чел.	2020	4442	8417	6537	5485	5988

В 1995–2017 гг. наблюдаются колебания численности всей иностранной рабочей силы в регионе, в том числе из КНДР, причем это связано не только с миграционными отношениями. Первый всплеск в Приморье пришелся на 1996 г. (более 4 тыс.), он повторился в 2006 г. (более 8 тыс. чел., но в следующем году уже сократился), после того как был достигнут ряд устных договоренностей о повышении въездной квоты для рабочих из КНДР, а также в 2012 г., когда северокорейские рабочие активно привлекались российскими работодателями на стройки АТЭС (более 7 тыс. чел.). Однако численность не является основной характеристикой «рыночного сценария», расширение сферы занятости в большей степени отражает его специфику. Прибывшие в 2000-е гг. на заработки вливались в строительную и рыбную отрасли на территории Приморья и в сельское хозяйство Амурской области, в последние годы стали возникать северокорейские рестораны и кафе со своим обслуживающим персоналом, хотя их не так много, как китайских. Более того, неожиданно появились работники, которые стали оказывать медицинские услуги. Как точно подчеркнул посол России в КНДР А.И. Мацегора: «Вообще, наши корейские друзья очень разворотливые и гибкие. И они подстраиваются под изменяющуюся обстановку» [17]. Северные корейцы отличаются дисциплинированностью на производстве и высокой степенью законопослушности (исключение составляют 1991–1997 гг.). В 2014 г. в Приморском крае встали на миграционный учет 11 298 граждан КНДР, из них 4797 въехали работать, при этом ими было совершено всего 120 административных правонарушений в сфере миграций. Законопослушность прибывающих из КНДР – это специфическая черта трудового потока, которая сохраняется, в том числе, и за счет политики государства-донора. Прежде чем поехать в страну на заработки, корейцы изучают русский язык, традиции, чтобы знать, как себя вести. Со стороны России принимаются соответствующие меры, например, при российском посольстве в КНДР функционирует центр «Русский мир», где корейцы сдают экзамен по русскому языку [17]. КНДР демонстрирует заинтересованность в сохранении миграционных отношений с Россией, но действует с учетом новых реалий. Отправку рабочих за рубеж осуществляют государственные компании. Самая известная из них «Рыннадо». Как отмечает Л. Захарова, ссылаясь на мнение европейских экспертов, её деятельность оценивается «как северокорейская версия мультинациональной корпорации» [16: с. 100].

Основным результатом трансформации исторических сценариев пребывания северных корейцев на Дальнем Востоке является постепенное уменьшение изолированности мигрантов от принимающего сообщества, хотя не всегда явное, более свободное передвижение в городах, вовлечение трудовых мигрантов в потребительскую культуру. Во Владивостоке часто можно наблюдать сцены, когда

группа северных корейцев с приобретенными товарами нанимают такси. В разных формах наблюдается встраивание их в повседневные структуры, связанные с рынком труда. Хотя сами корейцы в основной своей массе не проявляют особой активности для расширения контактов с местным населением, но и здесь наблюдаются изменения. В газете «Дальпресс» в 2000-е гг. активно публикуются объявления о предоставлении услуг по ремонту квартир, есть сайт https://remontkorea.ru, многим владивостокцам известны телефоны бригадиров-ремонтников. Северокорейские работники берут себе русские имена во время найма их для ремонта квартир, они договариваются о возможности их угощения или «кормления» на время найма, привыкая к новым продуктам. Те, кто занимается предоставлением медицинских услуг, распространяют методы корейской нетрадиционной медицины. Официантки в ресторанах хорошо общаются на русском языке, исполняют российские песни. Таким образом, на уровне повседневности происходит невольное общение с местным населением.

Резюме. Анализ миграционной системы двух государств показывает, что географический фактор в совокупности с демографическим и экономическим имел большое значение для поддержания ее устойчивости. Но политика в не меньшей степени играла свою роль. В течение 70 лет в дальневосточном регионе сохранялась устойчивость многих элементов, которые поддерживали правительства двух государств. Специфика рассмотренных исторических сценариев состояла в том, что в их устойчивости важную роль выполняло государство-донор, и это коренным образом отличает рассмотренную миграционную систему от других, имевших место в истории. Другая специфика миграционной системы: государство-реципиент также использовало идеологический контроль для обеспечения социально-политической безопасности на дальневосточной территории. На этапе же «рыночного сценария» российские органы власти этот специфический инструмент на фоне активно транслируемого КНДР применяют для поддержки законопослушания и снижения административной деликатности трудовых мигрантов. В этом также суть специфики трансформации сценариев. Миграционная система «СССР/Россия–КНДР» в течение 70 лет выполняла и политическую функцию. Устойчивость миграционной системы в XXI в. держится как на интересах российских предпринимательских структур, так и на прагматизме руководства КНДР, которое использование труда своих граждан за рубежом рассматривает как один из каналов пополнения валюты.

Все три исторических сценария показывают, что, несмотря на жесткий контроль Трудовой партии КНДР и специальных органов за пребыванием своих граждан на территории дальневосточного приграничья, объективно расширялся кругозор последних на бытовые вещи. «Рыночный сценарий» на дальневосточной периферии формировался изначально под воздействием целого комплекса факторов разного уровня, который совпал по времени в двух государствах.

Однако присоединение России к санкциям по КНДР может на долгие годы заморозить рыночный сценарий присутствия трудовых мигрантов из этой страны на Дальнем Востоке. Глобальные вызовы середины XX в. послужили началом формирования рассмотренной миграционной системы, но вызовы XXI в. становятся разрушающим её фактором.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альтов, В.* Северная Корея. Эпоха Ким Чен Ира на закате / В. Альтов, А. Панин. – М. : ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. – 320 с.

2. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 гг. (экспертно-аналитическое мероприятие) / рук. раб. группы – Председатель Счетной палаты Российской Федерации С.В. Степашин. – М. : Олита, 2004. – 185 с.

3. Аналитические записки УФМС по Приморскому краю за 1995, 1998, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010 гг. // Архив Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН.

4. *Блинова, М.С.* Современные социологические теории миграции населения [Электронный ресурс] : автореф. дис. … канд. соц. наук / М.С. Блинова. – М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2008. – Режим доступа : http://avtoreferat.seluk.ru/at-sotsiologiya/24754-1-sovremennie-sociologicheskie-teorii-migracii-naseleniya.php (дата обращения: 15.01.2018).

5. *Бок, Зи Коу*. Корейцы на Сахалине / Бок Зи Коу. – Южно-Сахалинск : Южно-Сахалинский гос. пед. ин-т, 1993. – 219 с.

6. *Ващук, А.С.* Северные корейцы на российском Дальнем Востоке в советское и постсоветское время: традиционные и новые подходы / А.С. Ващук // Этномиграционные процессы на Дальнем Востоке : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Хабаровск, 27–28 окт. 2017 г.) / под ред. Ю.М. Сердюкова. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2017. – С. 32–40.

7. *Ващук, А.С.* Трудовые мигранты из КНДР на российском Дальнем Востоке во второй половине XX – начале XXI века / А.С. Ващук // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2012. – № 1. – С. 76–81.

8. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. / А.С. Ващук [и др.]. – Владивосток : ДВО РАН, 2002. – 228 с.

9. Выписка из постановления Совета Министров СССР № 3600 «Об осенне–зимних лесозаготовках в сезон 1948–1949 г.» // ГАСО. – Ф. 53. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 11.

10. Государственный архив Сахалинской области (ГАСО).

11. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК).

12. *Друзяка, А.В.* Исторический опыт государственного регулирования миграции на юге Дальнего Востока России (1858–2008) / А.В. Друзяка. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2010. – 290 с.

13. *Забровская, Л.В.* Власти КНДР и РК в борьбе за симпатии сахалинских корейцев (1990-е годы) /Л.В. Забровская

// Китай и АТР на пороге XXI в. : тез. докл. IX междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мировая история, современность, перспективы» (Москва, 29 сент. – 1 окт. 1998 г.). – М., 1998. – Ч. 1. – С. 185–188.

14. *Забровская, Л.В.* КНДР – Россия – РК: Обмен трудовыми ресурсами [Электронный ресурс] / Л.В. Забровская // Демоскоп. – Режим доступа: http://demoscope.ru (дата обращения: 11.06.2010).

15. *Забровская, Л.В.* Отечественная и зарубежная историография о современном положении КНДР и российско-северокорейских отношениях [Электронный ресурс] / Л.В. Забровская // Российская ассоциация университетского корееведения. – Режим доступа: http://www.rauk.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=595 %3A2011-04-02-15-18-59&catid=36 %3A2011-04-16-04-43-58&Itemid=139&lang=ru (дата обращения: 12.06.2017).

16. *Захарова, Л.В.* Трудовая миграция из Северной Кореи как важное направление ее внешнеэкономических связей / Л.В. Захарова // Проблемы Дальнего Востока. – 2017. – № 5. – С. 93–94.

17. Интервью посла России в КНДР А.И. Мацегоры информагентству «Россия сегодня», 14 апреля 2017 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.mid.ru/nota-bene/-/asset_publisher/dx7DsH1WAM6w/content/id/2729503 (дата обращения: 31.01.2018).

18. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). В 2 кн. Кн. 2. Миграционные вызовы и стратегии обеспечения социально-политической безопасности дальневосточных территорий / А.В. Друзяка, [и др.]. – Владивосток, 2014. – 224 с.

19. *Кузин, А.Т.* Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы : документально-исторический очерк / А.Т. Кузин. – Южно-Сахалинск : Дальневост. кн. изд-во, Сахалин. отд-ние, 1993. – 368 с.

20. *Кузин, А.Т.* Исторические судьбы сахалинских корейцев. В 3 кн. Кн. 1. Миграция и депортация (вторая половина XIX в. – 1937 г.) / А.Т. Кузин. – Южно-Сахалинск : Сахалинское кн. изд-во, 2009. – 262 с.

21. *Кузин, А.Т.* Исторические судьбы сахалинских корейцев. В 3 кн. Кн. 2. Интеграция и ассимиляция (1945–1990) / А.Т. Кузин. – Южно-Сахалинск : Сахалин. кн. изд-во, 2010. – 336 с.

22. *Кузин, А.Т.* Исторические судьбы сахалинских корейцев. В 3 кн. Кн. 3. Этническая консолидация на рубеже XX–XXI вв. / А.Т. Кузин. – Южно-Сахалинск : Лукоморье, 2010. – 384 с.

23. *Ланьков, А.Н.* Северокорейские рабочие в России – трудовые мигранты или рабы? [Электронный ресурс] / А.Н. Ланьков // Meduza. – Режим доступа: https://meduza.io/feature/2017/06/30/severokoreyskie-rabochie-v-rossii-trudovye-migranty-ili-raby (дата обращения: 30.06.2017).

24. *Ланьков, А.Н.* Россия в глобальной политике. Совет по внешней и оборонной политике. Цугцванг Пхеньяна. Почему Северная Корея не пойдет китайским путем [Электронный ресурс] / А.Н. Ланьков. – Режим доступа: http://globalaffairs.ru/number/Tcugtcvang-Pkhenyana-15962 (дата обращения 12.05.2017).

25. *Ланьков, А.Н.* Человек вождя: Как живут бизнесмены в Северной Корее [Электронный ресурс] / А.Н. Ланьков // he Village. Новости Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга. Люди, места, события. – Режим доступа: http://www.the-village.ru/village/business/how/157155-severnaya-koreya (дата обращения: 12.01.2018).

26. Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. / под общ. ред. В.В. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. – Владивосток : Дальнаука, 2009. – 696 с.

27. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) [Электронный ресурс] / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. – Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2016. – 940 с. – Режим доступа: http://ihaefe.org/files/publications/full/dv-history-2016.pdf

28. Протокольная запись речи первого секретаря Верхнебуреинского райкома КПСС тов. Луночкина В.И. и секретаря парткома ТПК лесозаготовительного Представительства КНДР в СССР и тов. Пак Чун Сон, 26 мая 1967 г. Чегдомын // ГАХК. – Ф. 35. – Оп. 105. – Д. 156. – Л. 206–212.

29. О проектах межправительственных соглашений о продолжении с КНДР в 1991–1993 гг. на территории Хабаровского края и Амурской области и с Республикой Болгарией в 1991–1992 гг. на территории Коми ССР и Архангельской области сотрудничества в заготовке, переработке древесины и восстановлении леса [Электронный ресурс] : распоряжение Совмина РСФСР от 22.07.1991 г. № 820-р // Информационный портал «Новости регионов». – Режим доступа: http://regnews.org/law/rh/mr.htm) (дата обращения: 12.01.2018).

30. Сахалинские корейцы: история и современность (документы и материалы) 1980–2005 / авт.-сост. А.Т. Кузин. – Южно-Сахалинск : Южно-Сахалинское областное кн. изд-во, 2006. – С. 132–133.

31. *Скрипник, Е.О.* «Северокорейское трудовое рабство» в России: социально-экономические факторы / Е.О. Скрипник // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX и XX–XXI в.– Иркутск : Оттиск, 2012. – С. 315–339.

32. О состоянии режима проживания и передвижения граждан лесозаготовительного представительства КНДР : справка от 09.06.1976 г. // ГАХК. – Ф. 35. – Оп. 105. – Д. 156. – Л. 182–186.

33. *Чернолуцкая, Е.Н.* Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. / Е.Н. Чернолуцкая. – Владивосток : Дальнаука, 2011. – 512 с.

34. *Vachin, S.* Human securiny as f problematic area of contact between politics and science: the peculiaritie of East Asia / S. Vachin // International Journal of Social Science and Humanity. – 2015. – Vol. 5. – P. 54–57.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И РОЛЬ ВОСТОЧНО-АЗИАТСКИХ МИГРАЦИЙ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)*

Л.И. Галлямова

Галлямова Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).

Контактный адрес: ludagal@mail.ru

В статье анализируются восточно-азиатские миграции на Дальний Восток России в конце XIX – начале XX в. Освещаются предпосылки миграции подданных Китая, Кореи и Японии в Приморье и Приамурье, выделяются этапы развития миграций, оцениваются их количественные масштабы и национальный состав, распределение мигрантов по сферам занятости в экономике региона. Обосновывается вывод о весомой, хотя и противоречивой роли восточно-азиатского миграционного потока для развития экономики Дальнего Востока России.

Ключевые слова: Россия, Дальний Восток, хозяйственное освоение, миграции, Китай, Корея, Япония.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-49-54

Окончательное присоединение и закрепление за Россией Амурско-Приморского края, произошедшее на рубеже 50–60-х гг. XIX в., поставило перед Российским государством сложнейшую задачу по заселению и освоению этой наиболее отдалённой окраины, главная отличительная особенность которой заключалось в крайней малочисленности её населения. Естественно, что концентрация здесь военных сил была мерой недостаточной для укрепления позиций империи в дальневосточном регионе, в связи с чем правительство встало на путь стимулирования процессов заселения и освоения Дальнего Востока.

26 марта 1861 г. в России был принят закон – «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири», который создал законодательную основу для притока не только российских, но и иностранных мигрантов, так как Правила предусматривали поощрение иностранной колонизации; тогда же возникли различные проекты создания в крае чешских, прусских, австрийских и других колоний, однако ни один из этих проектов осуществлен не был [25: с. 148–149].

Благодаря принятым законодательным мерам, а также в силу пограничного положения Дальний Восток довольно быстро оказался в сфере активного воздействия миграционных волн из ближнего зарубежья – Китая, Кореи и Японии. В свою очередь, осваиваемый Россией край, испытывавший острую нехватку в рабочей силе, в развитии торговли и муниципального хозяйства, охотно использовал предлагаемые возможности.

Уже с начала 1860-х гг. активизируется приток на Дальний Восток китайских подданных, прибывавших сюда на заработки. В частности, в только что основанном Владивостоке вскоре появились десятки мелких китайских торговцев, ремесленников, чернорабочих, крестьян, которые поставляли скот, овощи, птицу, вино, муку и другие продукты, работали на новостройках и т.д. Со своей стороны Владивосток, испытывавший острый дефицит рабочей силы, охотно использовал предлагаемые возможности для развития торговли и городского хозяйства. Так, в 1865 г. на строившейся во Владивостокском порту парусной шхуне «Эмилия», заказанной купцом Я.Л. Семеновым, в качестве рабочих использовались китайцы. К 1868 г. во Владивостоке насчитывалось 20 китайских фанз, в них проживало 36 чел., а летом численность китайцев доходила до 300 чел. [10: с. 14, 15, 21, 38, 39, 42, 43, 53, 54].

По данным губернаторских отчётов, в 1880-е гг. в Приамурье проникало от 3 до 5 тыс. китайских отходников (ГАРФ[1]: ф. 586, оп. 1, д. 39, л. 7об.; РГИА ДВ[2]: ф. 87, оп. 1, д. 99, л. 13). Наиболее заметно росло количество китайских рабочих в золотодобывающей промышленности: если в 1890 г. на амурских приисках «жёлтые» рабочие составляли менее 6 % рабочих, то в 1893 г. – 20 %, а к концу 90-х гг. – уже более 40 % , в 1900 г. численность выходцев из Китая на приисках Дальнего Востока достигла свыше 5,7 тыс., или более 36 % всех рабочих (Подсчитано по: РГИА[3]: ф. 391, оп. 2, д. 599, л. 146 об.; ф. 1273,. оп. 1, д. 186, л. 270 об. – 271; ф. 394, оп. 1, д. 10, л. 241; ГААО[4]: ф. 8, оп. 1, д. 51, л. 78 об.).

*Статья подготовлена при поддержке гранта18-509-51001 НИФ_а «Малая Восточная Азия» на Дальнем Востоке России: исторический опыт и современные проблемы этнокультурного сосуществования россиян и мигрантов из Восточной Азии».

[1] ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

[2] РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.

[3] РГИА – Российский государственный исторический архив.

[4] ГААО – Государственный архив Амурской области.

Особенно большие массы отходников из Китая нанимали на различные новостройки в летний сезон. Так, на сооружении Уссурийской железной дороги работали от 5 до 10 тыс. китайских рабочих, а агентство Добровольного флота, строившее свои мастерские, пакгаузы, причалы и другие сооружения во Владивостоке, в 1898–1901 гг. нанимало от 48,6 до 59,4 тыс. чел., среди которых китайцы составляли значительное большинство: от 34,6 до 44,1 тыс. (РГИА ДВ, ф. 5, оп.1, д. 496, л. 200).

В целом в 1890-е гг. в связи с массовым привлечением китайских рабочих их приток в Приамурье резко возрос, достигая в конце 1890-х гг., по некоторым данным, 50 тыс. чел. (РГИА ДВ, ф. 5, оп. 1, д. 496, л. 6 об.– 25, 200, 220, 221; ГАРФ, ф. 586, оп. 1, д. 39, л. 7 об.; ф. 87, оп. 1, д. 99, л. 13). Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, происходившая зимой 1897 г., когда большинство сезонников возвращались домой, зарегистрировала в Приморской области 30,28 тыс. китайцев, или 14,5 % жителей, в Амурской – 12,54 тыс. (10,4 %), на Сахалине – 0,14 тыс. (0,5 %) [20: т. 72, с. 1; т. 76, с. 1; т. 77, с. 1], т.е. удельный вес китайских мигрантов оказался наиболее высоким в Приморье.

В 1903 г. член Приморского статистического комитета Ф.Л. Вильчинский предпринял анкетное обследование рабочего рынка Приморской области, которое показало, что удельный вес китайских отходников в составе приморских рабочих достиг более 30 % – 7622 из 21 708 зарегистрированных рабочих. Однако на самом деле их доля на рынке труда была выше, потому что многие сферы занятости не подверглись анкетированию. В частности, по сведениям владивостокской полиции, к началу сентября 1903 г. только во Владивостоке насчитывалось 16 800 китайцев, из них в торговле было занято 850 (в первую очередь занятые по найму), в качестве прислуги – 1000 чел., мастеровых – 3650, чернорабочих – 11 000 чел. [3: с. 5]. Выходцы из Китая полностью доминировали в таких сферах, как строительное дело, каботаж на мелких судах, перевозка пассажиров на лодках, крабовый, рыбный, трепанговый, устричный и прочие морские промыслы, огородничество, перевозка тяжестей на телегах, ассенизация города, водоснабжение домов, домашняя прислуга и проч. [3: с. 5].

Мигранты из Кореи впервые появились в Приамурье в 1862 г. небольшой группой, хотя и до того наблюдалось тайное проникновение одиночных (или в небольшом количестве) корейцев исключительно на летние заработки [25: с. 151; 8: с. 128]. Ежегодно число нелегальных корейских переселенцев возрастало, и к 1869 г., по данным Н.М. Пржевальского, их уже насчитывалось в Приамурье 1800 чел. [24: с. 132]. Постигший Корею в 1869 г. неурожай и последовавший за ним свирепый голод увеличили корейскую эмиграцию: с июня по декабрь этого года в Приамурье из Кореи прошло до 6,5 тыс. чел. [2: с. 2; 21: с. 2]. Корейские законы наказывали за эмиграцию смертной казнью, но это не останавливало поток нищих, голодных корейских бедняков, массами проникавших на русский Дальний Восток (к середине 1880-х гг. только во Владивостоке и его окрестностях уже насчитывалось около 400 корейцев (ГАРФ: ф. 586, оп. 1, д. 177, л. 5 об.). В 1884 г. была заключена российско-корейская конвенция, которая легализовала проживавших в Приамурье корейцев как русско-подданных. Корейцы, эмигрировавшие в край после 1884 г., стали считаться временно пребывающими. По данным Всероссийской переписи 1897 г., на Дальнем Востоке проживало 26,1 тыс. корейцев (как русско-подданных, так и не имевших гражданства), накануне Первой мировой войны их численность составляла примерно 60,8 тыс. чел., а к 1917 г. возросла до 100 тыс. [20: т. 72, тетр. 2, с. XIII–XIV; т. 76, тетр. 1, с. XIV; 29: с. 20 – 21; 21, с. 6; 22: с. 15].

Корейская иммиграция носила преимущественно земледельческий характер: большинство иммигрантов составляли выходцы из сельских районов Кореи, занимавшиеся земледелием и рисоводством. Однако неземледельческое отходничество в этом миграционном потоке также играло довольно значительную роль, явившись источником рабочей силы для зарождавшейся дальневосточной промышленности. В частности, с начала массовой миграции корейцев, по распоряжению приморского губернатора, корейцев-мастеровых (плотники, столяры, кузнецы, каменщики) отправляли во Владивосток на устройство дока (в порту трудилось от 40 до 60 корейцев), остальных – в Посьет на добычу угля, на прокладку грунтовой дороги по долине р. Даубихе, на заготовку дров, на пересортицу зерна в военных складах и т.д. Со временем число корейцев стало быстро расти на лесных и морских промыслах, среди городских чернорабочих, в мелком морском каботаже и пр. (РГИА: ф. 1263, оп. 1, д. 4520, л. 382; ф. 1284, оп. 223, д. 43, л. 5, 9; ф. 1315, оп. 1, д. 1, л. 39 об.; РГА ВМФ[5]: ф. 967, оп. 3, д. 5, л. 26 об. – 28, 31–33; ГАИО[6]: ф. 135, оп. 1, д. 190, л. 449, 450).

В конце XIX в. все проживавшие в крае корейцы-земледельцы были разделены на три большие группы: первую составляли корейцы, имевшие русское подданство, приписанные к крестьянскому сословию и занимавшиеся сельским хозяйством на своих наделах; во вторую группу входили корейцы русско-подданные и иностранно-подданные, арендовавшие земли, или рабочие в сельском хозяйстве; в третью группу – корейцы иностранно-подданные,

[5] РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского флота.

[6] ГАИО – Государственный архив Иркутской области.

арендовавшие казенные земли или использовавшие их захватным способом [28: с. 57]. В частности, в 1909 г. в Приморской области в аренде у корейцев имелось 10 055 дес. земли: в Никольск-Уссурийском уезде – 7122 дес., в Иманском – 989 дес., в Ольгинском – 2318 дес., в Хабаровском – 35 дес., в Удском уезде – 86 дес. [8: с. 155].

Японские иммигранты появились на русском Дальнем Востоке в 1870-е гг. (в частности, в 1875 г. их численность составляла 50 чел.), хотя на морских промыслах Сахалина рабочие из Японии появились раньше, ещё до окончательного включения острова в состав России. К концу 1870-х гг. во Владивостоке проживало уже несколько десятков японцев, в связи с чем в 1878 г. во Владивостоке было учреждено японское коммерческое агентство. В 1881–1883 гг. на рыболовных промыслах у восточного побережья Приморской области насчитывалось 1021–1083 японских рабочих, а на строительных работах во Владивостоке – десятки мастеровых (плотники, каменщики, столяры и т.д.) из Иокогамы (100 чел.) и Нагасаки (50 чел.) (РГИА ДВ: ф. 87, оп. 1, д. 99, л. 7 об.; РГИА: ф. 1284, оп. 223, д. 43, л. 5; д. 130, л. 3).

В 1889 г. установилось регулярное пароходное сообщение между Владивостоком и Цуругой, с этого времени численность японцев в Приамурском крае стала заметно расти, увеличившись за 10 лет более чем в 3 раза. Приток японских подданных был внушительным лишь на сезонные работы на рыбные промыслы, а численность постоянно проживавших в крае японцев в 1910–1914 гг. колебалась от 4,2 до 4,8 тыс. [8: с. 201; 7: с. 32–36]. Японская миграция носила в основном маятниковый характер, т.е. пребывание в крае большинства из них было кратковременным. Например, на арендуемые на русском Дальнем Востоке японскими предпринимателями рыболовные участки прибывало ежегодно из Японии по несколько тысяч человек: в 1909 г. – 7 тыс., в 1912–1914 гг. – 13–15 тыс., которые после окончания промыслового сезона возвращались на родину [8: с. 202; 27: прил. 8–11; 9: с. 206; 31: с. 120].

Однако часть японских подданных поселялась на Дальнем Востоке надолго. В 1895 г. в Приамурском генерал-губернаторстве проживало 734 японца, в 1900 г. – 2,4 тыс., а в 1910 г. – 4,5 тыс. (РГИА: ф.1276, оп. 4, д. 18, л. 280; ф. 1263, оп. 2, д. 5189, л. 93) [5: с. 1; 8: с. 430–432]. Японские иммигранты оседали главным образом в городах, причем наиболее крупная японская диаспора сложилась во Владивостоке, который концентрировал половину всех японцев (в 1900 г. – 53 %, в 1910 г. – 50 %).

В 1890-е гг. японские мастеровые и ремесленники становятся обыденным явлением на дальневосточном рынке труда, особенно в городах Приморской области и в первую очередь – во Владивостоке. Давая характеристику японской рабочей силы, приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской писал: «...привлечение в край японских рабочих и ремесленников представляется весьма желательным, как ввиду их почтенных личных качеств – ловкости, аккуратности, дисциплинированности и честности, так и потому, что они могли бы составить сильную конкуренцию китайцам и понизить цены на рабочие руки» [4: с. 27].

Благодаря отмеченным выше качествам японцев часто нанимали на промышленные предприятия в качестве мастеров, порой предпочитая их даже более искусным, но менее дисциплинированным и склонным к запоям русским мастеровым. Отличавшиеся чистоплотностью японки высоко ценились в качестве нянек и домашней прислуги, широко использовался японский труд в прачечных, фотографиях, парикмахерских, столярных, слесарных, ювелирных и часовых мастерских. Охотно использовали японские рабочие руки казенные предприятия, в частности Владивостокский военный порт: в его мастерских и на механическом заводе в 1894–1898 гг. было занято от 25 до 40 японских рабочих. Однако рост напряженности в русско-японских отношениях на рубеже XIX–XX вв. заставил администрацию порта отказаться от применения японского труда: в 1901–1902 гг. в порту насчитывалось 7–8, а в 1903 г. – всего 2 японских рабочих (РГА ВМФ: ф. 967, оп. 1, д. 118, л. 143, 143 об.).

В середине 1880-х гг. численность отходников из Китая, Кореи и Японии на различных сезонных работах в Приамурье уже достигала не менее 5 тыс. чел. Особенно быстро росло количество азиатских рабочих в золотодобывающей промышленности: если первые артели китайских рабочих были наняты Зейской и Ниманской компаниями в 1880 г. (причём этот опыт был признан неудачным), то не прошло и 10 лет, как в амурской тайге появились тысячи азиатских отходников. Так, в 1900 г. на приисках Дальнего Востока было занято свыше 6 тыс. китайских и корейских отходников, составлявших 40 % всех рабочих (Подсчитано по: РГИА: ф. 391, оп. 2, д. 599, л. 146 об.; ф. 1273, оп. 1, д. 186, л. 270 об. – 271; ф. 394, оп. 1, д. 10, л. 241; ГААО, ф. 8, оп. 1, д. 51, л. 78 об.).

С пуском в эксплуатацию Уссурийской железной дороги и особенно КВЖД стал быстро увеличиваться приток китайских рабочих в Приамурье. После Русско-японской войны отходничество из Китая на русский Дальний Восток достигло максимума: в 1907–1910 гг. на летний период прибывало ежегодно свыше 75 тыс. чел., большая часть которых (от 40 до 85 тыс.) устремлялась осенью обратно на родину. Поэтому посезонная разница в численности отходников была очень велика: от 30–40 тыс. чел. – зимой и до 105–110 тыс. чел. – летом [19: с. 246]. По мнению известного учёного и путешественника

В.К. Арсеньева, в 1906–1910 гг. только в Приморской области насчитывалось в среднем примерно 345 тыс. китайцев, тогда как по данным «обзоров» – около 110 тыс. [1: с. 179; 14: с. 94, 95; 15: прил. 1].

Лишь принятие дискриминационного закона от 21 июня 1910 г., запретившего наём на работы для надобностей казённого управления лиц, состоявших в иностранном подданстве, и сопутствовавших ему мер, повлияло на сдерживание наплыва азиатских отходников на Дальний Восток. В частности, по данным анкетирования рабочего рынка Приамурья, проведенного в 1911 г. и охватившего 108 962 чел., доля иностранных рабочих составила примерно 38 %, в том числе в Приморской области приблизительно 54 %, в Амурской – 27 % (Подсчитано по: [11: с. 9]). После вступления в действие ограничительного закона от 21 июня 1910 г. наметилось снижение притока восточно-азиатских мигрантов. Так, проведенное в 1913 г. обследование рабочего рынка выявило среди рабочих 20 % иностранцев, причём в Приморской области их удельный вес (сравнительно с 1911 г.) снизился в 4,5 раза – до 11 %, а в Амурской повысился до 39 % (в первую очередь из-за приисков, на которые ограничения не распространялись) (Подсчитано по: [23: с. 4]). В отдельных сферах занятости азиатские отходники составляли большинство рабочих: например, в рыболовных и морских промыслах – 54,1–52,1 %, в золотопромышленности – 87,8 %, на многих частных предприятиях строительной и обрабатывающей отраслей – 85–65% (Подсчитано по: [27: прил. 23; 31: с. 120; 23: с. 5; 18: с. 170, 171]; РГИА: ф. 37, оп. 58, д. 655, л. 56; ф. 391, оп. 5, д. 2196, л. 35 об.]).

С приостановкой действия вышеуказанного закона в годы Первой мировой войны численность азиатских рабочих на Дальнем Востоке стала снова расти. Обследованием рынка труда, проведённым летом 1915 г., было зафиксировано увеличение их удельного веса до 31,7 %, т.е. на 11,7 % выше уровня 1913 г., в том числе в Приморской области до 33,3 %, т.е. втрое выше, чем в 1913 г. (Подсчитано по: РГИА, ф. 391, оп. 5, д. 2223, л. 400 об. – 407, 498 об. – 499; оп. 6, д. 322, л. 96 об. – 123, 222 об. – 237).

Наряду с трудовой миграцией росла вольная предпринимательская миграция. Китайские и японские подданные весьма преуспевали в сфере дальневосточной торговли. Мелочная и разносная торговля практически полностью была монополизирована китайцами, китайские лавки и базары быстро стали достопримечательностью Владивостока, Благовещенска и других городов. По численности торговцев и торговых точек китайцы превосходили русскую торговлю, уступая ей, однако, по объему товарооборота. Японские торговые предприятия также довольно быстро завоевали прочные позиции, особенно среди владивостокских фирм [7: с. 33–35; 6: с. 107–109].

Специфической сферой японского сервиса была организация домов терпимости и поставка проституток, которых во Владивостоке в 1909 г., например, официально было зарегистрировано 230. Насколько выгодным был этот бизнес для владельцев японских публичных домов, можно судить по тому факту, что женщин во вновь осваиваемом крае чрезвычайно не хватало: в частности, по данным переписи 1897 г., во Владивостоке на 24,4 тыс. мужского населения было зарегистрировано всего 4,5 тыс. женщин. Доход владельцев домов терпимости был даже выше, чем у владельцев магазинов 2–4-го разряда [13: с. 101].

Среди корейских иммигрантов слой предпринимателей рос медленно, в основном они торговали мелочным товаром, продовольствием и сельскохозяйственной продукцией, лишь постепенно среди них выделилась немногочисленная зажиточная верхушка, нажившая капиталы на поставках продовольствия и фуража войскам. В частности, принадлежавшие корейцам лавки имелись в Новокиевске, Посьете, Славянке, Никольске. Занимавшиеся промыслом корейцы вели торговлю скотом, сеном и рыбой, некоторые поставляли лес, сено, продукты питания для русского населения и войск, среди них выделились довольно богатые. Так, Е.Н. Хан с 1898 г. поставлял войскам мясо, овес, лесоматериалы в Новокиевске, с 1903 г. – во Владивостоке, в 1910 г. оборот его фирмы составил приблизительно 250 тыс. руб. Примерно такой же оборот имел К.Н. Хван – никольск-уссурийский мясоторговец. Оптово-розничные операции по торговле мясом вела фирма «Цой – Цзюн – Чан», принадлежавшая владивостокскому купцу Н.Л. Цою. Е.Л. Хан и Н.Л. Цой владели пароходными компаниями, работавшими на линии «Владивосток–Корея» [32: с. 83].

В сфере прибрежных перевозок ведущую роль играли китайцы, менее значительную – корейцы. Так, в середине 1880-х гг. малым каботажем было занято примерно 575 шаланд, джонок, шлюпок, парусных лодок и т.д., из них 450 – китайских, 105 – корейских и только 20 – русских (РГИА: ф. 1284, оп. 223, д. 43, л. 9; д. 130, л. 4). В 1890-е гг. возросло также количество маломерных судов местного каботажа: в 1902 г. только потребности Владивостокского порта обслуживали 390 шаланд (китайского типа) и 750 шампунок, львиная доля этих перевозок находилась в руках китайцев, отчасти корейцев, незначительное количество принадлежало русским (РГИА ДВ: ф. 1, оп. 1, д. 1749, л. 8 об.).

Активно развивалось китайское и японское предпринимательство. Роль китайских предпринимателей стала определяющей в таких отраслях, как пошив меховых изделий, кузнечное дело, пошив китайской обуви, пивоварение, хлебопекарное производство, изготовление гончарной, известковой, уксусной про-

дукции. В их руках были сосредоточены значительная часть харчевен и пивных, большой объем ломового и шлюпочного извоза и строительно-подрядных работ, полностью монополизированы водоснабжение, ассенизаторские работы и пр. Японский бизнес занимал прочные позиции в ремесленном производстве (обработка дерева, кузнечно-слесарные работы) и в сфере сервиса, являясь доминирующим в таких его отраслях, как стирка белья, ремонт часов, фотография, парикмахерское обслуживание, пошив белья и одежды и т.д. [7: с. 107–109; 6: с. 33–35]. Китайские и японские подданные довольно быстро завоевали прочные позиции в сфере торговли, в первую очередь в южной части Приморского края. Так, в начале 1880-х гг. среди крупных торговых компаний Владивостока значилась и японская торговая фирма Боэнсиохой, а в 1890-е гг. в число шести крупнейших фирм первого разряда входили японская фирма «Сугиура сёкай» и две китайские компании, кроме того, успешно вели торговые операции более десятка средних китайских и японских фирм и несколько десятков мелких [30: с. 106; 10: с. 254, 170; 12: с. 93; 26: с. 20–22].

Если китайцы захватили в свои руки практически всю розничную торговлю российского Дальнего Востока, то основной областью приложения японского капитала была сфера обслуживания. Уполномоченный МИД России, член Амурской экспедиции В.В. Граве отмечал: «Японцы старались захватить в свои руки те отрасли труда, которые более подходят их характеру, то есть те, которые не требуют грубой силы, а напротив аккуратности, чистоты, некоторой смекалки. Нет ни одного крупного центра в Приамурье, где бы не было японских парикмахерских, прачечных, часовых и золотых дел мастеров, фотографий, портняжных, столярных и домов терпимости» [8: с. 204]. Японское предпринимательство на российском Дальнем Востоке развивалось в основном за счет мелких предприятий, не требующих вложения значительных капиталов. Однако, несмотря на это, им удалось практически монополизировать некоторые отрасли труда.

О роли азиатских мигрантов в развитии торговли и промышленности можно судить по результатам переписи, проведенной во Владивостоке и его окрестностях в 1911 г. Она показала весьма наглядную картину: зарегистрировано всего 2182 предприятия, из них европейцам принадлежало 935, китайцам – 1028, японцам – 192, корейцам – 27. В общей сложности азиатским владельцам принадлежали 71 % торговых предприятий, 66 % торгово-ремесленных и 6,64 % фабрично-заводских [16: с. 22–23]. И хотя по объему капиталов подданные Китая, Кореи и Японии уступали русским предпринимателям, но в целом они составляли очень и очень серьезную конкуренцию, их деятельность имела весьма существенное значение для функционирования экономической жизни.

Таким образом, слабая заселенность и окраинное положение предопределили сильнейшую зависимость Приамурья от внешних, в том числе азиатских, миграций, большое разнообразие форм и способов притока мигрантов, их распределения по сферам занятости и участия в хозяйственном освоении региона. На рубеже XIX–XX вв. роль азиатских иммигрантов в хозяйственной жизни Дальнего Востока росла довольно быстрыми темпами. «Жёлтые» рабочие, проникая всё дальше в самые глухие места, становятся важнейшим источником свободных рабочих рук для рынка рабочей силы региона, позволяя не только реализовывать крупные строительные проекты и функционирование различных предприятий, но и налаживать нормальную бытовую жизнь населения. В итоге миграционные потоки из Китая, Кореи и Японии стали весомым фактором, оказавшим значительное влияние на социально-экономическое развитие российского Дальнего Востока.

Однако значительное преобладание азиатских мигрантов ставило экономическое развитие края в прямую зависимость от их притока в регион. Дешевизна и доступность «жёлтых» рабочих, которые довольствовались меньшей оплатой и самыми примитивными бытовыми условиями, создавала конкуренцию на рынке труда и даже безработицу среди отечественных рабочих, так как многие предприниматели не желали нанимать более дорогих русских рабочих. Негативным следствием наплыва «жёлтой расы» являлось распространение золотничества, последовавшее за притоком китайских отходников на золотые промыслы, деформировался процесс складывания слоя постоянных рабочих, которые вместе с семьями стали покидать приисковые посёлки, начали пустеть уже сложившиеся таёжные «очаги цивилизации» и т.д., вместо оседлого населения в тайгу пришли артели старателей, ориентированные на кратковременное пребывание. С их приходом росли спиртоношество, преступность, но главное – развитие хищничества и большая утечка золота в Китай.

В целом же приток мигрантов не только заметно ускорял формирование дальневосточного населения, но и, восполняя дефицит людских ресурсов, являлся важным фактором процесса освоения и экономического развития региона. Кроме того, Дальний Восток России в начале XX в. становится зоной наиболее тесного взаимодействия славянской и восточно-азиатской культур. Хотя наряду с позитивным вкладом в экономику региона иностранная (азиатская) миграция создавала немало проблем в экономической, политической, социальной, этнокультурной сферах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арсеньев, В.К.* Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края. 1901–1911 гг. / В.К. Арсеньев. – Хабаровск, 1912. – 324 с.

2. *Вагин, В.* Корейцы на Амуре / В. Вагин // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. Т. I. – СПб., 1875–1876. – Ч. VIII. – С. 2–29.

3. *Вильчинский, Ф.Л.* Рабочие силы промышленных предприятий Приморской области : стат. исследование / Ф.Л. Вильчинский. – Владивосток, 1904. – 250 с.

4. Всеподданнейший отчёт Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского за 1893, 1894 и 1895 годы. – СПб., 1895. – 172 с.

5. Всеподданнейший отчёт Приамурского генерал-губернатора Гродекова за 1898–1900 гг. – Хабаровск, 1901. – 148 с.

6. *Галлямова, Л.И.* Китайское предпринимательство в Приморье на рубеже XIX–XX вв. / Л.И. Галлямова // Китайской Народной Республике 50 лет: История и современность. – Владивосток, 1999. – С. 107–109.

7. Галлямова, Л.И. Японские предприниматели во Владивостоке / Л.И. Галлямова // Россия и АТР. – 1992. – № 2. – С. 32–36.

8. Граве, В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье / В.В. Граве // Труды Амурской экспедиции. – СПб., 1912. – Вып. 11. – 490 с.

9. Лежнин, П.Д. Богатства Приамурья и Забайкалья / П.Д. Лежнин. – Чита : Изд-во наследников бр. Новомейских, 1922. – 356 с.

10. Матвеев, Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока / Н.П. Матвеев. – Владивосток, 1990. – 303 с.

11. Материалы по изучению рабочего вопроса в Приамурье. – СПб., 1912. – Вып. 2. – 250 с.

12. *Моргун, З.Ф.* Владивосток и японцы / З.Ф. Моргун // Россия и АТР. – 1993. – № 2. – С. 89–93.

13. *Моргун, З.Ф.* Японская диаспора во Владивостоке (страницы истории) / З.Ф. Моргун // Известия Восточного института ДВГУ. – 1996. – № 3. – С. 98–103.

14. *Мурзаев, Д.В.* К вопросу об экономическом состоянии Амурской области за последнее десятилетие / Д.В. Мурзаев. – Благовещенск, 1914. – 110 с.

15. Обзор Приморской области за 1909 г. – Владивосток, 1910. – 51 с.

16. Обзор Приморской области за 1911 год. – Владивосток, 1912. – 147 с.

17. Обзор Приморской области за 1913 год. – Владивосток, 1915. – 130 с.

18. Отчёт Приморского справочного бюро по рабочему вопросу за 1913 год. – Хабаровск, 1914. – 265 с.

19. *Панов, А.А.* Борьба за рабочий рынок в Приамурье / А.А. Панов // Вопросы колонизации. – 1912. – № 11. – С. 240–250.

20. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Амурская область. – СПб., 1899–1905. – Тетр. 1–2; Т. 72.; Приморская область. – СПб., 1899–1900. – Т. 76, Тетр. 1–2.

21. *Песоцкий, В.Д.* Корейский вопрос в Приамурье / В.Д. Песоцкий. – Хабаровск, 1913. – 158 с.

22. *Петров, А.И.* Корейцы на русском Дальнем Востоке в эпоху российского капитализма. 1861 – февраль 1917 г. : автореф. дис. … канд. истор. наук / А.И. Петров. – Владивосток, 1988. – 23 с.

23. Положение рабочего рынка Приамурья в 1913 году. (Предварительные данные рабочей анкеты 1913 г.). – СПб., 1914. – 143 с.

24. *Пржевальский, Н.М.* Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. / Н.М. Пржевальский. – Владивосток, 1990. – 350 с.

25. Приамурье (Факты, цифры, наблюдения): Приложение к отчёту общеземской организации за 1908 г. – М., 1909. – 922 с.

26. *Прик, А.Е.* Владивосток и Южно-Уссурийский округ Приморской области / А.Е. Прик, А.Д. Беляев. – Владивосток, 1890. – 93 с.

27. Рыбные промыслы Дальнего Востока в 1912 году // Материалы по изучению Приамурского края. – Хабаровск, 1913. – Вып. XIV. – 101 с.

28. *Сагитова, И.О.* Этнокультурная и социально-экономическая адаптация корейской диаспоры на территории Приморского края в дореволюционный период / И.О. Сагитова // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. : сб. науч. ст. – Владивосток : ДВО РАН, 2000. – 206 с.

29. Сборник статистико-экономических сведений по Амурской области. – Благовещенск, 1917. – Вып. V. – 117 с.

30. Справочная книга г. Владивостока [на 1900 год]. – Владивосток : Тип. Н.В. Ремезова, 1900. – 270 с.

31. *Тихенко, С.А.* Рыбные промыслы Дальнего Востока в 1914 году / С.А. Тихенко // Материалы к познанию русского рыболовства. – Пг., 1915. – Т. 4. – Вып. 2. – 175 с.

32. *Троицкая, Н.А* Иностранцы как источник формирования буржуазии на русском Дальнем Востоке во второй половине XIX– начале XX в. / Н.А. Троицкая // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII – XX вв. : тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. – Владивосток, 1993. – Ч. 1. – С. 82–84.

ЭТНИЧЕСКАЯ МИГРАЦИЯ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2014–2017 ГОДОВ)

А.Ю. Завалишин

Завалишин Андрей Юрьевич – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Хабаровского государственного университета экономики и права.

Контактный адрес: native59@rambler.ru.

В статье рассматривается проблема взаимодействия мигрантов из стран дальнего и ближнего зарубежья с принимающим населением Хабаровского края. Особое внимание уделяется реакции людей на увеличение доли мигрантов в населении региона. Приводятся данные социологических исследований межнациональных отношений в 2014–2017 гг., высказывания участников фокус-групп, воспроизводящие социальные мифы об этнических мигрантах в Хабаровском крае.

Ключевые слова: Хабаровский край, этнос, миграция, социальный миф, этнический мигрант, принимающее население.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-55-60

Как следует из трудов ученых (см., напр., [4; 14; 16; 21; 22]), мы все живем в пространстве социального мифа. Это означает, что наши представления об обществе, общественных отношениях, «ближнем» и «дальнем» являют собой причудливое переплетение истины и вымысла, рационального и иррационального, практического и бесполезного. Проблема состоит в том, что социальные мифы совершенно не обязательно изначально ложны, они могут отражать как объективную реальность, так и заблуждение/вымысел/стереотип, которые объединяют два признака: во-первых, невозможность их подтвердить или опровергнуть (и в этом смысле они сродни религиозной вере); во-вторых, формируемая ими убежденность в том, что все так и обстоит «на самом деле».

Поскольку в научном сообществе единой концепции социального мифа пока не сложилось, в данном исследовании мы будем исходить из следующего его понимания: это объективированная в коллективном сознании установка по отношению к тому или иному объекту или оценка того или иного объекта (элемента социальной реальности), которая основывается на неверифицируемых критериях, существует в виде устойчивого нарратива и предназначена, прежде всего, для формирования непротиворечивой картины мира, субъективного ощущения знания/понимания того, что этот элемент собой «в действительности» представляет. Социальный миф может быть адекватно отражающим сущность/свойства объекта, верным отчасти и совершенно ложным. При этом в общественном мнении, независимо от его объективной (не)достоверности, он воспринимается как некая «истина» (если так говорят все, значит, так оно и есть – «народ ошибаться не может»), которой следует руководствоваться в повседневной жизни, чтобы «не попасть впросак». В данном случае срабатывает правило, известное как теорема У. Томаса: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они и являются реальными по своим последствиям».

Необходимо различать социальный миф и идеологему [19; 23]. В отличие от первого идеологема не возникает спонтанно. Она является продуктом сознательного, как правило, политического конструирования, у нее есть конкретный автор (политик, общественный деятель, писатель и т.д., впрочем, не всегда создающие ее целенаправленно, именно как идеологему). Она призвана выражать/защищать ту или иную идеологию и часто используется в качестве инструмента манипуляции массовым сознанием. Наконец, она существует в виде краткого запоминающегося утверждения (слогана), которое со временем, как правило, не меняет своей формы, но может существенно изменять вкладываемый в нее смысл, благодаря расплывчатости используемых в ней терминов, что также с успехом используется с целью пропаганды и манипулирования. Объединяет социальный миф и идеологему то, что они в равной степени могут быть истинными/верными отчасти/ложными, а также то, что они существуют в общем ментальном пространстве, и отличить первый от второй иногда бывает не просто даже опытному исследователю.

Социальный миф возникает как бы сам по себе, – это своего рода социальный факт в его дюркгеймианском понимании. Идеологема осознанно внедряется в общественно-политический дискурс. Конкретный миф и конкретная идеологема могут быть как аналогичными (и взаимно усиливать эффект друг друга), так и индифферентными, и антагонистическими (в последнем случае сила их воздействия взаимно

ослабляется, либо из их противостояния рождается новый социальный миф, основанный на отрицании исходных посылок первого и второй).

Два основных фактора (или условия), приводящие к возникновению социального мифа, – это ксенофобия (боязнь нового, незнакомого, непривычного, несущего реальную или потенциальную угрозу) и когнитивный диссонанс (несоответствие реальности наличному знанию о ней, отсутствие достоверной информации об объекте). При этом ксенофобия является непосредственной причиной возникновения социального мифа, а стремление преодолеть когнитивный диссонанс наполняет его конкретным содержанием, призванным этот диссонанс устранить или хотя бы минимизировать. Поскольку социальный миф существует в виде нарратива, в котором он представлен, как правило, латентно, его выявление – это сложная исследовательская задача, требующая использования определенных исследовательских приемов.

Все это, вместе сказанное, относится и к социальным мифам, циркулирующим в сфере межэтнических отношений и, более конкретно, – этнической миграции. При том что общее количество исследователей и написанных ими трудов о современных этнических мифах достаточно велико (см., напр., [1; 24; 26] и др.), работ подобного типа, относящихся к Дальнему Востоку России, совсем немного. Для примера можно назвать публикацию Л.Е. Бляхера о политических мифах Дальнего Востока [3] и его же очерк о «желтой угрозе», где он предпринял попытку интерпретации старого мифа в реалиях сегодняшнего дня [2], а также статью А.А. Шунейко «Миф в пространстве Дальнего Востока» [25].

Как очевидно, питательной средой социальных мифов об этнической миграции являются, с одной стороны, сами миграционные потоки, охватившие сегодня многие страны мира, Россию и ее Дальний Восток, с другой – разнообразная, часто противоречивая и алармистски ориентированная риторика публикаций не только в СМИ и интернете, но и в серьезных научных журналах. При ощутимом дефиците доверия к публичным источникам информации, как официальным, так и неофициальным, население по-прежнему склонно больше доверять непроверенным слухам и историям, «достоверность» которых скорее тяготеет к «городским легендам», чем к бесспорным фактам, в которых такие мифы возникают, воспроизводятся раз за разом и, в конце концов, приобретают статус истины.

Не стал исключением в этом отношении и Хабаровский край, где реальное и мифическое оказались тесно переплетены в общественном мнении его жителей. Разобраться с их спецификой мы попытались на основе материалов социологических исследований последних четырех лет. Начнем с изложения достоверных данных и количественных оценок опрошенных респондентов.

Как мы отмечали выше, масштабные миграционные процессы, охватившие сегодня весь мир, не обошли стороной и Дальний Восток России, что зафиксировали многие исследователи, а О.В. Лобода и И.Ф. Ярулин назвали «этническим сдвигом» [15]. Хабаровский край не стал исключением, о чем свидетельствуют не только данные последних переписей населения, но и повседневные наблюдения на улицах городов и поселков: этническое «лицо» края продолжает меняться, несмотря на некоторое сокращение миграционных потоков в 2015–2016 гг.

Авторы статьи, сделавшие свои выводы на основе исследования этномиграционной ситуации в дальневосточном регионе в 2000–2010 гг., конечно, не могли предвидеть новых явлений в этой сфере, которые были связаны с присоединением Крыма, гражданской войной в Сирии, изменением миграционного законодательства России и др. Тем не менее актуальность их выводов во многом сохраняется и сегодня, но нуждается в некоторой корректировке.

Если говорить непосредственно о Хабаровском крае, то новые явления в процессах этнической миграции и межэтнического взаимодействия в нем за прошедшие 7 лет можно свести к следующему.

Во-первых, после непродолжительной стабилизации в 2011–2012 гг. доля лиц, покидающих территорию Хабаровского края, вновь начала превышать долю прибывающих. Сальдо миграции в 2013–2015 гг. составило соответственно –22, –19 и –37 [20: с. 80]. При этом значительная доля в составе вновь прибывающих приходилась на выходцев из стран ближнего и дальнего зарубежья, а также представителей нерусских народов России.

Во-вторых, в то же самое время, как ни парадоксально, доля русского населения в крае изменилась статистически незначимо (с 91,8 % в 2010 г. [5: с. 134–135] до 89,3 % в январе 2016 г.[*]), т.е. регион, по сути, оставался мононациональным, что, казалось бы, противоречило идее «этнического сдвига». Но это только на первый взгляд, поскольку происходило замещение русского коренного населения вновь прибывшими русскими, о чем мы высказывались ранее [8].

В-третьих, и это значимо, в крае, особенно в наиболее многонаселенных и привлекательных для мигрантов муниципальных образованиях, появились так называемые «видимые этносы», представителей которых там прежде либо не было вообще, либо были лишь единицы. Понятие «видимые этносы» или «видимые меньшинства» сравнительно новое для российской социологии, означает наличие у пред-

[*] Текущая статистика по оперативным данным Правительства Хабаровского края.

ставителей тех или иных этносов визуально различимых отличий от статистического большинства населения (чаще всего это специфическая для данного региона внешность, одежда, манера поведения, речь, религиозная обрядность), которые сами по себе провоцируют настороженное к ним отношение (вплоть до ксенофобии) и чреваты конфликтами на межэтнической почве [17]. Для Хабаровского края, как, впрочем, и для большинства других регионов России, принимающих потоки мигрантов, наиболее значимы в этом плане «видимые» граждане КНР, а также представители народов Кавказа и Средней Азии, особенно исповедующие ислам.

Проблема эта осознана, и уже в течение ряда лет проводится работа как по адаптации мигрантов к принимающей социальной среде, так и по формированию толерантного отношения у принимающего населения к присутствию трудовых мигрантов в городах и поселках Хабаровского края (однако сразу отметим, что она далека от своего завершения).

На политическом уровне данная задача реализуется в рамках Стратегии государственной национальной политики (с декабря 2012 г.) [18] и Государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» на период с 2017 по 2025 годы (утверждена постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1532) [7].

При этом необходимо учитывать тот факт, что одновременно с политическими решениями и проводимыми в соответствии с ними мероприятиями происходит в значительной степени спонтанное стремление людей (как мигрантов, так и принимающего населения) к достижению этнического равновесия, балансу приемлемых форм и границ взаимодействия с иными этносами, религиями и культурами. Ситуация вынужденных межкультурных контактов ставит всех их участников перед необходимостью поиска стратегий взаимодействия, которые бы исключали или хотя бы минимизировали риски конфликтов на межэтнической и межконфессиональной почве [12].

Одной из таких стратегий, которая, судя по нашим исследованиям последних лет, приобретает все больше сторонников, является так называемая политкорректность, которая состоит не только в том, чтобы избегать использования негативно воспринимаемых эпитетов в отношении представителей тех или иных этносов, но и демонстрировать в публичной сфере «отсутствие» этничности как таковой. В этом плане все чаще приходится слышать утверждения о том, что называть свою национальность/этническую принадлежность сегодня стало «неприлично».

В наибольшей степени такая стратегия реализуется в молодежной среде, что имеет достаточно очевидное объяснение. Если представители среднего и еще более – старшего возраста, политическая социализация которых проходила в советское время, сформировали устойчивое отношение к полиэтничности/многонациональности как естественному состоянию общества, «дружбе народов» и во многом сохранили установку на нее до настоящего времени, то социализация нынешних 15–25-летних юношей и девушек пришлась на 1990-е – 2000-е гг. Для многих из них понятие «дружба народов» сегодня такое же абстрактное и далекое, как «советский образ жизни», «моральный облик строителя коммунизма» и т.д.

И здесь мы сталкиваемся с парадоксом, которому пока нет достаточно фундированного объяснения. Суть его в том, что именно молодежь, вопреки сложившемуся стереотипу о ее «экстремистских наклонностях», демонстрирует склонность к выстраиванию толерантных отношений в межэтнической сфере и нередко выражает большую готовность к конструктивному диалогу с представителями иных этносов и религий, включая мигрантов, чем представители старшего поколения. Причем эта тенденция усиливается год от года. Последнее можно проиллюстрировать на материале социологических исследований, которые проводились под нашим руководством и при нашем участии в Хабаровском крае в 2014–2017 гг. Ранее мы уже высказывались по этому вопросу [9–11], но ситуация меняется быстро, что требует возвращения к нему снова и снова.

Исследования разных лет проводились по разным исследовательским программам, но в каждом из них поднимались вопросы межнациональных отношений и, в частности, отношения к мигрантам, что позволяет корректно сравнить полученные результаты.

Ответы на вопрос: «В случае, если количество мигрантов в Хабаровском крае будет значительно увеличиваться, как Вы к этому отнесетесь?» – показал не всегда последовательное, но все же увеличение доли респондентов, демонстрирующих толерантное к ним отношение (табл. 1).

Таблица 1

Ответы на вопрос:
«В случае, если количество мигрантов в Хабаровском крае будет значительно увеличиваться, как Вы к этому отнесетесь?»

Период	Вариант ответа		
	Терпимо	Нейтрально	Нетерпимо
Март 2014 г. (1033 чел.)	27,6	16,7	49,4
Февраль – сентябрь 2014 г. (1193 чел.)	40,7	17,4	36,7
Февраль 2015 г. (862 чел.)	35,5	25,7	34,8
Март 2017 г. (443 чел.)	14,6	68,5	16,9
Май 2017 г. (5000 чел.)	15,5	62,6	20,3

При ответе на вопрос: «Как изменилось Ваше отношение к трудовым мигрантам за последнее время?» – был получен еще более показательный результат (март 2017 г., опрошено 224 чел., табл. 2).

Таблица 2

Ответы на вопрос: «Как изменилось Ваше отношение к трудовым мигрантам за последнее время?»

Вариант ответа	Студенты	Учащиеся колледжей	Учащиеся школ
Стало более положительным	32,3	30,8	33,3
Осталось нейтральным	65,7	58,5	63,4
Стало отрицательным	2,0	10,8	3,3

Исследование, проведенное нами в сентябре 2017 г. по проблемам отношения молодежи к социальным нормам и нормативному поведению, также подтверждает выявленную тенденцию. Мы сравнили ответы респондентов, полученные в 2007 г. коллективом Института социологии РАН по всероссийской выборке (молодежь в возрасте от 17 до 26 лет – 1796 чел. и контрольная группа старшего поколения в возрасте от 40 до 60 лет – 655 чел.), с данными опросов молодежи г. Хабаровска и г. Комсомольска-на-Амуре (возраст от 17 до 23 лет – 400 чел.) при ответе на вопрос об оценке отношения к публичному проявлению неприязни к представителям других национальностей. В 2007 г. выбрали вариант ответа «так делать нельзя» 77,1 % взрослых и 62,0 % молодежи, в нашем исследовании 2017 г. – 78,4 % молодых людей [6: с. 126].

И, наконец, еще один важный аспект: высказывания респондентов. Если в исследованиях 2014–2015 гг. в ответах на открытые вопросы многие выражали некорректные, а иногда и откровенно экстремистские взгляды («ужасно!», «отрицательно», «буду бить их» и т.п.), то в исследованиях 2016–2017 гг. подобного уже практически не встречалось.

Вместе с тем все, сказанное выше, отражает мнения респондентов, но далеко не всегда позволяет понять их мотивацию, логику или, наоборот, заблуждения, лежащие в их основе. Отчасти эту задачу нам удалось решить в фокус-групповых исследованиях, проведенных в 2017 г., участники которых нередко воспроизводили социальные мифы, сами того не ведая.

Вот лишь некоторые примеры подобного рода.

Миф о трудолюбии мигрантов/нежелании трудиться представителей местного населения:

• *Район у нас сельскохозяйственный, раз, второе – ресурсов мало. Вот простой пример, что завод по изготовлению кирпича долго у нас пытались открыть, ну он у нас раньше лесопильным был, теперь его у нас в Бикине открыли. Кто там трудится? Трудятся китайцы. Найти у нас среди населения рабочих, чтобы они с таким графиком работы работали и за такую зарплату – не найдешь* (М., г. Бикин).

• *Русский по-любому любит выпить… А те не спят, не пьют, только работают… мигранты – достаточно дешевая рабочая сила, приезжают работать…* (М., г. Комсомольск-на-Амуре).

Миф о том, что трудовые мигранты занимают рабочие места, на которые претендуют местные жители, и этим ухудшают их материальное положение:

• *Я не знаю, в каком количестве они работают… программа появилась, по которой они набирают на рабочие места мигрантов… А у нас, вот, многие люди страдают. Нет работы, а мигранты приезжают, им зарплату дают. А где справедливость? Почему не нашим людям, а приезжим? Почему уезжают, потому что не на что здесь жить… у нас специалисты, архитекторы и инженеры пришли искать работу, а у нас тут уже работает мигрант…* (М., г. Комсомольск-на-Амуре).

• *Я вот так считаю, что у нас все-таки на рынке труда в центре занятости много стоит людей, и вот если бы не было этих трудовых мигрантов, то наши работодатели были бы вынуждены платить нормальную заработную плату. Но поскольку понаехали эти трудовые мигранты и появилась дешевая рабочая сила, позанимали они эти места, поэтому я считаю, что это неправильно и несправедливо…* (Ж., г. Хабаровск).

• *Тут есть две стороны. С одной стороны, это гораздо дешевле их нанимать, наши не хотели бы работать за ту цену, за которую они соглашаются работать, а с другой стороны, а почему так, ведь наши люди лишаются работы. Люди говорят о том, что нет работы, они не идут на эту работу. Почему? Потому что их не устраивает заработная плата. Если бы они, может быть, и делали эту работу лучше, может быть они бы и получали больше* (Ж., г. Бикин).

Характерно, что в той же дискуссии (г. Бикин) прозвучало и иное мнение, казалось бы, опровергающее сказанное выше, но оно не получило поддержки группы именно потому, что противоречит мифу (и поэтому выглядит недостоверным или частным случаем в глазах респондентов):

• *Они работают, при этом людям, которые живут в Бикине, некоторые вот говорят: «Понаехали, позанимали рабочие места». Ну, с одной стороны, это правда, но с другой стороны – ну вот то, что людям негде работать… среди моих родственников и знакомых такого нету* (безработицы. – *А. З.*). *Все работают…* (М., г. Бикин).

Миф о склонности мигрантов к совершению преступлений:

• *Вот единственное, что мне кажется, ну это мое мнение, что у нас много строителей вот таких нерусских, я вот их немножко побаиваюсь* (о трудовых мигрантах из Средней Азии. – *А.З.*) (Ж., г. Вяземский).

• *Человека сейчас пугает неизвестность… Ты видишь, что нерусский на все способен… по телевизору рассказывают, что где происходит… все думают, так, а вдруг у нас тут что-то будет… всё равно есть эта неизвестность – не знаешь, что ожидать от мигрантов… это человек другого менталитета, и, может быть, что-то по-своему скажет, ты можешь воспринять как оскорбление…* (Ж., г. Комсомольск-на-Амуре).

• *Начнем с того, что большая армия мужчин приезжают сюда без жен. Соответственно слабая часть нашего населения – женщины и девушки, они тоже подвергаются определенной агрессии…* (Ж., г. Хабаровск).

Миф о стремлении мигрантов навязать чуждую русским систему ценностей и норм, установить «свои порядки», не считаясь с мнением принимающего сообщества:

• *Зависит от ситуации. Мы сами не следим за собственными правилами и устоями, но мы этого не замечаем, а когда это делает человек иной национальности, мы встаем в штыки* (М., г. Комсомольск-на-Амуре).

• *Много людей возмущается по этому поводу, поэтому они недовольны, что приезжают мигранты, потому что государство поддерживает мигрантов, а не местных жителей… Своим народом не занимается, а вот мечеть им построили… Наши церкви не благоустраивают, хотя мы христианская страна…* (Ж., г. Комсомольск-на-Амуре).

• *Я вот думаю в этой ситуации, что вот эти вот работники, ну которые приезжают, они не в нашем городе, но по Хабаровскому краю сколько случаев было, что они ведут себя здесь как хозяева, вот это вот вообще напрягает* (Ж., г. Вяземский).

В последнем высказывании обращает на себя внимание оговорка «не в нашем городе, но по Хабаровскому краю», т.е. даже при том, что личный опыт респондента не подтверждает данного социального мифа, он упорно ему следует.

Миф о «желтой угрозе» (захвате российского Дальнего Востока соседним Китаем):

• *Переселять можно, ну, опять же, скорее всего, за исключением китайской части населения, потому что китайцы очень быстро ассимилируются в этом плане, при этом их особо не видно на территории, но захватывают они все довольно быстро. Тем более что они где кто переселяются и получают гражданство, где-то там им и Китай помогает в этом плане. У нас оседают они, и возможны в связи с этим различные всякие нюансы, потому что территория им эта близка, им легче своих сюда перетащить, а тех, которые более далеко, из Средней Азии, с ними этой опасности меньше...* (М., г. Вяземский).

Мы привели лишь некоторые, наиболее типичные социальные мифы в отношении этнических мигрантов в Хабаровском крае. В задачу данной статьи не входит изложение их полного перечня, как и обоснованных доказательств их ошибочности – это отдельная большая тема. Однако приведенных примеров достаточно, чтобы сделать некоторые выводы.

На наш взгляд, полученные результаты свидетельствуют о том, что население Хабаровского края (исследованиями было охвачено 10 муниципальных образований, в которых проживает более 80 % всех его жителей) и в наибольшей степени – молодежь постепенно адаптируются к новым этнокультурным реалиям и выстраивают оптимальные стратегии межэтнического и межконфессионального взаимодействия, ориентированные на добрососедство. Конечно, это не отрицает возможности возникновения межличностных и межгрупповых конфликтов на этнической почве, но оснований для масштабных столкновений, подобных тому, что имели место в Москве и в южных регионах Европейской части России, в крае нет.

Тем не менее это не означает, что проблема полностью решена или разрешится сама собой. Одна из трудно выполнимых задач – противостояние социальным мифам, показ их ошибочности/недостоверности/ложности. Как показывает практика, для этого недостаточно просто убедительных доказательств, соответствующих публикаций в СМИ, разъяснений и т.д. Человеческая психика так устроена, что, приобретя убежденность в чем-либо, мы непроизвольно начинаем отсеивать информацию: принимать к сведению то, что миф подтверждает, и игнорировать то, что его опровергает.

Несомненно, необходимо последовательно создавать условия, способствующие формированию позитивного образа этносов и религиозных конфессий, наиболее многочисленно представленных в Хабаровском крае, проводить разъяснительную работу, оперативно разрешать возникающие социально-экономические проблемы, которые в условиях полиэтничности могут приобрести негативный этнонациональный контекст. Это общая задача как представителей органов власти на местах, так и общественных организаций и, в немалой степени, – людей, наиболее авторитетных в молодежной среде – учителей школ, преподавателей колледжей и вузов края.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асриян, Э.* Этнический и политический миф как фактор формирования общественного мнения [Электронный ресурс] / Э. Асриян. – Режим доступа: http://uwm.edu.pl/cbew/2017_8_1/Asriyan.pdf

2. *Бляхер, Л.Е.* «Желтая угроза» как социальный миф [Электронный ресурс] / Л.Е. Бляхер // EastRussia. – Режим доступа: https://www.eastrussia.ru/material/zheltaya-ugroza-kak-sotsialnyy-mif/

3. *Бляхер, Л.Е.* Политические мифы Дальнего Востока / Л.Е. Бляхер // Политические исследования. – 2004. – № 5. – С. 28–39.

4. *Боброва, Н.В.* Социальная мифология в динамике современного общества [Электронный ресурс] / Н.В. Боброва. – Режим доступа: http://cheloveknauka.com/sotsialnaya-mifologiya-v-dinamike-sovremennogo-obschestva#ixzz5CjfBYm8Z

5. Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

6. *Горшков, М.К.* Молодежь России: социологический портрет / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. – М. : ЦСПиМ, 2010.

7. Государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» на период с 2017 по 2025 г. [Электронный ресурс] : постановление Правительства РФ от 29 дек. 2016 г. № 1532. – Режим доступа: http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm.

8. *Завалишин, А.Ю.* Парадоксы дальневосточной градистики: урбанизация или обезлюживание? / А.Ю. Завалишин // DIXI – 2014: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сб. науч. тр. / под науч. ред. д-ра социол. наук А.Ю. Завалишина. – Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2014. – Вып. 5. – С. 116–122.

9. *Завалишин, А.Ю.* Формирование этнической толерантности учащейся молодежи как фактор укрепления Российской государственности / А.Ю. Завалишин // Социологическое образование: достижения, проблемы и пути развития : сб. науч. тр. / В.И. Зырянов [и др.]. – Хабаровск : ДВИУ – филиал РАНХиГС, 2014. – С. 156–160.

10. *Завалишин, А.Ю.* Студенческая молодежь Дальнего Востока: между этнической толерантностью и экстремизмом / А.Ю. Завалишин, Н.Ю. Костюрина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4 (40). – С. 83–93.

11. *Завалишин, А.Ю.* Этнокультурная компетентность молодежи: психолого-социологический подход / А.Ю. Завалишин, Е.В. Кулеш // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2017. – № 1–2 (29). – С. 24–29. – (Науки о человеке, обществе и культуре).

12. *Завалишин, А.Ю.* Межэтнические отношения в регионе: баланс на грани возможного (по материалам социологического исследования 2017 г. в Хабаровском крае / А.Ю. Завалишин // Ученые записки КнАГУ. – 2018. – № 1–2 (33). – С. 66–71.

13. *Исаков, И.В.* Миф и этническое знание / И.В. Исаков // Вестник башкирского университета. – 2010. – Т. 15. № 2. – С. 460–463.

14. *Каирова, И.А.* Социальные мифы современного российского общества: основные направления и результаты исследования [Электронный ресурс] / И.А. Каирова. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-mify-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva-osnovnye-napravleniya-i-rezultaty-issledovaniya

15. *Лобода, О.В.* Этнический сдвиг на Дальнем Востоке России / О.В. Лобода, И.Ф. Ярулин // Регионалистика. – 2014. – Т. 1. № 1. – С. 33–47.

16. *Макарова, А.К.* Мифология как способ бытия современного общества [Электронный ресурс] / А.К. Макарова. – Режим доступа: http://cheloveknauka.com/mifologiya-kak-sposob-bytiya-sovremennogo-obschestva#ixzz5CjfuoISr

17. *Мукомель, В.И.* Проблемы интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов / В.И. Мукомель // Социологические исследования. – 2016. – № 5. – С. 69–79.

18. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666. – Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/bank/36512

19. *Пилюгина, Е.В.* Мифы, мифологемы и идеология как инструменты влияния на социальную действительность в условиях информационной войны / Е.В. Пилюгина // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2015. – № 6. – С. 166–182.

20. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 : стат. сб. – М. : Росстат, 2016.

21. *Тараканова, Е.Н.* Социальный миф, дискурс и нарратив в современной культуре [Электронный ресурс] / Е.Н. Тараканова. – Режим доступа: http://www.gramota.net/materials/3/2016/11-2/45.html

22. *Тощенко, Ж.Т.* Время мифов и пути их преодоления [Электронный ресурс] / Ж.Т. Тощенко. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/970/835/1219/005_Toshchenko_37-44.pdf

23. *Фишман, Л.Г.* Политический миф и идеология: опасное сближение? /Л.Г. Фишман // Политические исследования. – 2006. – № 4. – С. 74–86.

24. *Шафиев, Ф.* Этнические мифы и предубеждения как препятствие на пути урегулирования противостояний: армяно-азербайджанский конфликт / Ф. Шафиев // Кавказ и глобализация. – 2007. – Т. 1(2). – С. 66–80.

25. *Шунейко, А.А.* Миф в пространстве Дальнего Востока / А.А. Шунейко // Дальний Восток России: история депопуляции и технологии ее преодоления / под ред. И.И. Докучаева. – Владивосток : Дальнаука, 2015. – С. 94–148.

26. *Яркеев, А.В.* Этническая идентичность в дискурсе социального мифа : моногр. / А.В. Яркеев. – Ижевск, 2009.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ: ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ РИСКИ «ЭТНИЧЕСКОГО СДВИГА»

В.Г. Зангиров

О.А. Зангирова

Зангиров Владимир Гайфулович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: wzangirov@gmail.com

Зангирова Ольга Александровна – социолог (г. Хабаровск).

Контактный адрес: zangirovs@mail.ru

В статье рассматриваются геостратегические проблемы положения России на Дальнем Востоке, обусловленные негативными этносоциальными процессами в регионе.

Ключевые слова: геостратегическое соперничество, этносоциальный кризис, геополитическая конкуренция, этническая экспансия, геоэкономическая ситуация, этномиграционная политика, военное присутствие, территориальный суверенитет, геополитическая стратегия.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-61-69

Россия относится к такому типу государств, которые всегда играют геостратегическую роль глобального масштаба. История страны прямо свидетельствует о том, что в периоды временного упадка она всегда ощущала неестественность своего положения и непременно стремилась вернуть себе былое величие. Можно констатировать, что в данное время постсоветская Россия прошла самую нижнюю точку своего падения и делает все возможное для возврата на ключевые позиции в глобальном геостратегическом соперничестве. Одна из таких позиций – Дальний Восток, а если брать шире, то весь Азиатско-Тихоокеанский регион. Столь же уверенно можно утверждать, что стремление России вернуть себе крупный геостратегический потенциал вызывает пристальный интерес у основных геополитических субъектов современного мира. В контексте дальневосточной проблематики таковыми являются Китай, США, Япония, Индия и Южная Корея, внимательно следящие за дальневосточными шагами России. Не вызывает сомнений и факт уязвимости России в дальневосточном регионе, обусловленной негативными процессами социально-экономического характера. Эти процессы уже хорошо изучены, причинно-следственные связи точно определены, все болевые точки установлены. Большой поток научных публикаций позволяет всесторонне судить о дальневосточном аспекте российской жизни [1–5; 8–12]. Одновременно он все время наталкивает на мысль о том, что при правильной постановке диагноза очень трудно определить характер необходимой терапии. Сегодня теоретические копья ломаются именно по вопросу о том, что должна делать Россия в отношении своего проблемного региона.

Огромная российская земля имеет длительную историю своего собирания. Так получилось, что Дальний Восток России прирастал населением за счет целенаправленных демографических акций государства, попросту говоря, за счет нескольких крупных переселенческих волн. Хорошо известно, что рубежным годом оказался 1991-й, как точка отсчета начала демографического оттока с российского Дальнего Востока [8]. С этого времени мы переживаем не просто убывание населения, а подлинный этносоциальный кризис. Дальневосточный регион начал пустеть в такой форме, которая прямо ставит под сомнение способность России сколь угодно долго удерживать за собой эту территорию. С Дальнего Востока уезжает основное русскоязычное население, которое многие десятилетия составляло основу экономического развития, политической стабильности, духовного прогресса, культурной динамики и моральной уверенности в том, что эта земля всегда будет нашей. Жизнь Дальнего Востока России до недавнего времени имела под собой прочный этнический капитал, позволяющий уверенно смотреть в будущее. Сегодня по мере растраты этого капитала мы не имеем даже приблизительно уверенного ответа на вопрос, какова будет дальнейшая судьба дальневосточного региона.

В решении данной проблемы нам не поможет наигранный оптимизм, вызванный неспособностью не только правильно понимать сложившуюся ситуацию, но и найти реальные способы выхода из нее. Странно слышать нередкие заявления о том, что в

лице бурно развивающегося Китая мы можем иметь надежного стратегического партнера, с которым у нас больше нет территориальных неувязок, зато есть шанс на построение долговременных отношений в совместной борьбе против североамериканского глобального доминирования. За лукавой фразеологией «братских отношений» кроется стремление и дальше закрывать глаза на то, что в своей внешнеполитической стратегии Китай шаг за шагом наращивает энергию своей экономической экспансии, политического влияния и военно-технического перевооружения. Китай был «младшим братом» Советского Союза до тех пор, пока не начались его внутренние преобразования, связанные с личностью Дэн Сяопина. Чем мощнее становится сегодняшний Китай, тем меньше у него желания поддерживать статус «братства», даже приняв на себя груз старшинства. Китай давно не нуждается в нашем экономическом содействии, он не очень охотно оказывает нам свою политическую поддержку, а что касается его военной стратегии, то мы нужны Китаю исключительно как услужливые экспортеры современного оружия. Трудно понять, где тут место оптимизму.

Если же принять во внимание этническую ситуацию в дальневосточной части России, то от оптимизма не остается ни малейшего следа. Мы еще сохраняем экономический потенциал Дальнего Востока, умудряемся решать проблему управляемости территории, не допускаем деформаций в сферах культуры и образования. Но есть аспект жизни Дальнего Востока, в котором мы меньше всего можем рассчитывать на какую-либо стабильность. Более того, возникла ситуация, которую О.В. Лобода и И.Ф. Ярулин удачно определили как «этнический сдвиг» [7]. Нет сомнения, что это влечет за собой и негативные социальные перемены. Социальная сфера жизни общества вообще с огромным трудом поддается воздействию общественной воли. Бытие этноса в принципе относится к рубрике жизнедеятельности социальной структуры общества. Быть русским, англичанином или колумбийцем означает входить в различные социальные группы в качестве носителя особых черт языкового, культурного, экономического, политического, бытового поведения, характерного именно для сущности этничности. Этносы не существуют в изолированной форме, а исторически вписаны в контексты политического, экономического, социального и духовного пространства. Это относится и к этнической ситуации на российском Дальнем Востоке, находящемся сегодня в очень сложной обстановке нарастающего геостратегического противостояния основных игроков Азиатско-Тихоокеанского региона [1; 2; 9; 10]. Мы рассматриваем это противостояние не только как межгосударственную сферу общественных отношений, но прежде всего как глубинные взаимоотношения соседних этносов, вплоть до бессознательных переживаний конкретных межэтнических коллизий. Сдвиг коснулся самой чувствительной сферы – непосредственной социальной жизнедеятельности людей, воспринимаемой в терминах обыденного осознания повседневной коммуникации, трудового общения, соседских отношений, форм реализации базовых потребностей.

Мы охотно приняли метафору «этнического сдвига» как относительно точный научный концепт, который удачно отражает характер этнических процессов на Дальнем Востоке России. Это движение затронуло не малочисленные коренные народы, а основной этнический слой региона. На наш взгляд, этническую ситуацию российского Дальнего Востока следует рассматривать через призму основных геостратегических концептов. Данный этнический сдвиг приводит к ощутимому изменению геостратегической обстановки в масштабах всего АТР [1]. Речь идет об опасности утраты геостратегического контроля России над своей дальневосточной территорией. Статистика убыли населения – это прежде всего удручающая картина девальвации социально-экономической репутации региона, имеющего невыгодное сравнение с западной территорией страны. Российский Дальний Восток становится все менее русским и все более китайским, среднеазиатским и закавказским. По мере сокращения основного населения региона процесс миграции на Дальний Восток получает режим возрастающего благоприятствования. Контроль над территорией осуществляется не только как экономический или политический, но и как этносоциальный. Для ведущего этноса на определенной территории возникает естественный образ жизни с ее традициями, нормами, регулятивами. Здесь складывается преобладающий социально-психологический климат, прочные формы социального действия. Все это позволяет ощущать атмосферу общественной стабильности, политической солидарности и духовного сплочения. Именно благодаря всему этому основное население российского Дальнего Востока до поры до времени сохраняло чувство уверенности в своих жизненных перспективах, мирилось с бытовыми тяготами, неустроенностью социальной инфраструктуры, физической удаленностью региона, помноженной на высокие транспортные расходы. По мере интенсификации «этнического сдвига» настроение живущих здесь людей стало сдвигаться в негативную сторону, что сразу же нашло свое отражение в статистике убыли населения.

Деструктивные процессы, приведшие к распаду Советского Союза, совпали по времени с началом экономических преобразований в Китае. Россия взяла на себя роль правопреемницы СССР, но не смогла усвоить геополитические инстинкты быв-

шей супердержавы. Начавшееся отступление страны с некогда завоеванных позиций в мировом соотношении сил привело к тому, что был существенно поколеблен контроль государства над попрежнему огромной территорией. Дальний Восток России острее других регионов ощутил вакуум политической воли. Переживающий экономическую модернизацию Китай начал вовлекать дальневосточный регион в сферу своего хозяйственного влияния. Следствием этого стало усиление китайской миграции на нашу территорию. Граждане Китая фактически начали создавать на Дальнем Востоке России рабочие места для себя, в основном в торговле и сельском хозяйстве. Китайское присутствие в регионе стало реальностью, вызывающей беспокойство у населения. Этническая картина стала постепенно меняться: русских становилось все меньше, а китайцев все больше. Чем выше становился уровень экономических достижений Китая, тем интенсивнее происходила китайская миграция на нашу территорию. Регион ощутил перемену социально-психологического климата – его жители почувствовали неустойчивость своего жизненного положения. Попросту говоря, люди уверены, что Дальний Восток медленно, но верно уплывает из рук России. Переубедить их в этом нет никакой возможности, ибо это экзистенциальное ощущение коренится в самой структуре бытия и не является преувеличением.

Обстоятельства сложились так, что наиболее трудные годы нашей страны пришлись на время мощных экономических достижений стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Дальний Восток России оказался в зоне пристального внимания основных геополитических игроков этой части земного шара, не имея реальной возможности установить равное партнерство. Наш регион имеет более слабый экономический потенциал, уступает соседям в сфере современного хозяйственного менеджмента, одновременно переживая кризис депопуляции. Пока наши геополитические конкуренты не проявляют признаков повышенной агрессии, хорошо зная размеры нашего ядерного потенциала. Но они чутко ощущают последствия размывания этносоциального фундамента нашего региона, включая этот фактор в состав своих геостратегических расчетов. Видеть перед собой пустеющую землю с огромными природными ресурсами означает испытывать острое желание поставить ее под свой геополитический и геоэкономический контроль.

Дальневосточный регион России сегодня вписан в основной процесс взаимоотношений государств Азиатско-Тихоокеанского региона, переживающего мощную экономическую и политическую динамику. Судя по материалам различных научных исследований, основными геостратегическими игроками в АТР являются Китай, США, Япония, Южная Корея и Россия [1]. Опустошение русской земли не проходит мимо внимательных глаз основных геополитических игроков на территории АТР, которую можно рассматривать через призму формирования как линий сотрудничества и взаимопритяжения, так и линий конкуренции и противостояния. Обе линии можно подразделять на отношения экономического, политического, социального и духовного характера. Такое подразделение позволяет установить, какие именно ресурсы есть у каждого ведущего государства АТР в системе не только регионального, но и глобального соотношения сил.

Россия в составе стран АТР сегодня занимает место, далекое от экономического доминирования, но сохраняет за собой статус влиятельного политического субъекта. США делают заявку не только на региональное доминирование на Дальнем Востоке, но и на глобальное распространение своего влияния. Можно не сомневаться, что фактор Дальнего Востока является козырной картой в руках США, еще не пущенной в ход, но обещающей большой выигрыш. Ослабить влияние России на Дальнем Востоке – стратегическая цель США. Ясно, что в угоду этой стратегии Япония и Южная Корея должны из геостратегических конкурентов стать прямыми геостратегическими противниками России. Китай с его нарастающей экономической мощью держит курс на неуклонное развитие своего внешнеполитического влияния в том же глобальном масштабе, рассматривая зону АТР как территорию своего главного интереса. Российский Дальний Восток испытывает неуклонно возрастающее этническое давление со стороны Китая [10]. И на сегодня, и на дальнюю перспективу – это самая опасная составляющая «этнического сдвига». Экономическая демография региона шаг за шагом обретает китайскую окраску. Речь идет о целенаправленном процессе управляемой этнической экспансии Китая на российском Дальнем Востоке. Иллюзии по этому поводу свидетельствуют лишь о застойной привычке к самоуспокоению, мешающей непредвзято оценить сегодняшние реалии, которые, вне всякого сомнения, свидетельствуют о второразрядном положении России на территории АТР. Особенно чувствительно это проявляется на фоне постоянного геополитического возвышения Китая, успешно решающего свои экономические и военные задачи.

Со стороны других государств АТР Россия не испытывает такого этнического давления, какое на нее оказывает Китай. Среди них есть страна, имеющая к нам серьезные территориальные претензии и время от времени напоминающая об этом. Токио внимательно следит за этносоциальной обстановкой в нашем регионе, сохраняя в отношения с нами прохладный режим. Япония находится под патронажем

США, но стремится к расширению своей политической самостоятельности, имея в виду потенциальное возрастание могущества Китая и Южной Кореи, которая также испытывает патронажное влияние США. Японской миграции в регион нет, но существует серьезный фактор военного союза США и Японии. Это обстоятельство заставляет думать о том, что сегодня главной линией геостратегического поведения России на Дальнем Востоке должно быть всемерное и неуклонное наращивание своего военного присутствия. Именно в этой сфере Россия не только способна вести равный диалог, но и задавать тон, значительно компенсируя свое экономическое отставание. Пока с нами считаются только как с субъектами военного противостояния, способными эффективно реагировать на все опасные ситуации геополитического характера. Только наш растущий военный потенциал позволяет нам сегодня удерживать Дальний Восток под своим контролем. Это – главный вектор всех наших размышлений, если речь идет о том, что должно лежать в основе нашей дальневосточной политики. Все остальное – на втором плане расчетов, на фоне практической реализации военной доктрины страны. Это касается и России в целом, но для Дальнего Востока это – единственный реальный шанс остаться русским.

Конкретные детали экономических, политических и военных взаимоотношений государств АТР позволяют сделать вывод о том, что суверенитет России над своим Дальневосточным регионом пока остается под вопросом [11]. Геостратегическое положение России в составе АТР уязвимо в силу исторических обстоятельств, приведших дальневосточный регион к значительному отставанию в социально-экономическом развитии, чем и объясняется нарастающий отток основного населения в западные регионы. На российском Дальнем Востоке сложилась негативная этносоциальная картина. Единственная этническая группа, не затронутая в основных территориальных, экономических и социальных аспектах своей жизни, – это малочисленные коренные народы Дальневосточного региона. В целом этническая ситуация сдвигается в сторону постепенного замещения основного населения российского Дальнего Востока возрастающими миграционными потоками из соседних по АТР государств и стран Средней Азии, прежде всего из Узбекистана, Киргизии и Таджикистана. Можно констатировать, что миграция в Дальневосточный регион имеет характер экономического освоения пустеющей территории. Основная часть мигрантов решает проблему безработицы, создания рабочих мест. Это совпадает с острой потребностью ДВР в рабочей силе. Однако в большом миграционном потоке доля высококвалифицированных работников мизерна, невелика и доля просто квалифицированной рабочей силы. Мигранты далеко не спешат, да и вряд ли способны заменить работников ведущих промышленных предприятий ДВР, покинувших свое местожительство. Происходит относительная количественная компенсация численности населения региона, но без заметного качественного прироста социального потенциала.

На наш взгляд, этнические перемены в ДВР должны быть отнесены к числу основных геостратегических рисков, которые существуют сегодня у России в контексте взаимоотношений с ведущими странами АТР. «Этнический сдвиг» есть не что иное, как утрата оптимального личностного потенциала региона, приступившего к реализации программы опережающего социально-экономического развития. Может статься, что программу создания ТОСЭР придется реализовывать на основе китайской рабочей силы. Смена состава населения непосредственно порождает опасность потери экономического контроля над территорией региона. Это легко понять на примере экономического поведения китайских мигрантов, которые начали с создания вещевых и продовольственных рынков, а затем перешли к образованию промышленных, сельскохозяйственных и высокотехнологических зон и парков. Продолжение этой тенденции не гарантирует Россию от потери контроля над отраслевыми направлениями экономической жизни ДВР. Это относится прежде всего к сельскому хозяйству и торговле, которые составляют важный компонент экономической безопасности страны. Не исключена возможность того, что и в других отраслях влияние иностранных инвесторов может оказаться чрезмерным с точки зрения экономического суверенитета России над своей дальневосточной территорией.

Наше внимание привлек весьма вдумчивый анализ дальневосточной ситуации, проделанный несколько лет назад В.М. Песковым и остающийся актуальным сегодня [9]. Автор указывает на то, что Китай потенциально остается самой серьезной геополитической опасностью для России. Его аргумент более чем убедителен: противостоять мирному китайскому проникновению на российский Дальний Восток гораздо труднее, чем в условиях, когда отношения Москвы и Пекина были бы прохладнее. Россия не имеет опыта эффективного реагирования на такой тип геополитического вызова [9: с. 104]. В.М. Песков обращает внимание на то, что потенциал геополитических противоречий между Китаем и Россией остается неизменным, невзирая на временное сближение. Он предостерегает от иллюзии, что Россия может занять по отношению к Китаю ту же дистанцию, какую она будет занимать по отношению к США. Фактор «геополитического нависания» Китая над Россией нельзя устранить произвольными мерами.

В статье В.М. Пескова явственно присутствует взвешенный реализм, когда речь идет о такой сложной проблеме. Исторически так получилось, что в отношениях России и Китая есть ряд моментов, которые должны быть тщательно осмыслены, если мы хотим сохранить геополитический контроль над дальневосточным регионом. Это осмысление не может быть разбито на частные вопросы ситуативного характера. Речь может идти только о долговременной геополитической стратегии России по отношению к Китаю с учетом всех аспектов геополитической, геоэкономической и геоэтнической ситуации. Есть вещи, которыми нельзя пренебречь. Есть границы, которые нельзя переходить. После публикации статьи В.М. Пескова прошло 14 лет, подтвердивших актуальность выдвинутых автором положений. Взглянем более пристально на тревожные моменты наших отношений с Китаем уже с позиции сегодняшнего дня.

Россия (как ранее и СССР) всегда превосходила Китай по уровню развития своих вооруженных сил. Прежде всего это относится к качеству военной техники. Китай предельно заинтересован во всесторонней технической модернизации своих вооруженных сил. В свою очередь, Россия стремится всемерно наращивать свой потенциал экспорта оружия, преследуя исключительно экономические цели. Привлекательность российской военной техники громадна, а возможности отечественного ОПК постоянно возрастают. Для Китая это представляет уникальный исторический шанс на быстрое и высококачественное модернизирование своих вооруженных сил. Как поведут себя новые лидеры будущего Китая в разрешении геополитических противоречий с Россией, никто не знает. Вооружая Китай, напоминает В.М. Песков, Россия ставит под удар свое геополитическое благополучие.

Подумаем, где же та граница военно-технического сотрудничества России и Китая, которую мы не имеем права переходить. На наш взгляд, она очевидна. У России есть оружие, которое сегодня является гарантом ее национальной безопасности. В будущем она обязательно будет располагать военной техникой нового уровня. Какие бы экономические приобретения ни сулил экспорт оружия, следует поставить политический заслон на пути торговли элементами стратегического щита России. Можно продавать автоматы Калашникова, но не танки «Армата», не зенитно-ракетные комплексы С-400 или С-500, не беспилотные подводные лодки новейшего поколения, не что-либо подобное. Подобное оружие не должен получить Китай, как не должен получить никакой другой импортер. Этот примерный список должен быть расширен и утвержден на высшем уровне политической воли России. Здесь критерий предельно прост: Россия не имеет морального права на продажу хотя бы одной единицы вооружения, способного хотя бы минимально усилить ее геополитических соперников. К сожалению, сегодня мы сами ускоряем подготовку Китая к принятию на себя роли геополитического гегемона не только на Дальнем Востоке, но и во всем мире.

Позиция В.М. Пескова служит примером взвешенного реализма и в вопросе об экономической стратегии России в масштабах АТР. У России пока нет возможности войти в полноценную экономическую региональную интеграцию на Дальнем Востоке в силу ее отставания в обеспечении людскими ресурсами, без которых нельзя создать современную базу промышленности. Если мы еще не способны на интеграцию как большая самостоятельная сила, то мы можем «впустить эту интеграцию к себе» [9: с. 104]. Сотрудничество России со странами АТР может происходить не любой ценой, а только на основе «принятия крупных государственных мер по укреплению физического присутствия россиян в дальневосточных районах как базисного условия совместимости экономической интеграции с интересами обеспечения стабильности на российском Дальнем Востоке и Восточной Азии в целом» [9: с. 104]. Разделяя эту позицию, мы полагаем, что Россия должна всеми мерами укреплять свой экономический суверенитет на Дальнем Востоке, незыблемость своей территории, чтобы на этой основе решать проблему присутствия русского населения уже в новых исторических условиях. Есть несколько базовых условий, которые должны быть положены в основу дальневосточной политики России: политические, военные, экономические, социальные, этнические, духовные. Общим вектором реализации этих условий может быть только неукоснительное соблюдение интересов национальной безопасности России. Любой шаг, приносящий временные выгоды, но нарушающий механизм безопасности, должен быть исключен из совокупности государственных решений по Дальнему Востоку. Прежде всего следует исключить соблазн «сэкономить» на Дальнем Востоке, ибо это приведет в скором времени к самым разрушительным последствиям.

Говоря о геостратегических задачах России, мы должны отдавать себе отчет в том, каковы аналогичные интересы наших дальневосточных соседей. Это позволит нам осознать доминанту их геополитических целей, специфику избранных средств и инструментов, основную направленность государственной воли, а самое главное, общий характер отношения к России. Пора и ясно понять, чем привлекает наших соседей дальневосточный регион России. Мы хотим ограничиться коротким наброском формулировок по этой проблеме, но считаем это важным в принципе. Нет сомнения, что во вза-

имоотношениях с США этнический фактор никогда не будет актуальным, но всегда будет возобновляться температура военно-политического противостояния. Наше военное присутствие на Дальнем Востоке должно определяться масштабами американской военной стратегии в АТР – по сути, быть предельно максимальным, исправляя изъяны прежней политики. Одновременно это будет достойный ответ на территориальные претензии Японии к России, на вполне возможные попытки Китая решать часть вопросов с помощью военной силы. Военное присутствие России на Дальнем Востоке позволит эффективно строить адекватную миграционную политику в регионе, без излишней суеты осуществлять экономическое развитие, создать климат доверия населения к перспективам своей жизни на Дальнем Востоке.

Самые сложные отношения у России – с Китаем, потому что они охватывают весь спектр геостратегического поведения. Здесь надо постоянно учитывать скрытый потенциал территориальных противоречий, целенаправленную этническую экспансию Китая на нашу землю, мощное экономическое давление, рост китайских вооруженных сил, неуклонно растущее внешнеполитическое влияние Китая без ясности относительно главных векторов этого влияния. Именно здесь мы имеем полный спектр геостратегических рисков, из которых самый чувствительный – этнический. В отношении Китая нужна совершенно особая миграционная политика, для которой не подходят ни подводные камни мультикультурализма, ни симулякры толерантности, ни фальшивые лозунги «дружбы народов». Принципиально должен быть перекрыт доступ к превращению китайских мигрантов в постоянное население Дальнего Востока России. Это одна из тех границ, которые нельзя переходить ни в коем случае.

Геостратегия наших соседей вполне прагматична – наш регион обладает огромными невозделанными ресурсами. Дальний Восток России давно привлекает к себе внимание с точки зрения своих природных богатств. Это относится как к сотрудничеству в их освоении, так и к попыткам получить над ними контроль со стороны ведущих государств АТР, делающих ставку на геостратегическое ослабление России. Этносоциальное опустошение территории региона делает возможным криминальное расхищение различных природных ресурсов, подрывающее экономическое благосостояние России. Создание совместных предприятий по освоению природных ресурсов с преобладанием иностранной рабочей силы – это прямой путь к разграблению богатств страны. Факты сращивания интересов иностранных преступных групп и российских преступных сообществ делают картину еще более удручающей. Если учитывать коррупционные привычки российских чиновников, то отпадают всякие сомнения в том, что на территории региона геостратегический контроль России над своими природными ресурсами уже начал подрываться. С убылью основного населения утрачивается важная мировоззренческая доминанта – рассматривать природные богатства как залог прочного жизненного благополучия будущих поколений. Возникает парадокс, когда мощный природный капитал экономики постепенно утрачивает своего естественного хозяина, т.е. людей, живущих на своей земле, берегущих свою землю и умножающих благополучие своей земли.

Некогда регион переживал пору позитивного социально-экономического развития. В свое время Дальний Восток России испытал воздействие двух моделей геостратегического управления. Первая была осуществлена в рамках программы поддержки переселения в Сибирь и на Дальний Восток, инициированной государством во второй половине XIX – начале XX в. Вторая модель была реализована в первой половине XX в. советским государством, инициировавшим экономический подъем Дальнего Востока как на основе переселения большого отряда энтузиастов, так и посредством эксплуатации подневольной рабочей силы, собранной ГУЛАГом. Результатом этих государственных акций явилось существенное изменение этнического состава региона в сторону преимущественной численности русского населения. Начиная с 1991 г. этот с трудом накопленный этнический капитал начал сокращаться, пока не пришел к состоянию, за которым следует потеря контроля над территорией региона. Очевидно, что назревает острая необходимость заново решать эту проблему, учитывая, что Россия на фоне основных участников геостратегической конкуренции в зоне АТР выступает в объективной роли аутсайдера. Этнический фактор является одним из ключевых в государственных расчетах подъема Дальнего Востока России – без его учета теряют смысл любые программы социально-экономического развития региона.

Этножизнь российского Дальнего Востока сегодня неплохо изучена, о чем свидетельствует немалое количество добротных публикаций. Общий вывод из них может быть сведен к тезису о том, что земля, когда-то заселенная русскими, сегодня постепенно перестает быть русской. Нет сомнения, что юрисдикция России на этой территории пока незыблема. Русских здесь пока больше, чем представителей других этнических групп. Но может случиться так, что мы не сможем больше сказать: здесь русский дух, здесь Русью пахнет. Уже давно сквозь миграционные фильтры, изобретаемые ФМС, беспрепятственно просачиваются многочисленные отряды нелегальной миграции из Средней

Азии и Китая. К нам стекается дешевая рабочая сила крайне низкой квалификации. Назвать потуги государства по обузданию этой нелегальщины «миграционной политикой» не поворачивается язык. Можно запросто сломать мозги, размышляя над тем, как превратить территорию опережающего социально-экономического распада в «Территорию опережающего социально-экономического развития». Развития с кем? Развития для кого? Слово «развитие» никак не коррелируется с ситуацией нарастающей деградации социальной структуры российского Дальнего Востока. На фоне этнической патологии любая программа воспринимается как очередная государственная декларация о развитии Дальнего Востока, в которой за словами нет никакого реального содержания.

Основное содержание научных публикаций сводится к констатации ведущих этносоциальных тенденций в регионе. Нарастающая убыль основного населения объясняется хронической экономической отсталостью региона, неразвитостью социальной инфраструктуры, ощущением того, что для центральной власти Дальний Восток все время оставался на периферии государственных приоритетов, дискомфортом, который возникает в результате наплыва в регион большого количества иммигрантов, являющихся носителями иной культуры, стремящихся создать свои автономные этнические группы, несущих в себе серьезный потенциал этнической преступности [4]. Этот нарастающий дискомфорт дополняется пониманием того, что Азиатско-Тихоокеанский регион быстро превращается в зону острого геостратегического противостояния основных центров силы – США, Китая, Японии, Южной Кореи и России. Огромный регион пустеет, становясь объектом повышенного геополитического интереса соседних государств. Ощущение тревожности заставляет жителей региона задумываться о судьбе своих детей и внуков, строить реальные планы поиска более спокойного места для жизни.

Возникла ситуация, когда нарастающий миграционный поток в регион достиг своей критической точки. Дальше можно ждать лишь решающего этнического перелома на Дальнем Востоке России, который все более интенсивно заселяется мигрантами из прилегающих государств, прежде всего из Китая [10]. Их можно разделить на несколько групп по признаку экономического поведения. Часть из них занимается легальным трудоустройством, другая часть пополняет отряды нелегальной дешевой рабочей силы. Есть группы, создающие для себя рабочие места в торговле, сельском хозяйстве, в различных совместных предприятиях. Определенную часть китайских мигрантов манят природные ресурсы российского Дальнего Востока, возможность безнаказанного криминального присвоения природных ресурсов, чему значительно способствует сращивание интересов мигрантов с интересами местной организованной преступности, борьба с которой ослабляется коррупционной направленностью некоторых представителей государственного аппарата. Уже стало ясно, что нет серьезных оснований надеяться на социокультурную интеграцию мигрантов на российском Дальнем Востоке. Есть основания полагать, что этот регион является объектом целенаправленного демографического захвата со стороны Китая. Материал научных публикаций свидетельствует, что у российского руководства нет ясности относительно того, как повернуть демографическую ситуацию в регионе в положительное русло.

Мимо внимания ученых не прошел тот факт, что наш регион постепенно заполняется мигрантами из государств Средней Азии, в основном из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Эти переселенцы приезжают в поисках работы, образуя свои национальные диаспоры, сохраняя свою конфессиональную принадлежность исламу, создавая условия для дальнейшего притока мигрантов из Средней Азии. Налицо второй вектор усиливающегося «этнического сдвига» на российском Дальнем Востоке. Нет сомнения в том, что со временем этот сдвиг будет иметь значительные политические последствия негативного характера. Данный приток меняет количественные параметры динамики населения, но ничего не дает в качественном смысле. Низкоквалифицированная рабочая сила мигрантов не может компенсировать мощный отток специалистов различного профиля с Дальнего Востока России. Тревожно то, что в регионе истощается ресурс традиционной русской культуры, а на смену ему идет поток исламизированной культуры, не имеющей необходимого институционального оформления [3].

У «этнического сдвига» есть еще одна черта, на которую следует обратить внимание специалистам по межнациональным отношениям. Дело в том, что на Дальнем Востоке России давно сложились национально-культурные автономии украинцев, белорусов, евреев, немцев, татар, корейцев, чеченцев, литовцев, сохраняющих свою этнокультурную самобытность. Это обстоятельство характеризует особенности заселения Дальнего Востока России в советский период отечественной истории [2]. Сосуществование этих автономий остается беспроблемным и в постсоветский период. Есть основания полагать, что по мере оттока основного населения с Дальнего Востока влияние этих автономий будет ослабевать. На смену им могут быстро прийти растущие сообщества мигрантов из Китая, стремящиеся любыми путями получить вид на жительство. К ним будут добавляться среднеазиатские этнические сообщества, чья идентичность в принципе не может быть

совместима с идентичностью принимающего сообщества. Этот фактор может стать серьезной причиной существенного ослабления национальной безопасности России. Вместо традиционных национальных автономий мы можем получить новые этнические группы, для которых вопрос совместимости с основным населением будет иметь преимущественно негативные решения. На место привычной культуры уважения обычаев и традиций дружественных этнических групп может придти атмосфера взаимной неприязни и подозрительности.

Этническую картину российского Дальнего Востока дополняет существование коренных малочисленных народов, которые могут сохранить свою самобытность только при надлежащем патронаже государства. Стихийное развитие экономики сырьевого характера может смести с лица земли эти уникальные сообщества, чье благополучие зависит от сохранения их территориальных прав. В этнической палитре Дальнего Востока коренные малочисленные народы стоят особняком. Они характеризуются минимальной социокультурной динамикой, не включены в современное экономическое движение и сохраняют основные черты давно сложившегося традиционного образа жизни. Их привычное бытие представляет собой уникальную культурную ценность, нуждающуюся в сбережении. Основное население региона всегда было для этих малочисленных коренных народов гарантией сохранения относительной автономности их образа жизни. С убылью основного населения ресурс этой гарантии неизбежно будет истощаться.

С учетом этих факторов можно выдвигать предположения о том, какое будущее ждет различные этнические сообщества на территории российского Дальнего Востока. Многое будет определяться характером геополитической стратегии российского государства в ближайшей перспективе. Речь идет о решении проблемы национальной безопасности России. Это касается прежде всего территориальной целостности страны. В современном противостоянии с Западом Россия не имеет права терять контроль над сколько угодно малым участком своей территории. За Дальний Восток она обязана бороться без всяких оговорок. Геополитические конкуренты России используют любой малейший шанс, который им предоставит негативный «этнический сдвиг», происходящий на нашей территории. Приоритетной формой контроля является военный контроль России над своей дальневосточной территорией. Для этого надо приложить любые максимальные усилия, учитывая, что современный театр военных действий постепенно смещается в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона. Это не означает начала каких-либо вооруженных столкновений, но предполагает всемерное наращивание военной мощи главными геополитическими игроками. На Дальнем Востоке у России нет естественных военных сотрудников – только соперники, конкуренты и враги. За внешнеполитическими инициативами России на Дальнем Востоке должна стоять полная готовность нанести сокрушительный военный удар по любому противнику, затеявшему посягательства на ее безопасность. Армия и флот должны взять на себя миссию обеспечения и экономической безопасности России. Военный контроль над территорией одновременно будет означать и сохранение экономического приоритета России в регионе. Без взаимосвязанной реализации военной и экономической стратегий Россия не будет в состоянии сохранить свой Дальний Восток. Решение задач экономики позволит оптимизировать социальную политику, а растущая военная мощь станет предпосылкой авторитетной внешней политики.

Можно сделать вывод, что в осмыслении геостратегической безопасности России этносоциальный контекст начинает занимать место ведущего. Вместе с нарастанием внешних угроз приходит острое понимание того, что территория и этнос – главные составляющие любой исторической конкретности, основные категории любого страноведения. Тревожит то, что в нашем социальном мышлении этничность все время соскальзывает на периферию государственных интересов. А она должна находиться на первом плане и быть основополагающей проблемой для формулировки государственных решений.

Какими должны быть эти государственные решения, чтобы нивелировать геостратегические риски мощного «этнического сдвига» в российской части Дальнего Востока? Эти решения должны иметь принципиальный характер и войти в состав общероссийской стратегии безопасности. Во-первых, надо всемерно усилить военно-полицейский контроль над территорией региона. Это позволит раз и навсегда решить вопрос о том, чья земля российский Дальний Восток. Во-вторых, кардинально изменить миграционную политику – довести ее до скрупулезного учета всех деталей миграционного статуса лиц, прибывающих в регион, в течение всего времени их пребывания здесь. В-третьих, механизмы миграционного контроля должны быть общими с механизмами регуляции межнациональных отношений. Это означает, что миграционный контроль приобретает широкомасштабный характер институциональной регуляции с большими полномочиями. В-четвертых, ввести меры сохранения экономического суверенитета России на Дальнем Востоке. Это позволит вести такую экономическую политику, при которой все ключевые экономические решения должны исходить от российского государства. Главным критерием этих решений

может быть только принцип экономической безопасности страны. В-пятых, ни в коем случае не допускать новых случаев уступки своей территории по тем или иным политическим соображениям. Малейшая уступка будет означать, что Дальний Восток России не нужен. В-шестых, всемерно укрепить состав работников правоохранительных органов высококвалифицированными кадрами, способными обеспечить комфортный правовой режим жизни основного населения российского Дальнего Востока. Их необходимо делегировать из центрального аппарата МВД, ФСБ, Генеральной прокуратуры и Следственного комитета.

Если же говорить об общей задаче для всех, то она предельно проста – делать все, чтобы сохранять народ на этой территории. Россия должна впервые, по-настоящему, на деле, а не на словах, сделать Дальний Восток своей землей. Геостратегическая парадигма должна стать ведущей, когда мы думаем об этом регионе, говорим о нем и, самое главное, что-то делаем для него.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болятко, А.В.* Дальний Восток. В поисках стратегической стабильности: проблемы национальной безопасности России на Дальнем Востоке и стратегической стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе / А.В. Болятко. – М. : Институт Дальнего Востока РАН, 2003. – 194 с.

2. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке / А.С. Ващук [и др.]. – Владивосток : ДВО РАН, 2002. – 228 с.

3. Диалог культур Тихоокеанской России: межэтнические, межгрупповые, межличностные коммуникации : сб. науч. ст. – Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2017. – 288 с.

4. *Довгополов, Е.Ю.* Конфликтологический аспект этномиграционной политики (на примере Хабаровского края) / Е.Ю. Довгополов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2017. – № 2 – С. 37–41.

5. *Завалишин, А.Ю.* США, Россия и КНР в проекции теории территориального поведения / А.Ю. Завалишин // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2008. – № 1. – С. 38–48.

6. *Ким, А.С.* Мультикультуралистская модель этнополитики: анализ отношения к меньшинствам / А.С. Ким, Е.Ю. Довгополов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2017. – № 1. – С. 176–182.

7. *Лобода, О.В.* Этнический сдвиг на Дальнем Востоке России / О.В. Лобода, И.Ф. Ярулин // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4.

8. *Павлов, Ю.А.* Дальний Восток России: десять лет перемен (2005–2015) / Ю.А. Павлов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2017. – № 2. – С. 37–41.

9. *Песков, В.М.* Китайский фактор и российская дальневосточная политика / В.М. Песков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2004. – № 1. – С. 96–106.

10. *Сатаев, А.Г.* Китайская миграция на российский Дальний Восток: причины, масштабы и последствия явления : автореф. дис. … канд. полит. наук / А.Г. Сатаев. – Владивосток, 2009.

11. *Сидоров, С.А.* Пограничное пространство Дальнего Востока России как зона уязвимости и контактности / С.А. Сидоров // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 1. – С. 113–115.

12. *Ткаченко, Б.И.* Проблемы эффективности внешней политики России на Дальнем Востоке / Б.И. Ткаченко. – Владивосток : Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1996.

ЭТНИЧЕСКАЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА: ПРОБЛЕМА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ)

А.С. Ким

Е.Ю. Довгополов

Ким Александр Сергеевич – доктор политических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровского государственного университета экономики и права, профессор кафедры социологии, политологии и регионоведения Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Конактный адрес: stosorok2005@yandex.ru.

Довгополов Егор Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, юрист Центра исследования проблем российского права (г. Москва).

Конактный адрес: Degor@pochta.ru.

В статье рассматривается проблема воспроизводства институциональных практик этнической и миграционной политики на примере российского Дальнего Востока. Обосновано положение о том, что институционализация этнической политики – это процесс формирования соответствующих институтов, практик и политико-культурных компонентов, задающих характер и направленность этнических и миграционных процессов и их регулирования.

Ключевые слова: институциональные практики, этническая политика, миграционная политика, этномиграционная политика, институционализация этнической и миграционной политики, этнические и миграционные процессы.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-70-76

Размах миграционных процессов в современном мире – не только следствие экономических процессов. Немаловажную роль в выборе миграционной стратегии индивидов и групп играет стремление попасть в более комфортную в социально-психологическом и культурном отношении среду. В таком случае аккультурация во многом мотивирована переселенцами. Иное дело, когда речь идет о вариантах временной трудовой миграции или диаспоризации, предполагающей постоянное проживание в принимающем обществе без полноценной интеграции в его институты. Интересно было бы рассмотреть институциональную реакцию федеральной и региональной власти в России на вышеуказанные вызовы в контексте институционализации этнической и миграционной политики. Целесообразность совместного рассмотрения последних обусловлена тем, что современная миграция в Россию ведет к изменению этнического состава населения и, несомненно, требует регулирования в рамках этнической политики государства, именуемой в официальных документах и значительном массиве научной литературы национальной политикой.

Объективная необходимость институционализации различных направлений государственной политики обусловлена заинтересованностью политической элиты реагировать на общественные вызовы, исходя из своих интересов и потребностей в достижении определенного качества управления социальными процессами, которое необходимо для установления и поддержания желаемого социального порядка. Для раскрытия сущности институционализации применительно к сфере этнической и миграционной политики необходимо исходить из следующих принципов.

1. Прежде всего, следует определить круг акторов институционализации, что позволит изучить широкий спектр их интересов. На основе этого появится возможность исследовать взаимодействие этих интересов как с точки зрения согласованности, интеграции, так и с позиции рассогласованности и конфликтогенности.

2. Целесообразно изучение взаимодействия культурных оснований этнической и миграционной политики и их институциональных практик с целью исследования влияния политической культуры на формирование характера и направленности процессов, подлежащих этномиграционному регулированию.

3. Политические институты характеризуются как результаты соответствующих институциональных практик. Это позволяет рассматривать формирование и реализацию функций данных институтов с точки зрения адекватности управленческим потребностям общества в регулировании национально-этнических отношений. Именно поэтому в пространство такого исследования попадают как предпосылки, так и причины и факторы возможных

дисфункций институтов этнической и миграционной политики.

4. Данные институты необходимо изучать с точки зрения иерархии политических институтов общества в целом. При этом неизбежно подвергаются изучению вопросы места и роли институтов этнической и миграционной политики в политической системе общества, их взаимодействия с другими политическими институтами.

На основе решения перечисленных исследовательских задач расширяется спектр возможностей для раскрытия сущности институционализации этнической и миграционной политики как сложного процесса формирования практик социального взаимодействия в поле межэтнических и миграционных процессов как на федеральном, так и на региональном уровне.

В настоящее время во многих странах процессы актуализации и мобилизации этнической идентичности становятся значимым (а нередко и определяющим) фактором социально-политического развития. Неомодернистская парадигма институционализации этнополитики, базируясь на социальном конструктивизме, трактует социальные институты как относительно устойчивые социальные практики. При этом совокупность когнитивных схем, смыслов и значений признается важной составляющей процесса институционализации, которая представлена не институтами как таковыми, а «культурными основаниями» процессов институционализации. Различение институциональных практик и культурных оснований институционализации позволяет полагать, что на базе последних могут воспроизводиться достаточно устойчивые социальные практики применительно и к управлению этническими и миграционными процессами. Так произошло, в частности, с опытом этномиграционной политики в западно-европейских и североамериканских государствах, воспринявших и реализовавших ценности мультикультурализма. Последний выступает как идеология и социальный дискурс, на основе которых реализовывались институциональные практики признания культурного плюрализма (например, этнических культур, религиозных и расовых сообществ).

Вышеизложенное позволяет составить следующие представления об институционализации этнической и миграционной политики как виде политической институционализации.

1. Институты этнической и миграционной политики формируются и развиваются под влиянием доминирования в правящих элитах определенных «культурных оснований» институционализации в виде мировоззренческих ценностей, рациональных подходов и знаний, под влиянием которых складываются определенные смыслы, представления и поведенческие установки.

2. Феномен «этнического предпринимательства» является примером акций по воспроизводству институтов, необходимых для поддержания конструируемой этнополитической реальности. В таком случае этническая политика институционализируется в большей степени не как ответ на общественные вызовы, но как корпоративный вариант этнополитической мобилизации, осуществляемой в интересах самосохранения и самовоспроизводства политических элит. Именно поэтому наблюдается несоответствие объективным интересам этнических общностей, дисбаланс идентичностей (прежде всего, гражданской и этнической), а также огромный массив этнополитической конфликтности, порождаемый дискриминацией, мигрантофобией и этническим национализмом.

3. Формирование новых институтов этнической и миграционной политики определяется тем, что властные группы нередко вынуждены реализовывать соответствующие политические практики в связи с объективной необходимостью реагировать на новые общественные вызовы при всей заинтересованности исходить из своих корпоративных интересов. Следовательно, в известном смысле политические элиты нередко заинтересованы в достижении соответствующего качества управления этномиграционными процессами. Именно поэтому целесообразно предположить, что одним из основных противоречий, процесс разрешения которого служит источником развития политической институционализации, является противоречие между стремлением к воспроизводству и самосохранению политических элит и необходимостью их реагирования на общественные вызовы в сфере этнических и миграционных процессов.

Исключительно важное значение для формирования и развития институциональных практик этнической и миграционной политики имеют доминирующие как в научном, так и в общественном дискурсе, как в политических элитах, так и в широких слоях общества концептуальные подходы и ценностные установки, рациональные взгляды и представления в сфере познания этнических и миграционных процессов. Они, будучи составной частью культурно-гносеологических оснований институционализации этнической и миграционной политики, в значительной степени обусловливают формирование смыслов, мировоззренческих и поведенческих установок, определяющих характер и направленность развития как институциональных практик, так и самих политических институтов. С этой точки зрения необходимо учитывать их значимость как основ формирования соответствую-

щих парадигм понимания и регулирования этнических и миграционных процессов.

Ввиду вышеизложенного огромное научное и практически-политическое значение имеет продолжение творческо-критического анализа и учета в управленческой практике зарубежного опыта регулирования этнических и миграционных процессов. По этой причине весьма актуально рассмотрение реализации мультикультуралистской модели, которая весьма значима для России не только в связи с ее полиэтничностью, но и вследствие давления глобальной этнической миграции. Как свидетельствует исторический опыт, современный мультикультурализм, давно выйдя за рамки академического дискурса, переставая быть официальным политическим курсом целого ряда европейских государств, тем не менее продолжает существовать как устойчивое явление, с которым ассоциируются культурное разнообразие и групповые культурные идентичности. В пользу этого говорит широкое зарубежно-региональное распространение мультикультурализма, проявляющееся в распространении его установок и практик, его институционализации в Северной Америке и Западной Европе. Вопрос заключается в том, что степень исследованности соотношения общего и особенного в регионально-страновых проявлениях институционализации мультикультурализма сравнительно невысока.

В силу актуальности решения проблемы культурной неоднородности России не следует отворачиваться от восприятия мультикультурализма и как системы мер, и как дискурса социального существования. Видимо, следует согласиться с тем, что целесообразна стратегия сочетания политики «плавильного котла» и политики мультикультурализма. В разрешении противоречия между перечисленными институциональными практиками, вероятно, и заключается сущность современной позитивной этномиграционной политики как оптимального варианта управления многосоставными в этническом и конфессиональном плане государствами. Что касается России, то с большой долей вероятности можно предположить, что в процессе утверждения в России модели нации-государства следует ожидать поисков идентичности как большинства, так и меньшинств, в том числе и в форме конфликтов, которые будут с большим или меньшим успехом разрешаться в зависимости от взаимоисключающих друг друга вариантов этномиграционной политики. Либо государство придает такой политике позитивную направленность, разрешая различными средствами проблемы конфликтогенности, либо конструирует и формирует новые меньшинства, провоцируя и усиливая их дискриминацию, а значит, тягу к самоизоляции и сепаратизму.

Следует учитывать, что в составе России есть регионы Дальнего Востока, которые по способу формирования населения имеют много общего со странами – «родинами» мультикультурализма (США, Канада, Австралия), ибо заселялись преимущественно иммиграционными потоками при малочисленности аборигенного населения. Именно поэтому представляется рациональным учитывать опыт институционализации мультикультурализма в США как социального дискурса и политической практики в ракурсе регулирования этномиграционной ситуации на Дальнем Востоке России. Более того, дефицит трудовых ресурсов в Дальневосточном регионе, сопровождающийся неблагоприятной демографической ситуацией, обусловливает отток русскоязычного населения и растущий приток этнических мигрантов, что с неизбежностью приводит к постоянному воспроизводству интереса к классической мультикультуралистской модели, а следовательно, к увеличению вероятности институционализации ее практик. Однако решение вопроса о возможности адаптирования практик мультикультурализма к регулированию этномиграционной ситуации на российском Дальнем Востоке требует тщательной конфликтологической экспертизы, необходимой для выстраивания региональной системы мониторинга состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций.

С учетом вышеизложенного целесообразно рассмотреть те аспекты этномиграционной ситуации на Дальнем Востоке России, которые приводят к необходимости управленческого воздействия на нее в форме определенных институциональных практик. В этой связи следует отметить наличие следующих серьезных вызовов в сфере регулирования этномиграционных процессов. Так, одной из ее составляющих является демографический фактор, последствия воздействия которого возникают в виде резкого уменьшения численности старожильческого населения на фоне этнического сдвига, ведущего к заметному увеличению численности этнических мигрантов [7: с. 79–90].

В СССР миграция была подчинена задачам расширения геополитического пространства и подъема народного хозяйства, что проявлялось преимущественно в перемещении населения из сельской местности в городскую и из трудоизбыточных западных районов страны в трудодефицитные северные и восточные районы. С началом рыночных преобразований, как отмечает известный дальневосточный исследователь Е.Л. Мотрич, демографический потенциал российского Дальнего Востока, сформированный в советское время, подвергся необоснованному разрушению. «Нынешний кризис воспроизводства населения в регионе проявился одновременно в двух проекциях: в депопуляции (естественной убыли) населения вследствие превышения смертности над рождаемостью и ми-

грационном оттоке населения» [7: с. 81]. «Максимальная численность населения на Дальнем Востоке – 8 056,6 тыс. чел. – была зафиксирована на 1 января 1991 г. С этого времени численность дальневосточников стабильно снижается. За период 1991–2008 гг. регион потерял 1 596,5 тыс. чел., или 19,8 % собственного населения. Ни один из федеральных округов России до этой отметки не опускался. Лидирующую роль в процессе сокращения численности населения сыграл миграционный отток населения, многократно превышающий его естественную убыль. Это уже был тревожный сигнал, свидетельствовавший о начале крушения населенческой политики на Дальнем Востоке России [8]. В Дальневосточном федеральном округе на 1 января 2015 г. проживало 6211,4 тыс. чел., что на 1,3 % меньше, чем в 2010 г. После Всероссийской переписи населения 2010 г. убыль населения продолжалась только в Дальневосточном и Приволжском федеральных округах. За весь период, т.е. от начала стабильного сокращения численности населения (1991–2014), число жителей в ДФО уменьшилось на 22,9 % – 1845,2 тыс. чел., таким образом, за эти годы регион потерял более чем каждого пятого своего жителя [8: с. 6].

Еще одним вызовом является происходящая в вышеуказанных условиях этническая миграция. Вследствие оттока населения, который сказывается на обеспечении народно-хозяйственного комплекса рабочей силой, возникает необходимость ее замещения привлеченными трудовыми ресурсами из стран СНГ и дальнего зарубежья. Как указывает Е.Л. Мотрич, «В общем миграционном потоке в Россию из стран СНГ на долю ДФО приходится по прибывшим 3,7 %, по выбывшим – 5,7 %. Наиболее популярными для представителей стран СНГ являются Камчатский, Приморский и Хабаровский края … Результативность миграционных связей Дальнего Востока высокая со странами СНГ – Таджикистаном, Узбекистаном и Киргизией. Соотношение прибывших из них к выбывшим составляет 10:1. Их численность за межпереписной период 2002–2010 гг. увеличилась: таджиков – в 2,3 раза, узбеков – 3,4 раза, киргизов – 3,8 раза. Таким образом, миграция становится все более инокультурной: славянской миграции, которую имел регион, уже нет и, как показывает практика, не будет» [8: с. 12]. Как справедливо полагает И.Ф. Ярулин, процессы этнической миграции могут вполне привести к ситуации этнического сдвига – замещения одной этнической группы другой/другими с соответствующим созданием новой этносоциальной и этнокультурной среды [7: с. 89]. В таком контексте целесообразно согласиться с А.М. Кузнецовым, обращающим внимание на то, что «…сегодня современная этнополитическая ситуация региона существенно меняется и в ней возникают новые риски и угрозы. Не случайно, даже зарубежные исследователи характеризуют наш регион как зону риска. Указанные особенности Дальнего Востока России определяют и специфику протекания здесь процесса этнотрансформации в сравнении не только с зарубежными странами, но и такими регионами России, как Поволжье и Кавказ» [6: с. 75].

Итак, разнообразные по видам и содержанию миграционные процессы в Дальневосточном регионе, характеризующиеся интенсивным и масштабным притоком этнических мигрантов, приводят к возникновению комплекса противоречий, разрешение которых становится неотложной практической задачей миграционной и этнической политики на Дальнем Востоке России. Вследствие этого возникает вопрос о том, какова институциональная реакция органов государственной власти на вызовы этнической миграции на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Президентом Российской Федерации 13 июня 2012 г., в качестве одной из важных задач декларируется содействие адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом. В рамках реализации этой задачи определяется такое направление, как содействие развитию в обществе культуры межнациональных и межрелигиозных отношений, формирование у мигрантов и принимающего сообщества навыков межкультурного общения, противодействия ксенофобии, национальной и расовой нетерпимости [5]. Отвечая на федеральный посыл, власти дальневосточных территорий на общественно-политическом уровне стимулируют образование и функционирование институтов национально-культурной автономии, а также автономных некоммерческих организаций, выступающих формами самоопределения этнических меньшинств [3: с. 148].

Если говорить об опыте Дальневосточного региона, то следует отметить, что в 2011 г. тринадцать национальных объединений образовали филиал Ассамблеи народов России в Хабаровском крае, подписав совместный документ – декларацию с признанием в качестве приоритетов своей деятельности защиту прав каждого жителя на свое этнокультурное развитие и во имя противостояния национально-экстремистским проявлениям [10: с. 4]. В 2012 г. на базе данной структуры организована Ассамблея народов Хабаровского края [11: с. 297], объединяющая общественные организации представителей как местных этнических общностей, так и диаспор, сформировавшихся из граждан среднеазиатских стран СНГ. Такого типа объединения декларируют-

ся властями как институты гражданского общества, являющиеся главным партнером региональной исполнительной власти в части реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Их значимость состоит в «возможностях по воспитанию этнических индивидов как граждан единого и целостного национального сообщества, налаживанию межкультурного диалога и межэтнической интеграции» [4: с. 169]. Справедливости ради следует отметить, что есть примеры, подтверждающие это. Так, в рамках деятельности Ассамблеи народов Хабаровского края проводятся различные этнокультурные мероприятия, крупные мероприятия полиэтнического характера, акции предупреждения межэтнической напряженности и межэтнических конфликтов. Здесь следует обратить внимание на одну из наиболее заметных акций – участие в проведении обряда примирения узбекской и киргизской диаспор «Плов примирения» [11: с. 298].

Сходная с Хабаровским краем по направленности деятельность проводится и в соседней Еврейской автономной области. «Действенным фактором развития в области культуры межэтнических отношений является проводимая в этом направлении региональными органами государственного и муниципального управления политика. При губернаторе ЕАО создана и функционирует комиссия по вопросам гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, информационному противодействию экстремизму и терроризму. В состав комиссии наряду с госслужащими входят представители всех зарегистрированных в области национальных общин, работники сферы культуры и образования, ученые, религиозные и общественные деятели. Подобные комиссии действуют и при органах местного самоуправления области. На заседаниях комиссий обсуждаются актуальные для различных диаспор вопросы, вырабатываются предложения и рекомендации в адрес органов, компетентных принимать и осуществлять решения, направленные на гармонизацию межнациональных и межконфессиональных отношений» [9: с. 90].

Кроме того, в процессе согласованной деятельности существующих национальных общин, других общественных организаций, государственных органов управления и местного самоуправления представители различных этнических групп региона получают возможность для удовлетворения своей самобытности в сферах предпринимательской деятельности, культуры и самоуправления. Стали популярными регулярные фестивали еврейской культуры, «Русь многоликая», «В семье единой», спортивные соревнования команд, сформированных из представителей разных национальностей. По инициативе студентов Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема в 2015 г. проведен фестиваль «Этносфера», на котором была представлена этническая самобытность различных диаспор. Массовыми стали мусульманские праздники «Курбан-байрам», «Навруз» и др. Власти автономной области через СМИ официально поздравляют жителей области с Новым годом, Рождеством Христовым, еврейскими праздниками Пейсах и Ханука, Новым годом по лунному календарю. Таким образом, сочетание властями региона различных форм межэтнического взаимодействия способствует установлению в Еврейской автономной области позитивных межэтнических отношений [9: с. 91].

В институциональном плане в Еврейской автономной области на позитивное решение вопросов этнической политики влияет и деятельность структур управления миграцией. Как отмечает исследователь Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема Е.В. Титова, «В Еврейской автономной области сложилась и достаточно полноценно функционирует система органов власти, занимающихся вопросами нормативно-правового регулирования трудовой миграции» [12: с. 86]. Вместе с тем, по мнению Е.В. Титовой, существует ряд проблемных задач, для решения которых необходимо построить систему механизмов регулирования процессов адаптации трудовых мигрантов в области. Как полагает вышеупомянутый ученый из Еврейской автономной области, основную роль в формировании и реализации миграционной политики играют две группы механизмов.

Первую из них составляют механизмы административно-правового контроля, предполагающие совершенствование миграционного законодательства, наведение порядка в сфере трудовой миграции посредством сокращения теневого использования иностранных работников и максимального обеспечения потребностей экономики в местных трудовых ресурсах, переход к организованной системе использования иностранной рабочей силы путем привлечения в Россию квалифицированных трудовых мигрантов, обеспечение полномасштабного контроля за исполнением миграционного законодательства [2].

Вторую группу составляют этнокультурные механизмы (например, приобщение трудовых мигрантов к культурным традициям региона проживания; воспитание чувства культурной и этнической идентичности; развитие образовательных, языковых программ по улучшению уровня адаптации трудовых мигрантов и гармонизации межэтнических отношений; приобщение местной молодежи к проблемам адаптации и интеграции мигрантов; увеличение количества этнокультурных мероприятий в области; создание локальных функциональных центров, занимающихся вопросами адаптации и интеграции трудовых мигрантов) [12: с. 86].

Таким образом, как в Хабаровском крае, так и в Еврейской автономной области происходит системная увязка управления этническими и миграционными процессами, что позволяет сделать вывод о формировании в регионе институциональной системы этномиграционной политики. Рассмотренные региональные сюжеты свидетельствуют об объективном учете органами государственной власти и местного самоуправления вызовов этнической миграции, обусловливающих в известной степени межэтническую напряженность.

Вместе с тем, как справедливо полагает Е.Л. Мотрич, анализ динамики населения в Дальневосточном регионе позволяет сделать вывод, «что на восточных рубежах страны не все спокойно» [8: с. 12–13]. По ее мнению, «…необходимо решить вопрос о том, рассматриваются ли восточные районы страны как территория, откуда не просто намерены выкачивать природные ресурсы и которые используются как стратегический плацдарм в бассейне Тихого океана, но как район, с которым связываются серьезные и длительные надежды в смысле организации нормальной жизни людей, как район, на который будет приходиться значительная часть интересов общества» [8: с. 13].

Нерешенность вышеобозначенного вопроса свидетельствует о недостаточности гарантийных механизмов реализации проектов развития Дальнего Востока, инициированных федеральной властью. Это проявляется, например, в неэффективности Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. По мнению профессора МГИМО О. Воробьевой, участвовавшей четверть века назад в создании Федеральной миграционной службы России, еще на стадии оформления документов многие желающие получают отказ, поскольку нужна регистрация, а жилого фонда для этого нет. В связи с этим, а также с другими препятствиями за три первых года действия программы (с 2007 по 2009) в Амурскую область, Приморский и Хабаровский края (регионы приоритетного заселения) были переселены всего 291 чел. [1].

Исходя из вышеизложенного, демографический фактор не только негативно влияет на социально-экономическое развитие Дальнего Востока, но и представляет собой конфликтогенный фактор с точки зрения возможности институционализации возрастающих по численности миграционных потоков. Местное население, убывающее как по абсолютной, так и относительной численности, перестает быть фактором поддержки гражданской и культурной идентичности российской территории. На фоне оттока «старожилов» вероятны значительные изменения в статусных и ролевых позициях, формирование компактного и анклавного этнического расселения, этническая монополизация различных сфер предпринимательской деятельности. Диаспоризация миграции, проявляющаяся в закрытости этнических общин, этноклановой организованности и сплоченности, воспроизводит отличные от местного населения интересы и ориентации, что в конечном счете приведет к трансформации миграционных сообществ в институты поддержки этнокультурной идентичности и возможности быстрой мобилизации всех факторов этнического потенциала. И неудивительно, что может возникнуть ситуация, когда группы «новоселов» начнут требовать не только использования своих языков и традиций, но и «новых» институциональных систем права и политики.

В вышеуказанном обстоятельстве заключается, на наш взгляд, конфликтный потенциал институционализации региональной этномиграционной политики, формирующийся в результате известной рассогласованности последней с действиями федеральной власти по стратегическому развитию Дальневосточного региона. Именно поэтому, если говорить о долгосрочной перспективе, речь должна идти о дальнейшем совершенствовании и развитии институциональных практик и институтов конфликтопредупреждения, основанных на формировании взаимного доверия в кросскультурной коммуникации между старожильческим населением и этническими мигрантами. Как показывает опыт, рационален и перспективен гражданско-национальный тренд институционализации этномиграционной политики, предполагающий интеграцию этнических мигрантов в принимающее общество при условии принятия ими общегражданской и национально-культурной идентичности старожильческого населения. Напротив, этническая сепарация диаспор, образовавшихся в результате миграции, и межэтнические конфликты продуцируются институциональными практиками и институтами этнического ограничения и исключения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богданова, Т.* Понаехали тут. 4 миллиона человек ежегодно мигрируют по России / Т. Богданова // Аргументы и факты. – 2018. – № 14. – С. 9.

2. *Здоровец, Я.И.* Миграционная проблематика и развитие российского законодательства / Я.И. Здоровец // Национальная и миграционная политика: зарубежный и отечественный опыт : аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. – 2007. – № 22 (339). – С. 35–46.

3. *Ким, А.С.* Миграционная политика в Дальневосточном регионе: институционализация социальных практик как фактор воздействия на социальную адаптацию мигрантов / А.С. Ким, Е.Ю. Довгополов, Т.В. Пономаренко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 3 (47). – С. 145–152.

4. *Ким, А.С.* Реализация стратегии государственной национальной политики на Дальнем Востоке: конфликтологический аспект (на примере Хабаровского края) / А.С. Ким, Т.В. Пономаренко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 2 (46). – С. 165–169.

5. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года : утв. Президентом Рос. Федерации 13 июня 2012 г. // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/#ixzz3ghQn8szv (дата обращения: 10.04.2018).

6. *Кузнецов, А.М.* Этнополитическая ситуация на Дальнем Востоке России: некоторые проблемы и перспективы / А.М. Кузнецов // Ойкумена. – 2012. – № 1. – С. 67–79.

7. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Дальневосточном федеральном округе (по материалам социологических исследований) : препринт / И.Ф. Ярулин [и др.]. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2014. – 96 с.

8. *Мотрич, Е.Л.* Роль миграции в динамике численности и составе населения Дальневосточного федерального округа / Е.Л. Мотрич // Региональные проблемы. – 2015. – Т. 18. № 3. – С. 6–14.

9. *Никитенко, В.Н.* Межэтнические отношения в системе национальной безопасности в Еврейской автономной области / В.Н. Никитенко, Ю.Н. Аверина // Региональные проблемы. – 2015. – Т. 18. № 2. – С. 86–92.

10. *Соловьева, Т.* Хабаровский край – территория гражданского мира. Как предупредить проявления национального и религиозного экстремизма / Т. Соловьева // Приамурские ведомости. – 2013. – 24 мая. – № 53 (7648). – С. 4.

11. *Сулейманов, С.Ш.* Роль общественных организаций в реализации государственной национальной политики в Хабаровском крае / С.Ш. Сулейманов // Миграционная ситуация и миграционная политика – российские проблемы и мировой опыт : сб. науч. тр. по итогам междунар. науч. конф. / под ред. Н.Б. Москвиной [и др.]. – Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2013. – С. 294–299.

12. *Титова, Е.В.* Механизмы регулирования процессов адаптации этнической трудовой миграции в Еврейской автономной области / Е.В. Титова // Региональные проблемы. – 2015. – Т. 18. № 3. – С. 82–87.

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Д.А. Ляхов

Ляхов Денис Алексеевич – кандидат исторических наук, директор центра методической и научно-исследовательской работы Государственного архива Хабаровского края.

Контактный адрес: vispacem@inbox.ru

В статье на основе материалов IV Хабаровского съезда сведущих людей рассматриваются проблемные вопросы организации переселения на Дальний Восток на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: Дальний Восток, Приамурский край, съезд сведущих людей, переселение, крестьяне.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-77-81

На рубеже XIX–XX вв. переселение крестьянского населения на Дальний Восток оставалось одним из главных направлений политики России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Несмотря на определенные успехи, власти Приамурского края и сами переселенцы сталкивались со множеством проблем, препятствующих успешному освоению края. Достаточно полное представление о состоянии переселенческого дела в обозначенный период дают материалы IV Хабаровского съезда сведущих людей, еще не введенные в научный оборот и представляющие значительный исследовательский интерес.

Традицию проведения в Хабаровске так называемых съездов сведущих людей заложил первый генерал-губернатор Приамурского края барон А.Н. Корф в 1885 г. Цель данных мероприятий сформулировал сам Андрей Николаевич: «…посоветоваться со знатоками края, "сведущими людьми" о дальнейших путях хозяйствования в Приамурье с тем, чтобы в дальнейшем совместными усилиями разработать план и программу предположений в деле ведения лесного, зверового и прочих промыслов» [3: с. 59]. В дальнейшем обсуждаемая тематика значительно расширилась и стала включать в себя все основные вопросы социально-экономической жизни региона. Съезды сведущих людей сыграли важную роль в развитии Приамурья, став дискуссионной площадкой, позволявшей генерал-губернатору принимать взвешенные решения, основанные на реальной социально-экономической ситуации. После смерти барона А.Н. Корфа новый приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской отказался от проведения подобных собраний, поскольку «не любил, по собственному его выражению, "попугайничать"» [1: с. 70].

Идея была возрождена четвертым по счету генерал-губернатором края Деаном Ивановичем Субботичем, назначеным на эту должность в ноябре 1902 г. [9: л. 97]. Согласно его приказу № 73 от 4 апреля 1903 г. съезд созывался «для выяснения нужд края, особенно Амурской и Приморской областей, являющихся последствием двух крупных изменений в условиях местной жизни: закрытия порто-франко и проведения Китайской Восточной железной дороги» [8: л. 2]. Данные новшества должны были очень сильно отразиться на всей социально-экономической обстановке в регионе. Обсуждение поставленных перед делегатами съезда вопросов должно было в значительной степени помочь властям в выработке наиболее эффективной политики в новых условиях. Одним из важнейших вопросов, требующих взвешенного решения, считалось продолжение переселения на территорию Приамурья крестьян из центральных районов России.

Проблема организации переселенческого дела рассматривалась, согласно программе съезда, его 1-й секцией под председательством правителя канцелярии генерал-губернатора Приамурского края Матвея Петровича Щербины (вице-председатель А.В. Пожарский, секретари: В.В. Перфильев, Ф.Р. Дульский, Н.Я. Шестунов) [7: л. 115, 115 об]. На обсуждение участников форума были вынесены вопросы ведения колонизации по двум основным направлениям:

«I. Переселение.

1) Какие переселенцы нужны для края.

2) Следует ли и какой именно установить имущественный ценз для переселяющейся в край семьи.

3) Как улучшить условия передвижения переселенцев и врачебно-продовольственной помощи им в пути.

4) Какие еще необходимы меры для содействия прочному устройству переселенцев в местах водворения.

5) Как упорядочить приписку к сельским обществам самовольных переселенцев, запасных нижних чинов и крестьян из ссыльных.

6) Сколько душ можно переселять в разные местности края ежегодно без особых затруднений в отношении передвижения переселенцев и снабжения их продовольствием и живым инвентарем.

7) Вполне ли соответствует настоящая организация переселенческого дела в крае колонизационным задачам его и не требуется ли каких-либо изменений в ней…

IV. Землеустройство, землевладение, землепользование.

1) Как велика колонизационная вместимость Приамурского края.

2) Какие местности нуждаются в заселении в первую очередь.

3) Какие требуются улучшения в существующей постановке работ по исследованию земель и по подготовке переселенческих участков…

5) Какие можно указать меры для облегчения заселения таежных, глухих мест и вообще местностей с трудными условиями для сельскохозяйственной культуры» [5: с. 1].

Доклады и сообщения, заслушанные делегатами форума, содержали не только предложения по улучшению организации переселения в регион, но и важную аналитическую информацию.

В записке начальника переселенческого управления Приморской области статского советника П.П. Архипова «К вопросу о контингенте переселенцев, желательных для Приамурского края» были приведены данные о территориальном составе крестьян-переселенцев за 1883–1903 гг.

До завершения строительства Китайско-Восточной железной дороги, соединившей Приамурье с Центральной Россией, с началом морских перевозок в 1883 г. Приморская область получала колонизационный элемент главным образом из двух малороссийских губерний: Полтавской и Черниговской. Данные местности были выбраны совершенно случайно, исходя, в первую очередь, из их близости к Одесскому порту. Только в 1890-е гг. к переселенцам этих двух губерний начали присоединяться незначительные партии из Киевской губернии. Число переселенцев, прибывающих в Приморскую область сухопутным путем в этот период, было крайне невелико.

С открытием железнодорожного сообщения, а именно с 1900 г., в переселении на Дальний Восток принимают участие выходцы значительно большего числа губерний.

Участие переселенцев в Сибирь и на Дальний Восток из различных районов России выразились в следующих цифрах (из 2 млн чел. за 1883–1903 гг.):

– 14 губерний черноземной полосы (6 губерний северного черноземного района – Курская, Тамбовская, Орловская, Черниговская, Рязанская, Тульская; 3 губернии среднего черноземного района – Полтавская, Харьковская, Воронежская; 5 поволжских губерний – Нижегородская, Казанская, Симбирская, Самарская, Саратовская): 75 %;

– 7 губерний нечерноземной полосы (в первую очередь Вятская и Пермская губернии); кроме того, 5 губерний западного района (Могилевская, Минская, Витебская, Виленская, Гродненская): 14,5 %;

– южная черноземная полоса (Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская): 6 %;

– южный черноземный район (Киевская, Волынская, Подольская губернии): 2,5 %;

– остальные губернии (всего 35): 2 % [2: с. 81].

К 1903 г. в Приморской области в наличии было переселенческих участков на 25 000 мужских долей. В Амурской области – 26 000 свободных мужских долей. Транспортные коммуникации позволяли перевезти до 40 000 человек. Наибольшие проблемы предполагались при внутреннем расселении переселенцев в крае ввиду очень слабо развитой сети внутренних грунтовых дорог. На успешность устройства переселенцев в местах водворения в описываемый период влияло множество случайных факторов: выбор места, случайные бедствия в виде наводнения, падежа скота и т.д. [4: с. 4].

Важнейшим вопросом при обсуждении проблем переселения стало определение наиболее подходящих категорий новоселов как по профессиональным, так и по другим качествам. Было выделено несколько групп, оптимально подходящих для освоения дальневосточных земель.

1. Рыбаки-поморы.

По мнению участников съезда, для богатого рыбой края наличие специалистов-рыбаков имело большое значение. В 1880–90-е гг. систематического переселения данной группы не производилось, в первую очередь из-за низкого внутреннего спроса и слабого развития транспортной инфраструктуры. После обсуждения проблемы делегаты пришли к следующим выводам:

а) на некоторый внутренний сбыт рыбаки-поморы, но только не крупные предприниматели, могут рассчитывать и теперь;

б) до сих пор Япония действительно была единственным серьезным рынком для сбыта рыбных продуктов. Однако считалось, что в ближайшем будущем откроются и внутренние рынки;

в) поскольку опыта переселения в край архангельских поморов еще не было, то «…нельзя и высказаться более или менее категорически о большей их пригодности. Пока же следует считать полезными для края всех рыбаков-поморов без различий» [4: с. 3];

г) исследование Японского моря в промысловом отношении весьма желательно, но останавливать из-за этого происходящее, хотя и незначительное, переселение поморов нецелесообразно;

д) отвод переселенцам-поморам специальных рыболовных участков с земельным наделом по уменьшенной норме, пока рыбное дело в крае еще

недостаточно изучено, представляется преждевременным. При образовании на морском побережье участков, отводимых переселенцам на общих основаниях, а не по норме рыбаков, прибрежная полоса должна включаться в надел в возможно ограниченных размерах, чтобы только дать поселившимся на участке доступ к морю;

е) необходимо, чтобы поморы получали разрешение на переселение только после предварительной посылки ходоков. Но тех, которые придут по какой-либо причине без разрешения, к поселению следовало допускать;

ж) для ознакомления рыбаков Европейской России с условиями рыболовства на русском Дальнем Востоке должно быть широко распространено подробное популярное описание здешнего рыболовного промысла [4: с. 2–4].

2. Сектанты (под сектантами делегаты съезда подразумевали старообрядцев. – *Д.Л.*):

а) сектантов нужно признать вполне соответственным условиям и нуждам края колонизационным элементом;

б) селить сектантов совместно с православными в одних селениях против их воли нежелательно во избежание раздоров между односельчанами на религиозной почве, что особенно замечается в Амурской области;

в) сектантов целесообразнее селить на особых участках;

г) участки, предназначенные для заселения сектантами, предоставлять для этой цели в течение пяти лет. После окончания этого срока возможно приселение на свободные наделы православных;

д) пока отведенные для сектантов участки не заполнены, вновь приходящим сектантам ставить в обязанность, если они желают, жить отдельно от православных, приселяться к образованным уже сектантами селениях, но не образовывать новые [4: с. 4–5].

На 6-м общем заседании съезда, состоявшемся 20 августа, мнение о желательности переселения в Приамурье старообрядцев было одобрено. «По поводу весьма благоприятного заключения секции о русских сектантах, как о полезном элементе переселения, председатель (генерал-губернатор Приамурского края Д.И. Суботич. – *Д.Л.*) поздравил съезд с таким решением и выразил его членам «…благодарность за ту терпимость и гуманность, которую съезд проявил по отношению к сектантам, этим русским людям, в противовес к иным окраинам государства, где к ним отнеслись совершенно иначе» [6: с. 35].

3. Запасные нижние чины.

Делегатами было отмечено, что запасные нижние чины в большинстве случаев не только не занимаются сельским хозяйством, но и не проживают в местах приписки. К данной категории переселенцев предлагалось применить следующие меры:

а) земельный надел должен быть конфискован, если в течение трех лет участок будет пустовать;

б) поставить запасных чинов в известность о возможности для них приписываться не только к сельским, но и к мещанским обществам без приемных приговоров с разрешения генерал-губернатора;

в) запасных нижних чинов, желающих приписаться только к волости, к сельским обществам не приписывать [4: с. 5].

4. Ссыльнопоселенцы.

Секция пришла к заключению, что приписку в крае ссыльнопоселенцев нужно по возможности ограничить. К ним следует применить правило о конфискации земельных наделов по истечении трех лет, если за это время не последует прочное водворение приписавшегося. Одиночек, приписываемых администрацией без приемных приговоров, желательно приписывать не к сельским обществам, а к волостям [4: с. 6].

5. Евреи.

Податной инспектор Н.Я. Шестунов (Николаевск-на-Амуре) поставил вопрос о необходимости принятия особых мер против проникновения в край евреев. После кратких прений секция единогласно (исключая докладчика) постановила, что ввиду существования закона о запрете евреям оседать в Сибири, применяемого и в Приамурском крае, оснований к возбуждению ходатайства о каких-либо особых мероприятиях против евреев нет [4: с. 6].

6. Самовольные переселенцы.

Из доложенных секции письменных отзывов некоторых крестьянских начальников выяснилось, во-первых, что число самовольных переселенцев, прибывающих в край, в настоящее время весьма незначительно. Во-вторых, замечено, что главной причиной самовольного переселения является канцелярская волокита, которую приходится преодолеть для получения разрешения на переселение. Упорядочение и ускорение этой процедуры должно было значительно уменьшить число самовольных переселенцев.

Согласно отзыву П.П. Архипова, самовольные переселенцы представляют не только не худший, а в большинстве случаев даже лучший колонизационный элемент. По большей части это люди энергичные, сметливые, осторожные и настойчиво добивающиеся своей цели. Ввиду этого секция пришла к выводу, что нет оснований делать различие между переселенцами самовольными и легальными как в отношении порядка их водворения на участках, так и предоставления им соответствующих льгот [4: с. 13].

По вопросу об установлении имущественного ценза для переселенцев было высказано несколько мнений.

Производитель работ временной Уссурийской партии по отводу земель переселенцам Г.П. Михайлов (Иман) считал, что установление имуще-

ственного ценза для переселенцев во многих случаях не имеет никакого значения в деле их устройства, которое зависит от многих случайностей. С другой стороны, требование установленного ценза заставляет переселенцев прибегать к обману. Так, например, известен случай, когда переселенцы из Киевской губернии получали разрешение таким образом, что необходимую для ценза сумму брали в долг у сельских богачей, при этом платили значительный процент. Находились богачи, которые снабжали таким цензом 5–6 семей. Этот «ценз напрокат» тотчас же отбирался богачами по приходе переселенцев на место.

По мнению переселенческого чиновника М.И. Иванова (Благовещенск), установление имущественного ценза является злом, заставляющим переселенцев, не имеющих средств в установленном цензом размере, искусственно соединяться и составлять из нескольких семей одну. Такая составная семья по приходу на место тотчас распадается, и начинаются раздоры из-за получения ссуды, полагающейся только главе семьи, и из-за усадебных мест.

По словам заведующего переселением в Амурскую область С.П. Каффки (Благовещенск), многие домовитые переселенцы в различных местах Амурской области пришли чуть ли не с двугривенным в кармане. Главная причина их благоустройства и зажиточности – отсутствие кабаков, открытие которых у них воспрещено общественными приговорами.

Резюмируя различные мнения, секция постановила: семья полносилая, имеющая лишнего работника, легко может устроиться на месте даже при небольших средствах или даже вовсе без них. Семья с одним взрослым работником может устроиться удовлетворительно при наличии 300 руб. Семьи без работников совсем нежелательны. Поэтому в установлении постоянного, обязательного для всех имущественного ценза нет необходимости [4: с. 7–8].

Важным вопросом при организации переселения в Сибирь и на Дальний Восток считался порядок выдачи ссуд и их размер.

В своем докладе председатель 1-й секции М.П. Щербина сообщил, что по новым правилам о ссудах, установленным министерством внутренних дел, предполагается разделить Амурскую область и Уссурийский край на особые районы, в зависимости от условий водворения переселенцев. В каждом из этих районов должен быть установлен максимальный размер ссуды. Из возникшего по этому поводу обмена мнений выяснилось, что члены секции не располагают достаточными материалами для решения данного вопроса. Тем не менее при обсуждении выяснилось, что размер ссуды в 150 руб. может быть признан только средним, но не высшим [4: с. 10].

При обсуждении порядка выдачи ссуд делегаты пришли к следующему мнению.

1. Предоставить крестьянским начальникам право выдавать ссуды собственной властью не до 50 руб., как установлено действующими правилами, а до 100 руб. О каждой выдаче свыше 50 руб. крестьянские начальники обязаны делать подробно мотивированные постановления, которые должны рассматриваться на ближайшем заседании уездного суда крестьянских начальников.

2. Выдача ссуд в размере свыше 100 руб. до установленной максимальной нормы должна быть предоставлена уездным съездам крестьянских начальников.

3. В экстренных случаях необходимо предоставить губернаторам разрешать выдачу ссуд помимо уездных съездов по ходатайствам крестьянских начальников [4: с. 10].

Значительное место в обсуждении проблем колонизации Дальнего Востока на IV Хабаровском съезде сведущих людей заняли вопросы организации переселенческого дела. Основные выводы, к которым пришли делегаты, можно свести к нескольким положениям.

1. Крайне желательно, чтобы при открытии каждого нового района для колонизации в его центре немедленно учреждался постоянный переселенческий пункт со всей соответствующей инфраструктурой.

2. Необходимо точно разграничить сферы компетенции крестьянских начальников и переселенческих чиновников по водворению и заведованию переселением.

3. Требуется устройство подвижных переселенческих пунктов упрощенного типа на главнейших пунктах линии движения переселенцев. Вместо бараков на таких пунктах можно ограничиться установкой палаток. Для заведования таким пунктом достаточно иметь фельдшериц, которые могли бы оказывать проходящим переселенцам врачебно-продовольственную помощь.

4. В начале XX в. компетенции чиновников, отвечающих за переселение, не были четко определены. Их нормальной работе сильно препятствовала централизация власти, когда без резолюции вышестоящего начальника делу нельзя было дать ход. Как отмечал М.П. Щербина, «…даже такая пустая, по-видимому, вещь, как сообщение сведений по переселенческому делу в подготовительную комиссию съезда, не могла быть исполнена переселенческими чиновниками без разрешения заведующего переселенческим делом в крае. Благодаря этому, подготовительная комиссия сведений этих своевременно не получила. Благодаря той же централизации, постройка переселенческих бараков в Хабаровске не могла быть начата в течение трех

месяцев. Находящиеся в крае переселенческие чиновники до приезда статского советника Архипова не знали, что им делать и какие их прямые обязанности по заведыванию переселением» [4: с. 13]. Естественно, данную проблему было необходимо решать на государственном уровне. Делегаты могли дать только рекомендации для последующего решения кабинета министров.

5. Заведование движением переселенцев в Приамурский край должно быть отделено от заведования водворением их в нем. Водворение переселенцев в каждой области должно быть подчинено особому чиновнику под надзором губернатора. Эта необходимость связана с большим потоком переселенцев, большими расстояниями между переселенческими участками и слабой развитостью внутренней транспортной сети.

6. Переселенческие чиновники и врачи, заведующие водворением переселенцев в крае, должны быть постоянными, а не временно командируемыми [4: с. 14].

Полезные рекомендации содержались в докладе производителя работ временной Уссурийской партии по отводу земель переселенцам Г.П. Михайлова (Иман) «Существующая организация надзора за переселенческим делом в Уссурийском крае и желательные в ней изменения». По его мнению, на переселенческих пунктах и по возможности даже в переселенческих вагонах должны быть расклеены подробные таблицы экспликаций свободных переселенческих участков, чтобы ходоки и переселенцы еще в пути могли знакомиться с характером имеющихся участков. Подобные таблицы с 1899 по 1901 г. издавались Уссурийской партией по образованию переселенческих и запасных участков. Но переселенческая администрация не пускала их в обращение. Зачисление на переселенческие участки должно производиться на переселенческих пунктах, где должны иметься и копии с планов переселенческих участков, и подробные описания участка. Желательно, чтобы переселенческие чиновники ежегодно производили исследование экономического положения переселенцев, живущих на новом месте не более года, так как именно при этом условии возможно правильное распределение пособий и своевременная помощь переселенцам [2: с. 107].

Большинство предложений секции после обсуждения были приняты на общем заседании съезда. К единому мнению делегаты не смогли прийти только по одному вопросу: «Находит ли съезд нужным поддержать предложения секции и возвратиться к старому порядку, по которому заведывание переселенцами по сквозному пути сосредотачивается в переселенческом управлении, а по прибытии на место – в ведении областного начальства (крестьянских начальников)? Или же съезд находит нужным сохранить теперешний порядок, т.е. сосредоточить все дело в руках Переселенческого управления?» [6: с. 38–39]. Согласно результатам голосования за первое положение высказалось 44 делегата, за второе только 13.

IV Хабаровский съезд сведущих людей стал важной дискуссионной площадкой при определении основных направлений переселенческой политики России в начале XX в. Участники форума обозначили главные вопросы, требующие скорейшего решения: строительство внутренних коммуникаций, в первую очередь грунтовых дорог; создание новых переселенческих пунктов и складов; разделение функций между чиновниками различных ведомств для повышения эффективности колонизационного процесса и др. Материалы съезда сыграли определенную роль при проведении столыпинской аграрной реформы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Востриков, Л.А.* Хабаровск и хабаровчане: очерки о прошлом / Л.А. Востриков, З.В. Востоков. – Хабаровск : Хабаровское кн. изд-во, 1991. – 256 с.

2. Доклады и материалы // Труды IV Хабаровского съезда, созванного Приамурским генерал-губернатором Д.И. Суботичем. – Хабаровск, 1903.

3. *Дубинина, Н.И.* Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков: Историко-биографический очерк / Н.И. Дубинина. – Хабаровск : Приамурские ведомости, 2001. – 352 с.

4. Заседания 1-й секции // Труды IV Хабаровского съезда, созванного Приамурским генерал-губернатором Д.И. Суботичем. – Хабаровск, 1903.

5. Программа IV Хабаровского съезда // Труды IV Хабаровского съезда, созванного Приамурским генерал-губернатором Д.И. Суботичем. – Хабаровск, 1903.

6. Протоколы общих собраний // Труды IV Хабаровского съезда, созванного Приамурским генерал-губернатором Д.И. Суботичем. – Хабаровск, 1903.

7. Российский Государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 254.

8. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 420.

9. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 2281.

ЭТНОМИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: КОММУНИКАТИВНО-ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭСТЕТИЧЕСКОГО

М.А. Маниковская

Маниковская Мария Алексеевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: mary.manikovskaya@gmail.com

Ориентируясь на методологически плодотворную перспективу комплексного анализа этномиграционных процессов на Дальнем Востоке, автор актуализирует значение такого фактора, как эстетическое, которое, оттесненное экономическими и политико-правовыми проблемами, оказалось на периферии исследовательского внимания. В статье показано, что в коммуникативной практике повседневного взаимодействия мигрантов и населения принявшей их страны искусство как воплощение эстетического естественно формирует интерсубъективно разделяемые интерпретации ценностей и смыслов, которые служат духовными скрепами взаимопонимания и единения.

Ключевые слова: этномиграционные процессы, эстетическое, восточное искусство, компаративистский подход, жизненный мир, калокагатия.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-82-88

Не будет преувеличением акцентировать, что сегодня на повестку дня обсуждаемых мировым сообществом проблем как на уровне теоретического, так и обыденного сознания заостренно поставлены вопросы, вызванные современным исключительно сложным состоянием и перспективой этномиграционных процессов. Этномиграция, различная по охвату территорий, массовости и характеру, всегда сопровождала историю человечества. Однако, как замечает У. Эко [16], до сих пор не существует феноменологии миграции. Вместе с тем есть знание о тех радикальных преобразованиях, которые она породила: новые нации, государства, новую культуру. Наблюдаемая в настоящее время взрывоопасная ситуация в Европе, спровоцировавшая бурные плохо управляемые потоки мигрантов, от которых, как оказалось, невозможно оборонить границы, не замыкается только на этом ареале. Достаточно свидетельств, предупреждающих о ходе событий, которые могут привести к идентичным последствиям и на других континентах, в других частях мирового пространства.

Замысел предлагаемой статьи инициирован намерением в горизонте аналитики теоретико-философских и методологических вызовов, детерминированных этномиграционными процессами в Дальневосточном регионе, выявить место и роль тех факторов, значимость которых пока остается на периферии исследовательского внимания, естественно оттесненных экономическими и политико-правовыми проблемами. Мы полагаем, что одним из таких факторов является феномен *эстетического*.

Очевидно, что масштаб этномиграционных процессов, свидетельствующих об их глобальном характере, требует и комплексного подхода, и междисциплинарных усилий в осмыслении как причин сущностного содержания, так и следствий, перспектив массовой трансконтинентальной миграции. Ее важнейшие следствия: изменение этнической структуры, усложнение межнациональных отношений, «метизация культур» – обусловливают настоятельную потребность поиска и обоснования эффективных, конструктивных регулятивов трансформирущегося межэтнического сосуществования и взаимодействия.

Имея в виду несомненно оправданное смещение акцента в сторону аналитики социально-экономической обусловленности этномиграционных процессов, политико-правового их регулирования, полагаем, что нельзя оставлять без внимания значимости стадии диффузии, когда, вливаясь и растекаясь, миграционные потоки и различные по количественному составу группы мигрантов необходимо вступают во взаимодействия с людьми, живущими на территории прибытия, культурой коренного населения, порядком, закрепленным в их жизненных формах. И эта реальная жизненная картина, дополняемая «многоцветием» культур мигрантов, сложна и противоречива. Ее напряжение и контроверзы обусловлены не только тем, что в отличие от иммиграции, которая может быть проконтролирована политическими средствами, ограничена, урегулирована правовыми нормами, миграция сродни стихийному бедствию, которое невозможно сдержать [16: с. 134]. Не кратковременные, хотя и жизненно важные цели (бегство от войны, заработки для семьи и т.п.), а только отчетливое осознание общей политической судьбы и убедительная перспектива общего будущего могут удерживать мигрантов от обструкции политико-правовой воли

большинства той страны, куда они переселились. Принимая легитимные нормы и предписания принявшей их страны, мигранты не перестают быть носителями той культуры, которая их воспитала. В соответствии с принципами равнодостоинства людей, осуществление которых декларируют демократические конституционные государства, каждый человек должен иметь базисное право на минимум достойного существования. Как видим, сегодня и развитые страны испытывают нехватку экономических, политико-правовых и моральных ресурсов, обеспечивающих мигрантам подобающее достоинству человека участие в социальной, политической и культурной жизни, им отказывают и в соразмерности запросов на поддержание жизни.

Одной из самых сложных становится проблема взаимного признания Другого в его инаковости. В ее исследовании политико-правовой и экономический контекст безусловно важен. Однако система легитимации не способна охватить всю «мировоззренческую панораму» (Б. Хюбнер), учесть индивидуализированное воплощение культуры мигрантов в многообразие жизненных форм, в повседневную практику общения, в интерсубъективно расчлененные жизненные взаимодействия. Отсюда следует, что рассматриваемая проблема попадает в принципиально важное для современной социальной теории различение системы и жизненного мира [18]. Исследование общественной динамики в двойной перспективе – системы и жизненного мира – позволяет объяснить особенности процессов, происходящих в современном обществе, в том числе и таких сложных, как миграционные. Жизненный мир в свете современных теоретических представлений – это «фактическое человеческое общежитие» (Н. Луман), область повседневной самопонятности, в которой разворачивается наша жизнь и осуществляется коммуникация. Он представляет собой дотеоретическую данность человеку непосредственной действительности. Жизненный мир включает в себя субъективные значения различных явлений обыденной жизни, повседневное знание, обусловленное самосознанием личностей, способных говорить и действовать. Структуры жизненного мира детерминируют формы взаимопонимания, сочувствия, солидарности благодаря ресурсу особого рода знаний, выступающих в качестве образцов интерпретаций, к которым обращаются участники интеракций с целью достижения консенсуса.

Система институциональных отношений – экономика и государственное управление, т.е. отношения обмена и власти, ответственны за воспроизводство совместной жизни. Вместе с тем практика повседневной совместной жизни мигрантов и населения принявшей их страны возможна благодаря жизненному миру. Она выстраивается на солидной базе интерсубъективно разделяемых убеждений, культурных самоочевидностей, взаимных ожиданий. Именно в повседневной коммуникативной практике создаются возможности для формирования «капитала доверия» (Ю. Хабермас). Эта мысль принципиально важна для экспликации тематической доминанты предпринятого исследования: выявления и обоснования актуальности факторов, обладающих единящей силой, глубинными возможностями неискаженной коммуникации. Мы полагаем, что формируемый в жизненном мире «капитал доверия» не только подпитывается, но и в немалой степени инициируется потенциалом феномена эстетического.

Притязания эстетического на основание, инспирирующее естественную отзывчивость на чужую культуру как родственную своей, как нечто близкое и узнаваемое, указывающее на общее в мировидении и одновременно лишенное ложной идентичности, обусловлены как существом самого феномена эстетического, так и своеобразным характером и силой его воздействия. Во избежание подозрения в эстетической утопии следует развернуть содержательную экспликацию непринужденного консенсуса в коммуникативной общности представителей разных культур, незаключенных рамками институциональных отношений. При этом необходимо иметь в виду, что эстетическое вовсе не присваивает себе исключительное право на интегративную, солидаризирующую силу интерсубъективных жизненных связей. Уместность данного принципиального замечания продиктована тем, что в свое время Ф. Шиллера, акцентировавшего значение эстетического воспитания человека, критиковали, как отмечает Ю. Хабермас, за присваивание искусству прямо-таки социально-революционной роли, его возможности действовать как объединяющая сила вместо религии (см.: [14]). Представляется, что «Письма об эстетическом воспитании человека» Ф. Шиллера актуальны и сегодня, ибо содержат весьма плодотворную мысль о том, что искусство, рассматриваемое как основание и форма общения, способно внести «гармонию в общество». Не случайно Ю. Хабермас полагает, что «Шиллер понял искусство как подлинное воплощение коммуникативного разума» [14: с. 52].

Особенность эстетического как одного из отношений человека к миру состоит в том, что это – духовно-чувственное, неутилитарное отношение, которое сопровождается духовным наслаждением, бескорыстным, незаинтересованным удовольствием. Оно отсылает к сфере человеческих чувств и переживаний. Вывод Г.-Г. Гадамера о том, что «эстетическое переживание не только вид переживания, но репрезентация самого существа переживания вообще» [1: с. 114], в нашей логике исследова-

ния заявленной темы обретает ключевое значение, так как имеет силу объяснительного аргумента.

Следует заметить, что эстетическое является стороной различных отношений, причем его присутствие настолько значимо, что дает основание наряду с онтологическим, антропологическим, лингвистическим «поворотами», характерными для современности, фиксировать и «эстетический поворот». Так, рассматривая эстетический поворот как особую ориентацию мысли, А. Грякалов полагает, что «эстетическое – *топо-логически* – соотнесено с политическим» [3: с. 39]. А поскольку логика эстетического требует ярких выразительных образов и силы эмоционального воздействия, то сегодня его полагают необходимым моментом презентации полученного научного знания и философских текстов. Радикальный эстетический поворот, который наблюдается и в философии, чреват эстетизацией, утратой преимуществ рационального знания. Об этом предупреждает Ж.-Ф. Лиотар тех теоретиков, которые пытаются найти в эстетизации философии «лекарство от собственного разочарования» [7: с. 87].

Эстетическое переживание в «чистом виде» представлено в искусстве и его восприятии, поэтому, актуализируя эстетическое, мы сосредоточиваем исследовательское внимание именно на художественных творениях. Искусство прежде всего воздействует на эмоционально-чувственную сферу, воспринимается сердцем. А поскольку в искусстве выражается душа народа, то благодаря этому – «душа с душою говорит». Искусство позволяет преодолеть культурный этноцентризм, выйти за границы своей культуры, собственных жизненных форм.

Нет ни одного народа, у которого не было бы искусства. Оно сопровождает бытие человека как в фило-, так и в онтогенезе. Несмотря на то, что искусство – атрибут человеческого бытия, суть его ускользает из-под власти рациональности, «самой проблеме искусства свойственна неразрешимость» [9: с. 19]. Удивительно глубоко и образно подметил Х. Ортега-и-Гассет тщетность эстетики «приручить и оседлать крутонравого Пегаса», ее стремление «уловить сетью определений неистощимую, многоцветную суть художественности» [9: с. 17]. Однако такого рода категориальные сети «сплетены» и «плетутся» как в западной эстетике, так и в восточной. Способ же «плетения» и характер рисунка различаются. В соответствии с замыслом исследования мы надеемся показать, что взаимно неналожимые порождающие матрицы западного и восточного искусства не являются препятствием в интерактивных отношениях мигрантов и исконного населения, а, напротив, помогают преодолеть дистанцию между предпониманием как с одной, так и с другой стороны. Искусство, изначально вплетенное в жизненный мир людей, обретает смысл «врожденного коммуникативного опыта» (Ю. Хабермас). Традиция бытования искусства как органичного элемента религиозного ритуала, различных социальных практик обеспечивала *естественное* включение художественных произведений в повседневные интеракции. Жизненный мир как широкий спектр невысказываемых предположений относительно художественных творений, интуитивно понимаемых, служил контекстообразующим фоном достижения взаимного согласия. Наличие обоюдопонимаемого пред-данного неявного знания обусловливает «врожденный коммуникативный опыт», который человек естественно экстраполирует на художественные творения чужой культуры, в которой он оказался вследствие миграции. Отсюда следует, что жизненный мир предполагает некие априорные смысловые структуры. Априорность представлений укоренена в культуре, в дифференцированной человеческой деятельности. Каждое новое поколение обретает представления о качественной определенности явлений художественной культуры не только a posteriori, как следствие собственного опыта, но и a priori, как наследование готовых форм и образцов, уже имеющихся представлений, воплощенных в языке. Жизненный мир представляет «контекстообразующий фон достижения процессов понимания» (Ю. Хабермас) через коммуникативное действие.

Вследствие этномиграционных процессов в Дальневосточном регионе происходит расширение и уплотнение горизонта жизненного мира благодаря включению в него новых художественно-эстетических реалий, в том числе восточного искусства, что инициирует выработку аутентичных ему образцов истолкования.

Согласно традиции классической западной философии и парадигме европейской эстетики искусство – «вторая реальность», образно воспроизведенная действительность. Оно мыслится как нечто укорененное в творческой сущности человека (духа) и отражающее действительность в художественно-образной форме. Художественный образ – многосмысловое целое. Свойственную ему глубину и многогранность воспроизводит уникальный изобразительно-выразительный язык.

Восточное искусство, главным образом традиционное, обладает особенностями, отличающими его от западного. Уходит в прошлое истолкование данного феномена через уподобление его западному, стремление нивелировать семантические различия посредством «втискивания» в категориальное ложе европейской эстетики, подчинение меркам рациональности западной картины мира. Бесперспективным оказался также и подход, усматривающий в восточном искусстве нечто экзотическое, диковинное. В этом случае интерес сосредоточивался на внешней стороне, а глубина содержания,

смысл символичности представлялись недоступными либо не имеющими места в восточном искусстве. Аутентичное постижение своеобразия восточного искусства – обнадеживающий путь к взаимопониманию, достижению консенсуса, духовному взаимообогащению.

Из перспективы методологического потенциала компаративистского анализа удалось выявить немало общего в европейском, китайском, японском искусстве, что выступает фундирующим принципом возможной коммуникации между этносами, владеющими этой формой духовной деятельности. Вместе с тем взаимопонимание, обеспечиваемое художественными творениями, реализуется на основании процесса создания, совместной выработки горизонта значений, в котором стороны способны прийти к интерсубъективно разделяемой интерпретации при условии представления своеобразия как западного искусства, так и восточного.

Отличительная особенность китайского классического искусства на этапе его зрелости состоит в том, что оно «…является, пожалуй, самым достоверным и полным выражением основ китайской духовной традиции» [8: с. 237]. Культ традиции обусловил особое положение китайской цивилизации в мировой истории, благодаря ему Китай сумел сохранить культурную целостность и преемственность. И в этом смысле культ традиции предстает в качестве национальной идеи и выступает убедительной манифестацией непреходящей значимости китайского искусства. В ситуации отсутствия теологической доминанты искусство Поднебесной более точно и глубоко свидетельствует о духовном опыте, чем официальные религии: конфуцианство, даосизм и буддизм. В соответствии с духовной традицией искусство Китая не мыслится как отражение «объективной реальности». Оно предстает как духовное прозрение, запечатленное художественно-символически. Произведение художественного творчества настоящего мастера обязательно должно содержать секрет, который заключается не в утаенности предмета изображения, «а именно в неразличимости внутренней реальности жизни и ее внешнего образа, неразличимости глубины и поверхности нашего опыта» [8: с. 238]. Не будет преувеличением признать, что и сама суть китайского искусства таит секрет, который пытаются постигнуть представители иных культур.

Нам видится исключительно плодотворным, обладающим несомненным эвристическим потенциалом подход к пониманию культур Востока и Запада, предложенный авторами монографии «Дао и телос в смысловом измерении культур восточного и западного типа» [17]. Экспликация данного новаторского подхода осуществлена на мощном фундаменте философской классики, изощренном анализе современной философии, глубоком проникновении в суть восточной культуры. Оригинальная аналитика проблемы, фундированная убедительной логикой и валидной аргументацией, позволила увидеть в культуре, понимаемой как медиум смысла (а смысл как отношение причастности, связующее многое с Единым), различие его измерений, которое и обусловливает восточный и западный типы культур. По мнению авторов, «…классическая восточная культура преимущественно ориентирована на понимание уместности всего сущего и поэтому может быть названа культурой даологического типа; классическая западная культура рассматривает сущее преимущественно со стороны его предназначения и потому может быть определена как культура телеологического типа» [17].

Носителем феноменологических образцов восточного типа культуры, как, впрочем, и западного, является национальное искусство. Следовательно, мы теперь располагаем философско-методологическим потенциалом, реализация которого открывает перспективу постижения восточного и, в частности, китайского национального искусства в даологическом измерении или, по крайней мере, позволяет прояснить его некоторые характерные особенности.

В традиционной китайской живописи, которая на весь мир прославила средневековый Китай, не случайно ведущим жанром становится пейзаж *горы-воды*, изображение природы как воплощение миропредставления, его красоты. Нельзя не заметить, что выражение характерного состояния природы, ее спокойного величия, беспредельности гармонирует умиротворенному настроению художника. Здесь закрадывается сомнение, неужели китайский художник, которого считали воплощением мудрости, не видел социальных катаклизмов, противоречий, раздирающих страну, бесправия властьпредержащих, гнета иноземных завоевателей? На самом деле действительно мудрый китайский художник не только кисти, но и слова, пытался проникнуть в сокровенную суть мироздания, понять сопричастность вещей, уместность всего сущего. В такой позиции отражается и непонятный человеку западной культуры даосский принцип недеяния (*у-вэй*). Даосское учение полагает естественность осуществляющихся на земле и на небе процессов, происходящих согласно Дао. Художник своим творчеством утверждает этот принцип даосской мудрости, в соответствии с которым природа является манифестацией универсального Дао. «Великое Дао растекается повсюду. Оно может находиться и вправо, и влево. Благодаря ему рождается и существует все сущее, и оно не прекращает своего роста» [4].

Недеяние – это соучастное отношение человека и мира, гармония которого покоится на их равнозначности, уместности и сопричастности друг дру-

гу мира и человека во имя вечности согласного существования. Величайший поэт Китая Ли Бо, исповедовавший даосскую мудрость, выражает ее в следующих строчках: «Гляжу я на горы, / И горы глядят на меня, / И долго глядим мы / Друг другу не надоедая» [11: с. 441].

Легендарный Лао-цзы, один из основоположников даосизма, учил, что вечность и целостность мира обусловлена взаимодействием противоположных начал Ян и Инь: светлого и темного, активного и пассивного, мужского и женского. На наш взгляд, очень интересное и художественно выразительное воплощение эта идея получила в творчестве художника Ма Юаня периода Сун, «…когда художники всерьез задумались над отношением между Дао и искусством» [10: с. 13]. Он творил в эпоху, когда сунская империя клонилась к упадку. Именно в это время Ма Юань находит оригинальный изобразительно-выразительный прием, указывающий возможность преодоления разрывов, дисгармонии и одновременно утверждающий глубинную целостность мира. Его живописная манера получила название «живопись одного угла». Асимметричные композиции Ма Юаня строятся на сложном сочетании пустот и заполненных мест, острых ломаных штрихов и мягких размывов черной туши. Одно из наиболее известных его произведений «Утки, скала и мэйхуа» отличается не только живописной красотой, мастерством исполнения, но и глубоким смыслом. На небольшом пространстве предстает огромный мир, уходящий в бесконечность, благодаря незаполненному нижнему правому углу, матовая поверхность которого не только создает иллюзию безбрежной дали, а нечто большее – «одухотворенную пустоту». Как замечает Дж. Роули, художники сунского времени «…усвоили настолько обостренное сознание значимости отсутствующего, что пустоты в их картине стали красноречивее устойчивых форм» [10: с. 16]. Скала – олицетворение вечности природы и одновременно – устойчивости мира. Мэйхуа – дикая слива, которая цветет, когда еще держится снег. Это воплощение стойкости и неколебимости. У Ма Юаня изображение мэйхуа неподражаемо великолепно. Виртуозно владея кистью и черной тушью, посредством изысканно изогнутой, а то и ломаной линии, лаконичными точками художник создает образ мэйхуа, одновременно сочетающей хрупкость, утонченность и силу. Изображение уток стягивает асимметрию изображения, придавая ему композиционную целостность.

Линия как изобразительно-выразительное средство китайской живописи, которой еще с древности придавали огромное значение, считая, что она позволяет выявить красоту мира, – это еще и символическое выражение Дао.

Даологическое измерение китайской традиционной живописи демонстрирует такая ее характерная особенность, как гармоническое сочетание с каллиграфией. Ее органическая смысловая и эстетическая включенность в ткань целостного художественного образа манифестирует идею уместности, сопричастности всего сущего.

Реализация эвристического ресурса даологического измерения в интерпретации и постижении китайского искусства позволяет увидеть его парадигмальный потенциал. Рассматриваемый подход акцентирует смысловое различие, принципиальную склонность Востока подходить к смыслу даологически, со стороны уместности сущего, соотнесенности с тем целым, где оно рождается [17].

В отличие от европейского истолкования искусства как отражения, оценки и преображения реальности, ее художественно-образного воспроизведения, для японцев искусство, по крайней мере, традиционное – сама реальность. Известный исследователь японской культуры Т.П. Григорьева характеризует эту особенность интересующего нас феномена как «недуальность искусства и жизни» [2: с. 210]. Данная особенность обусловлена дзэн-буддизмом, являющимся одним из измерений японской духовности. Искусство, согласно дзэнскому его пониманию, погружено в саму жизнь и, благодаря художественно-эстетическому совершенствованию всех ее сторон, она сама становится искусством. Р. Тагор, изумленный и восхищенный творческим гением японского народа, понял, что «…японцы не только прекрасные художники, – они превратили всю жизнь человека в искусство» (цит. по: [15: с. 5]).

Упрочению традиции растворения искусства в жизни способствовало и бусидо (искусство меча и смерти), еще одно из измерений японской духовности. Благодаря эстетике самурайства, самурайскому кодексу чести в представление об искусстве вошло понятие «дао» («до»), что отразила сама этимология названия искусства – «гэйдо» [13: с. 197]. Бусидо как культура под знаком меча становится образом жизни. Тядо (путь чая) – это не только искусство чайной церемонии, но и ставшая неотъемлемой часть жизни самураев как средство релаксации. Возможно гораздо более ценно – это путь понимания смысла жизни. Следует отметить, что и сами японские теоретики видят отличительную особенность национального традиционного искусства в его неотделимости от житейского мира. Так, один из современных эстетиков Накамура Юдзиро в работе «Действующая интуиция и искусство Японии» выделяет первую главную особенность традиционного искусства – «отсутствие четкой границы между искусством и обыденной жизнью. И отсюда второй главной особенностью выступает «уделение особого внимания непосредственным

физическим (телесным) действиям в художественной практике» [13: с. 31].

Согласно традиционным и длительное время неотрефлексированным (по крайней мере до начала двадцатого столетия) художественно-эстетическим представлениям искусство в Японии рассматривалось как *неискусство*. И только под влиянием западной эстетики, интенсивное изучение которой в составе духовной культуры Европы началось в эпоху Мэйдзи (1868–1912), писатель Цубоути Сёё (1859–1935) выделяет искусство в качестве самостоятельного феномена. Его трактат «Сокровенная суть сёсэцу» прервал традицию рассматривать искусство как неискусство, «…нарушил связь вещей по принципу интердиффузии всего во всем» [2: с. 313].

Такое понимание искусства органично японскому представлению о бытии, согласно которому целостность мира фундирована единством, взаимопроникновением равно значимых духовных его основ: религиозной, этической, эстетической. При этом необходимо учитывать, что сами духовные основы отличаются содержательной спецификой, особой мерой их взаимообусловленности, что находит отражение в основополагающем принципе восточной философии: «одно во всем и все в одном».

Имамити Томонобу, «самый универсальный эстетик сегодняшней Японии» (Е. Скворцова), объясняет специфику японского искусства и его отличие от западного национальным менталитетом, существенной чертой которого является личностная невыраженность. В японском языке нет слова, близкого по значению западному понятию «личность», что свидетельствует о факте принципиального значения: если нет слова, значит нет нужды в нем. В традиционном японском обществе значительно большую роль в характеристике человека играли конфуцианские добродетели: *долг, ответственность*. Это обстоятельство нашло отражение в национальной художественной практике, где от художника не требовалось самовыражения, самоутверждения. В традиционном искусстве главным считалось установление эмоционального контакта со зрителем, партнером. Эту особенность характеризует эстетическая категория – *ма* (буквально: между, промежуток).

Воплощение принципа *югэн* (скрытая красота) в традиционном театре Но, выявляющего лишь сокровенную суть предметов, людей, душевных переживаний, также рассчитана на эмоциональный отклик. «*Ма,* – замечает Имамити, – есть некое пространство эмоционального отклика... Все японское искусство было пронизано светом душевного взаимодействия, сотворчества сторон, чем разительно отличалось от западной традиции самовыпячивания» (цит. по: [12: с. 134]).

Компаративистское рассмотрение эстетического в восточной и западной культуре позволило вычленить принципиально важную конструктивную идею, получившую в античной философии название *калокагатии,* семантически интерпретируемую в настоящее время как единство красоты и добра. Ее действенность осознается и на Западе, и на Востоке. Подтверждением этому является исследование Д.В. Кончуком принципов китайской философии. Он показывает, что с именем современного китайского философа Тан Ицзе (1927–2014) в Поднебесной связывают идею триады принципов, сущностно отражающих китайский способ философствования, трех «взаимоединений» – основополагающих суждений об истине, благе и красоте. Д.В. Кончук полагает, что Тан Ицзе интерпретирует нам схему «трех взаимоединений» как китайский вариант *калокагатии* – единства красоты и добра, а также истины (см.: [5]).

В новой эстетике Имамити Томонобу также есть идея, прямо отсылающая к понятию калокагатии. Японский теоретик обосновывает «калонологию», философию прекрасного, главная функция которой – воспитательная. Сам термин образован от греческого слова «to Kalon» – прекрасное. Имамити считает, что подлинное художественное творчество должно основываться на принципе калокагатии. Искусство сможет выполнять воспитательную функцию, если будет утверждать не просто красоту, а ее гармоническую связь с нравственностью. Думается, что именно эта особенность искусства Страны восходящего солнца обусловила интерес японцев к творчеству Л.Н. Толстого. Русского писателя ценят в Японии не только за его художественный талант, но и за те нравственные ценности, которые он утверждал творчеством и собственной жизнью, за неустанные поиски истины. Нашего великого соотечественника называли Учителем. Один из самых авторитетных исследователей восточной культуры Н.И. Конрад отмечал, «…что затронул Толстой в Японии, как и всюду, отнюдь не одну литературу: различными сторонами своей творческой личности он вошел в духовную жизнь японского общества, на многое в этой жизни повлиял – в Японии в некоторых отношениях даже больше, чем на Западе» [6: с. 400].

Смысл калокагатии можно передать и пушкинской строчкой: «...и чувства добрые я лирой пробуждал». Эта, воплощенная в искусстве, поэтически выраженная гармония красоты и нравственности и усваиваемая благодаря интерсубъективно разделяемому ресурсу жизненного мира формирует скрепы духовного общения мигрантов и населения принявшей их страны. Такое искусство прорывает, преобразует мощные силы детерминации системных, институциональных отношений власти и экономики, противостоит монетаризации и бюрократизации жизненного мира, утверждая тем самым коммуникативно-интегративную силу эстетического.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гадамер, Г.-Г.* Истина и метод / Г.-Г. Гадамер. – М. : Прогресс, 1988.

2. *Григорьева, Т.П.* Японская художественная традиция / Т.П. Григорьева. – М., 1979.

3. *Грякалов, А.А.* Эстетическое и политическое в контексте постсовременности: топос HOMO AESTHEYICUS / А.А. Грякалов // Вестник Российского философского общества. – 2012. – № 3. – С. 39–42.

4. Дао дэ цзин. Глава 34 : пер. с кит. и прим. Ян Хин-Шуна. – СПб. : Азбука- классика, 2002.

5. *Кончук, Д.В.* Три «взаимоединения» как принцип китайской философии / Д.В. Кончук // Преподавая философию. Рефлексия : сб. науч. ст. – Владивосток : Дальневост. федер. ун-т, 2016. – С. 245–250.

6. *Конрад, Н.И.* Толстой в Японии / Н.И. Конрад // Запад и Восток. – М. : Глав. ред. вост. лит., 1972.

7. *Лиотар, Ж.-Ф.* ANIMA MINIMA / Ж.-Ф. Лиотар // Эстетическое бессознательное / сост., пер. с франц. и послесл. В.Е. Лапицкого. – СПб.; М. : Machina, 2004. – С. 83–101.

8. *Малявин, В.В.* Молния в сердце. Духовное пробуждение в китайской традиции / В.В. Малявин. – М. : Наталис, 1997.

9. *Ортега-и-Гассет, Х.* Адам в раю / Х. Ортега-и-Гассет // Запах культуры. – М. : Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 10–40.

10. *Роули, Дж.* Принципы китайской живописи : пер. с англ. и послесл. В.В. Малявина / Дж. Роули. – М. : Наука, 1989.

11. Семь самоцветов Востока: Антология восточной классической поэзии. – М. : Школа-Пресс, 1995.

12. *Скворцова, Е.Л.* Восток и Запад в новой эстетике японского философа Имамити Томонобу / Е.Л. Скворцова // Философские науки. – 2010. – № 3. – С. 134.

13. *Скворцова, Е.Л.* Современная японская эстетика / Е.Л. Скворцова. – М. : Гос. ин-т искусствознания, 1996.

14. *Хабермас, Ю.* Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М. : Весь Мир, 2003.

15. Человек и мир в японской культуре. – М. : Наука, 1985.

16. *Эко, У.* Миграция, терпимость и нестерпимое / У. Эко / Пять эссе на темы этики : пер. с итал. Е.А. Костюкович. – СПб. : Симпозиум, 2007. – С. 128– 158.

17. Дао и телос в смысловом измерении культур восточного и западного типа / С.Е. Ячин [и др.]. – М. : ИНФРА-М, 2012.

18. *Habermas, J.* The theory of communicative action / J. Habermas. – Boston : Beacon Press, 1984. – 457 p.

ОТРАЖЕНИЕ ДРЕВНЕЙ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОРНАМЕНТЕ СЛАВЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

В.М. Редчун

Редчун Валентина Мироновна – старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела истории Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова.

Контактный адрес: izba53@mail.ru

В статье раскрыто смысловое значение славянских знаков-символов на предметах текстиля славян-переселенцев Дальнего Востока России. Прослеживается роль декора в передаче ценностей и смыслов этнической культуры.

Ключевые слова: славяне-переселенцы, орнамент, архаика, мотивы, сюжеты, символика, Дальний Восток.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-89-97

Крестьяне-переселенцы, осваивая дальневосточную окраину, несли с собой традиции вышивки и узорного ткачества, которые, в свою очередь, были основаны на древнеславянских языческих представлениях. Компактность поселений новосёлов и патриархальность крестьянской среды способствовали устойчивости духовного и материального мира переселенцев, в том числе более продолжительной консервации традиционных орнаментальных мотивов, занесённых ими из Европейской России. Крестьянки-переселенки Приамурья были хранителями древних представлений и образов этого вида народного творчества. Поэтому, украшая изделия из ткани, мастерицы использовали орнаменты, обильно насыщенные языческой символикой. В традиционном сознании они воспринимались переселенцами как сакральные вещи, орнаментика которых не могла подвергаться существенным изменениям именно в силу их глубокой символичности.

До первой четверти XX в. в мотивах орнамента крестьян-переселенцев Приамурья сохранялись каноны, при помощи которых человек с древнейших времён выражал свои представления о Вселенной, об устройстве быта. Знаки-символы, помещённые на крестьянские бытовые предметы, напоминали земледельцу основные элементы своеобразной картины мироздания, сформировавшейся в архаические времена и воспринимавшейся в позднее историческое время как модель отношений между человеком и природой. Исследователь народного художественного творчества В.С. Воронов полагал, что «…вышивка является хранительницей древнейших и художественных глубочайших образов и мотивов русского искусства» [15: с. 83].

Орнаментированным предметам как традиционного костюма, так и убранства интерьера отводилась важная роль в значимых обрядах жизненного цикла славян. В своём функциональном применении они имеют не только утилитарные, но также сакральные аспекты: ритуальные и обрядовые. По определению исследователя славянской культуры академика Б.А. Рыбакова, «…отложение в вышивке очень ранних пластов человеческого религиозного мышления объясняется ритуальным характером тех предметов, которые покрывались вышитым узором [36: с. 637].

Истоки символов вышивки и узорного ткачества крестьян-переселенцев Приамурья лежат в мифологическом мировоззрении славян. Корни орнамента тканых изделий уходят в глубокую древность, в нём – следы того времени, когда одухотворялась природа, все её проявления. Помещая на текстильных предметах изображения солнца, Древа жизни, птиц и женской фигуры как символов жизненной силы, счастья, плодородия, люди верили, что это принесёт благополучие в дом. Каждый изобразительный символ призван был усилить эти функции и защитить обладателя данного предмета от воздействия враждебных потусторонних сил. Семантика орнамента должна была согласовываться с семантикой вещей, на которых этот орнамент помещён. Мастерица выбирала из строго ограниченного круга изобразительных средств лишь те символы, которые представлялись ей наиболее уместными в данном случае. «Сам по себе орнамент не существует, и существовать не может» [25: с. 90]. Религиозный философ, искусствовед П.А. Флоренский отмечает, что «…орнамент изображает не отдельные вещи и не частные отношения, а облекает наглядностью некие мировые формулы бытия» [40: с. 160]. Историк культуры и искусствовед У. Моррис писал: «…самые обычные предметы домашнего обихода делались простыми людьми... Это был повседневный труд народа, который приносил не только пользу, но и радость. Результат такого труда – добротно сделанная вещь, которая была функциональна в зависимости от того, где она применялась. Однако иногда функциональность «перекрывалась» иным, сакральным, значением, тогда бытовая вещь практически утрачивала свои бытовые функции, продолжая выполнять сакральные, – служила обе-

регом хозяину дома и его семье, самому жилищу, домашнему скоту, посевам и т.п.» [29: с. 61].

В течение многих веков орнамент менялся, подверглись переработке и его мотивы. В XIX в. восприятие семантики древних мотивов стало частично утрачиваться славянами-переселенцами. На подсознательном уровне они по-прежнему использовались мастерицами как доброжелательные мотивы. В.А. Городцов в своём исследовании, созданном на основе изучения музейных коллекций, выявил глубочайшие истоки русского народного изобразительного мастерства: «….каждая строчка, каждый крестик имеет строго канонизированный характер и передаётся от учительницы к ученице в возможно большей точности и совершенстве. … в шитье девиц выражалось такое же важное значение для населения знания священных символов той старой, а поэтому дорогой веры, которою жил народ тысячи лет» [17: с. 8]. Традиционность образов вышивки отметил и исследователь русского народного искусства В.В. Стасов: «Между тем, сколько ни расспрашивай, в любом углу России, крестьянок, вышивающих полотенца, простыни, головные уборы, всюду постоянно услышишь, что они шьют, хотя и на память, но по прежним, исстари ведущимся образцам, передаваемым из рода в род» [32: с. 8].

Как известно, древней религией славян, их мировосприятием было язычество, охватывавшее всю сферу духовной культуры и значительную часть культуры материальной [38: с. 8]. С принятием христианства на протяжении нескольких веков совершалось взаимное дополнение христианских и языческих традиций, происходил процесс трансформации мифологических образов. Многие учёные, среди них В.А. Городцов, Л. Динцес, Б.А. Рыбаков и др. – видели в образах народного искусства отзвуки язычества, память о древнейшем прошлом [17: с. 7–36; 20: с. 465–491; 37]. Оно удержалось в крестьянском быту и было формой проявления народных, крестьянских воззрений, существовавших на своих тысячелетних исконных основах. Историк искусств В.В. Стасов обратил внимание на их древнейшие истоки и глубину их религиозно-мифологического содержания, отметив взаимосвязь иконографии народного орнамента с дохристианскими верованиями славян. Орнаменты всех народов идут из глубокой древности, а «…у народов древнего мира орнамент не заключал ни единой праздной линии: каждая чёрточка тут имеет своё значение, является словом, фразой, выражением известных понятий, представлений. Ряды орнамента – это связная речь, последовательная мелодия, имеющая свою основную причину и не назначенная для одних только глаз, а также и для ума и чувства» [32: с. 2].

В символике архаического орнамента славян заложены представления о мифологической картине мира. Академик Б.А. Рыбаков, исследователь славянской культуры, обращая внимание на глубокие корни традиционной многовековой культуры русской деревни, писал: «Народные сказки, хороводы и песни, былины и думы, красочные и глубокие по смыслу свадебные обряды, народные вышивки, художественная резьба по дереву – всё это может быть исторически осмыслено только с учётом древнего языческого миропонимания» [37: с. 6].

Прежние мифологические образы ещё долго в той или иной мере сохранялись в искусстве славян. «Языческие верования, обряды, заговоры, формировавшиеся тысячелетиями, не могли бесследно исчезнуть сразу после принятия новой веры» [36: с. 773–774]. Без знания мифологии и символики язычества невозможно разобраться в архаических мотивах орнамента славян-переселенцев. Доктор искусствоведения В.М. Василенко делает вывод о том, что крестьянская символика может быть то простой, то сложной, но всегда вызвана к жизни мировоззрением крестьянина, его верованиями, взглядами на мир, на жизнь [12: с. 113].

Известный исследователь народно-художественного творчества В.С. Воронов обосновывает значение славянских крестьянских вышивок как «исключительной страницы в мировой истории искусств, определяющей наибольшую хронологическую глубину этого искусства и неопровержимо свидетельствующей о символическом и религиозном характере его первых иконографических слоев» [14: с. 12].

Орнамент функционировал в духовной культуре славян как актуальный знаковый образ, форма и местопребывание которого на изделии определялись смыслами этого предмета. Вещь как этнографический факт – это сгусток связей с другими вещами и контекст, в котором она используется [5: с. 10], а изображения на них являются аналогом идеального порядка или магическим воплощением сценария для его достижения [7: с. 30]. Орнамент на одежде только тогда становится самим собой, когда он составляет органическое целое с вещью, на которую нанесён [4: с. 47–48].

Орнаментированные предметы быта никогда не имели чисто утилитарно-бытового характера и были теснейшим образом связаны с символической орнаментацией и общей знаковой (семантической) функцией. Искусствовед Ю.Я. Герчук писал: «…орнамент поднимает предмет над ограниченностью его практического назначения, делает носителем некоего общего принципа, малой моделью гармонического мирового порядка. Он наделяет вещь своей способностью генерировать ритмы времени, зримо воплощать глубинные представления своей эпохи о структуре окружающего мира» [16: с. 87].

В древности вещь вместе с нанесённым на неё орнаментом была материальным воплощением образа мира, поскольку с помощью орнамента древний человек отображал всё, что его окружало и что было для него значимым – «для архаического человека знаковая функция – неотъемлемое качество вещи как атрибута социума» [1: с. 9].

Предметно-материальный мир славянских переселенцев Дальнего Востока конца XIX – начала XX в. был в значительной мере символичным. Орнаментированный текстиль содержит закодированные сведения о духовной культуре славян. «Время представлялось первобытному человеку в виде пространства, имеющего свои отрезки, пространство же воспринималось им в виде вещи» [41: с. 20]. Доктор искусствоведения М.А. Некрасова считает, что орнаментальные образы выражают своеобразное суждение о Вселенной. По её определению, в орнаментальном искусстве образ – это «одновременно и материальная функционально-целесообразная вещь, и модель отношения человека с миром» [30: с. 76].

Наиболее древним и архаичным пластом в орнаменте восточных славян являются различные геометрические фигуры и древесно-растительные изображения прямолинейных очертаний. Эти мотивы несли когда-то большую смысловую нагрузку, олицетворяя силы природы и являясь охранными знаками, определяли благополучие земледельца. «Для древнего человека они были условными знаками, с помощью которых он выражал свои понятия о мире. Прямая горизонтальная линия означала землю, волнистая – воду, крестом изображали огонь; ромб, круг или квадрат символизировали небесный огонь – солнце. Из комбинации тех же простейших элементов составляли более сложные знаки-символы. Нередко они играли роль оберега, их чертили как заклинание. С течением времени изначальный смысл этих фигур изменился, а потом и вовсе стёрся в памяти поколений» [10: с. 7]. В геометрических мотивах прослеживается одна из самых первоначальных форм крестьянского искусства, своими истоками уходящего в глубины ещё языческой славянской древности. По предположению археолога А.К. Амброза, «Геометрические фигуры, даже утрачивая со временем магическую роль, сохраняют определённое место на бытовых вещах, а народная традиция от произведения к произведению сохраняет внешнюю форму древних знаков, строго регламентированных по начертанию» [3: с. 26].

Г.С. Маслова, исследователь истории и этнографии восточно-славянских народов, отмечает: «…в орнаменте восточнославянских женских рубах, полотенец, поясов, т.е. ритуальных предметов, чаще всего преобладают мотивы ромба, розетки, восьмиконечной звезды, а также сильно геометризованной человеческой фигурки или растения. Эти узоры восходят к глубокой древности [26: с. 615].

Визуальные изобразительные символы народной культуры дальневосточных славян многочисленно представлены в коллекции традиционной вышивки и узорного ткачества Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова (далее ХКМ). Помимо изделий, включающих предметы одежды, архаичные мотивы введены и в декор текстильных предметов убранства интерьера (полотенца, скатерти, подзоры). Все они принадлежали представителям крестьянского сословия. Этнографическая коллекция славянских переселенцев включает образцы тканевых орнаментированных изделий XIX – начала XX в., наиболее полно сохранивших древние сюжеты орнамента. При всём этом она вобрала в себя неоднородный материал: наиболее древний орнаментальный пласт дают нам предметы с языческими сюжетами, датируемые XIX в. Это изображения древа жизни, различные модификации солярных знаков, антропоморфные и зооморфные фигуры, систематизированные в строго определённой последовательности и образующие сложные развёрнутые композиции. Такие изображения являются традиционными символическими образами восточных славян и связаны с языческими представлениями об окружающем мире, природе, вселенной, добре и зле. Они раскрывают внутренние закономерности значения изобразительных мотивов, транслирующих на подобных предметах определённые природные, сакральные и трудовые ритмы, которые определяли традиционный уклад жизни славянского крестьянства, переселившегося со своей родины на восточные окраины России. «В силу исторических условий своего развития деревня оказалась хранительницей народных традиций и архаических пластов древней культуры» [36: с. 518]. Многие вещи в традиционной культуре, помимо внешнего эстетического выражения, несли в себе дополнительный смысл. Архаичные орнаментальные композиции украшали лишь сакрально отмеченные вещи, т.е. те категории предметов, которые соприкасались с культом, с ритуальными действиями, с устойчивыми религиозными (в том числе и языческими) представлениями. «Отложение в вышивке очень ранних пластов человеческого религиозного мышления объясняется ритуальным характером тех предметов, которые покрывались вышитым узором... Таковы подвенечные кокошники невест, рубахи, накидки на свадебные повозки и многое другое. Специальным ритуальным предметом, давно обособившимся от своего двойника, было полотенце с богатой и сложной вышивкой. На полотенце подносили хлеб-соль, полотенца служили вожжами свадебного поездка, на полотенцах несли гроб с покойником и опускали его в могилу. Полотенцами увешивали красный угол, на полотенце – "набожники"

помещали иконы» [37: с. 637]. Архаическую основу геометрического орнамента составляют ромбы и квадраты простые, перекрещенные и концентрические, а также свастический орнамент (рис. 1).

Рис. 1. Полотенце. Начало XX в. [64]

Это некогда типичные для всех славян элементы конца XIX в. Для русской архаичной вышивки, сверх того, крайне типичен ромб с крючками–«лягушка», являвшаяся, по поверьям славян, атрибутом богини земли [69: с. 474].

Для язычников был очень важен аграрный аспект земли: земля – почва, рождающая урожай [36: с. 762]. А.К. Амброз связывает распространение ромба с крючками с развитием земледельческого культа [3: с. 14, 15]. Этот мотив в XVIII – начале XX в. являлся «одним из основных элементов крестьянского геометрического орнамента» [3: с. 14].

В предметах орнаментированного текстиля славянской коллекции ХКМ им. Н.И. Гродекова преобладает общий для русских, украинцев и белорусов геометрический орнамент. Его стержневая группа имеет глубоко архаическую природу. Строится он в основном из различных ромбических форм [43; 45; 47; 49; 50; 52; 55; 56; 59], перекрестий [46; 49], плахтовых розеток [49; 54], крюковых мотивов [48; 58]. На полике украинской обрядовой – свадебной рубахи розетка крестовидной формы, составленная из нескольких лопастей, напоминает распластанный цветок [49]. Это элементарные в начертательном отношении знаки, которые восходят к дописьменной эпохе. В этих мотивах орнамента дан образ мира, близкий именно земледельцу. Поскольку основным занятием славян было земледелие, то аграрный культ играл важную роль в их жизни. «Земледельческий характер» изображённых мотивов отражает систему жизнедеятельности и связанные с ней верования славянских народов. Древнеславянское изобразительное искусство носило в основном магический характер. Всем изображениям придавался определённый внутренний смысл, и все они были призваны воздействовать на таинственные для него силы природы с целью обеспечения урожая [36: с. 767].

Из всех видов орнамента самый древний – ромбический. Он известен начиная с палеолитической древности. Палеонтолог В.И. Бибикова установила, что различный угол среза мамонтовой кости (поперечный или косой) образует на поверхности любого изделия как бы ковровый узор, составленный из соприкасающихся и надвигающихся друг на друга ромбов естественного происхождения [9: с. 7].

Для язычников был очень важен аграрный аспект земли-почвы, рождающей урожай. Исследователь славянской культуры С.В. Жарникова предполагает, что с появлением земледелия ромб стал знаком вспаханного и засеянного поля, а дополненный крючками-отростками – изображением древней богини жизни и плодородия Рожаницы [23: с. 89, 91] (рис. 2, 3).

Рис. 2. Рубаха. Начало XX в. [55]

Рис. 3. Полотенце. Конец XIX в. [57]

Ромбические фигуры, наиболее часто встречающиеся на предметах орнаментированного текстиля дальневосточных славян, – традиционные символы плодородия, имеющие древнее значение. «Судя по их месту в различных композициях, могли означать землю, растение и женщину одновременно» [3: с. 20].

Общеизвестно, что идея плодородия в свадебной обрядности выступает в двух формах: во-первых, как будущая плодовитость девушки-невесты, а во-вторых, как плодовитость вспаханной и засеянной земли (каравай хлеба, обсыпание зерном, подстилание соломы и т.п.). Женщина уподоблена земле, рождение ребенка уподоблено рождению нового зерна, колоса. В этом слиянии аграрного и женственного начал сказывается не только внешнее уподобление по сходству сущности жизненных явлений, но и стремление слить в одних и тех же заклинаниях и благопожеланиях счастье новой семьи, рождение новых людей и урожайность полей, обеспечивающую это будущее счастье. Здесь мы видим тот самый комплекс, который выражался в древней Руси понятием «рожаницы» – покровительницы как рождаемости, так и урожайности [37: с. 56, 57].

Ромбы в орнаменте славянского текстиля коллекции ХКМ составляют «головы» антропоморф-

ных фигур [59; 61; 65], размещаются в разных местах на фоне узора [59; 65; 66].

Они имели значение как охранно-благожелательный символ и были связаны с понятием дома, усадьбы, солнца, тепла и благополучия. Различная разработка ромбов – в виде простого ромба [50], ромбов со сложной внутренней разработкой [44; 64; 66] ромбов с продлёнными концами [59] и гребенчатых ромбов [55; 60] (рис. 4) имеется в вышивке и узорном ткачестве у всех восточно-славянских народов. Иногда ромбы (или косо поставленные квадраты) идут полосой в ряд [49; 50; 56; 66].

Рис. 4. Полотенце. Начало XX в. [64]

В отдельных ромбических композициях, например в вышивке русской рубахи (Воронежская губерния) [59] и белорусской (Могилевская губерния) [66], ромб разделён крест-накрест на четыре ромба (или квадрата). На воронежской в центре каждого квадрата изображена маленькая точка [59]. В композиции этой орнаментальной полосы на оплечье рубахи вышит сплошной узор (с небольшими просветами), который состоит только из таких фигур. Благодаря оставленным просветам легко выделяется основной элемент этого орнамента – фигура из четырёх ромбов с точками. По мнению академика Б.А. Рыбакова, такая ромбо-точечная композиция имела возрастное ограничение. Они не встречались ни на одежде для детей, ни на одежде для старых женщин [37: с. 56]. Этот мотив чаще всего использовался для вышивки на одежде в качестве охранно-благожелательного символа, приносящего счастье и способствующего деторождению [69: с. 474]. «На свадебных "молодецких" панёвах, на вышитых рукавах женских рубах, на девичьих головных уборах очень часто встречается один и тот же характерный узор: ромб или косо поставленный квадрат, разделённый крест-накрест на четыре маленьких квадрата или ромба. В центре каждого из четырех маленьких квадратов обязательно изображается небольшая точка. Так как квадрат есть частный случай ромба, то назовем эту композицию "ромбо-точечной"» [37: с. 55].

Б.А. Рыбаков в своей книге «Язычество древних славян» приводит запись этнографа В.В. Богданова о том, как применялась ромбо-точечная схема в Белоруссии в XIX в. «При постройке новой избы (что являлось естественным продолжением образования новой семьи) глава семьи должен был освятить участок земли, отведённый под постройку нового жилища. С этой целью он чертил на земле большой квадрат, размером с усадьбу, делил этот квадрат на четыре части так, чтобы образовались четыре малых квадрата. Затем хозяин будущей усадьбы отправлялся "на все четыре стороны" и приносил с четырёх полей по большому камню. Камни укладывались в центре каждого малого квадрата, начерченного на земле. После этого земля будущей усадьбы считалась освящённой. Белорусский крестьянин освящал свою землю той самой ромбо-точечной композицией, которую девушки вышивали на своей свадебной одежде» [37: с. 57, 58].

В славянской знаковой системе символ «ромб» мог обозначать и Солнце [27: с. 113]. По условиям техники круг превращался в многогранник, ромб или даже квадрат. При этом сохранял своё название – «круг» [24: с. 441–442]. Прямолинейность и геометричность орнамента объясняются тем, что техника тканья и вышивки по счёту нитей затрудняла выполнение закруглённых линий. Потому, например, мотив круга – символ солнца – заменяется квадратом или ромбом, поставленным на угол.

В аграрном культе солнце почиталось славянами как источник жизни, света и тепла. Графическим символом солнца была розетка, в том числе и крестообразная, круг с крестом, крест в ромбе, косой крест. Крест и круг – два основных элемента, из которых посредством их сочетания и видоизменений образуются остальные солнечные символы. Иногда такой крест видоизменяется в четырёхлепестковый цветок [62]. Подобные формы непосредственно переходят и в розетку [57] (рис. 5).

Рис. 5. Полотенце. Конец XIX в. [57]

В.С. Воронов высказал предположение, что «…система кругов, их секторов и сегментов – в разнообразнейших соединениях и комбинациях XVIII века – в своём чистом идейном содержании является символическим изображением величественного и всепокоряющего явления природы, в культе которого заключается глубокое и целостное мировоззрение древнего язычества... В повторяющихся орнаментальных знаках – отразился культ

животворящего светила, мерно совершающего свой каждодневный путь над пашнями, лесами и поселениями крестьянской земли. Первый глубочайший образ бытового искусства символически запечатлел явление природы, и этот образ сохранился непоколебленным до последних дней жизни крестьянского искусства» [14: с. 118, 119]. Солярные знаки, выполнявшие магическую роль оберегов, занимают значительное место в орнаменте тканевых предметов славянской коллекции ХКМ им. Н.И. Гродекова. Анализируя вышивку славян-переселенцев, можно предположить, что на поликах и оплечье украинской рубахи орнамент с восьмилепестковой розеткой (в центре ромба) или косой крест в чередовании с плахтовой розеткой [49], крестообразные фигуры на полотенцах [52; 57] и праздничном переднике русской крестьянки-переселенки [44] также в основе своей восходят к солярному символу. Раньше эти фигуры являлись солнечными знаками и считались священными изображениями. Но с течением времени «…в рамках традиционной формы они обогащались новыми деталями. В последующее время архаические вышивки всё более становились просто украшением, и вышивальщицы разделились по своему отношению к традиционной вышивке: одни бережно повторяли во многом уже непонятные старые образцы, другие осмысливали их по-своему и значительно изменяли архаические начертания» [2: с. 73,75]. В орнаменте восточных славян конца XIX – начала XX в. они сохранились в качестве любимых мотивов орнамента.

По стилистическим признакам к архаическому пласту орнаментов можно отнести изображение Древа жизни – древнего земледельческого культа славян. Древо жизни в разных вариантах встречается в музейной коллекции ХКМ как на рубахах (больше на женских), так и на предметах украшения интерьера, в основном на полотенцах [68]. В орнаменте рубах как самостоятельный элемент он встречается редко, обычно являясь связующим звеном в трёхчастной композиции с сюжетом из птиц [58; 67]. В такой композиции стилизованное дерево составляло центр, к которому обращены птицы.

В архаических вышивках восточных славян птица обычно была связана с центральной частью композиции – антропоморфной фигурой, по-видимому, женской [17: с. 12]. Можно предположить, что в орнаменте, исполненном мастерицами-переселенками в конце XIX – начале XX в., произошла замена (трансформация) женской фигуры образом Древа жизни. Мотивы таких образцов вышивки отражают архаичную растительную символику, характерную для традиционной вышивки восточных славян [42; 58; 68]. В коллекции тканевых орнаментированных предметов ХКМ им. Н.И. Гродекова мотив Древа жизни трактовался по-разному. Одни из них представляли собой схематичные геометризованные деревья с прямыми симметричными ветвями [49]. У других – вершина, ствол и ветки дополнялись различными геометрическими знаками: ромбами, крестами, звёздочками, восьмилепестковыми розетками [62]. Корни или основа таких деревьев, как правило, обозначены схематично: чаще – в виде горизонтальной линии в один или два-три ряда. Нередко цепочки мелких геометрических фигур в виде ромбических знаков, треугольников, крестов также использовались для обозначения корней [53] (рис. 6).

Рис. 6. Полотенце. Конец XIX в. [57]

В изделиях начала XX в. изображение трёхчастной композиции в виде дерева-куста с сидящими по сторонам его птицами (обычно лесными) сохранилось, но уже с утратой строгой геометризации при изображении дерева [67].

Разнообразны композиции, включавшие изображения деревьев или растений. Их вышивали то рядом с птицей [63], то с конём [51], то с антропоморфной фигурой [59].

В орнаментах текстиля славян-переселенцев музейного собрания ХКМ встречается геометризованное изображение женской фигуры, олицетворявшей богиню земли – Матери [59; 61]. Этот мотив приобрёл в вышивке настолько условную трактовку, что его трудно идентифицировать. Но при тщательном рассмотрении можно выделить цепь геометризованных орнаментальных форм, сходных со стилизованными изображениями женской фигуры. Миниатюрные схематичные женские фигуры изображены целыми строчками на вышитых полосах, окаймляющих основную центральную (ромбическую) композицию воронежской рубахи [59]. Сплошную полосу образуют женские схематизированные фигуры и в орнаменте вышивки воротника украинской рубахи начала XX в. [61]. Иконография женских фигур архаична: «голова» изображена в виде ромба, нижняя часть, «юбка» – в виде треугольника. Фигуры расположены фронтально, «голова» – ромб является одновременно торсом антропоморфной фигуры, как бы вырастающей из нижней части (рис. 7).

Рис. 7. Рубаха (обрядовая – свадебная). Начало XX в. [61]

Однако в изображениях имеются отличия. Различно положение рук женских фигур. В центре «юбки» на русской рубахе (Воронежская губерния) помещён маленький треугольник [59]. В изобразительном искусстве треугольник как знак уже со времён верхнего палеолита символизировал женский образ [39: с. 37].

О символике образа птицы в народном искусстве славян пока нет единого мнения. Большинство исследователей считают птицу символом солнца, света, весны, отсюда – плодородия и жизни [17: с. 9; 27: с. 163; 33: с. 64, 68]. В водоплавающих птицах, кроме того, видят олицетворение водной стихии и живительной небесной влаги [22: с. 112; 27: с. 163; 35: с. 74]. Отдельные учёные особо отмечают связь птицы с загробным миром предков и в то же время – со свадебной символикой [11: с. 451; 27: с. 163, 164; 37: с. 248].

Изображения различных птиц у славян известны с древнейших времён. Исследователи отмечают, что это наиболее древний пласт в изобразительном искусстве, и подчёркивают его синкретическое единство с другими образами обрядово-мифологической системы, многозначность и полифункциональность его символики в древности [8: с. 22]. Доброжелательная символика этих мотивов и значение их в качестве оберегов сохранялись в представлениях славянских переселенцев. Они сами и их образы в представлении славян наделялись особым смыслом. Каждая птица как знак вбирала в себя множество значений доброго содержания. Она символизировала свет, солнце, тепло, предвещала урожай и богатство (рис. 8).

Рис. 8. Рубаха (обрядовая – свадебная). Начало XX в. [67]

Изображение птиц как сакрального орнамента прослеживается в большей степени на предметах, функционально связанных со свадебной обрядностью восточных славян. Вера в существование сверхъестественного была неотъемлемой частью жизни представителей традиционной культуры, и тем более комплекса семейного–свадебного обрядового действия [18: с. 25]. С помощью обрядов протягивались нити в прошлое, устанавливалась аналогия с «первовещью», с сакральным образцом, созданным по строго определённым правилам, соблюдение которых гарантирует появление «копии» с необходимым набором свойств, в том числе – и практических [6: с. 68]. Вышитый к свадьбе узор воспринимался знамением неба, означавшим счастливую судьбу молодой пары, вступавшей в самостоятельную жизнь [31: с. 97]. Две птицы у дерева (или на дереве) нередко трактуются как символ брачной пары, но иногда их соотносят и с птицами – творцами Вселенной из древних мифов [34: с. 402]. Мотивы данной композиции – «закодированное пожелание счастливой семейной жизни в мире и порядке, пожелание процветания рода» [27: с. 59, 95]. Исследователь русской традиционной культуры И.М. Денисова отмечает, что в культуре славян и их предков композиция в виде изображения двух повёрнутых друг к другу птиц в позе предстояния перед центральной фигурой (растительной или женской и их символами) просматривается по крайней мере с I тыс. до н. э. [19: с. 82]. В трёхчастной композиции, состоящей из «мирового древа» в окружении двух противостоящих птиц, отображена взаимосвязь образа птицы с основами мироздания. С этим сюжетом у восточных славян связывалось представление о могуществе сил природы, о зависящем от неё благополучии и счастье человека. Это свидетельствует о высокой степени каноничности этого вида обрядовых образов, в которых яркое отражение нашли верования древних славян, их просьбы к божествам о счастье, добре, изобилии, урожае. «Вопрос композиции архаической образной системы – это вопрос первостепенный при выяснении основного характера мифотворчества» [41: с. 46].

Изделия из ткани с древними знаками-символами создавали предметную среду славянских переселенцев Приамурья, сопровождали их повсеместно, в том числе и в обрядах жизненного цикла. Они несли свою утилитарную функцию скорее символически, будучи используемы лишь в исключительных обстоятельствах общественных или семейных праздников и связанных с ними обрядов. Народное искусство, как и древнее, – «не только одна из форм мифопоэтического сознания, но и источник информации об этом сознании, о мифологии» [28: с. 486].

Орнаменты архаического типа – один из важных источников раскрытия особенностей древнего мировоззрения их создателей. Это своеобразная знаковая система передачи информации с жёстко закреплённым значением каждого элемента, так как составляющие орнамента связаны с мифологическим образом и целым комплексом религиозных представлений. Архаичная вышивка ни в символике своей, ни в цветовом решении не допускала отступления от реальности и точно воспроизводила представления средневекового человека о мире и силах природы [21: с. 97].

Определение семантики данных изображений, равно как и раскрытие функций предметов с такими изображениями в повседневной жизни славян, преимущественно крестьянства, позволяет глубже понять основы крестьянского мировоззрения, его истоки, реконструировать картину мира, на которой базировалось бытийное сознание человека.

В течение многих веков, сообразуясь с изменением мировоззрения, менялся орнамент, подвергались переработке его мотивы. В начале XX в. значительной трансформации подверглись древние религиозные сюжеты в узорном ткачестве и вышивках переселенцев Приамурья. Можно предположить, что архаичные композиции распались на составные части и собраны в предметах музейной коллекции ХКМ уже в других сочетаниях. Трансформируясь во времени, меняясь стилистически, орнамент сохраняет элементы, в разное время появившиеся в его составе. Отдельные символы, зародившись в древности, в дальнейшем переосмысливались и получали другую идеограмму. Постепенное вытеснение обрядности, замена языческих ценностей христианскими привели к изменению семантики. По утверждению Г.С. Масловой, до нас дошли лишь «осколки» древних изображений [27: с. 168]. Народная традиция пронесла сквозь столетия внешнюю форму этих древних знаков и сохранила их определённое место на вещах в крестьянском быту дальневосточных славян. На подсознательном уровне они попрежнему воспринимались как сакральные символы, связанные с космологическими и мифологическими представлениями. Одни и те же образы переходили из поколения в поколение, и хотя нововведения и изменения имели место, они вплетались в традиционные орнаментальные композиции, сохраняя смысловую и символическую преемственность.

Архаичные мотивы орнамента, являвшиеся когда-то магическими символами, оказались очень устойчивыми. По словам этнографа В.М. Василенко, «…в древности перевешивала магическая основа, подчиняя эстетическое начало, в дальнейшем побеждало второе, не устраняя окончательно первого» [13: с. 144].

Сегодня архаичные мотивы, выполненные с наибольшей иконографической полнотой, сохранились лишь в отдельных предметах музейной коллекции. Эти символы являются передатчиками сакральной информации славян о картине мира: его создании, структуре, свойствах. Орнаментированный текстиль является своеобразным узлом, связывающим мировоззрение, мифологические представления с «предметной» сферой культуры. Существуют различные формы толкования значений древнейших орнаментов, однако все исследователи сходятся во мнении, что они представляют собой некий текст, несущий определённую информацию [24: с. 445].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова, З.А.* Древнейшие формы изобразительного творчества (Археологический анализ палеолитического искусства) / З.А. Абрамова // Ранние формы искусства : сб. – М. : Искусство, 1972. – С. 9–29.

2. *Амброз, А.К.* О символике русской крестьянской вышивки архаического типа / А.К. Амброз // Советская археология. – 1966. – № 1. – С. 61–76.

3. *Амброз, А.К.* Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») / А.К. Амброз // Советская археология. – 1965. – № 3. – С. 14–27.

4. *Антонова, Е.В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия / Е.В. Антонова. – М. : Наука, 1984. – 265 с.

5. *Байбурин, А.К.* Пояс (к семиотике вещей) / А.К. Байбурин // Из культурного наследия народов Восточной Европы : сб. МАЭ. Т. XLV. – СПб. : Наука, 1992. – С. 5–13.

6. *Байбурин, А.К.* Семиотические аспекты функционирования вещей / А.К. Байбурин // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л. : Наука, 1989. – С. 63–101.

7. *Белошеева, А.А.* Древнерусская космология в народном и декоративно-прикладном искусстве / А.А. Белошеева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 22 (100). – С. 29–36.

8. *Бернштам, Т.А.* Орнитоморфная символика у восточных славян / Т.А. Бернштам // Советская этнография. – 1982. – № 1. – С. 22–34.

9. *Бибикова, В.И.* О происхождении мезинского палеолитического орнамента. / В.И. Бибикова // Советская археология. – 1965. – № 1. – С. 3–8.

10. *Богуславская, И.Я.* Русская народная вышивка / И.Я. Богуславская. – М. : Искусство, 1972. –152 с.

11. *Вагнер, Г.К.* Скульптура Древней Руси / Г.К. Вагнер. – М. : Искусство, 1969. – 480 с.

12. *Василенко, В.М.* Народное искусство / В.М. Василенко // Избранные труды о народном творчестве X–XX вв. – М. : Сов. художник, 1974. – 294 с.

13. *Василенко, В.М.* О содержании в русском крестьянском искусстве XVIII–XIX вв. / В.М. Василенко // Русское искусство XVIII – первой половины XIX в.: Материалы и исследования. – М. : Искусство, 1971. – С. 133–188.

14. *Воронов, В.С.* Крестьянское искусство / В.С. Воронов. – М. : Госиздат, 1924. – 139 с.

15. *Воронов, В.С.* О крестьянском искусстве : избр. тр. / В.С. Воронов. – М. : Сов. художник, 1972. – 350 с.

16. *Герчук, Ю.Я.* Что такое орнамент. Структура и смысл орнаментального образа / Ю.Я. Герчук. – М. : Галарт, 1988. – 326 с.

17. *Городцов, В.А.* Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве / В.А. Городцов // Труды Государственного исторического музея. – М. : 1926. – Вып. 1. – С. 7–36.

18. *Гура, А.А.* Символика животных в славянской народной традиции / А.А. Гура. – М. : ИНДРИК, 1997. – 912 с.

19. *Денисова, И.М.* Прялки зоо-орнитоморфного типа в контексте этнической истории Русского Севера / И.М. Денисова // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 2. – С. 68–90.

20. *Динцес, Л.* Древние черты в русском народном искусстве / Л. Динцес // История культуры древней Руси. – М. –Л. : АН СССР, 1951. – Т. 2. – С. 465–491.

21. *Дурасов, Г.П.* Попытка интерпретации значения некоторых образов русской народной вышивки архаического типа / Г.П. Дурасов // Советская этнография. – 1980. – № 6. – С. 87–98.

22. *Жарникова, С.В.* О возможных истоках образов птиц в русской народной обрядовой поэзии и прикладном искусстве / С.В. Жарникова // Фольклор: проблемы сохранения, изучения и пропаганды : тез. Всесоюз. науч.-практ. конф. (25–28 апр. 1988 г.). – М., 1988. – С. 112–114.

23. *Жарникова, С.В.* О попытке интерпретации значения некоторых образов русской народной вышивки архаического типа / С.В. Жарникова // Советская этнография. – 1983. – № 1. – С. 87–94.

24. *Иванов, С.В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.) / С.В. Иванов. – М.–Л. : АН СССР, 1963. – 501 с.

25. *Каган, М.С.* О прикладном искусстве: Некоторые вопросы теории / М.С. Каган. – Л. : Художник РСФСР, 1961. – 160 с.

26. *Маслова, Г.С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. / Г.С. Маслова // Восточнославянский этнографический сборник. – М. : АН СССР, 1956. – С. 543–800.

27. *Маслова, Г.С.* Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник / Г.С. Маслова. – М. : Наука, 1978. – 207 с.

28. Мифы народов мира : энцикл. В 2 т. – М. : Сов. энцикл., 1980. – Т. 1. – 672 с.

29. *Моррис, Уильям.* Искусство и жизнь. Избранные статьи, лекции, речи, письма / У. Моррис. – М. : Искусство, 1973. – 512 с.

30. *Некрасова, М.А.* Народное искусство как часть культуры: теория и практика / М.А. Некрасова. – М. : Изобразительное искусство, 1983. – 343 с.

31. *Русакова, Л.М.* Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири / Л.М. Русакова. – Новосибирск : Наука, 1989. – 176 с.

32. Русский народный орнамент. Вып. 1. Шитье, ткани, кружева / Объяснительный текст В. Стасова. – М. : GOLDEN BOKS, 2008. – 144 с.

33. *Рыбаков, Б.А.* Искусство древних славян / Б.А. Рыбаков // История русского искусства. В 13 т. – М. : АН СССР, 1953. – Т. 1. – С. 39–92.

34. *Рыбаков, Б.А.* Прикладное искусство и скульптура / Б.А. Рыбаков // История культуры Древней Руси. В 2 т. – М. – Л. : АН СССР, 1951. – Т. 2. – С. 396–464.

35. *Рыбаков, Б.А.* Русское прикладное искусство X–XIII вв. / Б.А. Рыбаков. – Л. : Аврора, 1970. – 128 с.

36. *Рыбаков, Б.А.* Язычество древней Руси / Б.А. Рыбаков. – М. : Наука, 1987. – 782 с.

37. *Рыбаков, Б.А.* Язычество древних славян / Б.А. Рыбаков. – М. : Русское слово, 1997. – 824 с.

38. Славянская мифология : энцикл. слов. – М. : Междунар. отношения, 2002. – 512 с.

39. *Столяр, А.Д.* О генезисе изобразительной деятельности и её роли в становлении сознания / А.Д. Столяр // Ранние формы искусства. – М. : Искусство, 1972. – С. 31–76.

40. *Флоренский, П.А.* Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / П.А. Флоренский. – М. : Мысль, 2000. – 447 с.

41. *Фрейденберг, О.М.* Введение в теорию античного фольклора / О.М. Фрейденберг // Миф и литература древности. – М. : Наука, 1978. – С. 9–169.

42. Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова. Книга учета поступлений основного фонда музея (ХКМ КП) 6638/6. Полотенце. Конец XIX в.

43. ХКМ КП 6680/2. Полотенце. Конец XIX в.

44. ХКМ КП 6705/3. Передник праздничный. Начало XX в.

45. ХКМ КП 6798/7а. Полотенце. Начало XX в.

46. ХКМ КП 7328/41. Полотенце. Начало XX в.

47. ХКМ КП 7393/17. Полотенце. Конец XIX в.

48. ХКМ КП 7393/18. Рубаха (обрядовая – свадебная). Украинцы. Конец XIX в.

49. ХКМ КП 7393/20 Рубаха (обрядовая – свадебная). Украинцы. Конец XIX в.

50. ХКМ КП 7582/1. Рубаха (обрядовая – свадебная). Белорусы. Конец XIX в.

51. ХКМ КП 7582/61. Полотенце. Конец XIX в.

52. ХКМ КП 7582/64. Полотенце. Конец XIX в.

53. ХКМ КП 7582/65. Полотенце. Конец XIX в.

54. ХКМ КП 8093/5. Полотенце. Начало XX в.

55. ХКМ КП 8418/2. Рубаха (праздничная). Украинцы. Начало XX в.

56. ХКМ КП 8418/4. Рубаха (праздничная). Украинцы. Начало XX в.

57. ХКМ КП 8418/7. Полотенце. Конец XIX в.

58. ХКМ КП 9149/1. Рубаха (обрядовая – свадебная). Украинцы. Конец XIX в.

59. ХКМ КП 9539/2 Рубаха (обрядовая – свадебная). Русские. Начало XX в.

60. ХКМ КП 9539/8. Пояс праздничный. Начало XX в.

61. ХКМ КП 9548/12. Рубаха (обрядовая – свадебная). Украинцы. Начало XX в.

62. ХКМ КП 9589 . Полотенце. Конец XIX в.

63. ХКМ КП 9967/3. Полотенце. Начало XX в.

64. ХКМ КП 9967/4. Полотенце. Начало XX в.

65. ХКМ КП 10051/1. Полотенце. Начало XX в.

66. ХКМ КП 10690/1. Рубаха (будничная). Белорусы. Начало XX в.

67. ХКМ КП 11469/1. Рубаха (обрядовая – свадебная). Украинцы. Начало XX в.

68. ХКМ КП 11921/1. Полотенце. Начало XX в.

69. Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. – М. : Наука, 1987. – 562 с.

РУССКИЙ ФАКТОР ЭТНОМИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ РОССИИ*

О.А. Рудецкий

Рудецкий Олег Андреевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: rudetsky@mail.ru

В статье рассматриваются исторические особенности этномиграционной ситуации на Дальнем Востоке России. Освещается этнический фактор в заселении и освоении региона в период XIX–XXI вв. Выделяются национально-политический, социокультурный и геостратегический аспекты сокращения русских в регионе.

Ключевые слова: этнос, этничность, нация, Дальний Восток, русские, этномиграционные процессы.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-98-106

Увеличение миграционных потоков стало характерной чертой современного мира, обусловленной целым комплексом причин, включая глобализацию экономики и регулирование рынков труда. И в технологическом, и в правовом плане человек приобрёл невиданную ранее свободу перемещения, возможность пересекать территориальные границы.

Проблема миграционных процессов становится одной из ключевых для многих современных стран, включая страны постсоветского пространства. В их ряду Россия представляет собой одного из лидеров по числу иммигрантов, как в абсолютных показателях, так и в пересчёте на душу населения. Ряд специалистов подчёркивает при этом стратегическое значение миграции, определяющей заселенность российской территории, её безопасность, экономическое развитие и «обличье» народа [27].

Особое значение в региональном ключе приобретает проблема миграции, напрямую касаясь социально-экономического развития Дальнего Востока. Являясь территорией позднего заселения и освоения, дальневосточный регион испытывает серьёзные демографические изменения – на лицо «обезлюдевание» тихоокеанской окраины и колоссальный отток дальневосточного населения в западные регионы страны. Вместе с этим актуальным представляется вопрос этнодемографических процессов на Дальнем Востоке, включая вопрос о русском факторе этномиграционной ситуации: сокращение численности этнических русских на фоне изменения этнического состава населения региона.

Необходимо отметить, что этническая миграция является одной из наиболее сложных проблем в научном дискурсе о динамике народонаселения. Профанация же в этом вопросе способна продуцировать неоднозначные геополитические концепты[1], потенциально деструктивные в отношении общественного сознания.

Углубляясь в исследование этнической миграции, я полагаю, что неизбежен поворот к философско-методологическим основаниям её исследования и социальной онтологии этноса (этничности). Философские аспекты дискурса миграции включают в себя проблематизацию места человека в мире [30], антропологическую и этико-политическую характеристику «человека мигрирующего» [37] и т.д. По мнению И.Т. Касавина, «сверхзадача философского дискурса о миграции – это концептуализация феномена свободы, проективности человеческого бытия» [30].

Являясь «проектом самого себя», современный человек волен пересекать территориальные границы, кардинально меняя как свою собственную жизнь, так и привычный уклад принимающего сообщества. *В экзистенциальном ключе этничность предполагает выстраивание границ между Я и Другим, между внутренним, «этнически окрашенным» миром и внешним миром, миром чуждой культуры*. Иными словами, *пересекая территориальные границы, этнический мигрант способствует возникновению границ культурных – границ взаимопонимания и взаимодействия представителей различных народов*. Этническая миграция представляет собой сложноструктурированный процесс, в котором каждый субъект есть «лабиринт идентичностей». Вопреки концепции «плавильного тигля», этническое не исчезает даже в больших городах и может продолжать служить основой деления на *своих* и *чужих* [22].

Методологические трудности определения этнической миграции вызваны рядом факторов, важнейшими из которых являются:

* Исследование проведено за счет средств гранта Правительства Хабаровского края, выделенного в рамках конкурса проектов в области гуманитарных и общественных наук (распоряжение № 354-рп от 20 июня 2018 г.).

[1] Например, концепт «миграционного оружия».

1. *Сложность и запутанность этнологического дискурса*. Такие понятия как этнос и этничность, нация и национальность имеют крайне широкий диапазон значений, нередко противоречащих друг другу. Современная парадигматика этнологии включает сразу несколько конкурирующих теорий: примордиализм, конструктивизм и инструментализм, под разными углами высвечивающих проблему этноса (этничности).

2. *Неоднозначность признаков, по которым этническая миграция отделяется от «неэтнической»*. В самом общем виде этническая миграция – это миграция, в которой участвуют люди определённой этнической принадлежности, а на первый план выходит роль этнического фактора [19]. Однако нередко в рамках миграционных процессов этот этнический фактор оказывается тесно взаимосвязан с другими факторами, взаимосвязан настолько, что поставить его на первый план со всей очевидностью нельзя. Ввиду этого О.В. Паченков предлагает ограниченно прибегать к терминам «этничность» и «идентичность» в исследованиях миграции, указывая на необходимость отделять «практическое использование терминов от аналитического» [40]. Ряд специалистов использует понятие этнизации миграционных процессов, подразумевая под ним в первую очередь «этническое представительство и обусловленность этническими факторами» [42].

Анализируя этномиграционные процессы, некоторые авторы прибегают к необоснованно широкому их толкованию. Например, авторы «Большого этнологического словаря» Жуков и Тавадов пишут: «Этномиграционные процессы – процессы, представляющие собой совокупность перемещений, совершаемых людьми разных национальностей между странами, регионами, городами и поселениями» [6: с. 845]. Однако может ли сам факт той или иной этничности мигранта означать этнический характер миграционных процессов, в которые был вовлечён этот субъект? Ведь в том или ином виде (манифестируемая, скрытая, множественная и пр.) этничность присутствует у подавляющего большинства людей. Подчёркивая, что любой миграционный поток включает представителей того или иного этноса, А.В. Топилин предлагает в определении этнической миграции сконцентрироваться на значимости собственно этнического фактора: «Под этнической миграцией понимается миграция, в основе которой лежат не экономические факторы, а факторы, связанные с самосохранением этноса или его части как самостоятельного социально-экономического и этнокультурного организма» [51: с. 51–52]. В свою очередь Г.Ф. Габдрахманова предлагает и вовсе начать анализ миграции с «чистого листа»: «Взяв за основу географию миграций, важно проследить, что происходит с этничностью в случае переселения человека из села в город, перемещений между постсоветскими государствами, государствами дальнего зарубежья. При этом этничность не должна восприниматься как застывшая категория и предустановленный теоретический концепт. Целесообразнее попытаться нащупать конкретные процессы, дискурсы и практики определения границ, среди которых этничность может стать в один ряд с другими формами разграничения и маркирования (экономическими, гендерными и т.п.)» [17].

Необходимо отметить многоаспектность и типологическое многообразие этнической миграции. Анализируя ситуацию в России, В.Н. Петров предлагает развернутую классификацию видов этнической миграции в современной РФ, выделяя сразу 17 позиций: реэмиграция русских и представителей другого славянского населения; репатриация представителей русского и других этносов; репатриация и реэмиграция автохтонных («титульных») этносов Российской Федерации из стран дальнего зарубежья, СНГ и Балтии не в свои национальные государственные образования и т.д. [42: с. 53–55]. Впрочем, в исторической перспективе (начиная с дореволюционного периода) классификация видов этнической миграции представляется значительно шире.

Актуальным в современных исследованиях миграции в России стало изучение рисков национальной безопасности, анализ действующих моделей регулирования миграционных потоков и разработка практических аспектов борьбы с нелегальной миграцией [1; 20; 24; 36; 46; 47]. Как справедливо отмечают А.С. Ким и А.В. Ходырева, «в порождаемой нелегальной миграцией конфликтогенной среде существует реальная угроза самопродвижения и институционализации экстремистских и маргинальных элементов в среде местного населения с последующей инкорпорацией в политическую систему, что создает условия для перехода власти в стране на вполне законных и демократических основаниях к ультранационалистическим силам» [31: с. 1935]. Поднимаются в научной литературе и вопросы мигрантофобии и исламофобии, формирования негативных образов мигрантов в современном обществе [2; 5; 33].

Наряду с мнением ряда демографов о благоприятном влиянии миграции на развитие России, в политической риторике и современной публицистике всё чаще высказываются опасения, касающиеся дестабилизации этнополитического пространства России, раздаётся критика либеральных начал миграционной политики. Так, А.М. Юсуповский подчёркивает: «Активная миграционная политика соотносится с активной демографической политикой, как протез с деятельностью здорового органа нормального организма. Мы понимаем, что самый хороший протез не может быть заменой естественной

конечности. … Самый либеральный миграционный режим, равно как и "повышение миграционной привлекательности" страны, сами по себе ни в малейшей степени не остановят продолжающуюся депопуляцию» [54].

Весьма неоднозначный характер приобретают рассуждения о «русском вопросе» в контексте этнической миграции. Такие рассуждения логически сводятся к ответу на три вопроса: а) способна ли этническая миграция существенно повлиять на численное и культурное доминирование русских в России? б) какими могут быть последствия этого процесса? в) как реагировать на происходящие демографические изменения? В том или ином виде, открыто или завуалировано, эти вопросы присутствуют в современном либеральном и консервативном дискурсе, публицистике, эссеистике и пр.

В освещении первого вопроса справедливо обращение к факту сокращения численности русских – со 119865946 чел. (81,5 %) в 1989 г. до 111016896 чел. (77,7 %) в 2010 г., т.е. фактически на 8,8 млн чел. всего за два десятилетия. Сокращение доли русских в России происходило и ранее, но, во-первых, не в таких масштабах в мирное время, а, во-вторых, могло быть связано с определёнными историческими событиями. Так, по подсчетам В.М. Кабузана, в период с 1795 г. по 1858 г. доля русских в стране уменьшилась с 48,86 до 45,87 %. Но связана такая динамика была с включением в состав России Финляндии, Царства Польского, Закавказья и больших территорий в Казахстане и Средней Азии [29].

Сокращение численности русских для ряда этнологов и демографов представляет собой естественный процесс, отвечать на который необходимо исторически адекватно, опираясь в том числе на существующие миграционные процессы. По мнению Ю.В. Арутюнян, восполнение «демографического дефицита» неизбежно для русских как европеизируемого этноса; единственный оптимальный путь в данном случае – это путь межэтнической интеграции при сохранении относительно устойчивого этнического самосознания [3]. Л.Л. Рыбаковский подчёркивает значимость этнического критерия оценки миграционного потенциала России, суть которого заключается в «расстановке структурных предпочтений относительно миграционных процессов»: «Он (этнический критерий – *О.А.*) предполагает наличие одинаковых этносов, языково-культурного и иного сходства у доноров и реципиентов, их геополитических интересов» [45]. У России, по мнению Л.Л. Рыбаковского, такой миграционный потенциал сконцентрирован в государствах нового зарубежья, однако всего за период 1991–2000 гг. численность русских здесь уменьшилась на 7,5 млн чел., из которых Россия получила только 2,9 млн чел. Оставшиеся из этого числа 4,6 млн чел. русских, по оценкам учёного, подверглись депопуляции, ассимиляции или же эмигрировали за пределы постсоветского пространства [45].

Обратная позиция в вопросе об этнической миграции в России говорит о рисках «тектонического сдвига» этнокультурных пластов, формировавшихся в течение столетий. Как угрозу национальной идентичности этническую миграцию рассматривает А.М. Малер. Настаивая на законе об «экологии» русского языка и утверждении православия в качестве государственной религии России, автор подчёркивает «русский облик» российской нации: «Этнический фенотип, хотим мы того или нет, входит в политический образ нации, а, следовательно, подрыв этнического состава нации неизбежно приведёт к качественному кризису идентичности, который у нас по разным причинам давно назревает» [35]. Как предостережение звучат слова философа о миграционных рисках России: «Можем ли мы назвать страну, где русские составляют исчезающее меньшинство – Россией? Нет, конечно. Это может быть какая-нибудь другая страна, но не Россия» [35].

В ходе обсуждения «русского фактора» этномиграционной ситуации в России нередко можно наблюдать внутреннее противоречие исходных установок: с одной стороны, признаётся очевидная поликультурность российского общества, с другой стороны, утверждается главенствующая роль русского этноса в политическом, социально-экономическом и культурном развитии государства. Характерна в данном случае подмена понятий, когда вместо понятия «русский» в этническом значении берётся понятие «русский» в значении политонима (русский = российский) или конфессионима (русский = православный). Упускается из виду или игнорируется исторический контекст употребления этнонима русские, допускающий как широкое, так и узкое толкования «русскости».

В региональном аспекте проблема русского фактора этномиграционной ситуации неразрывно связана с проблемой заселения и освоения российских окраин, формирования их этнокультурного облика. Используя при этом выражение «русская колонизация», мы сталкиваемся как раз с политическим контекстом употребления термина русские. Более того в период до начала XX в. «русскость» самого населения могла на практике означать принадлежность к различным, в т.ч. неславянским, этническим общностям [39: с. 151]. Показательны в этом плане заселение и освоение российского Дальнего Востока.

Ключевую роль в заселении дальневосточного региона России с XIX в. играли несколько миграционных потоков. Для юга региона это военное (в том числе казачество), сельскохозяйственное, рабочее и смешанное самотечное переселение [52: с. 6]. Учитывая многофакторность миграционного движения на

восток, историки допускают различные подходы к периодизации этого процесса, связывая его с экономическими циклами развития России, характером переселения и способам движения, спецификой хозяйствования на осваиваемой территории и т.д.

Необходимо отметить этнокультурное и конфессиональное многообразие дальневосточного населения ещё в период активного освоения территории в середине XIX в. – начале XX в. На момент Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. численность населения Амурской, Приморской и Якутской областей составляла всего 120306 чел., 223336 чел., 269880 чел. соответственно [41]. В то же время численность населения одной только Томской губернии Сибири равнялась 1927679 чел. Используя в качестве основного этнического признака родной язык (с большой долей условности), можно было констатировать сложный этнический состав населения региона (табл. 1). При этом если в Амурской области русские (точнее, носители русского языка) составляли 86,3 % от общей численности населения, то в Приморской – 50,9 %, в Якутской – 11,4 %. Обратившись к этнической статистике того времени, нетрудно разглядеть принципиальную установку на отнесение к русским великорусов, малороссов и белорусов. Понятие «русские» использовалось в документах того времени чаще в значении политонима, или отношения к российскому государству. Если выделить из состава дальневосточного населения конца XIX в. «великорусский компонент»[2], его доля в общей численности окажется ещё меньше: 68,5 % для Амурской обл., 35,9 % для Приморской обл. и всего 11,3 % для Якутской обл. [41].

Малороссы (украинцы) и белорусы составили не менее важный компонент колонизационного движения России на восток, чем великорусы [28]. Учитывая вполне определённые губернии выхода переселенцев (Полтавская, Черниговская, Киевская и пр.), а также компактность их поселения на территории юга Дальнего Востока, можно говорить о значительной роли этой части восточных славян в возникновении мозаичности этнокультурного пространства региона. При этом этнокультурная идентификация украинцев и белорусов Дальнего Востока отличались рядом особенностей. Проводя параллели между колонизацией Сибири и тихоокеанской окраины России, А.Н. Багашёв и Р.Ю. Фёдоров справедливо отмечают, что «на территориях «позднего освоения» разные группы переселенцев находились в более или менее равных условиях и это способствовало их быстрой этнокультурной консолидации. Конфликты, которые возникали между ними, чаще всего были связаны с сугубо хозяйственными проблемами» [4].

Таблица 1

Распределения населения Амурской, Приморской и Якутской областей Российской империи по родному языку (1897 г.)[3]

Родной язык	Общее число носителей языка, чел.		
	Амурская обл.	Приморская обл.	Якутская обл.
Русский,	**103856**	**113773**	**30807**
в том числе			
Великорусский	*82372*	*80173*	*30480*
Малорусский	21096	33326	320
Белорусский	388	274	7
Польский	358	3198	427
Остальные славянские языки	1	28	4
Литовско-латышские наречия	17	338	36
Романские языки	17	83	15
Немецкий	135	603	79
Прочие германские языки	7	125	4
Еврейский	263	1571	631
Картвельские наречия	156	0	16
Остальные индоевропейские наречия	68	122	86
Наречия кавказских горцев	40	124	96
Финские наречия	67	611	84
Турецко-татарские наречия,	957	1748	223389
в том числе			
татарское	560	1034	1565
якутское	356	517	221467
Монголо-бурятские наречия	41	213	41
Наречия остальных северных племён,	4694	43678	14154
в том числе			
тунгузские	1350	16967	11647
манжурское	3344	37	0
чукотское	0	10237	1558
коряцкое	0	6058	0
камчадальское	0	3978	0
эскимоское	0	1099	0
гиляцкое	0	4213	0
Языки народов Крайнего Востока,	9613	57104	1
в том числе			
китайский	7816	30704	0
корейский	1552	24306	1
японский	245	2094	0
Прочие языки и наречия	4	0	2
Лица, не указавшие родного языка	12	17	8
ИТОГО	120306	223336	269880

[2] Русский в современном этнографическом звучании.

[3] Составлено на основании [41].

На фоне небольшой доли русского населения Дальнего Востока значительной представлялась численность коренных народов и народов Восточной Азии. Согласно переписи 1897 г. в Приморской обл. число носителей китайского языка составляло 13,7 % от общей численности населения, носителей корейского языка – 10,9 %, носителей «тунгузского наречия» – 7,6 %, носителей «чукотского наречия» – 4,6 % [41]. Необходимо подчеркнуть, что китайское и корейское население Дальнего Востока Российской империи стало активно формироваться во второй половине XIX в. При этом первоначальная благосклонность властей к этой группе населения исчезла на рубеже XIX и XX вв., во многом под влиянием идей «желтой опасности» [21]. На первое десятилетие XX в. пришлось и активное социальное расслоение групп азиатских переселенцев, вызванное в особенности проблемой землепользования [7].

Многообразие этнического состава населения российского Дальнего Востока определяло и конфессиональное многообразие. Согласно переписи 1897 г. православные составляли большинство среди верующих: в Амурской обл. – 91621 чел. (76,2 % от общей численности населения), в Приморской обл. – 140317 чел. (62,8 %), в Якутской обл. – 264565 чел. (98 %) [41]. При активном содействии властей под влияние православной культуры попали многие коренные народы. В духовной культуре ряда дальневосточных этносов православие, проникнувшее с первыми русскими переселенцами, стало одним из доминирующих её компонентов. Такова история христианизации якутов, начало которой можно отсчитывать с середины XVII в. Активное проникновение православия в культуру самого многочисленного коренного народа российского Севера привело к тому, что оно стало восприниматься как неотъемлемая часть якутской духовной жизни. Не случайно спустя века национальный писатель, историк и этнограф Якутии Суорун Омоллоон подчёркивал историческую значимость создания Якутско-Вилюйской епархии в 1869 г.: «130 лет назад Якутия впервые обрела свой суверенитет, и это был духовный суверенитет. Именно тогда образовалась самостоятельная Якутская епархия, благодаря многолетнему труду русского священника Иннокентия Вениаминова, умевшего убедить царя и церковное начальство, что «Якутия – это особый мир». В ту пору мы стали в один ряд со всеми политически значимыми народами мира» [49: с. 14].

Со славянами-переселенцами на Дальний Восток проникла значительная часть старообрядческого населения, достигнув в конце XIX в. в Амурской обл. численности 14308 чел. (11,9 %). Традиционным для региона являлся буддизм: общая численность его последователей достигала в Амурской обл. 8417 чел. (7 %), в Приморской обл. 52792 чел. (23,6 %) [41]. Переселенцы из числа народов Поволжья (татары, башкиры) принесли на дальневосточную землю исламское вероисповедание. Впрочем, общая численность мусульман региона не превышала в конце XIX в. и 1 % от общего количества верующих [41].

Переселенческое движение советского периода сохранило этноконфессиональное многообразие дальневосточного населения. На момент проведения переписи 1926 г. представители русского этноса составляли относительное большинство жителей региона, однако процентное соотношение русских и представителей других народов было значительно ниже Европейской части России. В Хабаровском округе Дальневосточного края этнических русских насчитывалось чуть более половины населения – 54 %, во Владивостокском, Николаевском и Камчатском округах и того меньше – 46,2, 49 и 19,7 % соответственно (табл. 2).

Таблица 2

Численность представителей крупнейших этносов Дальневосточного края по восьми округам (1926 г.)[4]

	Амурский округ	Владивостокский округ	Зейский округ	Камчатский округ	Николаевский округ	Сахалинский округ	Сретенский округ	Хабаровский округ	Читинский округ
Общая численность населения, чел.	**386698**	**453419**	**47355**	**34725**	**35216**	**10669**	**201557**	**176091**	**381844**
Русские	257218	209740	38992	6842	17258	6528	190840	95074	352423
Украинцы	100500	148768	3036	339	1750	1145	2517	49430	7718
Корейцы	3811	70571	236	220	1055	34	101	8676	227
Белорусы	14972	9878	2107	22	315	198	566	11886	1180
Тунгусы	736	3	423	1430	4908	160	4161	325	1486
Чукчи	0	0	0	11036	0	0	0	3	0

[4] Составлено на основании [9].

Окончание табл. 2

	Амурский округ	Владивостокский округ	Зейский округ	Камчатский округ	Николаевский округ	Сахалинский округ	Сретенский округ	Хабаровский округ	Читинский округ
Буряты	27	12	7	0	9	3	409	12	8167
Поляки	1319	2849	262	38	316	358	275	1265	1481
Евреи	609	1350	163	10	187	47	818	671	3878
Коряки	0	0	0	7160	274	0	0	0	0
Татары	1147	741	458	51	393	48	589	632	2014
Гольды	2	91	0	0	2302	4	0	2905	0
Камчадалы	0	32	0	3704	454	6	0	11	0
Гиляки	1	2	0	0	2369	1700	0	4	0
Китайцы	856	1177	296	46	168	46	318	325	583
Молдаване	572	2478	50	2	20	5	25	546	34
Мордва	1640	182	63	3	50	3	51	475	245
Латыши	306	1010	389	25	68	42	57	354	263
Немцы	747	917	23	18	37	26	48	432	204
Эсты	161	1547	70	23	50	7	46	111	117
Удехе	0	129	0	0	52	0	0	1176	0
Ламуты	0	0	0	1306	0	0	0	0	0
Эскимосы	0	3	0	1287	0	0	0	1	0
Якуты	398	32	0	2	687	36	1	63	4
Литовцы	137	499	42	10	41	19	25	134	159

Миграционное движение на советский Дальний Восток отличалось рядом особенностей. Одной из таких особенностей стало постепенное сокращение миграционного потока украинцев. Ещё в 1920-е гг. украинцы составляли одну из самых многочисленных этнических групп региона, что влияло на этнонациональную политику местных властей. Согласно переписи 1926 г. в некоторых округах Дальневосточного края украинцы уверенно держали второе место по численности, уступая только русским: в Амурском округе – 100500 чел. (26 %), во Владивостокском округе – 148768 чел. (32,8 %), в Хабаровском округе – 49430 чел. (28 %) [9]. За десятилетия советской власти доля украинцев среди дальневосточного населения резко снизилась фактически в три раза – с 24,4 % в 1926 г. до 7,9 % в 1989 г. [53]. Крупные этнодемографические изменения произошли в отдельных районах Дальнего Востока. По оценкам Г.Г. Ермак, в «самом украинском» Хорольском районе Приморского края ещё в 1930-е гг. практически каждый второй житель считал себя украинцем. Однако спустя всего сорок лет данные переписи 1979 г. говорили, что во всех поселениях этого района проживают одни русские [25: с. 13]. Сходная тенденция сокращения миграционного потока отличала белорусов. В 1989 г. в Хабаровском крае насчитывалось 20408 белорусов, что составляло всего чуть более 1 % от общей численности населения и было вполне сопоставимо с общим количеством татар и евреев края.

Несомненно, драматичным моментом истории советского Дальнего Востока стала депортация корейцев в Центральную Азию. Как справедливо замечает Г.Н. Ким, «депортация 1937 г. является… узловой темой в истории корейцев России. … Дальневосточные корейцы были первыми из народов Советского Союза, испытавшими на себе депортацию, затем последовали десятки других: немцы, курды, крымские татары, поляки, чеченцы и т.д.» [32]. По мнению Ж.Г. Сон, депортация для корейцев стала неожиданным ударом со стороны советской власти. «На партийных собраниях многих корейских колхозов, – пишет историк, – были единогласно приняты резолюции о грубейшем нарушении прав корейских граждан и национальной политики в СССР. В результате партийные руководители были немедленно арестованы» [48]. Депортация привела к тому, что к 1939 г. численность корейцев на Дальнем Востоке сократилась буквально до нескольких десятков, сотен человек: в Хабаровском крае – 182 чел. в Приморском крае – 64 чел.

1920–1930-е гг., создание Еврейского национального района (1930 г.), а затем Еврейской автономной области стали важной вехой истории региона, наполнив идеологическим смыслом переселение евреев на Дальний Восток [43]. Вместе с тем комплекс социально-экономических проблем привёл к неудаче так называемого «Биробиджанского проекта». Уже первые советские и иностранные евреи, прибывшие на берега Биры, столкнулись с тяжёлыми бытовыми условиями, плохим климатом, отсутствием инфраструктуры для приёма переселенцев [34]. Несмотря на политику советской власти, численность евреев в ЕАО неуклонно снижалась на

протяжении всего советского времени, продолжает снижаться и сейчас. В 1939 г. евреев в ЕАО насчитывалось 17695 чел. (или 16,2 % от общей численности), в 1959 г. – 14269 чел. (8,8 %), в 1970 г. – 11452 чел. (6,6 %), в 1979 г. – 10163 чел. (5,4 %), в 1989 г. – 8887 чел. (4,1 %), в 2002 г. – 2327 чел. (1,2 %), в 2010 г. – 1628 чел. (1 %) [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16].

Сдержанной была политика советского руководства в отношении китайских мигрантов. Историк Н.Ф. Бугай отмечает, что численность китайцев не являлась постоянной величиной и во многом зависела от возможности приложения их труда, а также политических причин: «Отношение Союза ССР к китайской общности базировалось на основе логики государственной целесообразности. Если это отвечало интересам государства, на практике был задействован и принцип равенства всех этнических общностей. Важную роль играл и принцип «выстраивания всех по ранжиру», по иерархии, которая зависела от состояния межгосударственных отношений, а также многих внутренних факторов, настроений той или иной общности по отношению к советской системе» [8]. Перипетии советско-китайских отношений, несомненно, вносили существенные коррективы в процесс китайской трудовой миграции на Дальнем Востоке. Например, в марте 1928 г. на заседании Совета труда и обороны было принято постановление об организованном ввозе китайских рабочих для золотопромышленности дальневосточного региона. Однако ряд событий конца 1920-х гг., включая советско-китайский конфликт 1929 г., сделали невозможным масштабное использование китайского труда [18]. Численность же китайского населения дальневосточного региона, фиксируемая в рамках переписей населения, как правило, оставалась в пределах низких показателей. Согласно Всесоюзной переписи населения 1989 г. численность китайцев в Приморском крае составляла 159 чел., в Хабаровском крае – 784 чел., в Амурской области – 200 чел. [14].

Особенностью миграционных процессов постсоветского периода в регионе стал резкий отток дальневосточного населения. Некоторую остроту приобрёл вопрос об этнических аспектах демографической ситуации на Дальнем Востоке. Очевидна динамика снижения численности представителей ряда этносов, в том числе русского. Несмотря на некоторый рост доли русских среди дальневосточного населения в период 1989–2002 гг. с 79,8 до 81,74 %, последующие годы наблюдается неуклонное её снижение. К моменту переписи 2010 г. эта доля составила уже 78,88 % [14–16]. При этом значительный отток русских пришёлся на север Дальнего Востока.

Представляет ли процесс сокращения численности русского населения риск для регионального развития? Отвечая на этот вопрос, необходимо учитывать, что доля русских на Дальнем Востоке ещё вполне сопоставима с общероссийскими показателями (в 2010 г. русские составляли 77,7 % от общей численности населения страны), хотя и уступает в сравнении с Европейской частью России (Тамбовская обл. – 95 %, Брянская обл. – 94,7 %, Тульская обл. – 94 % русских на 2010 г.). Данный факт представляется вполне закономерным, беря во внимание историю заселения и освоения региона, его окраинное положение, наличие десятков автохтонных народов и соседство с густонаселёнными странами Восточной Азии. Наличие в составе дальневосточного населения крупных групп украинцев, корейцев, коренных этносов и т.д. представляет собой специфическую черту Дальнего Востока, а сложившиеся гармоничные межэтнические взаимоотношения выгодно отличают его от других регионов. В свете сохранения палитры этнокультурного многообразия тихоокеанской окраины России обращает на себя факт сокращения численности не только этнических русских, но и украинцев, белорусов, мордвы, немцев, евреев и т.д.

С другой стороны вопрос о демографическом балансе русских Дальнего Востока неразрывно связан с проблематикой «русскости», горизонтов этнической идентификации русского народа. Как справедливо замечает М.А. Жигунова «Современная этнокультурная идентификация русских отличается значительным многообразием, аморфностью и отсутствием чёткости, зачастую не совпадает самоидентификация и реальная ситуация, этноним и происхождение, языковая, культурная и этническая идентичности» [26: с. 348]. Необходимо также учитывать многочисленные коннотации слова «русские», историко-культурные контексты его употребления. Динамика численности этнических русских обусловлена не только естественным приростом или же миграцией, но и процессами ассимиляции представителей других этносов. Естественны в этом плане двойная или множественная этническая идентичность, усиление роли региональной идентичности (например, «сибиряки»).

Сокращение численности русских на Дальнем Востоке в начале XXI в. может определять три значимых негативных аспекта этномиграционной ситуации.

Геостратегический аспект. Радикальные изменения этнокультурного ландшафта способны оказать влияние на геополитическое позиционирование России в АТР. В этой связи определённые опасения вызывает потенциал китайской миграции в дальневосточный регион. Тишков В.А. пишет по этому поводу: «Хотя опасность китайской экспансии действительно существует, приток китайцев в страну – это одновременно и угроза, и необходи-

мость для России. … С точки зрения сохранения целостности России, возможно, разумнее пошире открыть двери китайцам на западе страны, создавая им условия для более равномерного расселения по российской территории, не стараясь концентрировать их на Дальнем Востоке, и особенно в слабозаселённой Восточной Сибири» [50]. В свою очередь В.И. Дятлов указывает на возрождение концепта «жёлтой опасности», вызванное стремительным проникновением китайцев в современную Россию в сочетании со взлётом экономической, политической, военной мощи КНР и системным кризисом российского общества [23: с. 63].

Национально-политический аспект. Сокращение доли русских в составе населения России в целом и Дальнего Востока в частности вызывает опасения в силу затянувшегося процесса формирования политической нации россиян, её разобщённости по этническим, религиозным и социальным признакам. Использование идеи депопуляции русского этноса в риторике крайне правых может содействовать радикализации значительной части населения и дестабилизации этнополитического пространства современной России.

Социокультурный аспект. Устойчивая динамика роста числа иммигрантов придаёт актуальный характер проблеме доверия как элемента социального взаимодействия (И.Ф. Ярулин). В случае неэффективности этнонациональной политики и инструментов социальной адаптации этнических мигрантов вероятен рост мигрантофобии по тому же сценарию, что мы можем наблюдать в Западной Европе, когда на передний план социальной конфликтности выносятся претензии об ущемлении прав титульных этносов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амирова, Д.Р.* Регулирование миграционных процессов как фактор обеспечения национальной безопасности страны / Д.Р. Амирова, А.И. Храмова // Современные научные исследования и инновации. – 2016. – № 6(62). – С. 889–893.
2. *Андреева, О.А.* Интерпретация образа миграции в политическом, правовом и социокультурном измерениях: философско-правовой аспект / О.А. Андреева, Е.А. Макарова // Философия права. – 2016. – № 4(77). – С. 7–12.
3. *Арутюнян, Ю.В.* Русский этнос: демографические изменения и востребованность межэтнической интеграции / Ю.В. Арутюнян // Социологические исследования. – 2010. – № 12. – С. 42–48.
4. *Багашев, А.Н.* Историко-этнографические аспекты жизни белорусских крестьян-переселенцев на Дальнем Востоке / А.Н. Багашев, Р.Ю. Фёдоров // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 2 (25). – С. 99–106.
5. *Барышная, Н.А.* Миграция как региональный этнополитический фактор / Н.А. Барышная // Власть. – 2013. – № 9. – С. 35–38.
6. Большой этнологический словарь / В.И. Жуков, Г.Т. Тавадов. – М. : Изд-во Российского гос. соц. ун-та, 2011.
7. *Бреславец, А.А.* Политическая адаптация азиатских иммигрантов: корейцы и советская власть / А.А. Бреславец // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2009. – № 2.
8. *Бугай, Н.Ф.* Китайцы в СССР и России: политика двух стандартов (1920–1940-е годы) / Н.Ф. Бугай // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. № 1–2. – С. 52–66.
9. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.demoscope.ru
10. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.demoscope.ru
11. Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.demoscope.ru
12. Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.demoscope.ru
13. Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.demoscope.ru
14. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.demoscope.ru
15. Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.demoscope.ru
16. Всероссийская перепись населения 2010 года. Национальный состав населения Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.demoscope.ru
17. *Габдрахманова, Г.Ф.* Этничность и миграция: становление исследовательских подходов в отечественной этносоциологии / Г.Ф. Габдрахманова // Социологические исследования. – 2007. – № 1(273). – С. 116–122.
18. *Дацышен, В.Г.* Китайская трудовая миграция в России. Малоизвестные страницы истории / В.Г. Дацышен // Проблемы Дальнего Востока. – 2008. – № 5. – С. 99–104.
19. Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д.И. Валентей. – М. : Советская энциклопедия, 1985.
20. *Дзьоник, Д.В.* Контроль за миграцией: проблемы и решения / Д.В. Дзьоник. – СПб. : Фонд «Университет», 2016. – 200 с.
21. *Дин, Ю.И.* Китайские и корейские рабочие в политике Российской империи в начале XX в. / Ю.И. Дин // Известия Восточного института. – 2014. – № 2(24). – С. 28–35.
22. *Дробижева, Л.М.* Исчезает ли этничность в городской среде? Некоторые ответы на загадки большого города / Л.М. Дробижева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2013. – № 3(27) – С. 73–83.
23. *Дятлов, В.И.* Миграция китайцев и дискуссия о «жёлтой опасности» в дореволюционной России / В.И. Дятлов // Вестник Евразии. – 2000. – № 1(8) – С. 63–89.
24. *Егорова, Е.А.* Статистическая оценка угроз миграционного движения / Е.А. Егорова // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. – 2016. – № 2. – С. 203–206.
25. *Ермак, Г.Г.* Этнокультурная история украинцев Приморского края / Г.Г. Ермак // У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюллетень. – № 35(233). Украинский вопрос в региональном измерении (по материалам круглого стола). – С. 11–14.

26. *Жигунова, М.А.* Этнокультурная идентичность русских: современные проблемы изучения и сохранения / М.А. Жигунова // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В.А. Тишкова / сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М. : Наука, 2011. – С. 337–350.

27. *Зайончковская, Ж.А.* Миграционная ситуация в России / Ж.А. Зайончковская // Миграция в России. 2000–2012 гг. : хрестоматия. В 3 т./ НП РСМД ; под общ. ред. И.С. Иванова ; отв. ред. Ж.А. Зайончковская. – М. : Спецкнига, 2013. – С. 16–32.

28. *Кабузан, В.М.* Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII – начало XX вв.) / В.М. Кабузан. – Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1976.

29. *Кабузан, В.М.* Народы России в первой половине XIX в.: численность и этнический состав / В.М. Кабузан. – М. : Наука, 1992.

30. *Касавин, И.Т.* Миграция: междисциплинарное понятие и его эпистемологические измерения / И.Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. – 2018. – Т. 55. № 1. – С. 8–18.

31. *Ким, А.С.* Миграция как контекст этнополитических конфликтов в современной России / А.С. Ким, А.В. Ходырева // Учёные заметки ТОГУ. – 2013. – Т. 4. № 4. – С. 1933–1939.

32. *Ким, Н.Г.* Депортация. Стереотипы и новые подходы исследования депортации корейцев 1937 года [Электронный ресурс] / Н.Г. Ким. – Режим доступа: world.lib.ru/k/kim_o_i/d4rtf.shtml

33. *Летняков, Д.Э.* Забыть о «войне культур»: почему нам необходима ревизия дискурса о миграции / Д.Э. Летняков // Философская мысль. – 2015. – № 5. – С. 124–148.

34. *Локшин, А.Е.* О порядке въезда из-за границы в СССР трудящихся евреев на постоянное место жительства в Еврейскую автономную область / А.Е. Локшин // Восточный архив. – 2015. – № 1(31). – С. 72–75.

35. *Малер, А.М.* Этническая миграция – это угроза национальной идентичности [Электронный ресурс] / А. Малер // Журнал «Золотой Лев». Издание русской консервативной мысли. – № 89–90. – Режим доступа: www.zlev.ru/89_104.htm

36. *Метелев, С.Е.* Международная трудовая миграция и нелегальная миграция в России / С.Е. Метелев. – М. : ЮНИТИ, 2006. – 176 с.

37. *Метелев, И.С.* Социально-философские аспекты миграции / И.С. Метелев // Власть. – 2010. – № 12. – С. 95–98.

38. *Мотрич, Е.Л.* Население Дальнего Востока России / Е.Л. Мотрич. – Владивосток–Хабаровск : ДВО РАН, 2006. – 224 с.

39. *Никитин, Н.И.* Русская колонизация с древнейших времён до начала XX века (исторический обзор) / Н.И. Никитин. – М. : Институт российской истории РАН, 2010. – 224 с.

40. *Паченков, О.В.* Роль «этнической идентичности» в исследованиях миграции и ответственность социального учёного / О.В. Паченков // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – Т. XI. – № 1. – С. 162–182.

41. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.demoscope.ru

42. *Петров, В.Н.* Этнические миграции в современной России: детерминанты и типология / В.Н. Петров // Социологические исследования. – 2009. – № 10. – С. 48–56.

43. *Романова, В.В.* Власть и евреи на Дальнем Востоке: история взаимоотношений (вторая половина XIX в. – 20-е годы XX в.) / В.В. Романова. – Красноярск : Кларетинаум, 2001. – 295 с.

44. *Рыбаковский, Л.Л.* Население Дальнего Востока за 150 лет / Л.Л. Рыбаковский. – М. : Наука, 1990. – 168 с.

45. *Рыбаковский, Л.Л.* Оценка возможных и необходимых масштабов привлечения иммигрантов в Россию / Л.Л. Рыбаковский, Н.И. Кожевникова. – М. : Экон-Информ, 2010.

46. *Смирнова, В.А.* Нелегальная миграция как угроза национальной безопасности Российской Федерации / В.А. Смирнова // Вестник экономической безопасности. – 2009. – № 4. – С. 92–97.

47. *Солодилов, А.В.* Национальная безопасность и проблемы миграции для современной России / А.В. Солодилов // Власть. – 2016. – № 5. – С. 118–122.

48. *Сон Ж.Г.* Советские корейцы в молохе политических репрессий 1930-х годов / Ж.Г. Сон // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9. – № 5–2. – С. 113–121.

49. Суорун Омоллоон. Корневая культура и шаманизм / Суорун Омоллоон // Независимая газета. – 1999. – 7 апр. – С. 14.

50. Тишков, В.А. Миграционная политика как угроза национальной безопасности России [Электронный ресурс] / В.А. Тишков. – Режим доступа: www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/novye_publicacii/migracionn1.html

51. *Топилин, А.В.* Этнические миграции в России: современные тенденции / А.В. Топилин // Современные проблемы миграции в России. Материалы общероссийской научной конференции (11–13 ноября 2003 г.). – М., 2003.

52. *Чернолуцкая, Е.Н.* История формирования украинского населения в Приморском крае / Е.Н. Чернолуцкая // У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюллетень. – № 35(233). Украинский вопрос в региональном измерении (по материалам круглого стола). – С. 6–10.

53. *Черномаз, В.А.* К 125-летию начала массового переселения украинцев на Дальний Восток / В.А. Черномаз // Украинцы на Дальнем Востоке: история и современность. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 2008.

54. *Юсуповский, А.М.* Миграционные вызовы. Миграция – вызов национальной безопасности или ресурс развития? [Электронный ресурс] / А.М. Юсуповский // Журнал «Золотой Лев». Издание русской консервативной мысли. – № 83–84 . – Режим доступа: www.zlev.ru/83_83.htm

55. *Ярулин, И.Ф.* Концепт «доверие» в анализе этнических миграций / И.Ф. Ярулин // Регионалистика. – 2015. – № 5–6. – С. 85–95.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В СТРАНАХ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И РАЗВИТИЯ

В.А. Смоляков

Смоляков Владимир Александрович – доктор политических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровского государственного университета экономики и права.

Контактный адрес: smolyakov46@mail.ru

В статье рассматриваются особенности политики интеграции мигрантов в странах организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), а также такие её ключевые проблемы, как расходы на интеграцию и влияние миграции на экономику принимающих стран. Особую остроту приобрела проблема социокультурной адаптации мигрантов, которая связана, с одной стороны, с поведенческой стратегией приезжих, а с другой стороны – с ростом ксенофобии и влияния популистских партий в современной Европе.

Ключевые слова: миграция, беженцы, интеграция, ОЭСР, занятость, гражданство, мультикультурализм, сегментированная ассимиляция.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-107-115

Одним из самых ярких событий в эпоху глобализации являются массовые переезды людей через национальные границы. Страны при этом обязуются следовать принципам Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 г., которая гласит: «…каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну» [2: с. 25]. О масштабах миграции говорят данные, которые были опубликованы Департаментом по экономическим и социальным вопросам ООН в 2017 г.: в принимающих странах проживает около 258 млн человек, что на 49 % больше, чем в 2000 г. В целом 3,4 % жителей мира являются международными мигрантами. В то же время число мигрантов как доли населения, проживающего в странах с высоким доходом, увеличилось с 9,6 % в 2000 г. до 14 % в 2017 г. Страны с высоким уровнем доходов в 2017 г. приняли почти 165 млн, или 64 % от общего числа международных мигрантов во всем мире [14].

Миграция – явление не новое. В настоящее время, по подсчетам В.А. Ионцева, в литературе насчитывается приблизительно 36 определений понятия «миграция населения» [3: с. 29–37]. Обязательным признаком международной миграции является пересечение государственных границ. Международная миграция происходит по различным причинам и с неодинаковой внутренней мотивацией. В международно-правовых документах ООН мигрантом признаётся любое лицо, которое покидает своё прежнее место жительства и пересекает границы другого государства с целью поселиться в нем на более-менее длительное время (минимум на 12 месяцев) [20]. Мигранты – это люди и группы, которые оказались в новой для них социальной среде с другой культурой, к которой им необходимо приспособиться. В связи с этим не случайно возникает конфликтная ситуация между приезжими носителями иноземных культур и титульным населением, которое выступает за сохранение аутентичности своих обществ.

Современная миграционная ситуация в странах ОЭСР имеет ряд особенностей. Во-первых, это невиданный ранее неконтролируемый приток беженцев, который даже привел к возникновению «миграционного кризиса». Первой от него пострадала Западная Европа – из-за своей близости к Африке и Ближнему Востоку. Иммиграционная волна впервые породила острый внутренний и международный кризис в странах Европейского союза (ЕС) и даже подтолкнула к изоляционизму США. Во-вторых, миграционный кризис усугубляется доминированием больших групп из мусульманских стран, религиозная идентичность которых принципиально отлична от ценностей принимающего общества. В-третьих, тенденция иммигрантов образовывать долговременные диаспоры и поддерживать тесные связи со странами происхождения представляет еще одну важную особенность ситуации. При этом мигранты XXI в. в большей степени, чем раньше, стремятся к сохранению собственной идентичности и поэтому не хотят принимать ценности и нормы принимающих стран. Возникновение чрезвычайного этнического многообразия в традиционно моноэтнических государствах так же, как и политизация миграционной тематики в публичных дискуссиях, повысило интерес к проблеме «включения» мигрантов в принимающие общества. Судя по всему, нестабильные и бедные государства будут погружаться во внутренние конфликты и

другие бедствия еще глубже, отчего еще бóльшие волны мигрантов будут прорываться в благополучные регионы мира.

Сегодня международная миграция представляет собой серьезную проблему для осуществления выработанной ООН Повестки дня для устойчивого развития до 2030 г. 19 сентября 2016 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла декларацию о беженцах и мигрантах, в которой государства-члены ООН условились воплощать в жизнь управляемую миграционную политику. В конце 2018 г. с целью принятия Глобального договора о безопасной, упорядоченной и регулярной миграции должна быть созвана Международная конференция по вопросам миграции. Серьезным фактором, приведшим к перегрузке и даже кризису миграционных систем стран назначения миграционных потоков, стал мощный подъём волны беженцев в 2015–2016 гг., в значительной мере спровоцированный гражданской войной в Сирии. К странам происхождения миграционных потоков также относятся Алжир, Марокко, Тунис, Эфиопия, Нигерия, Турция, Пакистан, Афганистан, Шри-Ланка, Китай и др.

За рубежом и в российской научной литературе насчитывается немало работ по вопросам интеграции мигрантов. Целью данной статьи является ознакомление читателя с опытом решения миграционной проблемы и политики интеграции в странах Организации экономического сотрудничества и развития (сокр. ОЭСР, англ. Organization for Economic Cooperation and Development, OECD). Автор исходит из того, что этот опыт представляет интерес и для России, которая занимает четвертое место в мире по количеству мигрантов, поскольку обладает миграционной привлекательностью для жителей стран СНГ [14]. В настоящей статье рассматриваются некоторые трактовки понятия «интеграция» и даётся широкое определение данного термина. Вопрос об интеграции представлен на фоне общественных дискуссий, которые идут в Европе и других регионах, в центре которых – сложности адаптации мигрантов, цена и ожидаемые выгоды от политики интеграции.

Наиболее привлекательным местом для мигрантов и беженцев были и остаются тридцать пять стран ОЭСР, которые представляют собой демократии с высоким доходом и леволиберальной политикой в вопросах прав человека и социального обеспечения. По отчетам за 2016 г. социальные расходы всех государств ОЭСР в среднем достигли более 21 % от ВВП, в том числе во Франции – 32 %, в Германии – 26 %, в США – 19 % и т.д. [28]. В этих странах действуют в разной степени профинансированные (разумеется, за счет налогоплательщиков) специальные программы приёма беженцев. Вот почему трудовые мигранты и беженцы стремятся попасть, прежде всего, в страны ОЭСР, особенно в США, Канаду, Австралию и Западную Европу.

Привлекательность стран ОЭСР постоянно возрастает. Только за 2015 г. туда направилось почти три четверти всех мигрантов. В течение 2016 г. в страны ОЭСР въехало 5 млн мигрантов, что явилось самым высоким показателем за последние десятилетия [17]. Итоговые данные свидетельствуют, что в странах Европы, Северной Америке и Австралии международных мигрантов в 2017 г. насчитывалось более 10 % от общей численности населения [14]. Особенно велика доля иностранцев и граждан, родившихся за границей, в Европейском союзе, которая составляет около 14 %. Примерно такая же доля мигрантов уже более 100 лет сохраняется в Соединенных Штатах [27].

То, как люди определяют интеграцию, может широко варьироваться от страны к стране и от сообщества к сообществу. Проблематика интеграции вошла в повседневный оборот примерно с 1980-х гг. В значительной степени это объясняется тем, что именно с этого времени европейцы осознали, что большинство рабочих-мигрантов вместе со своими семьями будут оставаться в странах пребывания надолго или навсегда. Актуализация проблемы включения иммигрантов в новое для них общество породила необходимые для практики термины. В связи с тем что в европейском политкорректном дискурсе сложилась негативная коннотация термина «ассимиляция» (ассимиляция ассоциировалась с принудительным навязыванием господствующей культуры национальным меньшинствам), в теорию и практику иммиграционной политики были включены новые понятия – *интеграция* и *адаптация*. Однако значение термина «интеграция» не было со всей необходимостью прояснено, что открыло простор для его различных авторских трактовок. Получили распространение как различающиеся в нюансах, так и противоположные по смыслу истолкования нового понятия. Некоторые российские авторы сводят интеграцию к политике мультикультурализма или просто отождествляют с аккультурацией приезжих, зауживая тем самым объём рассматриваемого понятия. Вот еще одно неудачное определение: «Интеграция иммигрантов – это процесс экономической мобильности и социальной интеграции для новичков и их детей» – Институт миграционной политики (Германия). «Интеграция – это принятие, участие и равные шансы в обществе», пишет Наика Форутан, профессор Университета Гумбольдта в Берлине и заместитель директора Берлинского института исследований интеграции и миграции (BIM). Однако и это определение остается неполным, поскольку из него выпадает проблема аккультурации мигранта. А вот пример более полной де-

финиции, которая дана в Справочнике по вопросам переселения беженцев Организации Объединенных Наций (УВКБ ООН): «…интеграция – это взаимный, динамичный, многогранный и продолжительный процесс. С точки зрения беженцев, интеграция требует готовности адаптироваться к образу жизни принимающего общества, не теряя собственной культурной самобытности. С точки зрения принимающего общества, это требует готовности общин к тому, чтобы они приветствовали и [позитивно] реагировали на беженцев и политику государственных ведомств, направленную на удовлетворение потребностей неоднородного населения» [10]. Таким образом, различные источники показывают разные аспекты процесса интеграции, но при этом ни один из них не отражает полной картины.

В. Малахов в монографии «Интеграция мигрантов…», которая представляет собой первый в отечественной литературе систематический анализ рассматриваемой проблематики, пишет, что под выражением «интеграция мигрантов» понимают следующее: «Во-первых, ассимиляцию. В этом случае от мигрантов ожидают полного растворения в населении принимающей страны. Они должны отказаться от всего, что каким-либо образом отличает их от принимающего сообщества… Во-вторых, под интеграцией может пониматься культурная адаптация мигрантов к новому для них окружению. В этом случае от них не ожидают отказа от любых проявлений культурной принадлежности, связанных со страной происхождения… В-третьих, интеграция мигрантов может означать их структурную адаптацию к новой среде, а именно такую степень включенности в жизнь принимающей страны, когда они практически не отличаются от большинства местного населения по объективным (социально-экономическим) показателям [5: с. 32–38]. В. Малахов пишет, что ассимиляция в американском понимании означает функциональное вовлечение мигрантов и их потомков в четыре основные сферы общества – занятость, систему социальной защиты (welfare), жилищную сферу и образование [5: с. 32–33].

Основываясь на обзоре попыток определения термина и опыте полевой работы по расселению беженцев в Великобритании, А. Агер и Э. Странг в статье «Понимание интеграции: концептуальные основания» устанавливают главные элементы, необходимые, по их мнению, для «успешной» интеграции. В статье предлагаются следующие условия успешной интеграции: 1) получение доступа к таким сферам жизнедеятельности, как работа, жилище, образование и здравоохранение; 2) обязательства и практика в отношении гражданства и прав; 3) установление и поддержание социальной связи внутри и между группами внутри сообщества и 4) структурные барьеры для такой связи, обусловленные языком, культурой и местной средой [9: p. 166–191].

Итак, что такое интеграция? Современное осмысление интеграции включает в себя политический, экономический, административно-правовой и культурный аспекты. Интеграция в широком смысле слова – это процесс создания, упрочения и развития связей человека с социумом, который обеспечивает его включенность в основные сферы жизнедеятельности: труд, образование, общение, быт, политику. В самом широком смысле интеграция включает не только адаптацию мигрантов, но и изменения в установках автохтонного населения. Обобщая многие дефиниции, в данной статье предлагается следующее определение: интеграция в её практическом измерении – это комплекс мер по приёму, психологической адаптации, обучению, трудоустройству и включению индивида в жизнь гражданского, основанного на терпимости общества.

Представляется, что интеграция – это не столько результат, сколько сложный, внутренне противоречивый и многосторонний процесс. Как и всякий процесс, интеграция проходит через определённые этапы. Так как деятельность по интеграции носит комплексный характер, её следует рассматривать в качестве единой системы, которую целесообразно анализировать с применением категорий «вход» и «выход». На входе политика интеграции включает три последовательных этапа. Шаг первый – приём мигранта в страну, решение проблемы по его временному размещению в пунктах приёма и содержанию, обучению языку принимающей страны в необходимом объёме. Шаг второй – предоставление дополнительного образования и обучение рабочим профессиям. Третий этап – выход мигранта на рынок труда, предоставление гражданства и подключение его к системе социальной защиты.

Процесс интеграции «на входе» происходит при участии трёх сторон. Ведущий участник – государство, которое осуществляет обустройство мигранта, т.е. расходует деньги на его жильё, питание, обучение языку и новой профессии. Успешность интеграции зависит от самого мигранта, т.е. от его психологических установок, трудовой мотивации и готовности к адаптации. С другой стороны, адаптация зависит и от отношения к мигранту аборигенного населения, т.е. от того, попадает ли он в толерантную социальную среду или становится жертвой предрассудков, объектом дискриминации и несправедливого отношения. Так что реализация политики интеграции требует значительного терпения и усилий всех сторон.

От успеха интеграции на входе, как считают европейские исследователи, решающим образом зависит получение результата на выходе – окончательная адаптация мигранта и решение структурной проблемы, т.е. получение им достойного правового и социального статуса с последующим

включением его как равноправного члена общества в систему социальных связей. ОЭСР в 2015 г. провела исследование степени интегрированности иммигрантов в свои страны-члены. Для этого были разработаны индикаторы для отслеживания таких показателей структурной интегрированности, как занятость, квалификация, степень образования, уровень бедности, состояние здоровья, участие в избирательных кампаниях и случаи дискриминации. Исследователи разделили интеграцию на две широкие категории: 1) структурную интеграцию, под которой понимают доступ мигрантов к занятости, жилью, образованию и политическим правам и 2) социокультурную интеграцию, которая зависит также от субъективной стратегии поведения мигрантов, их готовности к принятию новых для себя культурных норм и образцов поведения, перестройки в необходимых пределах собственной идентичности.

Эффективным инструментом интеграции является натурализация – юридический процесс приобретения гражданства на основе добровольного желания соискателя. Это расширяет доступ иммигрантов к занятости, системе образования и социального обеспечения. Без гражданства иммигранты не могут полностью раскрыть свои потенциальные возможности как личности и ограничены во взаимодействиях с гражданским обществом. Кроме того, гражданство любому дает большее чувство принадлежности и стимулирует как политическое, так и профессиональное участие наравне с другими гражданами. Натурализация также способствует лучшему использованию человеческого капитала мигрантов, а это, как свидетельствует статистика, также выгодно в экономическом плане.

За последние два десятилетия иммиграционные потоки в страны ОЭСР становятся более разнообразными. Это относится не только к странам происхождения иммигрантов, но и к уровню их образования, а также к мотивам въезда – это может быть трудовая деятельность, просто свободное передвижение, сопровождение семьи или воссоединение с ней, а также поиск убежища. Такое растущее разнообразие ставит проблемы как для интеграции, так и для интеграционной политики государств. Все миграционные потоки в странах ОЭСР принято делить на четыре весьма широкие категории.

1. Трудовые мигранты, официально получившие право на жительство и работу. В соответствии с оценками Международной организации труда (МОТ) за 2015 г. в мире насчитывалось 150 млн трудовых мигрантов, что составляет более 65 % от общей численности трансграничных мигрантов [15, p. xi]. В составе международных мигрантов доля лиц трудоспособного возраста от 20 до 64 лет составляет, по данным за 2017 г., около трех четвертей (74 %). Это значительно больше 57 % трудоспособных в мировом населении. Не все находящиеся в расцвете сил люди мигрируют в богатые страны с целью хорошо там потрудиться. Но, как справедливо утверждает в предисловии к монографии «Феномен трудовой миграции в изменяющемся мире» В.В. Комаровский, «Конечно, иждивенческие мотивы присутствуют в современной миграционной мобильности, но отнюдь не являются доминирующими…» [4: с. 5].

По отношению к трудовым мигрантам уместной является группировка их на лиц, имеющих высшее образование или не имеющих такового, а также работников высококвалифицированных и неквалифицированных. О квалификации частично свидетельствует образовательный уровень иммигрантов. Так, в составе въезжающих в страны ОЭСР лица трудоспособного возраста, которые закончили университет или колледж, составляли 34 %. В то же время работники с низким уровнем образованности составляли 27 % [19]. Однако многие новоприбывшие не находят себе работу по специальности.

Решение задачи трудоустройства зависит от участия в процессе трёх сторон: миграционных органов, предпринимателей и самого мигранта. Статистика показывает, что, например, в Европе из основных категорий мигрантов трудоустраиваются раньше всех трудовые мигранты, из которых находят себе работу в первый же год 75 %. На втором месте по трудовой активности стоят семейные мигранты – 40 %, на последнем месте беженцы – из них в течение первого года начинают трудиться менее 20 %. Однако через 15–19 лет между всеми категориями происходит выравнивание на уровне 70–75 %. Согласно расчетам эффективность отдачи от каждого трудящегося мигранта со временем только возрастает. С другой стороны, с каждым годом государственные расходы на мигранта снижаются. Например, в Швеции за семилетний период они сокращаются на одного человека с 14 тыс. евро до четырех тысяч евро в год [18].

Эксперты обращают внимание на то, что для решения задачи приёма и трудоустройства мигрантов всё большее значение приобретают такие модифицирующиеся факторы, как повышающиеся требования к квалификации рабочей силы. Революционные изменения в технологии производства трансформируют две главные составляющие процесса интеграции на рынке труда – спрос и предложение: «Со стороны основных принимающих стран спрос на иностранную рабочую силу изменяется... В Европе, например, исследователи обращают внимание на усиление процессов вымывания квалификаций среднего уровня» [4: с. 2–3]. Несомненно, что страны ОЭСР не могут использовать большую часть потенциала, предлагаемого имми-

грантами. Если средние, малообразованные иммигранты и их сверстники имеют сопоставимые уровни занятости, то у высокообразованных иммигрантов практически во всех странах ОЭСР уровень занятости ниже, чем у их коллег на родине. К тому же недавняя рецессия добавила проблем с трудоустройством. С началом глобального экономического кризиса в 2007 г. средний уровень занятости иммигрантов-мужчин в странах ОЭСР сократился на два процентных пункта, но в то же время он оставался стабильным для иммигрантов-женщин. Важную роль в нарушении баланса спроса и предложения играет выход молодежи на рынок труда, а также нелегальная, или, как ее нередко называют, «недокументированная», «иррегулярная» занятость.

Экономический успех интеграции измеряется пополнением рынка рабочей силы. За период с 2000 по 2011 г. иммигранты давали 47 % прироста рабочей силы в государствах ОЭСР и 70 % в Европе. Авторы ряда эмпирических исследований пробовали оценить экономические последствия миграции. В одном из исследований было проанализировано влияние миграции на экономический рост в 22 странах Организации экономического сотрудничества и развития в период с 1986 по 2004 г. В нем делается вывод о положительном, но незначительном воздействии нового человеческого капитала на рост ВВП принимающих стран. По мнению авторов, чистый эффект был невелик. Увеличение на 50 % чистой миграции лиц, родившихся за границей, давало менее одной десятой процента изменения производительности в процентах [22: p. 400]. Тем не менее недавно проведенные исследования указывают на более весомый вклад мигрантов в экономику стран ОЭСР. Так, например, в Швейцарии и Люксембурге иммигранты обеспечивают чистую экономическую выгоду, давая около 2 % прироста ВВП. В целом мигранты не являются бременем для западных стран и оказывают положительное влияние на их экономику, причем занятость является наиболее заметным источником дополнительных налоговых поступлений [18].

2. Основным для легальной миграции по-прежнему остается семейный поток. В 2015 г. семейные мигранты составляли почти 40 % всех постоянных въездов в страны ОЭСР. Кроме того, в Европе примерно 30 % внутриевропейских переездов связаны, по оценкам, с семейными причинами [21]. Семейный поток разнообразен. Часто причиной иммиграции является заключение браков. Действительно, во многих странах ОЭСР браки между гражданином и иностранцем составляют 10 % или более от всех браков. В ряде стран ОЭСР резиденты-иностранцы могут вызвать супругов и детей с целью воссоединения семьи.

Подавляющее большинство в семейном потоке составляют женщины и дети, а это означает, что иммиграция семьи имеет важное гендерное измерение. Дети до 15 лет насчитывают более четверти всех мигрантов из семейного потока в страны ОЭСР. В некоторых странах ОЭСР разрешено соединение родителей со взрослыми детьми или братьев и сестер [16]. Семейные мигранты, как правило, сталкиваются с более сложными проблемами интеграции и обычно имеют менее благоприятные результаты, чем экономические мигранты, которые выбираются в соответствии с их перспективами интеграции на рынке труда. Они также часто не имеют специальности. Многие женщины прибывают из тех стран, где по традиции работает только один член семьи – мужчина. Чтобы преодолеть эти и другие трудности, связанные с ограниченным владением языком страны пребывания и другими недостатками в области квалификации и трудовых навыков, а также с нехваткой знаний о рынке труда принимающей страны или проблемами, связанными с уходом за детьми, многие семейные мигранты особенно нуждаются во вспомогательных услугах, таких как консультирование или социальное обеспечение для инвалидов.

Относительно либеральная политика стран ОЭСР в вопросах воссоединения или создания семей объясняется не только гуманитарными соображениями, но и пониманием того, что без решения этого экзистенциального вопроса успешная адаптация оставшегося на постоянное пребывание в гостевой стране мигранта окажется неосуществимой. Поскольку международные мигранты составляют большую долю лиц трудоспособного возраста по сравнению с общей численностью населения, чистый приток мигрантов снижает коэффициент зависимости от продолжительности жизни, т.е. число детей и пожилых людей по сравнению с долей лиц трудоспособного возраста [14]. В целях смягчения демографической проблемы эксперты призывают к поддержке семей, чтобы увеличить коэффициент рождаемости, а также разработать контролируемую миграцию и стабильную интеграционную политику. В целом миграционный прирост обеспечивает не менее половины, а в некоторые годы и свыше восьмидесяти процентов общего прироста численности населения стран Европы [20].

3. Основу миграционной волны 2015–2016 гг. составили беженцы, которых в Европе называют гуманитарными мигрантами. Беженец – это индивид, который покидает своё государство в надежде на получение статуса политического беженца и государственной защиты в политически стабильной демократии либо вследствие кризиса и гражданской войны у себя на родине, либо из-за преследований по религиозным, этническим, полити-

ческим и иным причинам. В международном докладе о миграции за 2017 г., публикуемом раз в два года, говорится, что в число международных мигрантов вошли 26 млн беженцев или лиц, ищущих убежища, т.е. около 10 % от общего числа мигрантов [14]. Две трети беженцев, которые устремились в 2015–2016 гг. в страны ОЭСР, пришлись на Европу, где из-за этого возник «кризис беженцев». Всего за 2015 г. в ЕС прибыло, по разным оценкам, от 1 до 1,8 млн беженцев и нелегальных мигрантов. Для сравнения, в 2014 г. было зарегистрировано около 280 000 беженцев [6]. Согласно Европейскому законодательству запросивший убежище на период рассмотрения своего дела имеет право легально жить, учиться, работать в Европе, получать пособие (до 550 евро в месяц на человека в зависимости от страны) [7]. Наибольшее количество беженцев приняла Германия (31 %). В 2016 г. эта страна зарегистрировала 720 000 формальных заявок на предоставление убежища, причем из всех стран ОЭСР это самое большое число заявок пропорционально немецкому населению (0,9 % на тысячу человек). Поэтому правильнее говорить не о «миграционном кризисе» в Европе, а о кризисе беженцев или о проблеме предоставления убежища.

Политика интеграции беженцев – дело дорогостоящее и требует высоких расходов, которые ложатся на плечи налогоплательщика в странах приёма. И эти расходы из года в год растут. Страны Евросоюза за первый год расходуют в среднем по 8–12 тыс. евро на каждого прибывающего мигранта. Государства оплачивают, в частности, программы обучения мигрантов и их детей языку принимающей страны. Германия тратила по 0,5 % ВВП в 2016 и 2017 гг. на устройство прибывших мигрантов и последующую их подготовку для рынка труда. Другие страны ЕС также внесли свой вклад в устройство мигрантов: Австрия израсходовала 0,3 % ВВП, Швеция – 0,9 % ВВП в 2016 г. Турецкое правительство с 2011 г. оказывает помощь сирийцам, принимая под временную защиту в Турции, что эквивалентно 0,8 % ВВП в 2014 г. [29].

Из-за огромного скачка заявлений европейская миграционная система с 2015 г. оказалась чрезвычайно перегруженной, поэтому чиновники стали чаще отказывать в предоставлении статуса беженца. Это значительно затруднило участь претендентов. Впрочем даже при положительном решении вопроса интеграция в общество бывает связана с различными трудностями, поскольку государственное пособие крайне невелико. Поэтому большая часть из тех, кто незаконно пересек границы государства, – это люди, которые или не стали обращаться в органы по делам приёма мигрантов, или не смогли получить официальный статус беженца. Людей, которые относятся к данной группе, называют незаконными или недокументированными мигрантами. Проблема в подобных случаях заключается в том, что положение и даже само наименование «нелегал» становится стигматом и оказывает негативное воздействие на самоуважение, поведение и социальное самочувствие беженца. В связи с этим данная категория мигрантов надолго остаётся вне процесса глубокой интеграции и является источником реальных или потенциальных конфликтов.

4. Образовательная миграция поощряется правительствами западных стран, и поэтому отношение чиновников к студентам лучше, чем к беженцам. В государствах ОЭСР численность лиц, которые получили первичное разрешение на пребывание (аналог российского разрешения на временное пребывание – РВП) для прохождения учебы, увеличилась в 2015 г. на 11 % и составила 1,5 млн [16].

Разумеется, приведённая выше классификация не может считаться исчерпывающей. В целом важнее всего, как представляется, определить место и значение трудовой миграции как явления, содержащего в той или иной степени все виды миграции: и семейную, и образовательную и гуманитарную, поскольку мигрантов также можно разделить еще на две большие группы – постоянных и временных. Постоянные мигранты намерены не только навсегда остаться в новой для себя стране, но и, возможно, получить гражданство этой страны. Временные мигранты намерены оставаться только на ограниченный период времени; возможно, до конца конкретной программы обучения, а также в течение срока рабочего контракта или определенного рабочего сезона. Все эти типы мигрантов оказывают значительное влияние на экономику и социум избранной ими страны проживания.

Кто отвечает за интеграцию? И в странах ОЭСР, и в Европе в частности нет единой системы подхода к беженцам. Особенностью государственной миграционной политики стран-членов Евросоюза является то, что она реализуется на трёх уровнях.

Первый уровень – это межгосударственные соглашения стран ЕС – обязывающие решения на уровне институтов ЕС. В 2016–2017 гг. лидеры стран-членов ЕС пришли к мнению, что все фронты – внутренние и внешние – требуют согласованной политики ЕС в отношении миграции на основе принципа солидарности. Европейская комиссия летом 2015 г. подготовила план, озаглавленный «Европейская политика в отношении миграции». В рамках этой политики ЕС ввел систему квот по размещению мигрантов в отдельных странах, которая должна облегчить бремя для Греции и Италии, куда изначально прибывает большая часть мигрантов. Тем не менее проблема приёма и размещения беженцев привела к разногласиям между членами ЕС. Возникла так называемая Вышеградская груп-

па стран (Польша, Венгрия, Словакия, Чехия; к этой «четвёрке» готовы присоединиться Италия и Австрия). Правительства этих государств отказываются подчиняться данным решениям ЕС.

Второй уровень – внутренняя миграционная политика отдельных стран ЕС, которая формируется национальными правительствами. Несмотря на то, что волна беженцев из стран Африки и с Ближнего Востока, прокатившаяся по Европе в 2015–2016 гг., уже схлынула, миграционная проблема во многих странах Европы по-прежнему не решена, что вносит серьёзный разлад в отношения между партнерами по ЕС.

Самый нижний этаж миграционной политики – это уровень провинций и муниципалитетов.

В Соединенных Штатах на федеральном уровне нет органа, ответственного за интеграцию. Поэтому интеграция иммигрантов в первую очередь является задачей местных органов власти и гражданского общества, а федеральная программа переселения беженцев помогает вновь прибывшим на этапе приёма в страну. Другая система сложилась во многих странах ОЭСР, в которых функционирует разделение ответственности по приёму и интеграции мигрантов между двумя уровнями – центральными правительствами и местными органами управления – провинциями и муниципалитетами (таблица). Следует отметить, что данное разделение имеет место как в федеративных, так и в унитарных государствах. В странах ОЭСР расходы провинциальных и муниципальных правительств (sub-central governments) на устройство беженцев составляют 35–45 % от общегосударственных расходов.

Таблица

Разделение задач и функций по интеграции мигрантов между двумя уровнями

Центральное правительство	Местные органы управления
Постановка на учет	Начальное и среднее образование
Рассмотрение заявлений о предоставлении статуса беженца, гражданства	Социальная защита, минимальное пособие
Пункты приёма (лагеря беженцев), временное жильё	Постоянное жилище после лагеря беженцев
Первая экстренная помощь, выплата пособий поставленным на учет беженцам	Помощь мигранту на рынке труда
Обучение языку страны приёма в необходимом объёме	Продвинутый курс обучения языку
Начальные курсы «цивикс» – обучение основам обществоведения	Ресоциализация в структурах гражданского общества
Высылка отдельных категорий мигрантов	Полное включение в жизнь местных сообществ

Многие неотложные повседневные проблемы интеграции мигрантов, проживающих в крупных городах, такие как жильё и трудоустройство, доступ к системе здравоохранения и образования, решаются на местном уровне. Интеграция на местах – это не только процесс, идущий сверху вниз, т.е. полагающийся на государственную политику. Решение этой задачи также зависит от сообществ волонтёров и инициатив некоммерческих гражданских организаций.

Сегодня практически в любом западном мегаполисе существуют относительно изолированные пригороды и кварталы, в которых представители этнических меньшинств (переселенцы и беженцы) создают свой особый микромир. С одной стороны, проживание в относительно замкнутой этнокультурной среде соотечественников помогает ослабить шок от столкновения с реалиями нового общества, но, с другой стороны, препятствует решению задач адаптации. Местные и городские власти способны внести важный вклад в решение проблемы рационального размещения мигрантов с целью предотвращения их «геттозации», а также для включения их в самоуправление на местном уровне [11: p. 48–60].

Неспособность или нежелание мигрантов адаптироваться к новым условиям работы и жизни, игнорирование образа жизни и культуры автохтонного населения обычно ведут к усилению ксенофобских и националистических настроений. Антимигрантский настрой выливается в поддержку ультраправых, националистических партий и организаций, которые призывают к защите национальных интересов. Актуальность этой проблемы выявилась со всей остротой в связи с «миграционным кризисом» 2015–2016 гг. Миграционный поток привёл к особенно быстрой и глубокой трансформации многих обществ ЕС. Нигде эта ситуация не проявляется более отчетливо, чем на городских окраинах, где сосредоточены мусульманские общины и происходят вспышки насилия против законности и порядка.

Особую остроту проблеме придаёт то обстоятельство, что в последние десятилетия состав мигрантов изменился в пользу выходцев из мусульманских стран. Доминирование в миграционном потоке беженцев из мусульманских стран привело к острому кросскультурному конфликту. Не секрет, что между западными и исламскими народами существуют существенные межкультурные разрывы. Во-первых, это разное отношение к религии, с одной стороны, европейцев, которые склоняются к светскости и атеизму, а с другой стороны – привезенные извне ригидные религиозные понятия и патриархальные нормы. Во-вторых, отношение к семье и браку. В-третьих, разные представления о гендерных ролях, особенно относительно роли женщин и даже представления о мужском поведе-

нии. В-четвертых, взгляды на сексуальные нормы и ориентации [23; 24]. Каково влияние этих тенденций на культурную интеграцию? Многие исследователи для объяснения проблемы интеграции мигрантов используют понятие «культурный шок». В последнее время большую популярность приобрела концепция профессора Дж. Берри, который предложил использовать вместо данного термина понятие «стресс аккультурации». Согласно Берри, проблемы аккультурации вытекают из двух основных проблем, с которыми сталкивается индивидуум или группа. Первый аспект заключается в том, в какой степени люди (мигранты) хотят поддерживать (или изменять) своё культурное наследие и идентичность (аспектами идентичности являются раса и религия). Второй аспект – это степень желания вступать в контакты с другими этнокультурными группами, включая доминирующую, а также участвовать в более широком обществе. Сочетание этих двух измерений привело к четырем стратегиям аккультурации, описанным Берри в 1997 г: стратегии ассимиляции, разделения, интеграции и маргинализации [13: p. 5–34].

К сложностям процесса аккультурации относится типичная поведенческая стратегия религиозно настроенных мигрантов, которая характеризуется полным отсутствием толерантности к ценностям и нормам западной цивилизации. Этноцентризм в данном случае выражается в том, что культура принимающих обществ осуждается и отвергается. Хуже того, мигранты стараются транспортировать свои этнические стереотипы в новую среду, навязать принимающему обществу собственное средневековое мировоззрение и образ жизни. Особенно тревожной стала новая тенденция – распространение среди мигрантов радикального ислама. Устойчиво растет и криминализация этой части населения. Согласно одному исследованию новые миграционные волны заметно отличаются не только этнорелигиозным составом, но и более низким уровнем образования и отсутствием квалификации. Это неизбежно приводит к росту межэтнической напряженности – в том числе в связи с высокой степенью криминализации мигрантской среды.

Возникшие острые политические проблемы поставили в повестку дня вопросы о допустимости длительного сосуществования внутри одного общества разнородных культур и завезенных извне чужих цивилизационных особенностей. Европейские правительства совершили много ошибок в решении этой проблемы. Модель мультикультурализма, которая до недавнего времени лежала в основе политики интеграции мигрантов, была направлена на предоставление всеобъемлющих программ помощи новым этническим и религиозным меньшинствам. Мультикультурализм допускает, что мигранты, которые приобрели глубоко укоренившиеся и устойчивые социальные нормы и культурные стереотипы в местной общине у себя на родине, будут сохранять свою культуру и после переезда. Таким образом, группы меньшинства должны сохранять устойчивые традиции, собственную идентичность и глубоко укоренившиеся ценности много десятилетий или даже веков.

В октябре 2010 г. канцлер Германии Ангела Меркель заявила о провале идеи превращения Германии в страну с мультикультурным обществом. В декабре 2016 г. она четко пообещала защищать «базовые ценности» Германии и напомнила: «наши законы стоят выше шариата» [1].

Альтернативой мультикультурализму является теория и практика ассимиляции, основанная на опыте США. Ассимиляция – это приспособление, основанное на полном отказе от прежних ценностей и на полном принятии новых. «Мы говорим, что иммигранты ассимилировались, когда они полностью восприняли язык, обычаи, образ жизни, устройство жилищ, одежду и т.п. новой страны», – пишет известный социолог Ян Щепаньский [8: с. 199]. Однако если культуры очень сильно различаются, то индивиды могут ограничиться только внешним принятием ценностей, норм и образцов поведения, а внутренне отвергать систему ценностей принимающего общества. Поэтому, полагает Ян Щепаньский, в лучшем случае процесс приспособления может дойти до этапа терпимости. В связи с недостаточной реалистичностью теории и практики ассимиляции более прагматичной представляется компромиссная концепция «сегментированной ассимиляции», разработанная Портсом и Чжоу. Данная идея предполагает поначалу лишь частичный переход мигрантов на культурные позиции принимающего общества и полную ассимиляцию лишь во втором или третьем поколении [25: p. 74–96]

Вопросы интеграции мигрантов возникли не вчера, но приобрели особую актуальность лишь в последние годы. Возникшие в 2015–2016 гг. проблемы носят, по-видимому, временный характер. Большая часть из сегодняшних 258 млн международных мигрантов имеет легальный статус и вносит значительный вклад в экономику принимающих государств. Миграция в глобализированном мире носит закономерный характер и в целом даёт позитивные результаты как для принимающих государств, так и для самих мигрантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барот, Н.* (Nicolas Barotte). Германия: Ангела Меркель ужесточает позицию по отношению к мигрантам [Электронный ресурс] / Н. Барот // Le Figaro (Фигаро). – 2016. – 07. – Режим доступа: https://inosmi.ru/lefigaro_fr/.

2. Всеобщая декларация прав человека. Ст. 13, п. 2 // Права человека : сб. междунар. док. – М. : Изд-во МГУ, 1986.

3. *Ионцев, В.А.* Международная миграция: населения: теория и история изучения / В.А. Ионцев // Международная миграция населения: Россия и современный мир. – М. : Диалог-МГУ, 1999. – Вып. 3. – 370 с.

4. *Комаровский, В.В.* Феномен трудовой миграции в изменяющемся мире / В.В. Комаровский, В.Т. Веденеева // Феномен трудовой миграции. – М. : ИМЭМО РАН, 2017. – 140 с.

5. *Малахов, В.* Интеграция мигрантов: Концепции и практики / В. Малахов. – М. : Фонд «Либеральная Миссия», 2015. – 272 с.

6. Миграционный кризис в Европе в цифрах и графиках // BBC Русская служба. Проверено 23 сент. 2016.

7. Основные принципы и направления миграционной политики Европейского союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Миграционная_политика_Европейского_союза&oldid=89652356.

8. *Щепаньский, Я.* Элементарные понятия социологии / Я. Щепаньский. – М., 1968. – 238 с.

9. *Ager, A.* Understanding Integration: A Conceptual Framework / A. Ager and A. Strang // Journal of Refugee Studies. – 2008. – 21 (2). – P. 166–191.

10. *Alfred, C.* Debates Over integration / C. Alfred. – 2017. – June 30.

11. *Beckman, L.* Is residence special? democracy in the age of migration and human mobility / L. Beckman and E. Erman (eds) // Territorial Citizenship. – Berlin : Springer, 2012.

12. *Beckman, L.* Irregular migration and democracy: The case for inclusion / L. Beckman // Citizenship Studies. – 2013. – № 17/1. – P. 48–60.

13. *Berry, J.W.* Immigration, acculturation, and adaptation / J.W. Berry // Applied Psychology. – 1997. – № 46(1). – P. 5–34.

14. Department of Economic and Social Affairs // International Migration Report. 2017. Highlights. United Nations. – New York, 2017.

15. Global estimates of migrant workers and migrant domestic workers: results and methodology / International Labour Office. – Geneva : ILO, 2015. – P. xi.

16. *Gurría, A.* Launch of the 2017 International Migration Outlook [Electronic resource] / Angel Gurría, OECD Secretary-General. – Paris, Thursday 29 June 2. – URL: http://www.oecd.org/about/secretary-general/launch-of-the-2017-international-migration-outlook.htm.

17. International Migration Outlook [Electronic resource]. – Paris : OECD, 2017. – URL% www.oecd.org/els/migration/imo.

18. Is Immigration good for the economy? [Electronic resource] // OECD, Migration Policy Debates, May 2014. – URL: www.oecd.org/els/migration/imo.

19. Is the united States still the land of opportunities for migrants? Migration policy Debates [Electronic resource] // OECD. – 2015. – № 5. – August. – URL: www.oecd.org/els/migration/imo.

20. *Karakas, C.* Economic challenges and prospects of the refugee influx / C. Karakas // Briefing December 2015 EPRS / European Parliamentary Research Service. – 2015.

21. Making Integration Work: Family Migrants [Electronic resource] // OECD. – 2017. Publishing. – Paris 2017. – URL: http://dx.doi.org/10.1787/9789264279520-en.

22. *Massey, A.* International Migration: Prospects and Policies in a Global Market. / A. Massey, J.E. Taylor (eds.). – Oxford University Press, 2007. – 408 p.

23. *Norris, P.* Sacred and Secular / P. Norris, R. Inglehart. – New York : Cambridge University Press, 2004.

24. *Pettersson, Thorleif.* Muslim immigrants in Western Europe: Persisting value differences or value adaptation? / Thorleif Pettersson // Values and Perceptions of the Islamic and Middle Eastern Publics / Mansoor Moaddel (ed). – New York : Palgrave McMillan, 2007.

25. *Portes, A.* The new second generation: segmented assimilation and its variants / A. Portes, M. Zhou // American Academy of Political and Social Science. – 1993. – № 530. – P. 74–96.

26. *Portes, A.* Children of immigrants: segmented assimilation / A. Portes // Economic Sociology of Immigration. – New York : Russell Sage, 1995.

27. *Renwick, D.* The U.S. Immigration Debate. Introduction / D. Renwick, Claire Felter and Danielle Renwick // Last updated. – 2018. – March 13.

28. Social spending stays at historically high levels in many OECD countries. Social Expenditure Update (October 2016) [Electronic resource]. – URL: http://www.oecd.org/els/soc/OECD2016-Social-Expenditure-Update.

29. Who bears the cost of integrating refugees? Migration policy Debates // OECD. – 2017. – January.

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОЦИАЛИЗАЦИИ БУДУЩЕГО ПРОФЕССИОНАЛА

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПЦИИ ВОСПИТАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ)

Ю.А. Тюрина

Тюрина Юлия Александровна – доктор социологических наук, профессор, проректор по воспитательной работе и работе со студентами Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: pvr@festu.khv.ru

В статье продемонстрированы научно-практические возможности деятельностно-активистского подхода в моделировании воспитательного процесса в вузе и системы воспитания, а также рассмотрена концепция воспитания, которая применима в любой организации высшего образования России, с учетом юридического статуса организации, отраслевой принадлежности, специфики реализуемых образовательных программ и региональных особенностей.

Ключевые слова: деятельностно-активистский подход, образовательные системы, процесс воспитания, система воспитания.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-116-126

В исследовании отечественной образовательной проблематики в социологии наибольший интерес, по нашему мнению, представляет направление, которое находится в ряду наиболее обсуждаемых последние два десятилетия и определяется либо как деятельностно-активистский, либо деятельностный подход. Лидерами данного направления являются Дж. Александер, А. Арчер, П. Бурдье, Э. Гидденс, П. Штомпка, Ядов и др.

Деятельностный подход характеризуется особой познавательной и аналитической ценностью в изучении усложняющейся динамики современного общества и его составляющих, в частности образования. Позволяет учитывать цивилизационные, национально-этнические условия изменений российского социума и института отечественного образования, представляет собой результат теоретической интеграции, что расширяет научно-исследовательские возможности для социологического изучения образования. С одной стороны, деятельностный подход позволяет анализировать образование как социальный институт в его изменении, как подсистему общества, меняющуюся в процессе социального изменения и являющуюся условием и результатом социальных изменений, акцентировать внимание на содержании и факторах этого изменения. С другой стороны, теоретический синтез позволяет исследовать те вопросы образовательной проблематики, которые так долго оставались спорными в ракурсе предметно-объектного поля отечественной социологии образования, а именно вопросы непосредственной организации учебного процесса, проектирования образовательных моделей и систем. Исследовательские возможности деятельностного подхода были продемонстрированы при разработке концепции исследования трансформационных процессов института отечественного образования, интегрирующей возможности классической и современной социологии, деятельностного подхода в социологии и сравнительного социологического анализа в изучении изменения данного института, к которой мы и обратимся в данной статье [4].

В 10-х гг. XXI в. в отечественной действительности, после выхолащивания в 90-е гг. XX в. воспитательной компоненты в контексте реализации западно-европейской модели подготовки будущих профессионалов (в основе которой передача знаний и свобода личности и ее волеизъявление), вновь актуализировались вопросы воспитания, в том числе и в высшей школе.

С принятием в 2012 г. Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» воспитание стало рассматриваться как «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и

государства» [6]. Данная интерпретация распространяется на все уровни образования, начиная от дошкольного уровня и заканчивая уровнем высшей школы и послевузовской подготовки. И предполагает создание научно обоснованных моделей, систем воспитания в образовательных организациях в соответствии с заявленными государством целями и задачами.

В создании воспитательной концепции и построении системы ценен ряд аналитических идей-принципов деятельностного подхода, сконцентрированного в своем исследовательском поиске на изучении социальных механизмов, генерирующих ход социальных процессов, основанного на отказе от идеи диктата естественно-исторических закономерностей социальных изменений. Среди таковых идей:

– утверждение принципа социально-исторического процесса, не имеющего точно заданного вектора;

– динамичность механизма социального процесса, при которой изменениям подвергается не только объект, но и сам механизм генерирования изменения данного объекта;

– антропоориентированность (человек рассматривается в рамках деятельностного подхода как активно действующий элемент механизма социального процесса, имеющий первостепенное значение, т.е. субъект деятельности);

– дуальность структур – двойственность структур как средств производства социальной жизни и в то же время как ее результата; как переплетения равнодействующих процессов, а именно структурной детерминации (механизмы и процессы, действующие от структур к людям) и морфогенетической детерминации (механизмы и процессы, действующие от людей к структурам);

– структурно-индивидуальное поле (социальная реальность представляется посредством взаимообусловленного воспроизводства уровня структур (или уровня тотальностей) и уровня индивидуальностей, результат оперирования которых – практика; совокупность практик есть социальные системы)[1] [8].

При применении всего перечисленного к построению воспитательной концепции или системы воспитания в вузе объективно определяются следующие утверждения.

Во-первых, воспитание в вузе – это социальный процесс, направленный на развитие личности, и осмысливается он в соответствии с классическим определением П. Сорокина процесса как «любого вида движения, модификации, трансформации, передования или эволюции, …любого изменения данного изучаемого объекта в течение определенного времени, будь то изменение его места в пространстве либо модификация его количественных или качественных характеристик» [3]. Данный процесс не имеет точно заданного вектора, что детерминировано динамичностью механизма изменения. Направление процесса естественно возможно задавать и корректировать, но полностью контролировать его траекторию невозможно из-за социальной природы самого процесса.

Во-вторых, активно действующий элемент механизма процесса воспитания – человек, а именно обучающие и обучающиеся, а также те, кто организационно или технически обеспечивают воспитательный процесс, представители различных социальных групп, в разной степени участвующих в нем. Все перечисленные субъекты деятельности оказывают влияние на воспитательный процесс или участвуют в его обеспечении в трех плоскостях [4]:

– соотношении социальных ресурсов субъектов деятельности;

– содержании мотивационно-стимулирующих компонентов деятельности;

– нормативном становлении (изменении).

В плоскости соотношения социальных ресурсов особое значение имеет власть или, иначе, наличие или отсутствие таковой у субъектов. В непосредственных повседневных воспитательных практиках носителем власти является обучающий, и он в большей степени определяет траекторию воспитательного процесса – развития личности. На уровне организации вектор воспитательного процесса определяется должностными лицами (заведующий, декан и т.д.). А учитывая, что власть в отечественной специфике – значимый, а порой определяющий фактор, то именно от сильноресурсных субъектов, от их понимания и видения процесса воспитания личности, ее развития зависит и построение концепции и системы воспитания.

Мотивационно-стимулирующие компоненты, побуждающие субъектов деятельности к активности, – это есть социальные, психологические и биологические параметры, в своем сложном переплетении определяющие жизнедеятельность человека. Естественно, в воспитательном процессе особое значение имеет содержание мотивационно-стимулирующих компонент у обучающего. В зависимости от того, носителем каких ценностей (Вебер) он является и каким знанием (Гидденс) обладает, будет строиться его воздействие на обучающегося. В свою очередь, содержание мотивационно-стимулирующих компонент обучающегося также имеет значение, поскольку биологические и психологические составляющие являются внутренними регуляторами поведения личности. А ценности и цен-

[1] Понятие «структурно-индивидуальное поле» используется, в частности, П. Штомпкой. Необходимо отметить, что в концепции П. Штомпки понятия «уровень структур» и «уровень тотальностей» синонимичны.

ностные установки, сформированные в течение 17–18 лет, являются социально приобретенной базой для поведения студента в процессе обучения и развития его личности.

Нормативные инновации, которые приводят к нормативным изменениям, а следовательно, к структурным и содержательным трансформациям, могут быть вызваны действиями различных субъектов. В отечественном варианте особую значимость в инновационной активности имеют сильноресурсные субъекты деятельности (держатели власти), регулирующие образовательную деятельность.

В-третьих, правила и ресурсы, особенности функционирования воспитательной системы, организационные аспекты процесса воспитания как совокупности отношений преобразования, созданные участниками воспитательного процесса, проживающими ранее, являются исходными условиями жизнедеятельности людей, живущих сегодня и конструирующих своими повседневными действиями условия жизнедеятельности людей последующих временных периодов.

В-четвертых, согласно принципам деятельностного подхода на каждом этапе социального становления воспроизводятся совокупности социальных практик, включающих на уровне тотальностей – оперирование структур, на уровне индивидуальностей – оперирование деятелей. Совокупности данных практик, согласно концепции Э. Гидденса, представляют собой системы или систему. По сути дела, совокупность социальных практик есть результат изменения на каждом этапе. И данный результат можно фиксировать в нескольких взаимосвязанных направлениях, а именно (анализируя на определенных этапах изменения образования): образование как сферу – все то, что влияет на изменение социального института образования; непосредственно институт образования; образование как систему – организационное устройство института образования.

Согласно концепции исследования трансформационных процессов института отечественного образования [4] к основным характеристикам отечественного образования, проявляющимся на протяжении длительного исторического периода в любых образовательных системах и организациях, относятся: преобладание воспроизводства вертикальных связей, пирамидальность строения, приоритетность субъект-объектной модели организации образовательной деятельности, доминирование принципа авторитета (значение власти или сильноресурсных субъектов) и господство коллективизма в воспитании и обучении, значимость воспитательной компоненты в обучении.

Современные же принципы, обсуждаемые в мировом сообществе как приоритетные, заявленные к реализации в отечественной образовательной политике, – это: доступность, диверсификация и многообразие, непрерывность, открытость, гибкость, мобильность, инновационность, реализуемые через субъект-субъектные отношения, индивидуализм, прагматизм.

Следовательно, при проектировании любых систем и моделей необходим целостный подход, учитывающий отечественную специфику и предполагающий системное встраивание нового.

Интегрируя все сказанное, рассмотрим возможность формирования Концепции воспитательной деятельности в высшем учебном заведении, определяя, что концепция – это основная идея, системное отображение желаемого результата.

В мае 2016 г. на заседании ученого совета ДВГУПС был принят документ «Концепция воспитательной деятельности», разработчиком которого и являлся автор статьи [2]. Документ имеет научно-практическое значение, и на его базе возможно рассмотреть элементы моделирования социальных процессов и систем в образовательной сфере в контексте деятельностно-активистского подхода.

Документ включает следующие разделы:

– актуальность;

– нормативную базу;

– целевые установки;

– организацию системы воспитания;

– принципы работы системы воспитания;

– функции (направления работы) системы воспитания;

– инструменты и механизмы реализации воспитательной деятельности;

– показатели эффективности воспитательной деятельности (в учебном и внеучебном процессе).

Рассмотрим каждый раздел подробно с некоторыми комментариями.

1. ***Актуальность концепции на современном этапе развития общества, государства и высшего образования*** России понимается через следующие составляющие:

– технологическое развитие современного общества и геополитические вызовы предопределили необходимость при подготовке высококлассного специалиста в профессиональной сфере, вооруженного современным знанием, уделять особое внимание формированию мировоззрения человека мира, носителя ценностей созидания и гуманизма;

– новые цели социально-экономического развития страны, этнокультурное и конфессиональное многообразие требуют укрепления роли воспитания при подготовке специалистов в высших учебных заведениях;

– современные требования к подготовке специалистов со стороны работодателей ориентируют

высшую школу на усиление внимания к формированию личностных качеств у обучающихся.

Вузовская система предполагает универсальность образования (что ранее реализовывалось в так называемых классических университетах) или направленность, отраслевую составляющую, которая определяет и актуальность моделирования воспитательной деятельности. ДВГУПС – это, при всем многообразии предлагаемых к реализации образовательных программ, отраслевой университет. Следовательно, целевые установки учредителя, а именно Федерального агентства железнодорожного транспорта (РОСЖЕЛДОР), и основного работодателя – ОАО «РЖД» имеют значение. Так, при реализации программы «Молодежь ОАО "РЖД" (2016–2020 гг.)» [7] в целях осуществления Стратегии развития холдинга «РЖД» на период до 2030 г. уделяется особое внимание всестороннему развитию интеллектуального потенциала, профессиональной и личностной самореализации будущих специалистов отрасли, их духовно-нравственному и патриотическому воспитанию, укреплению семейных ценностей, формированию здорового образа жизни, содействию деловой и социальной активности, поддержанию преемственности традиций и профессионального опыта предыдущих поколений железнодорожников, формированию ответственного отношения к труду и дисциплине.

Ситуационные изменения или намерения также могут актуализировать принятие концепции вузом. В случае с ДВГУПС, являющимся крупным отраслевым региональным комплексом, дислоцирующемся на территории Хабаровского и Приморского краев, Амурской и Сахалинской областей, значение имеет следующая составляющая актуальности концепции воспитательной деятельности: усиление роли и значимости ДВГУПС на российском и международном пространстве обеспечивается эффективностью деятельности вуза по всем направлениям, следовательно, и в направлении воспитательной деятельности.

2. ***Нормативная база.*** Естественно, концепция воспитательной деятельности как системное моделирование процесса и системы воспитания базируется на нормативной базе. Суть ее и уровни зависят от юридического статуса вуза, его принадлежности (учредитель) и специфики (отраслевой и т.д.). Для ДВГУПС значение будут иметь следующие уровни и направления нормативных документов.

Уровень Российской Федерации

Конституция Российской Федерации.

Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утверждены распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р.).

Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования на 2013–2020 годы» (утверждена распоряжением Правительства РФ от 15 мая 2013 г. № 792-р.).

Государственные требования к качеству подготовки специалистов и их конкурентоспособности (ФГОС 3+ и т.д.) направлений подготовки, реализуемых в ДВГУПС.

Уровень региона (Хабаровский край)[2]

Целевая программа Хабаровского края «Развитие образования и молодежной политики Хабаровского края» (утверждена постановлением правительства Хабаровского края от 5 июня 2012 г. № 177-пр).

Государственная программа Хабаровского края «Развитие физической культуры, спорта и молодежной политики в Хабаровском крае» (с изменениями на 16 сентября 2015 г.) (утверждена постановлением правительства Хабаровского края от 24 мая 2012 г. № 169-пр).

Уровень университета

Устав федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» (утвержден приказом Федерального агентства железнодорожного транспорта от 22 декабря 2015 г. № 586).

Миссия дальневосточного государственного университета путей сообщения (утверждена приказом ректора от 18.04.2012 г. № 211).

Политика в области качества Дальневосточного государственного университета путей сообщения (утверждена приказом ректора от 28.05.2015 г. № 298).

Нормативная база отрасли

Целевая программа «Молодежь ОАО "РЖД" (2016–2020 гг.)» (утверждена распоряжением от 15 декабря 2015 г. № 2934).

Положение о молодом специалисте ОАО «РЖД» (утверждена распоряжением от 30 июня 2014 г. № 1545).

Распоряжение ОАО «РЖД» от 29 декабря 2012 г. № 2789р «О кодексе деловой этики открытого акционерного общества "Российские железные дороги"».

Актуальность концепции, нормативная база, в которой излагаются задачи государства перед высшими учебными заведениями и задачи отрасли, в контексте выбранного теоретико-методологического подхода позволяют определить следующие *целевые приоритеты и установки концепции воспитательной деятельности.*

Приоритетность решения воспитательных задач в ДВГУПС (как и в любом другом вузе), как уже было сказано в данной статье, основывается,

[2] Для филиалов ДВГУПС применяются нормативные документы соответствующих субъектов РФ.

прежде всего, на ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [6].

Воспитательная деятельность в Дальневосточном государственном университете путей сообщения рассматривается как процесс (воспитательный процесс), упорядоченная последовательность взаимосвязанных действий и взаимодействий участников процесса, выполняющихся с момента поступления обучающегося и до окончания им обучения в университете, результатом которого является специалист, носитель социокультурных, духовно-нравственных и профессиональных ценностей, обладающий компетенциями в соответствии с освоенной им образовательной программой. Воспитательный процесс осуществляется в единстве с учебным и научным процессом и реализуется во время обучения и во внеучебное время.

3. ***Целевые установки ДВГУПС, достигаемые через эффективную организацию воспитательного процесса***

Студент-первокурсник

Адаптированный к жизнедеятельности в университете студент, носитель ценностей организационной культуры университета, мотивированный к активной учебной деятельности.

Студент

Мотивированный к обучению, самореализации и самоактуализации (стремление человека к наиболее полному выявлению и развитию своих личностных возможностей) обучающийся, носитель ценностей корпоративной и профессиональной культуры, осваивающий компетенции соответствующей образовательной программы, активный участник творческой, спортивной и общественной деятельности университета.

Выпускник

Разносторонне развитая личность, ориентированная на жизнетворчество, саморазвитие, самостоятельность и адаптивность.

Носитель социальных качеств: гражданственности, патриотичности, свободы, ответственности, социальной активности, коммуникативности.

Обладатель культурной идентичности, отличающийся духовностью и нравственной воспитанностью.

Профессионал, владеющий соответствующими компетенциями, мотивированный к профессиональному росту и востребованный на рынке труда.

Носитель ценностей корпоративной (отраслевой) культуры и обладатель корпоративных компетенций.

Компетентность

- Наличие профессиональной компетентности.
- Способность учиться и развиваться.
- Готовность делиться опытом и передавать знания.

Клиентоориентированнность

- Ориентация на пользу для клиентов Компании.

Корпоративность и ответственность

- Ориентация на интересы Компании.
- Умение работать в команде.
- Нацеленность на результат.

Качество и безопасность

- Ориентация на качество и эффективность.
- Обеспечение безопасности.

Креативность и инновационность

- Выдвижение инициатив и внедрение инноваций.
- Поддержка инициатив других.

Лидерство

- Воодушевление и вовлечение других.
- Мотивирование и убеждение без административного давления.

Преподаватель

Специалист, отвечающий требованиям профессионально-педагогической подготовки, мотивированный к активному участию в организации воспитательного процесса и ориентированный на повышение результативности профессионально-личностного развития студентов.

4. ***Организация системы воспитания.*** Основываясь на деятельностно-активистском подходе и придерживаясь идеи структурно-индивидуального поля, результатом проявления которого на каждом этапе прохождения процесса (в нашем случае воспитательного) воспроизводится совокупность практик, представляющих систему, необходимо сконцентрировать научно-практическое внимание на воспроизводстве таковой.

Следовательно, в *целях поддержания воспитательного процесса в ДВГУПС необходимо формирование системы организации воспитательной деятельности* (далее – система воспитания в ДВГУПС) для создания условий всестороннего развития личности, самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных и профессиональных ценностей в соответствии с потребностями общества, государства, отрасли, региона и самого обучающегося.

Система воспитания в ДВГУПС – это упорядоченная целостная совокупность компонентов, взаимодействие и интеграция которых способствуют целенаправленному и эффективному развитию студентов (обучающихся), реально сложившаяся и функционирующая совокупность факторов, влияющих на характер и результаты воспитания.

Система воспитания в ДВГУПС включает:

– концептуальное видение процесса воспитания: цели, приоритеты, задачи, принципы организации воспитательной деятельности, инструменты осуществления воспитательной деятельности;

– нормативную базу осуществления воспитательной деятельности (стандарты, положения, инструкции, должностные инструкции и т.д.);

– организационную структуру системы воспитания университета и организационную структуру подразделений, управляемых проректором по воспитательной работе и работе со студентами;

– участников (субъектов) воспитательного процесса: преподавательский состав университета, студентов, сотрудников;

– инструменты и механизмы осуществления воспитательной деятельности;

– показатели эффективности воспитательной деятельности.

Задачи системы воспитания в ДВГУПС

Общие задачи воспитательной деятельности в системе образования:

– духовно-нравственное и творческое развитие личности обучающихся;

– формирование у обучающихся мировоззренческой позиции, отвечающей вызовам современного мира и общества;

– формирование гражданина России, патриота страны, носителя ценностей отечественной культуры;

– развитие личности, способной к самореализации, к взаимодействию в коллективах и группах, к участию в созидательных формах групповой самоорганизации;

– формирование у обучающегося навыков здорового образа жизни.

Социально-государственные задачи (прикладные):

• формирование общекультурных компетенций в соответствии с федеральными государственными стандартами. Представим некоторые из них:

– способность использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции;

– способность анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции;

– способность использовать основы экономических знаний в различных сферах жизнедеятельности;

– способность использовать основы правовых знаний в различных сферах жизнедеятельности;

– способность к коммуникации в устной и письменной форме на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия;

– способность работать в коллективе, толерантно воспринимать социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия;

– способность к самоорганизации и самообразованию;

– способностью использовать методы и средства физической культуры для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности;

– способность использовать приемы первой помощи, методы защиты в условиях чрезвычайных ситуаций;

• культивирование патриотического отношения к региону проживания;

• формирование способностей у обучающихся ставить личностно значимые цели, способствующие социально-экономическому развитию региона, и достигать их.

Отраслевые задачи:

– формирование ценностей корпоративной культуры;

– формирование корпоративных компетенций.

Профессиональные задачи:

– всестороннее развитие личности специалиста, востребованного на рынке труда;

– формирование носителя профессиональных ценностей.

Университетские задачи:

– собственно задачи воспитательной деятельности;

– пиар-деятельность;

– профориентация;

– обеспечение качества образования;

– обеспечение аккредитационных показателей.

Система воспитания в вузе реализуется через следующие уровни воспитательного взаимодействия со студентом.

1-й уровень – уровень организации воспитательной деятельности всего вуза, на котором профессорско-преподавательский коллектив при созидательной активности студенчества стремится упорядочить влияние всех факторов и структур университетского сообщества на процесс развития обучающихся.

2-й уровень – уровень организации воспитательной деятельности в учебных подразделениях (институты и кафедры).

3-й уровень – воспитательное пространство коллективов студенчества, учебных групп.

4-й уровень – система организационного и методического обеспечения индивидуальной траектории развития студента.

Воспитательная деятельность также осуществляется через проекты вне уровней.

5. ***Принципы работы системы воспитания***. Любая социальная система, коей и является система воспитания, характеризуется принципами работы. Для системы воспитания имеют значение принципы организационного характера, демонстрирующие ее строение и особенности взаимодействия элементов, а также принципы содержательного характера, отражающие суть работы системы, ее направленность. Все перечисленные ниже принципы детерминированы современными мировыми требованиями к высшему образованию.

Организационные принципы работы системы воспитания в ДВГУПС:

– системность как упорядоченная, внутренняя согласованность структурно-функциональных связей между разнородными элементами – составляющими системы воспитательной деятельности;

– непрерывность как постоянство социально-воспитательного воздействия и взаимодействия в период обучения в университете;

– триединство учебного, научного и воспитательного процессов;

– доступность:

а) для студентов – как возможность беспрепятственного участия во всех видах организованной внеучебной деятельности в университете,

б) для преподавателей и сотрудников – как возможность беспрепятственно применять методы воспитательного воздействия и взаимодействия в учебном процессе и при организации внеучебной деятельности со студентами, а также участвовать в общественной, культурно-спортивной жизни университета;

– гибкость как сочетание традиционных и инновационных методов и технологий, подбор методов и технологий для конкретных ситуаций и участников воспитательного процесса;

– субьект-субьектные отношения – создание паритетного участия обучающихся и обучающих в осуществлении совместной деятельности при организации воспитательного процесса;

– применение современных информационно-коммуникационных технологий.

Принципы содержания воспитательной деятельности:

• гуманизация – реализация принципа мировоззрения, в основе которого лежит уважение к людям, забота о них, убеждение в их больших возможностях к самосовершенствованию;

• гуманитаризация – актуализация гуманистических целей в научном и учебном процессе, развитие личности через приобщение к наследию мировой культуры;

• фундаментальность – глубокая научная проработанность и научно-методическая поддержка организации воспитательной деятельности;

• социальная ответственность – реализация принципа ответственности за свои действия обучающих и обучающихся перед обществом, государством, отраслью и личностью;

• правообеспечение – в основе содержания и организации воспитательного процесса права обучающих и обучающихся, актуализация правовых ценностей;

• деятельностно-активистский принцип – признание того, что личность формируются в деятельности;

• профессионализм – профессиональная организация воспитательной деятельности и культивирование профессиональных и корпоративных ценностей.

6. ***Направления работы или, иначе, функции системы воспитания***, *естественно, определяются общими задачами воспитательной деятельности и современными государственными требованиями, предъявляемыми к высшему образованию. Кроме того, детерминируются названными в данной статье аналитическими идеями-принципами деятельностного подхода, используемого нами при моделировании. Таковыми направлениями системы воспитания являются:*

– мотивирование студентов к стремлению наиболее полного выявления и развития своих возможностей и достижения высоких результатов в учебной, научной и общественной деятельности;

– культивирование в студенческой среде ценности и значимости высоких результатов при освоении образовательной программы и профессиональном становлении, популяризация успешных студентов и выпускников;

– создание социокультурной воспитывающей среды и комфортных социально-психологических условий, способствующих формированию общекультурных и профессиональных компетенций обучающихся;

– привлечение широкого круга преподавателей и студентов вуза к организации внеучебной, социально значимой и культурно-досуговой деятельности;

– организация массового участия студенчества в творческих коллективах, спортивных секциях и объединениях, в конструктивных формах студенческой самоорганизации, в волонтерском, правоохранительном, экологическом, поисковом, спасательном и стройотрядовском движении;

– создание условий студентам для непрерывного развития способностей и для предоставления возможности достижения значимых результатов в творчестве, спорте и общественной деятельности;

– формирование у студентов навыков здорового образа жизни и проведения позитивного досуга;

– создание условий для приобщения к мировой культуре, повышения общего культурного уровня и развития эстетического вкуса студенчества;

– поддержание и развитие корпоративной культуры вуза (отраслевой), определяющей систему ценностных ориентаций студентов, сотрудников и преподавателей университета, укрепление и развитие лучших вузовских традиций;

– воспитание у обучающихся высоких духовно-нравственных качеств и норм поведения, соотносимых, в том числе, с общим контекстом их будущей профессии (культура речи, культура общения, культура внешности, бытовая культура и т.д.);

– формирование облика студента и выпускника (знание делового и профессионального этикета);

– поддержание профессиональных традиций и культивирование приверженности студенчества к

осваиваемой профессии, популяризация людей, достигших выдающихся успехов в своей профессиональной деятельности;

– формирование комплексной оценки деятельности обучающегося для представления будущему работодателю («портфолио» выпускника) и содействие построению эффективной траектории профессионального развития;

– развитие студенческих клубов и объединений, поддержание проектов и акций, направленных на профессиональное и личностное развитие обучающихся;

– создание в вузе условий для развития студенческих инициатив и реализации различных творческих, общественных, научных, студенческих проектов на уровне вуза, города, региона, страны и в международном формате;

– обучение студенческого актива основам управленческой деятельности, формирование лидерских качеств выпускников вуза;

– поддержание, развитие и совершенствование деятельности органов студенческого самоуправления университета, волонтерского, правоохранительного, экологического, поискового, спасательного и стройотрядовского движения;

– формирование патриотического сознания, активной гражданской позиции студенческой молодежи университета и приобщение к основам отечественной культуры и истории;

– создание условий для формирования у обучающихся регионального патриотизма в контексте развития и процветания всей страны, стимулирование к участию в развитии города, края;

– профилактика и предупреждение любых проявлений деструктивного поведения, национализма и экстремизма в студенческой среде;

– создание в вузе условий для формирования навыков социального, межнационального и межконфессионального взаимодействия, развития коммуникационных способностей в международном формате, а также поддержание студенческих проектов и инициатив в сфере межкультурного и международного взаимодействия;

– формирование ценностей семейной культуры и образа успешной молодой семьи;

– организация и проведение социальных и психологических исследований работников и обучающихся;

– обеспечение социальной защиты и психологической поддержки студентов вуза, совершенствование условий для инклюзивного участия обучающихся с ограниченными возможностями здоровья в организованной внеучебной деятельности в университете;

– обеспечение условий адаптации студентов-первокурсников к вузовской жизни;

– профилактика и предупреждение любых форм асоциального поведения, проведение комплекса профилактических мероприятий по предупреждению наркомании, табакокурения, потребления алкоголя;

– организация и развитие межвузовского и межведомственного взаимодействия в сфере воспитательной и социокультурной деятельности.

Все перечисленные направления работы (функции) системы воспитания реализуются через формы воспитательной деятельности, которые можно разделить на учебную и внеучебную деятельность. Под внеучебной деятельностью понимается работа со студентами, которая не входит в виды работ основной профессиональной образовательной программы. Кроме того, формы воспитательной деятельности разделяются на массовые, групповые и индивидуальные.

С принятием ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [6] активно стали обсуждаться еще две формы воспитательной работы: форма организации и форма самоорганизации. В ст. 26 «Управление организацией» прописано создание советов обучающихся для учета их мнения. Формы конструктивной самоорганизации рассматриваются в контексте современной образовательной политики как механизм культивирования важных для современного общества компетенций у будущих специалистов, к коим относятся: собственно способность к самоорганизации (как компетентность), способность работать в команде, способность к установлению коммуникации, лидерские способности и т.д. Исторически конструктивные формы самоорганизации активно использовались в работе с молодежью в нашей стране весь советский период. Яркими примерами применения данной формы являются профсоюзные студенческие организации, стройотрядовское движение и т.д. В настоящее время в контексте реализации данной формы названные организации продолжают свое развитие, кроме того, появились органы самоуправления в вузах, волонтерские объединения, поисковые отряды и различные объединения по профессиональной принадлежности обучающихся (дружины, творческие коллективы и т.д.).

7. ***Инструменты и механизмы реализации воспитательной деятельности*** *в силу специфики организации учреждений высшего образования (вузов) объективно разделяются на организационные, научно-методические, технологические, кадровые и мотивационно-стимулирующие, нормативно-правовые, информационно-коммуникационные, материально-технические.*

Организационные:

– система управления (интегрирована в систему управления вуза), обеспечивающая интеграцию компонентов в целостную систему, и управляемое развитие организации в соответствии с меняющи-

мися условиями (внешними и внутренними), запросами и целями её членов;

– эффективная организационная структура системы воспитания вуза, обеспечивающей условия для рационального разделения труда и взаимной кооперации между всеми элементами, нацеленной на результативность деятельности;

– функционирование организационной структуры системы воспитания вуза, базирующейся на организационной структуре всего университета. Ядром структуры системы воспитания вуза является совокупность структурных подразделений, находящихся в подчинении профильного проректора[3];

– использование как возможностей линейно-функциональной и дивизионной структуры вуза[4], так и матричной структуры (проектной) при организации воспитательного процесса[5];

– обеспечение упорядоченности отношений между всеми участниками воспитательного процесса;

– систематизация опыта организации воспитательной работы в институтах или на факультетах вуза и выработка единой стратегии осуществления воспитательной деятельности;

– использование потенциала кафедр в организации воспитательной деятельности в учебное и внеучебное время;

– эффективное использование возможностей института кураторов, наставников и старост групп;

– использование потенциала массового участия студентов в различных формах позитивной организации и самоорганизации;

– использование потенциала коллективов и объединений преподавателей;

– обеспечение упорядоченности быта и жизнедеятельности организации в соответствии с целями и задачами системы воспитания вуза;

– активное использование возможностей сотрудничества с партнерами вуза в отрасли, в социально-экономическом и политическом пространстве города, края, страны, с зарубежными партнерами;

– активное позиционирование вуза в образовательном, отраслевом, профессиональном, региональном пространстве.

Научно-методические (научная и организационно-методическая поддержка воспитательной деятельности):

– проведение научно-исследовательских работ по проблемам воспитания и внедрение их результатов в теорию и практику профессиональной подготовки специалистов в университете;

– проведение научно-практических и научно-методических конференций, круглых столов и семинаров по вопросам содержания и организации воспитательной деятельности;

– создание и осуществление обучающих программ для преподавателей, способствующих эффективной реализации воспитательной деятельности в учебное и внеучебное время;

– создание и осуществление обучающих программ для студентов, способствующих эффективной реализации воспитательной деятельности университета;

– применение комплекса научно-методических и воспитательных средств в учебном процессе, адекватных целям и задачам системы воспитания вуза.

Технологические (социально-педагогические технологии, реализуемые в учебном и внеучебном процессе):

• использование в учебном процессе современных методов и технологий на основе интеракции (взаимодействие преподавателя и студента на паритетных началах при проведении учебного процесса, активизация деятельности учащихся, активное вовлечение каждого из обучающихся в образовательный и исследовательский процессы):

– коллективная система обучения (КСО);

– технология решения изобретательских задач (ТРИЗ);

– проектные методы обучения;

– технология модульного и блочно-модульного обучения;

– технология развития «критического мышления»;

– игровые методы;

– технологии сотрудничества (командная, групповая работа);

– инновационная оценка «портфолио»;

– личностно-ориентированные технологии;

• массовое использование современных (инновационных) методов и технологий при осуществлении воспитательной деятельности во внеучебное время:

– модульные технологии, предполагающие поэтапное освоение и приобретение социально значимых и профессиональных качеств и компетенций. Пример применения в ДВГУПС: двухнедельный проект «Первокурсник» (включает разные по уровню сложности мероприятия, направленные на адаптацию абитуриентов), разноуровневые по сложности и охвату содержания проекты и мероприятия, направленные на культивирование корпоративных ценностей в течение всего обучения в университете, школа современного танца «Резонанс», школа «Здоровый образ жизни», школа «Студенческий актив» и т.д.;

– проектные технологии, предполагающие индивидуальную или коллективную работу по решению практической задачи в рамках всей технологической цепочки: определение проблемы, постанов-

[3] Как правило, это проректор по воспитательной работе.
[4] Традиционное строение отечественных вузов.
[5] В современных российских вузах по этой модели обычно работают над научными проектами, грантами.

ка целей, прогноз результатов, ревизия ресурсов, разработка базовой идеи, осуществление акции или мероприятия, проработка их организационного, финансового, методического обеспечения. Способствуют развитию лидерских, социальных, творческих, профессиональных качеств и компетенций. Пример применения в ДВГУПС: проект «Зеленый шум» (проект озеленения территории ДВГУПС), медиа-площадка #мойдвгупс и т.д.;

– организационно-деятельностные игры – технологии, в основе которых наличие проблемной ситуации, сложившейся в той или иной сфере человеческой практики, неразрешимой в рамках известных возможностей. Направлены на развитие творческих способностей, профессиональных и социально-значимых качеств. Пример применения в ДВГУПС: семинары «глубокого погружения» в рамках работы студенческого самоуправления, направленные на поиск эффективных управленческих решений; игра в рамках работы студенческого научного общества по решению производственных и социально-экономических задач на примере подразделений ОАО «РЖД» на полигоне ДВостЖД (РЦКУ) – филиала ОАО «РЖД»;

– технологии модерации, предполагающие организацию интерактивного делового общения в группах и направленные на активизацию аналитической и рефлексивной деятельности студентов, развитие исследовательских и проектировочных умений, развитие коммуникативных способностей и навыков работы в команде. Пример применения в ДВГУПС: дискуссионная площадка «Три кита», «Политический диспут» и т.д.;

– личностно-индивидуальные технологии, направленные на выработку индивидуальной траектории личностного и профессионального развития. Пример применения в ДВГУПС: инновационная оценка «портфолио»;

– другие.

• активное использование традиционных методов и технологий при осуществлении воспитательной деятельности во внеучебное время:

– массовые и групповые методы и технологии (шествия, акции, фестивали);

– соревновательные методы в спорте и творчестве (игры КВН между командами студентов и преподавателей, спартакиада, конкурсы и т.д.);

– тематические собрания коллективов, кураторские часы и т.д.;

– индивидуальная работа кураторов и наставников;

– обучающие методы (семинары и тренинги);

– выставки;

– экспедиции и т.д.

Кадровые и мотивационно-стимулирующие:

– при найме, отборе, продвижении (выборе на должность) преподавателей воспитательная работа в учебное и внеучебное время должна оцениваться на таком же уровне, как учебная и научная деятельность;

– поощрение за высокие результаты в организации воспитательной деятельности должно быть соизмеримо поощрению в сфере научной и учебной деятельности.

Нормативно-правовые:

– формирование нормативно-правовой базы, обеспечивающей эффективную работу системы воспитания вуза в соответствии с концепцией воспитательной деятельности (стандарты, положения и т.д.);

– включение в комплексную оценку деятельности ППС и кафедр информации об осуществленной воспитательной деятельности (план кафедры, индивидуальный план преподавателя, эффективный контракт и т.д.);

– разработка и выполнение комплексных целевых программ по направлениям воспитательной деятельности, планов работы учебных подразделений и профильных структурных подразделений и объединений.

Информационно-коммуникационные:

– единая информационная среда студенческой жизни, среда профессионально-личностного и культурного саморазвития студентов в информационном пространстве университета, представленная как внешними информационными источниками (интерактивное телевидение, электронная почта, компьютерные аудио- и видеоконференции, Internet, Intranet, off-line и on-line чаты и Web-форумы, социальные сети), так и корпоративным сетевым образовательным контентом (электронная библиотека, образовательные ресурсы, электронный деканат, личный кабинет, электронное портфолио студента, информационные рассылки, электронные сервисы для заказа документов и справок и т.д.);

– группы старост, кураторов, наставников, преподавателей в «ВКонтакте», WhatsApp и т.д.

Материально-технические:

– качество помещений, внутренний антураж, организация рабочих мест и мест проведения внерабочего времени, мебель, оборудование и т.д.;

– эффективная и презентабельная организация кампуса, внешний антураж, ландшафтный дизайн, организация мест проведения внерабочего времени;

– материально-техническая организация жизнедеятельности студенческого городка;

– внешний вид, одежда участников воспитательного процесса.

8. ***Эффективность воспитательной деятельности*** необходимо рассматривать через понятие социальной эффективности, так как воспитательная система – это, прежде всего, система социальная, к которой экономические параметры оценки сложно применимы, а порой не могут позволить создать объективную картину работы системы. В основе

социальной эффективности, прежде всего, – выполнение поставленных задач, внешняя и внутренняя оценка выполнения таковых. Следовательно, показатели эффективности условно можно разделить на внешние и внутренние.

Внешний уровень:

– соответствие федеральным государственным стандартам – освоение общекультурных компетенций;

– результаты государственной аккредитации (оценка воспитательной деятельности);

– результаты общественной аккредитации (оценка воспитательной деятельности);

– мнение работодателей;

– мнение представителей отрасли;

– результаты регулярных мониторингов (анкетирование и другие виды опросов студентов, преподавателей, сотрудников по актуальным проблемам воспитания).

Внутренний уровень:

– социальная активность студентов и их вовлеченность в воспитательную деятельность университета;

– показатели учебной и трудовой дисциплины студенческих коллективов;

– результативность и массовость участия студентов в проектах, конкурсах, соревнованиях и т.д.;

– вовлеченность преподавателей в воспитательную деятельность;

– эффективность организации воспитательной деятельности в учебных и профильных структурных подразделениях и объединениях;

– уровень и значимость проектов и мероприятий;

– результаты регулярных мониторингов (анкетирование и другие виды опросов студентов, преподавателей, сотрудников по актуальным проблемам воспитания).

Разработанная концепция воспитательной деятельности, в основе которой один из наиболее значимых в моделировании образовательных систем социологических теоретико-методологических подходов, внедрена в работу Дальневосточного государственного университета путей сообщения и уже на сегодняшний день имеет практические результаты.

Предложенный целостный подход к моделированию воспитательного процесса в вузе и систем воспитания, а также разработанная концепция применимы в любой организации высшего образования России, естественно, с учетом юридического статуса организации, отраслевой принадлежности, специфики реализуемых образовательных программ и региональных особенностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гидденс, Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь: пер. с англ. / Э. Гидденс. – М. : Весь мир, 2004. – 120 с.

2. Концепция воспитательной деятельности ДВГУПС на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dvgups.ru/studtopmenu/uvr

3. *Сорокин, П.А.* Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П.А. Сорокин. – СПб. : ЗХГИ, 2000. – 1054 с.

4. *Тюрина, Ю.А.* Социодинамика образовательного процесса в России: социологический анализ / Ю.А. Тюрина. – СПб. : Изд. дом С.-Петерб. ун-та, 2009. – 256 с.

5. *Тюрина, Ю.А.* Трансформация образования в советской и постсоветской России: сравнительный анализ : моногр. В 2 т. / А.А. Тюрина. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2012. – Т. 1.– 203 с.; 2013. – Т. 2. – 232 с.

6. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон : [принят Гос. Думой 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ]. – М., 2013.

7. Целевая программа «Молодежь ОАО "РЖД" (2016–2020 гг.)» : утв. распоряжением от 15 дек. 2015 г. № 2934 // СПС «Гарант» [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис».

8. *Штомпка, П.* Социология социальных изменений : пер. с англ. под ред. В.Я. Ядова / П. Штомпка. – М. : Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.

9. *Archer, M.* Realism Social Theory: the Morphogenetic Approach / M. Archer. – Cambridge : University Press, 1995. – 345 p.

10. *Bhaskar, R.* The possibility of naturalism. A philosophical critique of the contemporary human sciences/R. Bhaskar. – Brighton : Harvester, 1989.

11. *Bhaskar, R.* Reclaiming Reality / R. Bhaskar. – London : Verso, 1989. – 218 p.

12. *Giddeens, A.* The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration / A. Giddeens. – Cambridge : Polity, 1984. – 402 p.

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ВУЗА (НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ)

Ю.В. Агранат

Е.А. Зиновьева

Агранат Юлия Владимировна – кандидат педагогических наук, директор Социально-гуманитарного института Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: gf@festu.khv.ru

Зиновьева Елена Андреевна – начальник Управления воспитательной работы Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: e.a.zinovieva@mail.ru

В статье описываются социально-педагогические технологии, реализуемые в Дальневосточном государственном университете путей сообщения в рамках разработанной и утвержденной Концепции воспитательной деятельности университета, обосновывается их актуальность и эффективность в процессе формирования общекультурных компетенций обучающихся.

Ключевые слова: педагогические технологии, социально-педагогические технологии, воспитательная система вуза, общекультурные компетенции, медиаплатформа, студенческое самоуправление.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-127-132

В настоящее время проблемы воспитания молодежи являются актуальными и обсуждаются наряду с вопросами политического, экономического и социального развития страны, обеспечения ее национальной безопасности.

Так, в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (указ Президента РФ № 683 от 31.12.2015 г.) отмечено, что решение задач обеспечения национальной безопасности в среднесрочной и долгосрочной перспективе достигается, в том числе, за счет духовного и патриотического воспитания граждан России, а также отмечается особая роль образовательных организаций в воспитании молодежи [9].

Современная роль образования, приоритетом которого становится воспитание как неотъемлемый компонент этого процесса, отмечена также и в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации», где воспитание рассматривается как «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства» [10]. Необходимо подчеркнуть, что данное определение актуально для всех уровней образования.

Многие вузы сегодня разрабатывают собственные модели воспитания и концепции воспитательной деятельности, в которых определяют теоретические, методологические и методические основы качественной организации воспитательной системы вуза в современных условиях, определяют основные направления, формы и методы воспитания будущего специалиста.

Воспитание в высшем учебном заведении чаще всего понимают как деятельность, тесно связанную с обучением, направленную на формирование социально значимых качеств, установок и ценностных ориентаций личности. Также во многих моделях воспитательной системы особая роль отводится созданию благоприятных условий для всестороннего гармоничного нравственного, интеллектуального и физического развития, самосовершенствования и творческой самореализации личности.

Обосновывая системный подход к воспитательному процессу в вузе и обозначая системность как ключевой организационный принцип работы этой системы, многие авторы подчеркивают необходимость выбора ее главного элемента. Так, И.А. Сидорова, представив модель личности специалиста с высшим образованием в виде системы требований к его личностным и гражданским качествам, отводит ведущую роль профессорско-преподавательскому составу и сотрудничеству преподавателей и студентов в сфере их совместной учебной и внеучебной деятельности [8]. В.А. Масленников доказывает необходимость развития студенческого

самоуправления как эффективной модели воспитания подрастающего поколения [3].

В мае 2016 г. на заседании ученого совета ДВГУПС был представлен и принят документ «Концепция воспитательной деятельности», разработчиком которого являлся проректор по воспитательной работе университета Ю.А. Тюрина. Основываясь на идеях-принципах деятельностного подхода, таких как принцип социально-исторического процесса, не имеющего точно заданного вектора, динамичность социального процесса, антропоориентированность, структурно-индивидуальное поле, автор концепции в своей работе обосновывает ее научно-практическое значение и рассматривает все элементы моделирования социальных процессов и систем в образовательной сфере в контексте деятельностно-активистского подхода.

Подчеркивая особую значимость организационных принципов работы системы воспитания в ДВГУПС, которые детерминированы современными мировыми требованиями в рамках системы высшего образования, необходимо отметить такие, на наш взгляд, важные, как:

– триединство учебного, научного и воспитательного процессов;

– системность;

– непрерывность;

– доступность.

Все направления работы реализуются через формы воспитательной деятельности посредством социально-педагогических технологий.

Необходимо отметить, что применение технологического подхода и термина «технология» к социальным процессам является следствием технологической революции, которая обусловила проникновение технологизации и в сферу социальных процессов и явлений, дала надежду на возможность управлять такими сложными социальными, в частности педагогическими, процессами и явлениями.

Проблема технологий стала одной из наиболее обсуждаемых в педагогике. Посвященная ей научно-педагогическая литература насчитывает сотни различных трактовок. Однако единого понимания термина «педагогическая технология» в настоящее время нет, а существующие трактовки часто в значительной степени отличаются друг от друга. Приведем некоторые из них. По мнению Б.Т. Лихачева, «педагогическая технология» – это специальный набор и компоновка форм, методов, приемов обучения, воспитательных средств; другими словами, организационно-методический инструментарий педагогического процесса. Н.Е. Щуркова полагает, что данный термин означает научное обоснование характера педагогического воздействия на ребенка в процессе взаимодействия с ним, научно-педагогическое обоснование системы профессиональных умений педагога, позволяющих осуществить тонкое прикосновение к личности ребенка. Г.В. Селевко говорит о педагогической (образовательной) технологии как системе функционирования всех компонентов педагогического процесса, построенной на научной основе, запрограммированной по времени и в пространстве и приводящей к намеченным результатам [7].

Более того, некоторые ученые заявляют о неправомерности использования данного понятия. Так, в учебнике «Педагогика. Педагогические системы, теории, технологии» под редакцией С.А. Смирнова в разделе, посвященном применению понятия «технология» в педагогике, авторы настаивают на невозможности применения таких понятий, как «воспитательная технология», «образовательные технологии» (или «технологии образования») [5]. Более того, авторы утверждают: «…тот же самый вывод можно сделать и по поводу широко применяемого сочетания "педагогические технологии". Понятие "педагогический" подразумевает не два процесса, как в "образовании" (обучение и воспитание), а три – обучение, воспитание и развитие. Процесс развития еще более сложный и менее изученный, чем воспитание. Современный уровень знаний в психологии (науке, занимающейся изучением только одной стороны развития ребенка – психической) и почти полное отсутствие системных данных по другой стороне понятия "развитие" – личностной не позволяют поставить диагностичную цель в процессе развития. И воспитание и развитие не могут быть организованы на технологическом уровне, а следовательно, и использование понятия "педагогическая технология" также неправомерно» [5: с. 141]. Однако в этом же учебнике на странице 185 читаем заголовок: «Педагогическая технология организации коллективной жизнедеятельности детей» с дальнейшим объяснением данного понятия: «…Применение педагогических технологий в образовании – это четкое определение педагогом целей и задач взаимодействия с ребенком и пошаговое структурированное определение путей и способов их реализации» [5: с. 185].

П.Д. Митчелл (P. Davis Mitchell), проанализировав свыше 100 источников по обозначенной проблеме, формулирует следующее, на наш взгляд, точное и емкое определение педагогической технологии: «Педагогическая технология есть область исследования и практики (в рамках системы образования), затрагивающая все аспекты организации педагогических систем для достижения специфических потенциально воспроизводимых педагогических результатов («Educational technology is an area of study and practice (within education) concerned with all aspects of the organization of educational systems and procedures wherebye sources a real located to

achieves pecified and potentially replicable educational outcomes») [13: с. 327].

Понятие «социальные технологии» возникло в социологии и также связано с возможностью программирования и воспроизведения результатов, которые заложены в развитии социальных процессов.

Социальная деятельность человека как разновидность человеческой деятельности опирается на совокупность знаний, умений, способностей, черт характера и сердцевину личности – нравственность. Эта совокупность определяет неоднозначность «формулы успеха» педагога и порождает разнообразие мнений и суждений о существовании категории «социально-педагогические технологии». Ведь технология – это то, что предопределяет и гарантирует результат любого процесса.

Чаще всего в научно-методической литературе и практике социальной деятельности термин «социально-педагогические технологии» применяется как синоним понятий «социально-воспитательная система», «педагогическая система». Толкование социально-педагогических технологий часто подменяется понятием «методика». Разница между ними заключается в расстановке акцентов. В технологиях, как утверждает Г.К. Селевко, больше представлена целевая и процессуальная сторона; в методике – содержательная, качественная, вариативная. Между тем технология отличается от методики воспроизводимостью, наличием конкретных целей, определенной концепцией, поэтапной, пошаговой структурой деятельности [7].

Что может быть конечной целью, результатом использования социально-педагогических технологий? Человек «природный» превращается в человека «культурного», как считал С.И. Гессен, посредством воспитания образованности, гражданственности, цивилизованности. Без этих качеств нет личности, нет человека как представителя социума, человечества. Личность нельзя сформировать вне социальной сферы. «Лишь одновременное, параллельное развитие индивидуальных наклонностей и общих социальных навыков определяет путь нормального развития личности» [2]. Чтобы войти «во время», сделать его «своим», человек должен развить в себе способность к восприятию социального опыта (В.В. Зеньковский), а педагог – найти механизмы приобщения молодого поколения к общекультурным ценностям. Одним из этих механизмов можно считать социально-педагогические технологии, которые включают человека в социальный контекст, обеспечивают усвоение и освоение определенных социальных норм. В этом их целевое назначение.

Понятие «социально-педагогические технологии» связано с определенными действиями индивида в социальной среде, влияющими на его личностное развитие. Социально-педагогические технологии, прежде всего, ориентированы на организацию различных видов деятельности в социальной среде и являются частью воспитательной деятельности вуза.

Учитывая тот факт, что цели профессиональной подготовки в вузе на современном этапе развития высшей школы формулируются в рамках Федеральных государственных образовательных стандартов и в контексте компетентностного подхода, представим некоторые социально-педагогические технологии, которые являются частью воспитательной системы в Дальневосточном государственном университете путей сообщения, имеют своей целью формирование общекультурных компетенций обучающихся и реализуются во внеучебной деятельности.

Так, социально-педагогические технологии формируют следующие общекультурные компетенции (в качестве примера приводится ряд компетенций из Федеральных государственных образовательных стандартов по направлениям: 40.03.01 Юриспруденция, 37.03.01 Психология, специальностям: 38.05.02 Таможенное дело, 37.05.02 Психология служебной деятельности) [6]:

– способность выполнять профессиональные задачи в соответствии с нормами морали, профессиональной этики и служебного этикета (ОК-4, ФГОС по специальности 37.05.02 Психология служебной деятельности);

– способность работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, культурные, конфессиональные различия, предупреждать и конструктивно решать конфликтные ситуации в процессе профессиональной деятельности (ОК-5, ФГОСы по специальностям 37.05.02, 38.05.02, 38.03.02 и др.);

– способность к саморазвитию, самоорганизации и самообразованию (ОК-7, ФГОС по направлению 40.03.01).

В системе воспитания университета выделяются важнейшие направления работы, которые определяются современными государственными требованиями, предъявляемыми к высшему образованию, и приведенными выше идеями-принципами деятельностного подхода. Приведем некоторые, на наш взгляд, принципиально важные из них в контексте обсуждаемой в статье проблемы:

– создание условий студентам для непрерывного развития способностей и для предоставления возможности достижения значимых результатов в творчестве, спорте и общественной деятельности;

– поддержание и развитие корпоративной культуры вуза (отраслевой), определяющей систему ценностных ориентаций студентов, сотрудников и преподавателей университета, укрепление и развитие лучших вузовских традиций;

– формирование облика студента и выпускника (знание делового и профессионального этикета);

– развитие студенческих клубов и объединений, поддержание проектов и акций, направленных на профессиональное и личностное развитие обучающихся;

– создание в вузе условий для развития студенческих инициатив и реализации различных творческих, общественных, научных, студенческих проектов на уровне вуза, города, региона, страны и в международном формате;

– обучение студенческого актива основам управленческой деятельности, формирование лидерских качеств выпускников вуза;

– поддержание, развитие и совершенствование деятельности органов студенческого самоуправления университета, волонтерского, правоохранительного, экологического, поискового, спасательного и стройотрядовского движения;

– создание в вузе условий для формирования навыков социального, межнационального и межконфессиального взаимодействия, развитие коммуникативных способностей в международном формате, а также поддержка студенческих проектов и инициатив в сфере межкультурного и международного взаимодействия.

Социально-педагогические технологии реализуются в ДВГУПС в учебном и внеучебном процессе и включают в себя:

– модульные технологии;

– проектные технологии;

– организационно-деятельностные игры;

– технологии модерации;

– инновационную оценку «портфолио»;

– технологии сотрудничества и многие другие.

В рамках данной статьи нам кажется важным подробно остановиться на некоторых социально-педагогических технологиях, успешно реализуемых в университете во внеучебной деятельности. Все технологии реализуются в университете в рамках проекта «Студенческая республика», где каждый обучающийся имеет широкие возможности для реализации своего потенциала (таблица).

Региональная медиа-платформа «moydvgups.ru» появилась благодаря созданию студенческим медиасообществом вуза интернет-проекта Universitybook #moydvgups. Студенты конструктивно реализовывали свою медиа-активность через сбор и размещение информации об истории университета, его месте в регионе, направлениях подготовки специалистов для различных отраслей производства, значимых для региона и страны в целом, инженерной школе, студенческой республике, месте выпускников университета в профессиональной среде. Разработана система QR-кодов, дополняющая и расширяющая Web-журнал печатным изданием о вузе, брендбуком, вышедшим в свет накануне празднования 80-летия ДВГУПС.

Задачи проекта

Оттачивание студенческих форм конструктивной самоорганизации в интернет-пространстве.

Активизация профессиональной ориентации молодежи.

Успешная социализация будущих профессионалов.

Создание банка волонтеров различных направлений путем регистрации через интернет-платформу moydvgups.ru.

Укрепление партнерских связей с лицами и организациями, нуждающимися в деятельности волонтерских отрядов по всему региону.

Укрепление связи вузовского образования с производством. Профориентация абитуриентов.

Активное сотрудничество ДВГУПС с партнерами в отрасли, в социально-экономическом и политическом пространстве города, края, страны.

Продвижение виртуального образа ДВГУПС в образовательном, отраслевом, профессиональном, региональном пространстве.

Закрепление абитуриентов, специалистов в Дальневосточном федеральном округе.

Формирование положительного образа региона.

Таблица

Социально-педагогические технологии, реализуемые в ДВГУПС

Вид социально-педагогической технологии	Суть технологии	Задачи	Пример
Интерактивные информационно-коммуникационные технологии	Предполагают индивидуальную или коллективную работу по решению практической задачи в рамках всей технологической цепочки: определение проблемы, постановка целей, прогноз результатов	Развитие лидерских, социальных, творческих, профессиональных качеств и компетенций	Региональная медиаплатформа «moydvgups.ru»
Организационно-деятельностные игры	Технологии, в основе которых наличие проблемной ситуации, сложившейся в той или иной сфере человеческой практики, неразрешимой в рамках известных возможностей	Развитие творческих способностей, профессиональных и социально значимых качеств	Семинары «глубокого погружения» в рамках работы студенческого самоуправления: «Город мастеров», «Спектр», «Шаги в будущее», «Лидер»

На рисунке представлены разделы описываемой медиа-платформы, а ниже даны их краткое описание и характеристика.

Рисунок. Разделы медиа-платформы «moydvgups.ru»

В разделе «Стать студентом "Железки" – просто» студенческое медиа-сообщество широко представляет направления подготовки специалистов в ДВГУПС, анализ их востребованности в регионе с указанием региональных предприятий, где молодые специалисты могут получить работу. Это позволяет активизировать профессиональное самоопределение будущих абитуриентов, создать положительный виртуальный образ университета и региона.

Во вкладке «Интернационализация образования» представлены программы международной академической мобильности, реализующиеся в ДВГУПС, программы международных студенческих обменов, языковые, культурные бизнес-стажировки с выходом на интернет-ресурсы иностранных вузов-партнеров, в которых каждый семестр проходят обучение студенты региона.

Раздел «Ищешь свежие идеи, хочешь реализовать проекты» стал площадкой для подачи заявок заказчиками на реализацию проектов в Хабаровском крае ресурсами вуза. Создается база данных волонтерских, конструкторских, проектных, исследовательских, практических задач, а также конкретных видов работ (в рамках жизнедеятельности и развития университета), что активизирует профессиональную ориентацию студенческой молодежи. Задачи решаются через выполнение ВКР, курсовых работ, организацию практического обучения, конкурсы; виды деятельности реализуются через студенческие коллективы, объединения, отряды и т.д.

Результативность первых проектов отражена во вкладке «Медиа-платформа в действии»: проведение акции к Международному женскому дню по заказу администрации города Хабаровска, организация волонтерского сопровождения Чемпионата мира по хоккею с мячом (заказ Комитета спорта правительства Хабаровского края).

Успешной социализации будущих профессионалов способствует участие в волонтерском сообществе региона, координация деятельности добровольческого движения «Динамика» ДВГУПС через информационный ресурс медиа-платформы. Добровольческое движение «Динамика» более 10 лет является самым крупным и одним из самых активных в Хабаровском крае.

В разделе «Мы – волонтёры» размещается информация о деятельности добровольческого движения «Динамика», планируемых мероприятиях, проводимых обучающих семинарах, во вкладке «Стань волонтером!» посредством google-формы желающие осуществлять добровольческие проекты направляют информацию о себе, идеи проектов.

Волонтерский центр обрабатывает полученные заявки, проводит обучение добровольцев-наставников, привлекает ресурсы вуза (кадровое обеспечение, медиа-аппаратуру, помещения) для реализации проектов по различным направлениям волонтерства: социальное, событийное, волонтёрство Победы, экологическое, сопровождение инклюзивного образования.

Региональная медиа-платформа «moydvgups» позволяет концентрировать точки размещения информации в интернете, включая в себя несколько ресурсов: сайтmoydvgups.ru, группы «Вконтакте», «Instagram». Оттачиваются студенческие формы конструктивной самоорганизации в интернет-пространстве.

Медиа-платформа становится новой формой взаимодействия и реализации прогрессивных социальных задач в регионе, средой, благодаря которой происходит взаимодействие социальных, экономических групп.

Создается положительный образ развитого региона, социальные и экономические группы которого активно взаимодействуют.

Благодаря ресурсам медиа-платформы расширяется база данных желающих участвовать в волонтерстве, направления работы, систематизируется обучение волонтеров.

Целью проведения семинаров «глубокого погружения» является формирование управленческих навыков, культуры организаторской деятельности, активной гражданской позиции, развитие социальной зрелости, самостоятельности, способности к самоорганизации и саморазвитию.

Данные семинары подразделяются на уровни и имеют определенные цели.

Цель семинаров первого уровня – формирование первичных организационных, управленческих и коммуникационных навыков. Для участия в семинарах студенты проходят конкурсный отбор. Итог проведения мероприятия – выявление лидеров с высоким уровнем мотивации и формирование индивидуальной траектории обучения участников.

Семинары второго уровня направлены на развитие полученных организационных, управленческих и коммуникационных навыков через конструктивную активность. Команда формируется в данном случае из числа ребят, прошедших обучение на семинаре первого уровня. В результате выявляются эффективные команды организаторов, формируются индивидуальные траектории обучения таких команд.

В рамках проведения семинаров третьего уровня происходит обучение студентов-наставников, координирующих самоорганизацию студенчества в вузе. Формирование команды студентов-наставников осуществляется из числа прошедших обучение на семинарах первого и второго уровня. В результате определяются индивидуальные траектории обучения участников семинара.

Результатом использования таких социально-педагогических технологий являются следующие формы студенческой самоорганизации, эффективно действующие в университете:

– студенческий совет;

– штаб студенческих отрядов;

– студенческие профсоюзы;

– медиа-сообщество.

Итогом активного внедрения обозначенных технологий являются следующие сформированные компетенции:

– организационные, управленческие, коммуникационные навыки;

– умение работать в команде;

– навыки проектного менеджмента;

– навыки самопрезентации и презентации проектов.

Необходимо отметить, что студенческие объединения ДВГУПС демонстрируют динамичный рост, значительный охват своей деятельностью обучающихся и высокую результативность. Реализация указанных социально-педагогических технологий является частью воспитательной системы вуза и, без сомнения, позволяет поднять воспитательную работу в высшей школе на качественно новый уровень.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беспалько, В.П.* Слагаемые педагогической технологии / В.П. Беспалько // Технологии в педагогике. – М. : Педагогика, 1989. – 199 с.

2. *Гессен, С.И.* Основы педагогики. Введение в прикладную философию / С.И. Гессен. – М. : Школа – Пресс, 1995. – 448 с.

3. *Масленников, В.А.* Организация воспитательной работы [Электронный ресурс] / В.А. Масленников // Высшее образование в России. – 2009. – № 12. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/v/organizatsiya-vospitatelnoy-raboty (дата обращения: 30.05.2018).

4. *Матяш, Н.В.* Инновационные педагогические технологии. Проектное обучение : учеб. пособие для студентов учреждений высш. проф. образования / Н.В. Матяш. – М. : ИЦ Академия, 2012. – 160 с.

5. Педагогика: педагогические теории, системы, технологии : учеб. для студентов высш. и сред. пед. учеб. заведений / С.А. Смирнов [и др.] ; под ред. С.А. Смирнова. – 4-е изд., испр. – М. : Академия, 2000. – 512 с.

6. Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4 (дата обращения: 28.05.2018).

7. *Селевко, Г.К.* Современные образовательные технологии : учеб. пособие / Г.К. Селевко. – М. : Народное образование, 1998. – 256 с.

8. *Сидорова, И.А.* Воспитание на основе сотрудничества [Электронный ресурс] / И.А. Сидорова // Высшее образование в России. – 2009. – № 7. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-na-osnove-sotrudnichestva (дата обращения: 30.05.2018).

9. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс] // Официальные сетевые ресурсы Президента России. – Режим доступа: http://kremlin.ru/supplement/424 (дата обращения: 28.05.2018).

10. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон : [принят Гос. Думой 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (последняя редакция)]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 28.05.2018).

11. *Hubbell, E.R.,* Using Technology with Classroom Instruction that Works / E.R. Hubbell, M. Kuhn. – 2nd Edition. – ASCD. Alexandria, VA, 2012.

12. *Torres, M.F.* Pedagogical and technological replanning: a successful case study on integration and transversal skills for engineering freshmen [Electronic resource] / A.J. Sousa & Torres // International Journal of Technology and Design EducationJune. – 2018. – Vol. 28. Is. 2. – P. 573–591. – URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s10798-017-9399-y (accessed: 28.05.2018).

13. *Unwin, D.* The encyclopeadia of Educational Media Communications and Technology / D. Unwin, R. McAleese // The Macmillan Press LTD. – 1978. – 500 p.

14. *Zhou, M.* Exploring student voice in teachers' motivation to use ICT in higher education: Qualitative evidence from a developing country [Electronic resource] / M. Zhou, T. Teo // International Journal of Educational Technology**. –** 2017. – V. 4. P. 26–33. – URL: https://educationaltechnology.net/ijet/index.php/ijet/article/view/18 (accessed: 28.05.2018).

НАСТАВНИЧЕСТВО КАК МЕХАНИЗМ СОЦИАЛИЗАЦИИ И АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ ТРАНСПОРТНОГО ВУЗА

М.В. Надорожная

Надорожная Мария Валерьевна – кандидат исторических наук, специалист управления воспитательной работы Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: maria-nad@mail.ru

В статье прослеживаются истоки наставничества как механизма социализации и адаптации студентов в Хабаровском институте инженеров железнодорожного транспорта с момента основания вуза в 1937 году до наших дней в статусе Дальневосточного государственного университета путей сообщения. Особое внимание уделяется проблеме становления форм студенческой активности, анализируются условия их формирования, раскрывается роль наставничества в транспортном вузе.

Ключевые слова: наставничество, студенчество, студенческое самоуправление, общекультурные компетенции, социализация, адаптация.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-133-138

Важнейшим институтом социализации личности является система высшего образования, где процессы обучения и воспитания неразделимы и направлены на создание условий для формирования и становления студента как профессионала и гражданина. Эффективность процесса социализации, освоения общекультурных компетенций в стенах вуза поддерживается системностью, постоянным творческим поиском в текущей вузовской жизни с опорой на лучшие традиции прошлого.

Через призму исторического развития возможно проследить истоки наставничества как механизма социализации и адаптации студенчества, становления форм студенческой активности в одном из крупнейших транспортных вузов страны – Хабаровском институте инженеров железнодорожного транспорта (ХабИИЖТ).

«Для РЖД наставничество – очень важный элемент культуры. Надёжность и безопасность без наставничества невозможны», – подчеркнул генеральный директор – председатель правления ОАО «Российские железные дороги» Олег Белозёров, выступая на церемонии награждения победителей конкурса «Лучшие практики наставничества» форума «Наставник» (г. Москва, 2018 г.). На признание эффективности ресурса наставничества указывает и тот факт, что Президент России Владимир Путин поддержал инициативу учредить почётное звание «Заслуженный наставник России» [6].

Формирование наставничества как общественного института было вызвано растущими потребностями общества в теоретическом осмыслении и обобщении стихийно складывающегося опыта обучения и воспитания подрастающих поколений. Образование и воспитание, таким образом, превратились в объективную потребность общества и стали важнейшей предпосылкой его развития. В обосновании понятия «наставничество» присутствуют такие категории, как поддержка, руководство, содействие, содружество, что говорит о субъект-субъектной основе взаимодействия наставника со своим подопечным [13].

С момента создания ХабИИЖТа (1937) различные стороны жизни студенчества были связаны с партийной и комсомольской организациями, стремившимися оказывать влияние на деятельность профсоюзных организаций. Студенческий профсоюз в советское время занимался социальными проблемами (расселение, питание, лечение), решал вопросы материального обеспечения студентов, их культурного досуга и отдыха, а воспитание было за комсомолом – носителем официальной идеологии.

Действенной формой профессионального и нравственного воспитания считалось наставничество. В СССР оно виделось как введение молодых работников в профессию, адаптация молодых специалистов в производстве. Через наставничество курировались различные формы студенческой активности. Вместе с тем наставник всего лишь указывал путь, направление, вдохновлял, но окончательный результат оставался за студенчеством.

Наставничество в профессиональном образовании получило активное развитие в конце 1950-х гг. Поскольку ХабИИЖТ с момента организации был нацелен на решение практических задач, такая форма воспитания и передачи профессиональных знаний молодёжи считалась само собой разумеющейся и внедрялась с открытия вуза [8]. Само шефство над ХабИИЖТом старейших транспортных вузов страны носило характер наставничества. Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта (ЛИИЖТ) не только оказывал организационно-техническую помощь в строительстве, но предоставил в качестве первых преподавателей Хабаровского ин-

ститута инженеров железнодорожного транспорта своих специалистов – А.С. Яковлева, М.Д. Мальцева, И.М. Грибанова (март 1938). Из Московского электромеханического института транспорта (МЭМИТ) в 1940 г. приехали доценты В.И. Дмитренко, Н.Я. Стефанов, П.Т. Бельцевич, из Дальневосточного государственного университета г. Владивостока – выпускники А.В. Беспалов, Г.К. Федоров, А.А. Тунда, С.Д. Соловьев, Б.Н. Тюляков [5: с. 20].

Личный пример преподавателя имел большое воспитательное значение и влияние на становление учащихся как будущей российской интеллигенции. С первых дней работы ХабИИЖТа его преподаватели активно занимались научно-исследовательской деятельностью. В 1941 г. ученые института вели работу над 37 госбюджетными научно-исследовательскими темами и организовали первую научно-техническую конференцию, на которой было представлено 22 доклада. Также преподаватели института просвещали специалистов на предприятиях Дальнего Востока, рассказывая о современных достижениях в железнодорожной отрасли.

К научной работе активно привлекались и студенты. Происходило прямое наставничество – постоянный контакт со студентами в форме советов, рекомендаций, помощи в освоении норм и правил учебного заведения и освоения учебной программы, научных новшеств не только в рабочее время, но и в неформальной обстановке. Не случайно в Уставе института значился пункт о добровольных общественных организациях, объединяющих студентов, научно-педагогических и административно-технических работников [1: с. 243].

Общность интересов сплачивала коллектив вуза. Студенты и преподаватели участвовали и в строительстве родного института, помогая строителям, нехватка которых особо ощущалась в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Трудясь в режиме рабочей смены по 8 часов в день, студенты занимались разгрузкой кирпича из вагонов, кладкой стен, настилкой полов, устройством перегородок, подшивкой потолков и другими работами. Коллектив работал и в подсобном хозяйстве института, которое насчитывало около 80 га земли. [5: с. 20].

В годы войны особое внимание уделялось военно-патриотическому направлению в воспитании студенческой молодежи и ее физической подготовке. Центром этой работы стала военно-физкультурная кафедра, организующая подготовку стрелков-лыжников, снайперов, автоматчиков, медицинских сестер. Только за первые годы войны в действующую армию по мобилизации и добровольно ушло около четвертой части контингента института, включая студентов, преподавателей, рабочих и служащих. В результате Красное знамя Хабаровского крайиспокома за хорошую организацию военно-спортивной работы институт удерживал в течение двух военных лет [5: с. 23], что служит показателем студенческой сплоченности и мощи комсомольской организации ХабИИЖТа, одерживающей победы в социалистических соревнованиях.

Отраслевой характер вуза способствовал производственному наставничеству, когда преподавателями специальных технических дисциплин становились работники Дальневосточной железной дороги (ДВЖД). Помимо того, предприятия и службы ДВЖД помогали в оснащении лабораторий и кабинетов оборудованием. В 1939 г. в институте была организована уникальная лаборатория физики, оборудованная по последнему слову техники. В её состав входили отделы молекулярной физики, электричества и оптики. Только за первые 5 лет работы ХабИИЖТа было создано 9 лабораторий и 14 кабинетов [5: с. 20]. Также производственную практику студенты проходили на рабочих местах предприятий железнодорожного транспорта: путейскую – начиная с ремонтных рабочих до бригадиров пути; строительную – рабочими на постройке новых железнодорожных линий, восстановлении разрушенных железных дорог в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

В 1944 г. 84 инженера составили первый выпуск института, из них на преподавательской работе в ХабИИЖТе было оставлено 9 дипломников, что составило более 10 % выпуска. Именно они стали первыми «своими» преподавателями ХабИИЖТа по профильным специальностям: Е.А. Румянцев, Н.А. Рогозин, А.Д. Куликов, Е.П. Лабзин, И.П. Лисин, Г.М. Хандурин, А.П. Щербаков [5: с. 32]. Данный факт свидетельствует об успешности процесса наставничества в ХабИИЖТе, сформировавшего среди студентов категорию талантливых молодых специалистов, у которых возникло и укрепилось желание остаться в научно-педагогической профессии, продолжив дело наставничества в родном вузе, взрастившем свои педагогические кадры.

Пополнение штата имело особое значение в годы войны, когда часть сотрудников вуза призвали на фронт, а профессорско-преподавательский состав командировали из центральных вузов. Срок командировок эвакуированных в Хабаровск в годы войны длился от 3 месяцев до 4 лет [7]. После возвращения многих из них в свои институты обострился кадровый вопрос. Если преподавателей общественных наук нашли из числа учителей школ, то специалистов по общеинженерным и специальным дисциплинам не хватало. В результате за период 1944–1951 гг. в ХабИИЖТе было оставлено 25 выпускников, которые к середине 1950-х – началу 1960-х гг. успешно защитили кандидатские диссертации и на долгие годы составили научную и руководящую основу кадров института.

Наставниками можно считать и управленцев. Период 1950-х гг. называют эпохой ректора Валентина Иосифовича Дмитренко, прибывшего доцентом еще в 1940 г. из Московского электромеханического института транспорта (МЭМИТ). Под его руководством ХабИИЖТ вошел в число ведущих технических вузов страны. В.И. Дмитренко воспитал учеников, многие из которых стали крупными учеными, а главное – хранителями традиций родного вуза [14: с. 12].

В этот период в ХабИИЖТе внедряется реальное дипломное проектирование. В июле 1950 г. впервые в институте одна из групп студентов-техников была привлечена для проведения широкомасштабного научного эксперимента на Дальневосточной железной дороге, связанного с проверкой технико-экономической эффективности системы ступенчатой маршрутизации перевозок.

Активизировали учебно-воспитательную работу научные кружки студентов, которые появились на всех кафедрах института, и организация групп техников. Комплектовались группы техников из работников железнодорожного транспорта, окончивших техникумы и имевших стаж производственной работы не менее пяти лет. Студенты-техники, являясь производственниками, подтягивали преподавателей к повышению своей научно-производственной эрудиции, процесс наставничества получил активный субъект-субъектный характер.

Впервые в практике транспортного высшего учебного заведения в 1955 г. в ХабИИЖТе было создано проектно-конструкторское технологическое бюро (ПКТБ), в котором работали производственники-наставники, видевшие научной задачей механизацию труда железнодорожников. Акцент ставился на формирование практических умений и навыков студентов, занятых в ПКТБ. На базе бюро сформировался научно-внедренческий центр (НВЦ) «Путевые машины», ставший пионером в создании путевой техники. Опекал НВЦ ректор В.И. Дмитриенко. Из таких студенческих объединений вышли подготовленные специалисты, а наставничество способствовало непрерывному образованию [14].

Конец 1950-х – начало 1960-х гг. обозначены внедрением всеобщего политехнического образования, созданы районные центры профессиональной подготовки. Из заводских коллективов выделяются наставники. Практикующие специалисты ДВЖД стали регулярно проводить занятия со студентами. Так, ведущий экономист ДВЖД Т.М. Войтенкова с 1966 г. занялась подготовкой экономистов, бухгалтеров в ХабИИЖТе. И таких примеров немало.

Легендарной стала работа научной школы Александра Васильевича Паталеева, учёного вуза, исследователя в области вечномёрзлых грунтов, оснований и фундаментов в суровых климатических условиях, что было актуально в освоении природных богатств в зоне Байкало-Амурской магистрали (БАМ). Последователи и ученики А.В. Паталеева продолжили дело наставника, поскольку научные разработки неразрывно связаны с развитием региона – его индустриализацией, ростом производственной базы, отдельных отраслей промышленности.

Масштабная научная деятельность студенчества привела к созданию в 1966 г. Студенческого научного общества в ХабИИЖТе, призванного способствовать развитию научного студенческого творчества, личностных и профессиональных качеств будущих специалистов через исследовательскую деятельность в соответствии с принципами единства науки и практики.

Важной составляющей институтской жизни было творческое направление. Ещё в 1943 г. заявил о себе самодеятельный театральный коллектив, поставивший несколько небольших пьес на военную тематику, с которыми в специальном вагоне отправился на гастроли на станции и полустанки участков Хабаровск–Архара и Хабаровск–Комсомольск-на-Амуре. В культурной жизни Хабаровска стало большим событием открытие в 1946 г. на базе клуба ХабИИЖТа общественного института культуры.

Хрущевская «оттепель» в стране нашла отражение и в общественной жизни хабаровских студентов. В апреле 1960 г. в институте создана своя киностудия, вскоре состоялась премьера первого фильма, снятого при помощи профессионалов Дальневосточной студии кинохроники. Уже через шесть лет кинематографисты-студенты киностудии «ХабИИЖТ-фильм» за кинофильмы «Дружина охраняет порядок» и «Моя профессия» удостоены Диплома участников Всероссийского смотра любительских фильмов [7].

Реализуя творческий потенциал, студенты не только заполняли культурный досуг и адаптировались к институтской жизни, но и расширяли профессиональный кругозор, развивали коммуникативные навыки, чему содействовало развивающееся агитбригадное движение, когда творческие коллективы института совместно с лекторами – преподавателями различных кафедр на зимних каникулах отправлялись с концертами и лекциями на станции ДВЖД, на БАМ, в деревни и сёла.

Эффективной была и форма трудового воспитания молодежи – студенческие строительные отряды (ССО), получившие развитие с 1960-х гг. Организаторами ССО выступали комсомол и профсоюз. Первый занимался формированием отрядов, получая количественную разнарядку в краевых органах власти, и распределением рабочих мест, второй – социальными вопросами: охраной труда, медосмотрами. Наставничество прослеживается и в организации отрядного движения – за командование

студенческими отрядами берутся преподаватели ХабИИЖТа.

Первым в институте и первым в крае строительным студенческим отрядом стал созданный на базе факультета «Электрификация железных дорог» ХабИИЖТа отряд «Энергия-66» (1966), его командиром – А.А. Луканин, преподаватель кафедры «Электрические машины». Задачей отряда ставилась электрификация сельского хозяйства. Отряд всё лето работал в ЕАО – строил высоковольтную линию от села Дежнёво в трёх направлениях: в сёла Кирово, Квашнино и Новое. Уже на следующий год в ХабИИЖТе были сформированы студенческие отряды «Механик», «Горизонт», «Луч», «Паллада», «Пегас» общей численностью 500 бойцов [7]. Долгие годы строительные отряды института на всё лето заменяли проводников пассажирских вагонов в поездах дальнего следования.

Благодаря занятости в строительном отряде, студенты на практике применяли приобретённые в вузе знания и овладевали организаторскими навыками под руководством командиров – преподавателей ХабИИЖТа. Так, С.М. Гончарук, доцент кафедры «Изыскания железных дорог», стал руководителем объединенного штаба строительных отрядов транспортных вузов страны, включавших более 2500 человек.

Бойцы отрядов не только отлично трудились, но и проводили общественно-политическую работу, участвовали в культурных и спортивных мероприятиях. Традиции, заложенные «Энергией-66», впоследствии были развиты и упрочены. За период 1966–1986 гг. только на факультете ЭлЖД было создано 49 специализированных отрядов общей численностью 2341 человек. В 20 путинных отрядах «Электрон» численность бойцов составила более 1200 человек. За это время прочитано около 90 лекций, проведено 363 концерта, организовано 397 спортивных состязаний. В социалистическом соревновании отряд занимал ежегодно призовые места в институте и крае [7].

В партийном режиме 1970–80-х гг. комсомольская организация продолжала заниматься политическим воспитанием, подготовкой кадров для ДВЖД. Студенческий профсоюз решал значимые практические вопросы социального характера, уделяя особое внимание студентам с семьями – начиная от устройства детей в детские сады и прикрепления к медицинским учреждениям до обеспечения детскими колясками, которые являлись дефицитом, и размещения их в общежитии (более 160 штук!), и бесплатного наделения новогодними подарками детей до 14 лет.

Профсоюз работал в различных направлениях: расселении студентов в общежития, получении медицинского обслуживания, путевок на восстановительное лечение в Шмаковку, Кульдур, Бузулит, выдаче талонов на питание малообеспеченным студентам. В.А. Возный, председатель профкома студентов вуза в 1988–2000 гг., подчеркивает, что с 1989 г. в ХабИИЖТе велась активная работа со студентами – участниками военных действий в Афганистане, которые привлекали особое внимание ввиду военного опыта и старшинства. После землетрясения 1995 г. в г. Нефтегорске в вузе пополнилась категория студентов-сирот (21 человек), которым также оказывал помощь студенческий профсоюз.

После 1991 г., когда советская идеология утратила значимость и комсомол фактически перестал существовать, партийная и комсомольская деятельность были свернуты, наставничество не культивировалось государством. Единственным «китом» воспитательной системы вуза осталась профсоюзная организация. В переходный период политического безвластия, отразившегося на высшем образовании, в том числе, и отсутствием финансирования, студенческой профсоюзной организации ХабИИЖТа приходилось решать и бытовые вопросы. Силами студенческого отряда «Вузстрой» были произведены основные ремонтные работы в общежитиях вуза. Профсоюз распределял талоны на питание, выдавал гуманитарную помощь (горох, мука, сухое молоко), для хранения которой использовались помещения гардероба главного корпуса института.

В кризисные годы перестройки, когда в студенческой среде произошла деформация профессиональной мотивации, гражданской позиции и нравственных ценностей, институт продолжал развиваться, сохранив свои традиции, под руководством ректора В.Г. Григоренко. Результатом проделанной работы стало присвоение в 1993 г. ХабИИЖТу статуса Дальневосточной государственной академии путей сообщения, а в 1997 г. уже академии – статуса Дальневосточного государственного университета путей сообщения (ДВГУПС).

Профсоюз становится более значимой структурой, объединяющей большую массу студенчества, влияет на студенческую жизнь во всех ее проявлениях, начиная с организации учебного процесса и заканчивая досугом. Организация курирует студотрядное движение, сузившееся в переходный период до вузовского отряда, отстаивает интересы членов профсоюза и их социальные права, занимается поиском и внедрением методов самореализации студенческой молодежи.

Платформу творческого самовыражения студенчество находит в созданном в 1996 г. Эстетическом центре вуза, объединившем творческие коллективы, клубы по интересам, музей истории вуза [7]. Эстетический центр осуществлял поиск и обучение творческого актива и талантливой молодежи, организовывал студенческий досуг и проводил молодежные лагеря совместно с клубом и профкомом, взаимодействовал с молодежными организациями города.

В Центр вошли как старейшие творческие объединения – клуб любителей мирового кино «Современник», туристический клуб «Альтаир», так и образовавшиеся в 1990-е гг. Из них крупнейшие: клуб любителей рок-музыки «Рокси» (1995), имеющий статус городского клуба с почти 500 участниками, клуб студенческого общения (1997), пропагандирующий межвузовское взаимодействие, клуб исторического моделирования (КИМ, 1998), хореографический коллектив «Труакар» (индийские сюжетные танцы), спортивно-туристический клуб «Феррум». Последний объединил любителей спелеотуризма и только за год провел три похода в пещеры Хабаровского края и Приамурья, заняв 1-е место на краевых соревнованиях по технике спелеотуризма. Всего на базе клуба действовало более 20 формирований, в которых занималось около 300 человек: школьники, студенты, преподаватели, сотрудники вуза.

Поддерживали студенческую инициативу, став руководителями творческих объединений, преподаватели и сотрудники вуза. Среди них доцент кафедры «Проектирование и строительство железных дорог» Л.В. Утина, доцент кафедры «Философия» Ю.П. Денисов, доцент кафедры «Автоматика, телемеханика и связь» Ю.М. Иваненко, директор Эстетического центра, выпускница ХабИИЖТа Н.Н. Краснова. Их можно считать творческими наставниками студенчества.

Создание в сентябре 1997 г. Координационного центра научной подготовки студентов доказывает возросший объем различных мероприятий, проводимых в рамках студенческого научного общества (СНО), растущий потенциал научных кадров университета, которые способны не только выполнять, но и реализовывать научные исследования. Сотрудничество в СНО со студентами, аспирантами и молодыми новаторами производства носило наставнический характер, несмотря на отсутствие популяризации наставничества в постсоветский период, поскольку стало традиционным для вуза механизмом.

Поиск ответов на вопросы, что такое студенчество, как с ним работать, нужны ли органы самоуправления и какие, стартует в высшем образовании в начале 2000-х. Подготовка в вузе всё чаще признается сложным комплексом необходимых многообразных условий для развития и воспитания конкурентоспособной целостной личности.

В ДВГУПС с 2006 г. идет процесс систематизации воспитательного направления на различных уровнях. Ректорат определяет и разрабатывает концепцию воспитания, план воспитательной работы вуза. Управление воспитательной работы (УВР) осуществляет научное, организационно-методическое и творческое сопровождение воспитательной и внеучебной деятельности вуза, курирует процессы адаптации первокурсников, обеспечение успешной социализация студенчества, приобщение к позитивному опыту социального партнерства и сотрудничества, формирование навыков здорового образа жизни и профилактику асоциального поведения. Деканаты осуществляют планирование и организацию воспитательной работы на факультетах согласно утвержденному плану воспитательной работы вуза, координируют воспитательную работу кафедр, оказывают помощь студентам в деятельности, несущей воспитательную направленность. Кафедры подбирают преподавателей-кураторов, обеспечивают в рамках дисциплин воспитательную направленность учебного процесса.

Происходит организация студенческого самоуправления – создан Студенческий совет вуза (сентябрь 2006), куда вошли представители учебных подразделений, которые проводили работу в подразделениях и общежитиях. В результате активной деятельности студенческого самоуправления в 2007 г. произошла дифференциация структуры Студенческого совета на Совет учебных подразделений и Совет общежитий. Такая студенческая самоорганизация позволяет студентам строить коммуникации, находя нужную форму общения и поддерживая контакты и связи, формировать умение ставить ясно осознаваемые и четко сформулированные личные цели, что способствует последовательности действий, не бояться принимать решения, беря ответственность на себя. Все эти качества и умения важны в деятельности успешного специалиста, организатора и управленца. Наряду с этим студенческий совет играет важную роль в формировании активной жизненной позиции учащейся молодежи.

Воспитательный процесс выстраивается таким образом, чтобы студенты чувствовали, что их труд нужен людям, обществу, чтобы он приносил удовольствие и пользу. Студенческая волонтерская деятельность оформляется с марта 2006 г. в Добровольческое молодежное движение «Динамика», которое существует и действует в г. Хабаровске, г. Уссурийске, г. Тынде, г. Свободном, г. Южно-Сахалинске, г. Нерюнгри, где располагается вуз и его филиалы. Волонтеры координируют проекты по таким направлениям, как: событийное, социальное, экологическое волонтерство, волонтёрство Победы, сопровождение инклюзивного образования.

Первичная студенческая профсоюзная организация вуза расширяет сферы деятельности, ведя работу в нескольких областях: социальной защите студентов, организации и проведении культурно-массовых и спортивных мероприятий, решении жилищно-бытовых вопросов студенчества, трудоустройстве молодежи, обучающих семинарах для студентов ДВГУПС. Командирами трудовых студотрядов становятся сами студенты.

Активизация различных сфер учебной и внеучебной деятельности приводит к образованию в 2015 г. объединенного Совета обучающихся, аккумулировавшего деятельность всех студенческих организаций ДВГУПС.

Формируется особый уклад жизни высшей школы, где существенной чертой является поощрение творчества, инициативы и самодеятельности в поиске оптимальных форм и методов самостоятельного добывания знаний. Наставничество, которое стоит у истоков вуза, демонстрирует свою эффективность в процессе социализации студенчества, не утратив значимости на протяжении 80-летнего периода истории ДВГУПС. С расширением форм студенческой активности развивается и механизм наставничества через кураторство, профсоюз, студотряды, студсовет, спортивный и студенческий клубы. Наставниками являются преподаватели, сотрудники вуза, студенты, представители производственного сектора. Но если в СССР функционирование студенческой общности шло в основном через выполнение пассивных задач, на современном этапе в вузе культивируется форма самоорганизации. Студенты сами определяют сферы взаимодействия с организациями районов, города, края, УВР же определяет вектор развития. Таким образом, наставничество выступает механизмом реализации научной, социально значимой и культурно-досуговой деятельности, конструктивных форм студенческой самоорганизации (органы студенческого самоуправления, первичная студенческая профсоюзная организация, студенческое отрядное и волонтерское движение и т.д.), что создает условия для эффективной профессиональной социализации будущего специалиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Время – события – люди. Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта – Дальневосточный государственный университет путей сообщения (1937–2012) : моногр. / под ред. С.В. Бобышева и М.А. Ковальчука. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2012. – 263 с.

2. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Фонд Р-1732. – Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта – Дальневосточная государственная академия путей сообщения – Дальневосточный государственный университет путей сообщения. Опись 1.

3. Григоренко В.Г.: жизнь во имя родного вуза / ДВГУПС ; под ред. С.А. Иванилова. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2016. – 119 с.

4. *Ежеля, У.В.* Путёвка в жизнь/ У.В. Ежеля // Дальневосточная магистраль. – 2009. – № 43.

5. Зовут стальные магистрали / под ред. В.С. Купцова. – Хабаровск : ХабИИЖТ, 1989. – 192 с.

6. Лучший наставник транспортной отрасли работает в ОАО «РЖД» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gudok.ru/social_policy/?ID=1404594

7. Музей истории ДВГУПС. Основная экспозиция. 1937–2000 гг.

8. *Никитина, В.В.* Роль наставничества в современном образовании / В.В. Никитина // Отечественная и зарубежная педагогика. – М. : ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования», 2013. – С. 50–56.

9. *Платонова, Н.М.* Государственная молодежная политика на Дальнем Востоке России в 70-х – первой половине 80-х гг. XX века (социально-экономический аспект) / Н.М. Платонова. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2008. – 167 с.

10. Рожденный Транссибом; Дальневосточному государственному университету путей сообщения – 70 лет. – Хабаровск : Приамурские ведомости, 2007.

11. Студенческие отряды: история и современность : сб. очерков. – СПб. : ПГУПС, 2011. – 128 с.

12. *Ткаченко, А.З.* Организация научного творчества студентов в Дальневосточном государственном университете путей сообщения : метод. рек. / А.З. Ткаченко. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2012. – 64 с.

13. *Щербакова, Т.Н.* Исторический аспект наставничества как форма профессиональной адаптации молодого педагога / Т.Н. Щербакова, Е.В. Щербакова // Теория и практика образования в современном мире : материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2015 г.). – СПб. : Свое изд-во, 2015. – С. 18–22.

14. Экспресс в будущее. ДВГУПС – 75 лет. – Хабаровск : Приамурские ведомости, 2012. – 128 с.

15. 5 лет работы Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта /отв. ред. Т.А. Павленко. – Хабаровск : Транспортник, 1945.

МОТИВАЦИЯ К УСПЕХУ КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ БУДУЩИХ ПРОФЕССИОНАЛОВ

О.В. Казаку

Ю.А. Тюрина

Казаку Олеся Викторовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: kazaku-13@ya.ru

Тюрина Юлия Александровна – доктор социологических наук, профессор, проректор по воспитательной работе и работе со студентами Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: pvr@festu.khv.ru

В статье представлены результаты социологического опроса по проблемам мотивации к успеху, проведенного среди студентов одного из крупнейших вузов региона – ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения», являющегося многофункциональным отраслевым образовательным комплексом, дислоцирующимся на территории Хабаровского и Приморского краев, Амурской и Сахалинской областей.

Ключевые слова: мотивация к успеху, профессиональная социализация, мотив, стимул, студенты.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-139-144

Предназначение современного высшего образования в соответствии с государственными задачами – это не просто передача знаний и навыков, а формирование будущих профессионалов, обладающих набором компетенций и целевых установок, что достигается в процессе социализации в вузе. В контексте российского законодательства современный студент рассматривается как субъект образовательного процесса, участвующий в его организации и осуществлении. Он полноправно включен в органы управления образовательным учреждением (через советы обучающихся, органы самоуправления и профсоюзные студенческие организации), участвует в проектировании индивидуальной траектории обучения. Культивирование требуемых государственным стандартом профессиональных компетенций, а также компетенций, которые в последнее время в дискуссиях на государственном уровне и в профессиональном образовательном сообществе определяются как надпрофессиональные (конструктивное лидерство, проектное мышление, командообразование и т.д.), предполагает активность студенчества и мотивацию к успеху как в учебном процессе, так и в процессе социализации будущего профессионала в вузе в целом.

С целью изучения мотивированности к успеху студентов вуза в Дальневосточном регионе свою реализацию получил исследовательский проект, состоящий из нескольких этапов. В настоящей статье остановимся на рассмотрении результатов первого этапа[1] исследования, направленного на изучение успешности в обучении и включавшего опрос студентов одного из крупнейших вузов региона – Дальневосточного государственного университета путей сообщения (далее – ДВГУПС), являющегося многофункциональным отраслевым образовательным комплексом, дислоцирующимся на территории Хабаровского и Приморского краев, Амурской и Сахалинской областей.

Исследованию категории «успешность», «успех» в социологии посвящены работы В. Бакштановского, А. Согомонова, Ю. Согомонова, А. Прокофьева, А. Готлиба, И. Супоницкой, Д. Канарского, Е. Злобина, А. Ярема, О. Гудзенко и др. Социологический аспект исследования успеха представлен также и в работах зарубежных авторов: М. Вебера, В. Зомбарта, К. Мангейма.

Понятие успеха пришло в науку из обыденной жизни. Под успехом чаще всего понимают либо удачу в достижении чего-нибудь, либо общественное признание, а также успех в профессиональной сфере. Успех – это комплекс представлений, сформированных в социальном пространстве на основе общественных ценностей и стандартов, ожиданий и признания актуальных и потенциальных достижений, которые оцениваются как высокие, престиж-

[1] Опрос проводился в феврале–марте 2018 г. методом раздаточного анкетирования с использованием многоступенчатой выборки (N = 400 чел.). В исследовании приняли участие студенты 2-го и 4-го курсов.

ные в обществе. Этот комплекс представлений служит неким критерием, какие именно результаты деятельности индивидов социально вознаграждаются. Понятие «успешность» отражает субъективное переживание и условия достижения успеха.

Успех и успешность – это важнейшие компоненты, составляющие суть процесса социализации, они взаимообусловлены возможностью личности интегрироваться в общество, социальную группу, образовательный процесс и т.п., адаптироваться к изменяющимся нормам, ценностям, представлениям, стандартам поведения. Это возможности адаптации через социальную активность, проявляемую при наличии определенного количества социальных интеракций, которые выступают как критерий общественного признания успешности.

В социологии сложилось несколько основных концепций, объясняющих желание быть успешным. Так, в теории рационального выбора, разработанной Д. Фридманом и М. Хетчером, основополагающим тезисом является утверждение, что формирование целей достижения успеха личностью предопределено её предпочтениями. Социальное действие исследователи рассматривают как достижение целей, ограниченное, с одной стороны, иерархией предпочтений личности, с другой стороны, социальными институтами, поскольку они навязывают правила, законы, предписания и «правила игры». Следовательно, если успешное обучение находится в системе предпочтений студента и интегрировано в систему норм и ценностей окружающей социальной среды, то успех в учебе и в профессиональном становлении является целью деятельности студента в процессе социализации в вузе.

В теории обмена Дж. Хоманса процесс достижения успеха личностью рассматривается как деятельность, включающая: действие, вознаграждение за результат действия, повторение первоначального действия или действия, аналогичного ему. Он утверждает: чем чаще какое-либо действие человека приводит к получению вознаграждения, тем более вероятно, что человек вновь поступит так же. В предложенном теоретическом контексте актуализируется проблема создания ситуации успеха в процессе обучения, при которой студент, получив вознаграждение за проделанные действия, с большей вероятностью будет ориентирован на их повторение.

В теории рисков (З. Гидденс, У. Бек) успешность определяется в условиях новой социальной среды, новой социальной структуры, а также в новых «правилах продвижения» в этой структуре. Поэтому успешный человек в обществе риска – это человек, усвоивший новые модели поведения, а значит, умеющий управлять рисками. Естественно, в современном быстро меняющемся обществе наиболее значимой в процессе подготовки будущих профессионалов является ориентация на проектное мышление, на умение работать не по аналогии, а изобретая и моделируя новое и нестандартное.

В основе рассмотренных концепций личность – субъект деятельности, стремящийся к своей цели достижения успеха через внутренние побуждающие механизмы и механизмы внешней среды. Мотив в социологии рассматривается как осознаваемая потребность субъекта в достижении определенных благ, желательных условий деятельности и как внутренние побуждения активности индивидов и социальных общностей в отличие от внешних – стимулов. Одновременно социологи уже указывают на то, что стимулы как объективные условия действий людей могут перерасти в мотивы в том случае, если они становятся субъективно значимыми, отвечают потребностям субъекта. Таким образом, мотивы определяют внутренние побуждения (осознаваемую потребность), отмечая в то же время необходимость наличия внешних условий (стимулов) для реализации этой потребности. Мотивационный механизм позволяет выявить реальную иерархию мотивации студента, показать взаимосвязь между внутренними и внешними побудителями его поведения в учебном процессе. Более эффективно он будет реализовываться при создании соответствующих условий непосредственной организации учебного процесса, проектирования образовательных моделей и систем.

Один из элементов внутреннего побуждающего механизма личности – ее интерес к явлению или к процессу, связанный, прежде всего, с удовлетворением потребности любопытства, познания, что позволяет отнести его к главной побудительной силе успешного обучения. В ходе проведенного социологического исследования выяснилось, что большая часть студентов, принявших участие в опросе, в определенной степени испытывают интерес к процессу обучения. Так, на вопрос: «Интересно ли Вам учиться?» 21 % ответили «да, интересно», 55 % – «скорее да, чем нет». Характеризуя свой интерес к учебе, студенты объясняют[2], что это, прежде всего, «изучение новых способов решения задач», «возможность проявить инициативу, себя и свою индивидуальность», «больше творчества», «нестандартный подход к проведению лекций», «взаимодействие преподавателя и студента», «понимание того, что делаешь» и т.д.

Четверть обучающихся считают, что не испытывают интереса к обучению, и 19 % из них выбрали ответ, что им скорее не интересно учиться, чем интересно. 5 % опрошенных отмечают, что им не интересно учиться. Это те студенты, которые в принципе не любят учиться, и их цель – получение не знаний и

[2] Цитаты ответов респондентов на открытые вопросы анкеты.

профессии, а документа, который позволит занимать соответствующие должности. Некоторые из них – те, кто разочаровался в своем выборе специальности, но менять ее не желает – «слишком много пересдавать», либо «уже поздно», – это студенты 4-го курса, бакалавры, заканчивающие свое обучение[3].

Понимание сути осуществляемой личностью деятельности или осознание ею норм и правил организации этой деятельности или процесса как совокупности действий и взаимодействий (в изучаемом контексте – учебного или образовательного процесса) имеет значение в достижении поставленных ею целей, получении результата. Следовательно, понимание студенчеством, что есть успешное обучение, также является элементом мотивационного механизма. В ходе опроса выяснилось, что большая часть обучающихся понимает суть успешного обучения, его результативность. Для 31,6 % респондентов успешное обучение – это «учиться на отлично и хорошо», чуть меньшее количество (26,3 %) считают, что успешное обучение – это «активное участие в научных конференциях, проектах, грантах, предметных олимпиадах и т.д.». Некоторые студенты написали «успешно – это не 4 и 5, а понимание того, чему учат», «уметь применять знания на практике». Более четверти отвечавших (28 %) к успешному обучению относятся формально и определяют его как «сессии, сданные вовремя (в установленные сроки)».

В данном вопросе респонденты могли выбирать несколько вариантов ответа, поэтому для многих формальные объяснения успешного обучения через оценки сочетаются с необходимостью проявлять себя в науке, особенно это характерно для студентов 4-го курса, которые планируют продолжить свое обучение в магистратуре или аспирантуре. Учиться хорошо и быть активным в научной сфере – это не взаимоисключающие ответы, а компоненты, которые необходимо реализовывать одновременно, чтобы быть успешным в обучении[4].

Система предпочтений и целевых установок личности на будущее определяет выбор соответствующих стратегий ее поведения в настоящем. Поступление студента в вуз естественно обосновано определенными личными мотивами и целями. Особый интерес вызывает значение успешного обучения студента в вузе как инструмента достижения этих целей. Понимание студентом, для чего он учится и учится успешно, способствует процессу обучения и влияет на процесс социализации будущего профессионала.

По результатам опроса в соотнесении с будущим студенты понимают, что успешность в обучении, с одной стороны – это возможность самореализации, с другой стороны – это возможность достижения прагматичных целей в контексте выполнения государственных задач, а именно успешное трудоустройство и возможность стать компетентным специалистом (табл. 1).

Таблица 1

Ответы на вопрос
«На Ваш взгляд, успешное обучение – это…»

Вариант ответа	Количество ответов, %
«Возможность самореализации»	29,6
«Успешное трудоустройство в будущем»	27
«Возможность стать компетентным специалистом»	24
«Обязательное условие получения высшего образования»	9
«Возможность самосовершенствования»	5,5
«Модно и престижно»	1,8
«Возможность продолжения обучения в магистратуре и аспирантуре»	1,2
«Бесполезная трата времени»	0

Как видно из табл. 1, никто из принявших участие в опросе студентов не считает обучение в вузе «бесполезной тратой времени», даже те, кто не интересуется обучением и не очень стремится учиться. Интересно то, что при этом только 9 % принявших участие в опросе считают, что успешное обучение является обязательным условием получения высшего образования. Как возможность самосовершенствования успешное обучение рассматривают 5,5 % студентов.

Исследуя внешние побудители поведения студенчества в процессе обучения в вузе, а именно успешного обучения, студентам был предложен список факторов (29 позиций), которые, по сути своей, характеризуют основные нормы и правила организации учебного процесса как непосредственно в процессе работы преподавателя со студентами во время занятий, так и организацию учебного процесса в целом.

По мнению студентов, участвовавших в опросе, факторы, оказывающие влияние на успешное обучение, – это компетентность преподавателя в изучаемой дисциплине, интересное и современное изложение материала, требовательность и объективность при оценке результатов работы, удобное расписание занятий, уважительное и вежливое отношение к студентам, использование современных методов преподавания (дискуссионные площадки, деловые игры, проектные методы, работа группами и т.д.).

Пять факторов из шести касаются непосредственно профессионализма преподавателей. Причем

[3] Цитаты ответов студентов, принявших участие в работе фокус-групп.

[4] Корреляция ответов респондентов по данному вопросу анкеты.

такой фактор, как компетентность, безоговорочно важен по мнению 89,6 % принявших участие в опросе студентов, а «интересное и современное изложение материала» важно по мнению 62 % студентов и «скорее важно, чем не важно» – мнение 31 % отвечавших. Это объясняется тем, что компетентность преподавателя в изучаемой дисциплине актуализируется на сегодняшний день в связи с ускорением в современном обществе и профессиональных сферах изменения информации и получения новых научных знаний. К современному педагогу высшей школы предъявляются новые требования, а именно постоянное обучение и самосовершенствование в научно-образовательном и профессионально-практическом контексте, знание и применение современных образовательных, научных и социально-педагогических технологий. Студенчество, являясь наиболее мобильной частью общества, прекрасно ориентирующейся в современном информационном пространстве, естественно, хочет видеть педагога, отвечающего требованиям времени.

Объясняя в процессе работы фокус-групп свой выбор, студенты отмечали, что манера и способ изложения материала преподавателем могут как заинтересовать студента, так и снизить его интерес к дисциплине. Студенты хотели бы, чтобы на занятиях более подробно объяснили новое, связывали с практикой, показывали, как это может быть использовано в профессии и жизни, чтобы изменилась методика преподавания, делался бы акцент на практических занятиях. «Интересное и современное изложение материала» – это, прежде всего, умение преподавателя заинтересовать студентов, что основано на его личных качествах, харизматичности, любви к читаемой дисциплине.

Вызывает интерес то, что студенты актуализируют не только профессиональные качества преподавателя в конкретной области и дисциплине, но и его качества как педагога, выбирая в своем большинстве требовательность и объективность при оценке результатов работы («важно» – 48,3 %, «скорее важно, чем нет» – 42,5 %) и уважительность и вежливость по отношению к студентам («важно» – 59,8 % и «скорее важно, чем нет» – 29,9 %).

Организационные аспекты также оказывают прямое влияние на успешность студента и его желание учиться, поэтому такой фактор, как «удобное расписание занятий», входит в список наиболее влиятельных. Под удобным расписанием студенты понимают, прежде всего, такое, в котором нет «окон», более одной пары в день и «не учиться в субботу». Большинство из них не против первых пар и хотели бы, чтобы пары проходили в одном корпусе.

Фактор – возможность получения повышенной стипендии – «занял» восьмое место в списке факторов, влияющих на успешное обучение (характеристика студентов – «скорее важно, чем не важно», «важно»), но «попал» в тройку лидеров как безусловно важный, так как 67,8 % студентов, характеризуя его, выбрали ответ «важно».

Наименьшее влияние, по мнению студентов, на успешное обучение оказывают такие факторы, которые обычно относят к элементам нематериального стимулирования. Не важным считают студенты присвоение званий «лучший студент», «лучший выпускник» и т.д., благодарственные письма родителям, применение преподавателями специализированных сайтов университета (сайт дистанционного обучения, портфолио и т.д.) и использование положительного образа успешных выпускников вуза и профессионалов изучаемой сферы в учебном процессе.

Успешный в обучении студент – это, как минимум, студент успевающий, таковыми себя считают 73,6 % принявших участие в опросе. Причем на «отлично» и на «отлично и хорошо» из них учатся 57,4 %, следовательно, остальные 16,2 % успеваемость не идентифицируют с оценками «хорошо» и «отлично».

Интерес представляют личные мотивы успевающих студентов (табл. 2).

Таблица 2

Личные мотивы быть успевающим студентом

Вариант ответа	Количество ответов, %
Хочу хорошо трудоустроиться	15
Нужна стипендия	14
Чтобы родители мной гордились	10,2
Это привычка – всегда хорошо учусь	9,1
Хочу развиваться, совершенствоваться, стремлюсь узнавать новое	9
Хочу продолжить дальнейшее образование в магистратуре, аспирантуре и т.д.	8
Хочу стать профессионалом в этой сфере	7,7
Нравится направление, специальность	7,7
Мне интересно учиться	6,8
Учусь по инерции, школьных знаний хватает для успешной учебы сейчас	3,4
Мне нужен «красный диплом», диплом без троек	2,9
Это «круто» и престижно	2,4
Чтоб не выселили из общежития в следующем году	1,4
Мне нравится заниматься наукой (участие в научных конференциях, проектах, грантах и т.д.)	0,96
Все мои друзья хорошо учатся, и я с ними	0,96

Характеризуя личные мотивы студентов в контексте теории Вебера, отметим, что отвечавшие демонстрируют целерациональное поведение в процессе обучения, поскольку для большинства опрошенных нынешние успехи в учебе – это задел на будущее – успешное трудоустройство, профес-

сионализация либо ориентация на получение дальнейшего образования в магистратуре или аспирантуре. Есть и прагматики, для которых основная цель – получение диплома, стипендии или вопрос «безопасности» – чтоб не выселили из общежития[5] или не отчислили из университета.

Некоторым скорее свойственно ценностно-рациональное поведение – реализация себя в той сфере, которая нравится – и учеба, и наука и специальность им интересны, важна оценка родителей: «чтоб мной гордились»; для нескольких это групповая ценность – заодно с друзьями или потому, что «круто».

Конечно, есть такие, которые учатся по привычке, – традиционное действие. При этом данная категория опрошенных делится на два «вида» – те, кто всегда хорошо учатся (для них привычно иметь высокие оценки со школьной скамьи), и те, кто учатся просто потому, что они в учебном процессе, им не хочется менять привычный образ жизни.

Пятая часть студентов, принявших участие в опросе, определяют себя как неуспевающих (21,8 %). При этом большая часть из них – это те, кто учится на «удовлетворительно», а меньшая часть (2,3 %) имеют долги по предыдущим сессиям (табл. 3).

Таблица 3

Причины неуспеваемости студентов[6]

Вариант ответа	Количество ответов, %
Лень	19
Больше внимания уделяю другим видам деятельности (спорт, творчество, общественная деятельность)	17,2
Неинтересные дисциплины	13,8
Очень сложные дисциплины, предметы	10,3
Не вижу смысла в успешном обучении, нужен просто диплом	10,3
Не люблю делать домашние задания	8,6
Не хватает времени на учебу (семейные обстоятельства, работа)	8,6
Не хватает усидчивости, сил, плохая память	5,1
Отвлекают соседи в общежитии	3,4
Конфликты с некоторыми преподавателями	3,4

Судя по результатам, представленным в табл. 3, самая главная причина неуспеваемости – лень. В открытом вопросе: «Вы бы учились лучше, если бы…» опрошенные также в большинстве случаев отвечают: «если бы не ленился/лась». Лень часто ассоциируется с особенностями русского менталитета и «побороть» ее, по мнению самих студентов, может строгий контроль со стороны преподавателей (в том числе во внеучебное время, поскольку многие учатся на «тройки», потому что им лень /не любят делать домашнее задание, РГР или курсовой проект и /или идти на пары).

Примерно шестая часть студентов (17,2 %) отмечают, что не успевают хорошо учиться (на «хорошо» и «отлично»), поскольку больше внимания уделяют другим видам деятельности (спорт, творчество, общественная деятельность). При этом объясняют, что это связано с неправильным планированием времени, с отсутствием интереса к учебе. Часть студентов, обучающихся по целевому договору (12,8 %), не видят необходимости получать хорошие оценки, ведь их и так «принудят» отрабатывать пять лет, поэтому с удовольствием реализуют себя в творчестве и общественной деятельности.

Неинтересные и очень сложные дисциплины – это две причины, часто выбираемые респондентами совместно. «То, что не понимаю – не интересно» – такого принципа придерживаются эти студенты. Большинство «неинтересных» дисциплин – дисциплины специализации, и если студент не заинтересован в будущей профессии (поступил туда, где было бюджетное/целевое место, потому что не поступил на другую специальность/направление подготовки и т.п.), то увлечь его, объяснить достаточно сложно.

Еще одна причина «сложности» дисциплин связана с особенностями склада ума. Так, многие абитуриенты, поступая в университет на гуманитарные специальности, по-прежнему думают, что будут изучать только гуманитарные науки, и высшая математика вместе с теорией вероятности становятся для многих второкурсников камнем преткновения к высокой успеваемости, получить «удовлетворительно» в таких случаях – счастье. Для студентов с математическим, экономическим, техническим складом ума «проблемными» становятся философия, история и другие общеобязательные гуманитарные дисциплины.

Некоторые студенты отмечают, что учились бы лучше, «если бы не физкультура». Нежелание заниматься этой дисциплиной студенты объясняют ленью.

Причину неуспеваемости: «не вижу смысла в успешном обучении, нужен просто диплом» – высказывают две категории студентов. Первые – им действительно нужен просто документ о высшем образовании, не важно, по какой специальности, и не важно, с какими оценками, они уверены в своем будущем трудоустройстве, им нужен лишь официальный документ. Вторые считают, что хорошие оценки не гарантируют успеха в жизни (и готовы приводить множество примеров, как «троешники» и люди вовсе без образования становились миллионерами, основывали

[5] В Дальневосточном государственном университете путей сообщения по договору между профсоюзной организацией студентов и администрацией университета принята рейтинговая система, регулирующая поселение в общежития, и в ней учитывается успеваемость студентов.

[6] При ответе на данный вопрос респонденты могли выбирать несколько вариантов ответа.

корпорации и т.п.), поэтому им достаточно сдать зачет/экзамен на «удовлетворительно».

Некоторые студенты связывают невысокую успеваемость с нехваткой времени из-за необходимости работать. Среди обучающихся на внебюджетной форме четверть сами зарабатывают на обучение. Многие работают в ночную смену, чтобы утром и днем посещать занятия, но при таком ритме жизни учиться на хорошие оценки невозможно.

Семейные обстоятельства также могут препятствовать получению высоких оценок. Некоторые студенты и на втором, и на четвертом курсе уже создают собственную семью, вступают в брак, растят маленьких детей. У других же на попечении их младшие сестры, братья и т.д. В таких обстоятельствах не хватает времени выучить на «отлично», хотя многие из таких студентов относятся к учебе серьезнее, чем «свободные» от семейных проблем.

Конфликты с преподавателем также могут стать причиной невысоких оценок. К сожалению, в таких случаях у студентов не всегда есть возможность сдать зачет/экзамен другому преподавателю и получить более высокую оценку.

Таким образом, студенты не успевают хорошо учиться в большинстве случаев из-за собственной лени, незаинтересованности в обучении и неумения совмещать учебу и внеучебные дела.

Результаты исследования позволяют определить следующие характеристики мотивационно-стимулирующих компонентов поведения студенчества в процессе обучения.

Во-первых, студенчество в большинстве своем испытывает интерес к обучению и понимает значимость обучения успешного. В системе предпочтений и целевых установок успешное обучение рассматривается ими как инструмент самореализации, трудоустройства и профессиональной социализации.

Во-вторых, личные мотивы успевающих студентов в большей степени демонстрируют целерациональность в их действиях в процессе обучения: трудоустройство и профессионализацию. Отсутствие мотивации на успешное обучение неуспевающих студентов обусловлено их ленью, снижением интереса к обучению, неумением организовать свое время.

В-третьих, наиболее значимыми побудителями к успешному обучению студентов являются профессиональные и педагогические компетенции преподавателей, а также организационно-материальные факторы. Наименее значимыми – присвоение званий и объявление благодарностей.

В-четвертых, студентам, нацеленным на успешное обучение, важно практикоориентированное обучение, необходим преподаватель, компетентный в читаемой дисциплине, дающий студентам возможность проявить себя, умеющий интересно преподносить материал. Неуспевающие студенты – ленивы, им нужен постоянный контроль дисциплины со стороны преподавателей.

Выявленные характеристики мотивации к успеху, успешному обучению в частности, имеют практическое значение в процессе социализации будущих профессионалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бакштановский, В.И.* Общепрофессиональная этика: концептуальный замысел / В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов // Профессиональная этика. Ведомости. Вып. 25 / под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. – Тюмень : НИИ прикладной этики, 2004.

2. *Вебер, М.* Избранные произведения : пер. с нем. / М. Вебер ; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко; коммент. А.Ф. Филиппова. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.

3. *Гудзенко, О.З.* Характерные черты социального успеха: теоретический аспект / О.З. Гудзенко // Психология и социология. Современные технологии социологических опросов. – Днепропетровск : Днепропетровский национальный ун-т, 1992.

4. *Зомбарт, В.* Избранные работы : пер. с нем. / В. Зомбарт. – М. : Территория будущего, 2005. – 344 с.

5. *Канарский, А.С.* Категории эстетики как ступени развития искусства и эстетической практики человека / А.С. Канарский // Этика и эстетика. – 1990. – № 33. – С. 1–17.

6. *Манхейм, К.* Избранное. Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – М. : Юристъ, 1994. – 704 с.

7. *Супоницкая, И.М.* Успех и удача: отношение к труду в американском и российском обществе / И.М. Супоницкая // Вопросы философии. – 2003. – № 5. – С. 44–56.

8. *Турецкая, Г.В.* Страх успеха: психологическое исследование феномена / Г.В. Турецкая // Психологический журнал. – 1998. – № 1. – С. 37–46.

9. *Тюрина, Ю.А.* Социодинамика образовательного процесса в России: социологический анализ / Ю.А. Тюрина. – СПб. : Изд. дом С.-Петерб. ун-та, 2009. – 256 с.

10. *Тюрина, Ю.А.* Трансформация образования в советской и постсоветской России: сравнительный анализ : моногр. В 2 т. Т. 1 / Ю.А. Тюрина. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2012. – 203 с.

11. *Тюрина, Ю.А.* Трансформация образования в советской и постсоветской России: сравнительный анализ: моногр. В 2 т. Т. 2 / Ю.А. Тюрина. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2013. – 232 с.

12. *Фридмен, М.* Маршаллианская кривая спроса / М. Фридмен // Вехи экономической мысли. Т. 1. Теория потребления и спроса / под общ. ред. В.М. Гальперина. – СПб. : Эконом. шк., 2000. – С. 250–303.

13. *Фридмен, М.* Анализ полезности при выборе среди альтернатив, предполагающих риск / М. Фридмен, Л.Дж. Сэвидж // Вехи экономической мысли. Т. 1. Теория потребления и спроса / под общ. ред. В.М. Гальперина. – СПб. : Эконом. шк., 2000. – С. 208–249.

14. *Чередниченко, Г.А.* Российский студент сегодня: учеба плюс работа / Г.А. Чередниченко, Д.Л. Константиновский. – М. : Изд-во ЦСП, 2002. – 128 с.

15. *Чупров, В.И.* Молодежь в обществе риска / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, К. Уильямс. – М. : Наука, 2001. – 161 с.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СЕБЕ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА

М.В. Сокольская

А.В. Ткаченко

Сокольская Марина Вячеславовна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, социологии, государственного и муниципального управления Российского университета транспорта (МИИТ) (г. Москва).

Контактный адрес: mvsokolskaya@mail.ru

Ткаченко Анна Викторовна – преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: 9in26@mail.ru

Проблема профессионального самоопределения приобретает особую актуальность, как показывают многочисленные исследования и практика работы в вузах, не только для подростков в преддверии выбора профессии, но и в студенческий период. Формирование адекватного представления и профессиональное самоопределение – основные психологические новообразования юношеского возраста. Поэтому искаженное представление о себе может стать разрушающим или затрудняющим фактором профессионального самоопределения личности, тогда как адекватно сформированный «Я»-образ способствует эффективной профессионализации. В статье содержатся результаты исследования взаимосвязи представления о себе и профессионального самоопределения студентов дальневосточных вузов.

Ключевые слова: представление о себе, студенты, профессиональное самоопределение, профессия, качества личности, профессиональный тип личности.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-145-154

Профессиональное самоопределение в психологии рассматривается как форма личностного выбора, отражающая процесс поиска и приобретения профессии, и как процесс формирования личностью своего отношения к профессиональной деятельности и способ его реализации через согласование личностных и социально-профессиональных потребностей. До 90-х гг. XX в. в отечественной психолого-педагогической теории профессиональное самоопределение рассматривалось в основном как идея профессиональной ориентации. Современное понимание профессионального самоопределения охватывает проблемы его взаимосвязи с общим жизненным самоопределением личности, влияния на личность окружающей социальной среды, профессионального становления и активной жизненной позиции человека и др.

Анализ проблемы профессионального самоопределения в отечественных и зарубежных исследованиях раскрывает многообразие научных подходов к изучению данной проблемы. В зарубежных работах круг проблем, связанных с профессиональным самоопределением, решается в рамках теорий профессионального развития и профориентации [1; 11; 13–15]. Концепции профессионального развития могут быть разделены на три группы: структурные, мотивационные, индивидуальные. Основная идея структурных теорий – профессиональное развитие и профессиональное поведение изменяются на различных этапах жизни и в разных условиях (С. Аксельрод, Д. Миллер, Д. Сьюпер и др.) [13]. Представители мотивационных теорий (А. Маслоу, Э. Роу и др.) стремятся выявить внутренние силы личности, которые побуждают ее к определенному типу профессионального поведения и деятельности. Наконец, теории «индивидуальности» трактуют профессиональное развитие как процесс формирования и упрочения самопонимания, а выбор профессии как попытку реализовать свою «Я-концепцию» (К. Роджерс, Д. Сьюпер, Д. Холланд и др.) [14].

Профессиональное самоопределение в психологическом плане означает, что человек осознает собственные цели, желания, способности, возможности функционировать в системе профессиональных отношений. Психологическое самоопределение начинается с момента возникновения потребности в выборе профессиональной деятельности и реализуется у человека через формирование отношения к себе как к субъекту этой деятельности, которое, в свою очередь, формируется на основе самооценки своих профессиональных возможностей, соответствия требованиям деятельности, уровня профессионализации. Профессиональное самоопределение формируется в течение всей жизни человека и является поиском адекватного способа самореализации субъекта труда как профессионала. Реально процесс

профессионального самоопределения не может иметь завершенности, так как по мере личностного развития и роста повышаются и усложняются критерии оценки уровня профессионализации [4; 6; 8; 9].

Говоря о профессиональном становлении юношей, выделяют основные этапы профессионального самоопределения: профессиональную ориентацию; высшее профессиональное образование; трудоустройство; трудовую адаптацию молодых специалистов на первом месте работы [5].

Проблема формирования адекватного представления о себе является центральным моментом в юношеском возрасте. Результаты проведенных исследований позволяют утверждать, что основным психологическим новообразованием юношеского возраста следует считать не самоопределение как таковое (личностное, профессиональное, шире – жизненное), а психологическую готовность к самоопределению, которая предполагает:

а) сформированность на высоком уровне психологических структур, прежде всего, самосознания;

б) развитость потребностей, обеспечивающих содержательную наполненность личности, среди которых центральное место занимают нравственные установки, ценностные ориентации и временные перспективы;

в) становление предпосылок индивидуальности как результат развития и осознания своих способностей и интересов каждым старшеклассником [6].

Поэтому искаженное представление о себе может стать разрушающим или затрудняющим фактором профессионального самоопределения личности, тогда как адекватно сформированный «Я»-образ будет являться условием эффективной профессионализации [12].

Несмотря на детальную проработку проблемы профессионального самоопределения, остаются неразрешенными важные вопросы: какова связь между социальным, индивидуальным и личностным представлениями о себе; между представлением о себе и профессиональным самоопределением? Нерешенность этих проблем объясняется отсутствием единой теории самоопределения в подростковом и юношеском возрасте, что существенно осложняет организацию профориентационной работы как в общих, так и в профессиональных образовательных учреждениях разного уровня [9]. Выявленная проблема позволила определить цель исследования: изучить взаимосвязь представления о себе и профессионального самоопределения у студентов различных специальностей.

Мы предположили, что одним из условий эффективного профессионального самоопределения в юношеском возрасте является понимание человеком самого себя, основывающееся на адекватном представлении о себе.

Методы и процедура исследования

Эмпирическая база: исследование проводилось в пяти группах студентов различных специальностей: 7 человек обучались по специальности «Психология» в Дальневосточном государственном университете путей сообщения (ДВГУПС), 7 человек – по специальности «Авиационные диспетчеры» в ДВГУПС, 10 человек – по специальности «Экономика» в Тихоокеанском государственном университете (ТОГУ), 13 человек – по специальности «Коммерция» в ТОГУ, 11 человек – по специальности «Информационные системы и технологии» в ДВГУПС. Всего в исследовании приняли участие 48 студентов, из них 17 юношей и 31 девушка в возрасте от 19 до 22 лет. Качественный состав позволил определить наличие различий в представлении о себе и профессиональном самоопределении у студентов различных специальностей.

Исследование состояло из нескольких этапов.

1-й этап: изучение представления о себе. Методы сбора информации: «Личностный опросник Айзенка»; опросник Дембо–Рубинштейн; методика «Кто я?» М. Куна; «Личностный дифференциал» В.М. Бехтерева; «Тест-опросник МИС»; «Q-сортировка». Методы обработки информации: математические методы статистической обработки данных: среднее статистическое значение, U-критерий Манна–Уитни, контент-анализ: количественная и качественная обработка, сравнительный и частотный анализ.

2-й этап: изучение особенностей профессионального самоопределения. Метод сбора данных: «Методика профессионального самоопределения» Дж. Голланда; «Определение типа будущей профессии» Е.А. Климова. Методы обработки информации: сравнительный анализ, контент-анализ, U-критерий Манна–Уитни.

3-й этап: определение взаимосвязи представления о себе и профессионального самоопределения у студентов различных специальностей. Метод обработки информации: корреляционный анализ.

Результаты

1-й этап – изучение представления о себе (рис. 1).

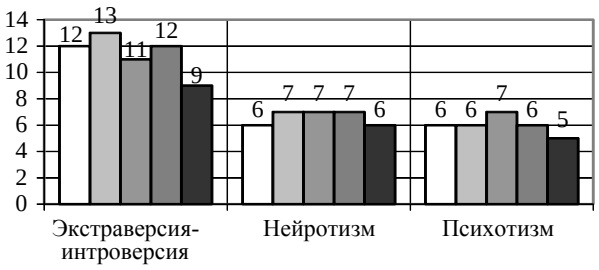


Рис. 1. Гистограмма среднестатистической выраженности нейротизма и экстраверсии-интроверсии по личностному опроснику Айзенка: □ – психология; ■ – экономика; ■ – коммерция; ■ – авиадиспетчеры; ■ – информационные системы и технологии

1. В группах психологов, экономистов и коммерсантов выявлены высокие показатели экстраверсии (12, 13 и 11 баллов соответственно), а также низкий уровень нейротизма (6, 7 и 7 баллов).

2. В группе авиационных диспетчеров при среднем уровне показателя шкалы экстраверсии-интроверсии (12 баллов) наблюдается резкий разброс от выраженной экстраверсии до крайней интроверсии (у 2 человек из 7 – 28 %). Показатель нейротизма соответствует среднему уровню (7 баллов).

3. В группе «Информационные системы и технологии» выявлена склонность к интроверсии (9 баллов). Результаты по шкале нейротизма соответствуют низкому уровню (6 баллов).

4. По шкале психотизма во всех группах респондентов выявлен пониженный уровень, что является нормой для данной возрастной группы.

В соответствии с U-критерием Манна–Уитни различия показателей *экстраверсии-интроверсии в* группах «Экономика» и «Информационные системы» статистически значимы Uэмп = 8,5, Uкр = 22 при $p \le 0,01$, Uкр = 31 при $p \le 0,05$. Аналогичные данные получены в группах «Коммерция» и «Информационные системы» (Uэмп = 23, Uкр = 31 при $p \le 0,01$, Uкр = 42 при $p \le 0,05$) и в группах «Психология» и «Информационные системы» (Uэмп = 7,5, Uкр = 12 при $p \le 0,01$, Uкр = 19 при $p \le 0,05$).

Следующим инструментом изучения представлений о себе являлся опросник Дембо–Рубинштейн (в модификации Прихожан), который позволяет определить, является ли для испытуемых выбранная профессия инструментом личностного развития, престижности на рынке труда, условий труда и пр.

Анализ результатов исследования самооценки

1. Средние показатели по шкалам «Здоровье», «Авторитет у сверстников», «Внешность», «Уверенность в себе» во всех группах соответствуют уровню «высокие» (от 60 до 74 баллов).

2. Средние показатели по шкале «Ум, способности» в группах «Экономика» и «Информационные системы» соответствуют уровню «очень высокие» (от 74 до 100 баллов); в группах «Коммерция», «Психология» и «Авиационные диспетчеры» – «высокие».

3. Средние показатели по шкале «Характер» в группах «Экономика», «Психология» и «Коммерция» соответствуют уровню «очень высокие»; в группах «Авиационные диспетчеры» и «Информационные системы» – «высокие».

4. Средние показатели по шкале «Умение многое делать своими руками» в группах «Информационные системы» и «Коммерция» – очень высокие; в группах «Авиационные диспетчеры», «Психология» и «Экономика» – высокие.

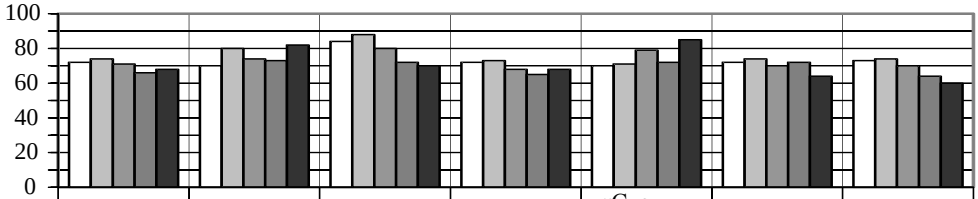
В соответствии с U-критерием Манна–Уитни статистически достоверные различия выявлены в показателях следующих шкал:

– «Характер»: между группами «Экономика» и «Информационные системы» Uэмп = 9,5, Uкр = 22 при $p \le 0,01$, Uкр = 31 при $p \le 0,05$; между группами «Экономика» и «Авиадиспетчеры» Uэмп = 7,5, Uкр = 11 при $p \le 0,01$, Uкр = 17 при $p \le 0,05$;

– «Умение многое делать своими руками»: между группами «Информационные системы» и «Психология» Uэмп = 7,5, Uкр = 12 при $p \le 0,01$, Uкр = 19 при $p \le 0,05$; между группами «Информационные системы» и «Экономика» Uэмп =15, Uкр = 22 при $p \le 0,01$, Uкр = 31 при $p \le 0,05$;

– «Внешность»: между группами «Экономика» и «Информационные системы» Uэмп = 18, Uкр = 22 при $p \le 0,01$, Uкр = 31 при $p \le 0,05$;

– «Уверенность в себе»: между группами «Экономика» и «Информационные системы» Uэмп = 0, Uкр = 22 при $p \le 0,01$, Uкр = 31 при $p \le 0,05$; между группами «Психология» и «Информационные системы» Uэмп = 2, Uкр = 12 при $p \le 0,01$, Uкр = 19 при $p \le 0,05$; между группами «Коммерция» и «Информационные системы» Uэмп = 17,5, Uкр = 31 при $p \le 0,01$, Uкр = 42 при $p \le 0,05$; между группами «Экономика» и «Авиадиспетчеры» Uэмп = 11, Uкр = 11 при $p \le 0,01$, Uкр = 17 при $p \le 0,05$ (рис. 2).



	Здоровье	Ум	Характер	Авторитет	«Своими руками»	Внешность	Уверенность
Психология	72	70	84	72	70	72	73
Экономика	74	80	88	73	71	74	74
Коммерция	71	74	80	68	79	70	70
Авиадиспетчеры	66	73	72	65	72	72	64
Инф. системы	68	82	70	68	85	64	60

Рис. 2. Гистограмма среднестатистической выраженности шкал самооценки

Анализ результатов уровня притязаний респондентов

1. Средние показатели по шкалам «Здоровье», «Характер», «Внешность», «Уверенность в себе» во всех группах соответствуют высокому уровню (от 75 до 89 баллов).

2. Средние показатели по шкале «Ум, способности» – очень высокие (от 90 до 100 баллов).

3. Показатели по шкале «Авторитет у сверстников» в группах «Авиационные диспетчеры», «Экономика», «Психология» и «Коммерция» соответствуют очень высокому уровню, в группе «Информационные системы» данный показатель – высокий.

4. Показатели по шкале «Умение многое делать своими руками» в группах «Авиационные диспетчеры», «Информационные системы» соответствуют уровню «очень высокие»; в группах «Коммерция», «Психология» и «Экономика» – «высокие».

Показатели по шкале «Авторитет у сверстников» выражены на уровне «очень высокий» во всех группах, кроме группы «Информационные системы». Можно предположить, что выбранная специальность в своей группе рассматривается как «авторитетная». В группах «Авиадиспетчеры» и «Информационные системы» повышенный уровень требований к показателю «Умение многое делать руками». Во всех группах студентов высокие показатели по шкале «Ум, способности», что характеризует стремление студентов соответствовать требованиям профессии (рис. 3).

В соответствии с U-критерием Манна–Уитни статистически достоверные различия выявлены по шкалам:

– «Характер»: между группами «Психология» и «Авиадиспетчеры» Uэмп = 3,5, Uкр = 6 при $p \le 0,01$, Uкр = 11 при $p \le 0,05$; между группами «Экономика» и «Авиадиспетчеры» Uэмп = 8, Uкр = 11 при $p \le 0,01$, Uкр = 17 при $p \le 0,05$; между группами «Экономика» и «Информационные системы» Uэмп = 11,5, Uкр = 22 при $p \le 0,01$, Uкр = 31 при $p \le 0,05$; между группами «Психология» и «Информационные системы» Uэмп = 4,5, Uкр = 12 при $p \le 0,01$, Uкр = 19 при $p \le 0,05$;

– «Авторитет у сверстников»: между группами «Экономика» и «Информационные системы» Uэмп = 1,5, Uкр = 22 при $p \le 0,01$, Uкр = 31 при $p \le 0,05$; между группами «Экономика» и «Авиадиспетчеры» Uэмп = 1,5, Uкр = 11 при $p \le 0,01$, Uкр = 17 при $p \le 0,05$; между группами «Коммерция» и «Авиадиспетчеры» Uэмп = 10, Uкр = 16 при $p \le 0,01$, Uкр = 24 при $p \le 0,05$; между группами «Коммерция» и «Информационные системы» Uэмп = 25,5, Uкр = 31 при $p \le 0,01$, Uкр = 42 при $p \le 0,05$; между группами «Психология» и «Авиадиспетчеры» Uэмп = 6, Uкр = 6 при $p \le 0,01$, Uкр = 11 при $p \le 0,05$;

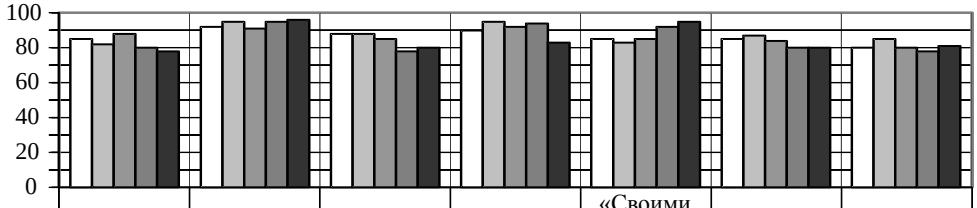
– «Умение многое делать своими руками»: между группами «Информационные системы» и «Экономика» Uэмп = 4, Uкр = 22 при $p \le 0,01$, Uкр = 31 при $p \le 0,05$; между группами «Информационные системы» и «Коммерция» Uэмп = 14, Uкр = 31 при $p \le 0,01$, Uкр = 42 при $p \le 0,05$; между группами «Информационные системы» и «Психология» Uэмп = 0, Uкр = 12 при $p \le 0,01$, Uкр = 19 при $p \le 0,05$;

– «Внешность»: между группами «Экономика» и «Информационные системы» Uэмп = 20,5, Uкр = 22 при $p \le 0,01$, Uкр = 31 при $p \le 0,05$; между группами «Экономика» и «Авиадиспетчеры» Uэмп = 6,5, Uкр = 11 при $p \le 0,01$, Uкр = 17 при $p \le 0,05$;

– «Уверенность в себе»: между группами «Экономика» и «Авиадиспетчеры» Uэмп = 8,5, Uкр = 11 при $p \le 0,01$, Uкр = 17 при $p \le 0,05$.

Результаты исследования по методике «Кто я?» М. Куна в модификации Т.В. Румянцевой позволяют дополнить качественное содержание представления о себе у студентов различных специальностей.

Во всех изучаемых группах доминируют показатели, соответствующие уровню неадекватно завышенной самооценки (у 75 % респондентов); у 18 % адекватный уровень; у 8 % – неадекватно заниженный уровень.



	Здоровье	Ум	Характер	Авторитет	«Своими руками»	Внешность	Уверенность
Психология	85	92	88	90	85	85	80
Экономика	82	95	88	95	83	87	85
Коммерция	88	91	85	92	85	84	80
Авиадиспетчеры	80	95	78	94	92	80	78
Инф. системы	78	96	80	83	95	80	81

Рис. 3. Шкалы притязаний опросника Дембо–Рубинштейн

Отмечая наиболее значимые в рамках исследования индентификационные характеристики, необходимо обратить внимание на выраженность «Перспективного Я», включающего профессиональные, социальные, материальные, деятельностные и оценочные перспективы собственной жизни, а также «Рефлексивного Я», содержащего персональные качества, особенности характера, описание индивидуального стиля поведения и эмоциональное отношение к себе:

– в группе «Авиационные диспетчеры» (у 86 % студентов завышенная самооценка) в категории «Перспективного Я» не выявлены характеристики будущей специальности. Все описанные качества относятся к другим видам деятельности, в целом не пересекающимся с организацией воздушных перевозок. В группе выражено «Социальное Я» (человек, муж/жена, личность, сын/дочь и т.п.), «Коммуникативное Я» (друг/подруга, член общества и т.п.), а также «Физическое Я» (красивая, спортивный, голубоглазая, блондинка и т.п.). «Рефлексивное Я» представлено в основном описанием положительных качеств и характеристик личности;

– показатели в группах «Экономисты», «Психологи» и «Коммерсанты» идентичны. Категория «Перспективного Я» представлена широко и охватывает целый спектр тех профессиональных отраслей, в которых может быть востребована выбранная специальность. «Персональные» качества также широко описаны в положительных характеристиках;

– в группе «Информационные системы и технологии» выявлено преобладание адекватной самооценки (у 18 % студентов неадекватно занижена самооценка). «Перспективное Я» и «Рефлексивное Я» коррелируют в высокой степени – соотносятся с выбранной специальностью и смежными профессиональными отраслями.

Результаты по методике «Личностный дифференциал», выявляющей определенные свойства личности, самосознание, межличностные отношения:

– показатели фактора «Оценка» – уровень самоуважения в группах «Психологи» и «Экономисты», «Авиационные диспетчеры», «Коммерсанты» и «Информационные системы и технологии» соответствует среднему уровню;

– показатели фактора «Сила» – уровень развития волевых сторон в группах «Психологи», «Экономисты», «Авиационные диспетчеры», «Коммерсанты» и «Информационные системы и технологии» соответствует среднему уровню;

– показатели фактора «Активность» коррелируют с результатами опросника Айзенка: во всех профессиональных группах показатели указывают на экстравертированность, а в группе «Информационные системы и технологии» – на интровертированность (рис. 4).

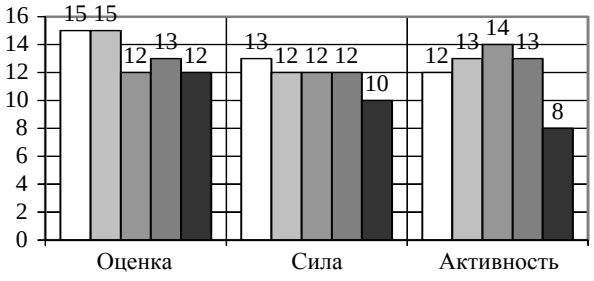


Рис. 4. Факторы методики «Личностный дифференциал» В.М. Бехтерева: □ – психология; ■ – экономика; ■ – коммерция; ■ – авиадиспетчеры; ■ – информационные системы и технологии

В соответствии с U-критерием Манна–Уитни выявлены следующие статистически достоверные различия: по показателю активности между группами «Коммерция» и «Информационные системы» Uэмп = 0,5, Uкр = 31 при $p \le 0,01$, Uкр = 42 при $p \le 0,05$; между группами «Экономика» и «Информационные системы» Uэмп = 4, Uкр = 22 при $p \le 0,01$, Uкр = 31 при $p \le 0,05$; между группами «Авиадиспетчеры» и «Информационные системы» Uэмп = 2, Uкр = 12 при $p \le 0,01$, Uкр = 19 при $p \le 0,05$; между группами «Психология» и «Информационные системы» Uэмп = 2,5, Uкр = 12 при $p \le 0,01$, Uкр = 19 при $p \le 0,05$.

В качестве дополнительного метода изучения представления о себе использовалась Q-сортировка (рис. 5).

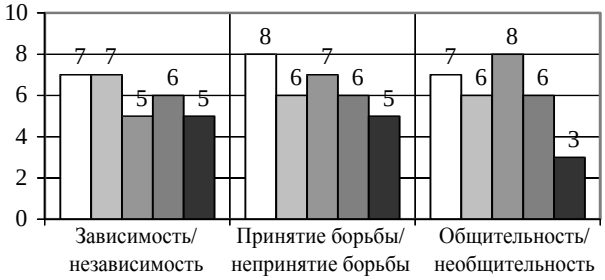


Рис. 5. Факторы методики «Q-сортировка»: □ – психология; ■ – экономика; ■ – коммерция; ■ – авиадиспетчеры; ■ – информационные системы и технологии

В соответствии с U-критерием Манна–Уитни статистически достоверные различия выявлены в показателях следующих шкал методики «Q-сортировка»:

– «Принятие борьбы»: между группами «Психология» и «Информационные системы» Uэмп = 7,5, Uкр = 12 при $p \le 0,01$, Uкр = 19 при $p \le 0,05$; между группами «Коммерция» и «Информационные системы» Uэмп = 24, Uкр = 31 при $p \le 0,01$, Uкр = 42 при $p \le 0,05$;

– «Общительность»: между группами «Коммерция» и «Информационные системы» Uэмп = 1,5,

Uкр = 31 при $p \le 0,01$, Uкр = 42 при $p \le 0,05$; между группами «Экономика» и «Информационные системы» Uэмп = 4, Uкр = 22 при $p \le 0,01$, Uкр = 31 при $p \le 0,05$; между группами «Авиадиспетчеры» и «Информационные системы» Uэмп = 3, Uкр = 12 при $p \le 0,01$, Uкр = 19 при $p \le 0,05$; между группами «Психология» и «Информационные системы» Uэмп = 2, Uкр = 12 при $p \le 0,01$, Uкр = 19 при $p \le 0,05$.

Заключительным этапом изучения представления о себе явилось проведение теста-опросника МИС, позволяющего выявить три уровня самоотношения:

1) по шкалам «саморуководство», «отраженное самоотношение», «самопривязанность» во всех группах выявлены высокие показатели;

2) по шкалам «внутренняя конфликтность» и «самообвинение» во всех группах минимальные показатели;

3) по шкале «открытость» наиболее высокие показатели в группе «Психология» – внутренняя честность, критичность;

4) по шкале «самоуверенность» относительно низкие показатели в группе «Информационные системы» – неудовлетворенность своими возможностями, ощущение слабости, сомнения в способности вызывать уважение;

5) по шкале «самоценность» наиболее высокие показатели зафиксированы в группах «Психологи» и «Экономисты», для которых характерно ощущение ценности собственной личности и предполагаемая ценность своего «Я» для других; эмоциональная оценка своего «Я» по внутренним, интимным критериям духовности, богатство внутреннего мира;

6) по шкале «самопринятие» высокие показатели у «Психологов» и несколько заниженные в группе «Информационные системы», что свидетельствует о более высоком уровне требований к себе и желании развиваться, чем о самообвинении (рис. 6).

В соответствии с U-критерием Манна–Уитни статистически достоверные различия выявлены в показателях теста-опросника МИС:

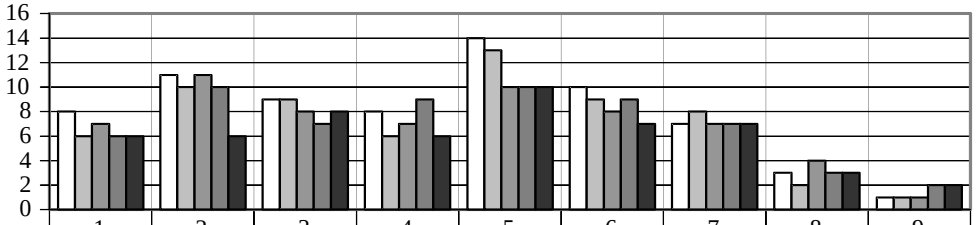
– «Самоуважение» в группах «Психология» и «Информационные системы» Uэмп = 2, Uкр = 12 при $p \le 0,01$, Uкр = 19 при $p \le 0,05$; в группах «Авиадиспетчеры» и «Информационные системы» Uэмп = 4, Uкр = 12 при $p \le 0,01$, Uкр = 19 при $p \le 0,05$; в группах «Коммерция» и «Информационные системы» Uэмп = 6,5, Uкр = 31 при $p \le 0,01$, Uкр = 42 при $p \le 0,05$; в группах «Экономика» и «Информационные системы» Uэмп = 6, Uкр = 22 при $p \le 0,01$, Uкр = 31 при $p \le 0,05$;

– «Саморуководство» в группах «Психология» и «Информационные системы» Uэмп = 6,5, Uкр = 12 при $p \le 0,01$, Uкр = 19 при $p \le 0,05$; в группах «Экономика» и «Информационные системы» Uэмп = 14, Uкр = 22 при $p \le 0,01$, Uкр = 31 при $p \le 0,05$;

– «Отраженное самоотношение» в группах «Авиадиспетчеры» и «Экономика» Uэмп = 17, Uкр = 22 при $p \le 0,01$, Uкр = 31 при $p \le 0,05$; в группах «Авиадиспетчеры» и «Информационные системы» Uэмп = 15,5, Uкр = 19 при $p \le 0,01$, Uкр = 27 при $p \le 0,05$;

– «Самоценность» в группах «Психология» и «Авиадиспетчеры» Uэмп = 5,5, Uкр = 6 при $p \le 0,01$, Uкр = 11 при $p \le 0,05$; в группах «Психология» и «Коммерция» Uэмп = 9,5, Uкр = 16 при $p \le 0,01$, Uкр = 24 при $p \le 0,05$; в группах «Психология» и «Информационные системы» Uэмп = 9, Uкр = 12 при $p \le 0,01$, Uкр = 19 при $p \le 0,05$;

– «Самопривязанность» в группах «Экономика» и «Психология» Uэмп = 10,5, Uкр = 11 при $p \le 0,01$, Uкр = 17 при $p \le 0,05$; в группах «Экономика» и «Коммерция» Uэмп = 23,5, Uкр = 27 при $p \le 0,01$, Uкр = 37 при $p \le 0,05$; в группах «Экономика» и «Информационные системы» Uэмп = 17, Uкр = 22 при $p \le 0,01$, Uкр = 31 при $p \le 0,05$.



	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Психология	8	11	9	8	14	10	7	3	1
Экономика	6	10	9	6	13	9	8	2	1
Коммерция	7	11	8	7	10	8	7	4	1
Авиадиспетчеры	6	10	7	9	10	9	7	3	2
Инф. системы	6	6	8	6	10	7	7	3	2

Рис. 6. Шкалы методики «МИС»: *1* – открытость; *2* – самоуверенность; *3* – саморуководство; *4* – отраженное самоотношение; *5* – самоценность; *6* – самопринятие; *7* – самопривязанность; *8* – внутренняя конфликтность; *9* – самообвинение

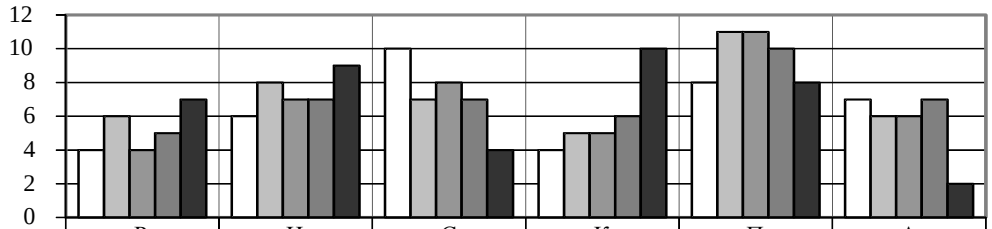
Обсуждение результатов

Анализ соответствия выбранной специальности с профессиональным самоопределением, сформировавшимся в период обучения, показал следующее: в группе «Психология» выражены социальный и предприимчивый типы; в группе «Экономика» – предприимчивый и интеллектуальный типы; в группе «Коммерция» – предприимчивый и социальный типы; в группе «Авиационные диспетчеры» – предприимчивый тип; в группе «Информационные системы» – конвенциональный и интеллектуальный типы (рис. 7).

Таким образом, показатели во всех профессиональных группах соответствуют содержанию выбранных специальностей или смежных отраслей профессиональной реализации, которые предоставляет выбранная специальность. Исключение составляют показатели в группе «Авиационные диспетчеры», которые по всем типам, кроме предприимчивого, имеют среднюю выраженность. Этот факт может характеризовать профессиональную неопределенность студентов (рис. 8). Персональные результаты каждого респондента показывают пиковые показатели артистичного и социального профессиональных типов.

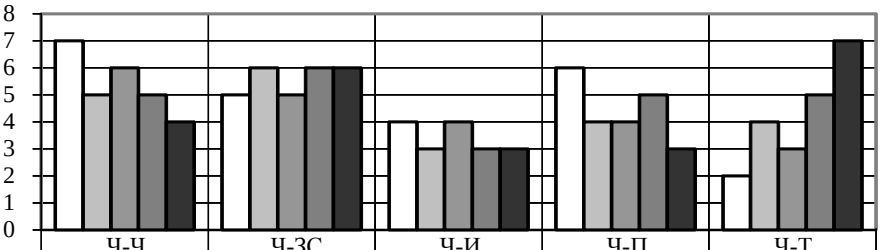
Изучение профессионального самоопределения рассматривалось в соответствии с типом будущей профессии (по Е.А. Климову) [3].

В целом результаты методики дополняют и подтверждают описанные выше результаты: в группе «Психология» выражена склонность к профессиям типа «Человек-Человек», в группе «Экономика» доминирует тип «Человек-Знаковая система», в группах «Коммерция» и «Авиационные диспетчеры» в среднем выражены все типы, но несколько в большей степени «Человек-Человек» и «Человек-Знаковая система», в группе «Информационные системы» доминируют типы «Человек-Знаковая система» и «Человек-Техника».



	Р	И	С	К	П	А
Психология	4	6	10	4	8	7
Экономика	6	8	7	5	11	6
Коммерция	4	7	8	5	11	6
Авиадиспетчеры	5	7	7	6	10	7
Инф. системы	7	9	4	10	8	2

Рис. 7. Гистограмма среднестатистической выраженности показателей типов личности: Р – реалистичный тип; И – интеллектуальный тип; С – социальный тип; К – конвенциональный тип; П – предприимчивый тип; А – артистичный тип



	Ч-Ч	Ч-ЗС	Ч-И	Ч-П	Ч-Т
Психология	7	5	4	6	2
Экономика	5	6	3	4	4
Коммерция	6	5	4	4	3
Авиадиспетчеры	5	6	3	5	5
Инф. системы	4	6	3	3	7

Рис. 8. Гистограмма среднестатистической выраженности показателей, относящихся к определенным профессиональным типам: Ч-Ч – человек-человек; Ч-ЧЗ – человек-знаковая система; Ч-И – человек-искусство; Ч-П – человек-природа; Ч-Т – человек-техника

Корреляционный анализ Пирсона и анализ взаимосвязей между полученными данными с помощью U-критерия Манна–Уитни позволили определить характеристики и показатели представления о себе в группах студентов, имеющие статистические различия или сходство.

1. Реалистичному типу личности соответствует пониженный уровень общительности (r = -0,7).

2. Интеллектуальный тип личности имеет прямую взаимосвязь с умением многое делать руками (r = 0,73) и обратную взаимосвязь с показателями экстраверсии (r = -0,8), уверенности в себе (r = -0,76) и авторитета у сверстников (r = -0,69).

3. Социальный тип личности коррелирует с показателями экстраверсии (r = 0,92), авторитета у сверстников (r = 0,63), активности (r = 0,8), общительности (r = 0,89), самоуважения (r = 0,67), самоценности (r = 0,972), саморуководства (r = 0,81), самопринятия (r = 0,71), самопривязанности (r = 0,82).

4. Конвенциональному типу личности соответствует пониженный уровень общительности (r = = -0,82).

5. Предприимчивый тип личности имеет прямые взаимосвязи с характеристиками представления о себе: уверенности в себе (r = 0,83), авторитета у сверстников (r = 0,95), активности (r = 0,59), принятия борьбы (r = 0,86), самоуважения (r = 0,84), саморуководства (r = 0,71).

6. Артистичный тип имеет прямую взаимосвязь с экстраверсией (r = 0,67).

7. Профессиональный тип личности «Человек-Человек» прямо коррелирует с характеристиками представления о себе: экстраверсией (r = 0,88), активностью (r = 0,79), принятием борьбы (r = 0,8), общительностью (r = 0,94), самопринятием (r = 0,65), самопривязанностью (r = 0,67).

8. Профессиональный тип личности «Человек-Знаковая система» коррелирует с показателями принятие борьбы (-r = 0,62) и отраженного самоотношения (r = 0,58).

9. Профессиональный тип личности «Человек-Искусство» прямо коррелирует с показателями авторитета у сверстников (r = 0,64), общительности (r = 0,68), самоценности (r = 0,82), самопринятия (r = 0,85), самопривязанности (r = 0,71).

10. Профессиональный тип личности «Человек-Природа» прямо коррелирует с показателями представления о себе: уверенностью в себе (r = 0,64), отраженным самоотношением (r = 0,81), самопринятием (r = 0,67), самопривязанностью (r = 0,84).

11. Профессиональный тип личности «Человек-Техника» обратно коррелирует с показателями экстраверсии (r = -0,82), авторитета у сверстников (r = -0,67) и активности (r = -0,62) и прямо взаимосвязан с показателем умения делать многое своими руками (r = 0,95).

Выводы

Анализ результатов проведенного исследования позволил дать содержательную характеристику представления о себе студентов различных специальностей и показать его взаимосвязь с профессиональным самоопределением.

1. Для психологов характерны высокие показатели экстраверсии и низкий уровень нейротизма, высокая самооценка собственного характера. Студенты стремятся завоевать авторитет среди сверстников. «Перспективное Я» охватывает целый спектр тех профессиональных отраслей, в которых позволяет развиваться выбранная специальность. «Персональные» качества также широко описаны и в целом имеют положительную характеристику. Испытуемые принимают себя как личность, склонны осознавать себя как носителей позитивных, социально желательных характеристик, удовлетворены собой. Уверены в себе, независимы, склонны рассчитывать на собственные силы в трудных ситуациях, активны, общительны, импульсивны. Открыты новому и относятся к себе с защитой, в то же время достаточно снисходительны к себе и своим поступкам. Эмоциональны, испытывают чувство симпатии к самим себе, согласны со своими внутренними побуждениями. Социальны в профессиональном плане.

2. Показатели в группах «Экономика» и «Коммерция» имеют максимальное сходство. При высоком уровне экстраверсии и низком уровне нейротизма студенты высоко оценивают собственные интеллектуальные возможности, свой характер, стремятся к авторитету. Категория «Перспективного Я» у экономистов представлена как финансист, экономист, банкир и т.п.; у коммерсантов – как закупщик, специалист по продажам, коммерческий директор и т.п. «Персональные» качества описаны широко и с положительным знаком. Уровень развития волевых сторон оценивается студентами как средний и коррелирует с предприимчивым и интеллектуальным профессиональными типами. Таким образом, выявлена склонность к видам деятельности «Человек-Знаковая система» и «Человек-Человек».

3. Показатели экстраверсии-интроверсии в группе «Авиационные диспетчеры» отличаются высокой степенью полярности, т.е. следует говорить о гетерогенности этой группы. Эмоциональное состояние студентов стабильное. Уровень притязаний направлен на умение делать что-либо своими руками. В категории «Перспективного Я» у испытуемых не выявлены характеристики будущей специальности. Все описанные качества относятся к видам деятельности, прямо не пересекающимся со специальностью «Организация воздушных перевозок». В группе ярко описано «Социальное Я»,

«Коммуникативное Я», а также «Физическое Я». «Рефлексивное Я» представлено в основном описанием положительных человеческих качеств или демонстративных характеристик. Активны и предприимчивы, стремятся к руководству. Можно предположить, что профессиональный выбор у большинства студентов этой специальности носит случайный характер, за время обучения изучаемая специальность не отразилась на содержании профессионального самоопределения студентов.

4. В группе специалистов «Информационные системы» наблюдается склонность к интроверсии, результаты по шкале нейротизма стабильно низкие. Выявлена адекватная, а порой неадекватно заниженная оценка собственных качеств и характеристик, что качественно отличает эту группу студентов. Достижение авторитета у сверстников не является приоритетным для студентов этой специальности. «Перспективное Я» и «Рефлексивное Я» максимально коррелируют, т.е. выбранная профессия соответствует представлению о себе и пониманию себя. У этих студентов отмечено критическое отношение к себе, зависимость от внешних обстоятельств и оценок; им характерна некоторая пассивность, спокойные эмоциональные реакции. В группе «Информационные системы» доминирует направленность на конвенциональный тип деятельности и склонность к профессиям типа «Человек-Знаковая система» и «Человек-Техника».

На основании результатов исследования можно составить портрет типа личности профессионала:

– реалистичному типу личности соответствует пониженный уровень общительности;

– интеллектуальный тип имеет прямую взаимосвязь с умением многое делать руками и обратную с показателями экстраверсии, уверенности в себе и авторитета у сверстников;

– социальный тип личности коррелирует с показателями экстраверсии, авторитета у сверстников, активности, общительности, самоуважения, самоценности, саморуководства, самопринятия, самопривязанности;

– конвенциональному типу личности соответствует пониженный уровень общительности;

– предприимчивый тип личности имеет следующие прямые взаимосвязи с характеристиками представления о себе: уверенностью в себе, авторитетом у сверстников, активностью, принятием борьбы, самоуважением, саморуководством;

– артистичный тип прямо взаимосвязан с экстраверсией;

– профессиональный тип «Человек-Человек» имеет следующие прямые взаимосвязи с характеристиками представления о себе: экстраверсией, активностью, принятием борьбы, общительностью, самопринятием, самопривязанностью;

– профессиональный тип личности «Человек-Знаковая система» обратно взаимосвязан с показателями принятия борьбы и отраженного самоотношения;

– профессиональный тип личности «Человек-Искусство» коррелирует с показателями авторитета у сверстников, общительности, самоценности, самопринятия, самопривязанности;

– профессиональный тип личности «Человек-Природа» коррелирует с такими показателями представления о себе, как уверенность в себе, отраженное самоотношение, самопринятие, самопривязанность;

– профессиональный тип личности «Человек-Техника» обратно коррелирует с показателями экстраверсии, авторитета у сверстников и активности, и прямо взаимосвязан с показателем умения делать многое своими руками.

Таким образом, предположение о том, что адекватно сформированные представления о себе, своих возможностях, навыках и умениях способствуют эффективному профессиональному самоопределению, находит свое подтверждение.

Данное исследование представляет собой попытку внести определенный вклад в понимание профессионального самоопределения студентов старших курсов, в содержание их представления о себе, влияющего на профессиональный выбор. Предложенный теоретико-методологический подход и представленное эмпирическое исследование позволяют использовать полученные результаты в процессе диагностической и консультативной работы практикующих психологов при разработке профориентационных программ, а также при коррекции профессиональных кризисов юношей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акбиева, З.С.* Развитие психологического соответствия человека и профессии в поликультурной образовательной среде вуза : автореф. дис. … д-ра психол. наук / З.С. Акбиева. – М., 2009. – 49 с.

2. *Бодров, В.А.* Психология профессиональной пригодности / В.А. Бодров. – М. : ПЕР СЭ, 2001. – 511 с.

3. *Головаха, Е.И.* Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодёжи / Е.И. Головаха. – Киев : Наук. думка, 1998. – 144 с.

4. *Зеер, Э.Ф.* Психология профессионального самоопределения в ранней юности / Э.Ф. Зеер, О.А. Рудей. – М. : Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 2008. – 256 с.

5. *Климов, Е.А.* Психология профессионального самоопределения / Е.А. Климов. – М. : Академия, 2004. – 304 с.

6. *Леонтьев, Д.А.* Профессиональное самоопределение как построение образов возможного будущего / Д.А. Леонтьев, Е.В. Шелобанова // Вопросы психологии. – 2001. – № 1. – С. 57–65.

7. *Митина, Л.М.* Психологическое сопровождение выбора профессии / Л.М. Митина. – М. : МПСИ, 2003. – 184 с.

8. *Пряжников, Н.С.* Профессиональное и личностное самоопределение / Н.С. Пряжников. – М. : Изд-во Института практ. психол., 1996. – 246 с.

9. *Сокольская, М.В.* Анализ личностной готовности к профессиональной деятельности студентов технического вуза / М.В. Сокольская // Ползуновский вестник. – 2006. – № 3/2. – С. 252–258.

10. *Сокольская, М.В.* Проблема влияния профессиональной деятельности на личность / М.В. Сокольская // Профессиональная подготовка кадров для социальной сферы: региональный аспект: коллектив. моногр. / под ред. Т.Н. Мартыновой / ГОУ ВПО «Кемеровский гос. ун-т». – Томск : Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2009. – С. 262–277.

11. *Сокольская, М.В.* Личностное здоровье профессионала : моногр. / М.В. Сокольская. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2008. – 303 с.

12. *Столин, В.В.* Самосознание личности / В.В. Столин. – М. : Изд-во Московского ун-та, 2008. – 288 с.

13. Van den Broeck, Anja. A Review of Self-Determination Theory's Basic Psychological Needs at Work / Anja Van den Broeck, D. Lance Ferris, Chu Hsiang Chang, Christopher C. Rosen // Journal of Management. – 2016. – Vol. 42. Is. 5. – P. 1195–1229.

14. *Chirkov, V.I.* A cross-cultural analysis of autonomy in education: a self-determination theory perspective / V.I. Chirkov // Theory and Research in Education. – 2009. – Vol. 7. № 2. – P. 253–262.

15. *Nota, L.A.* multivariate analysis of the self-determination of adolescents / L.A. Nota, S. Soresi, L. Ferrari and M.L. Wehmeyer //Journal of Happiness Studies. – 2011. – Vol. 12. – P. 245–266.

ПОВЫШЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И МАСТЕРОВ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОБУЧЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

З.А. Богомаз

М.Л. Коцуба

Богомаз Злата Анатольевна – проректор по учебной работе Хабаровского краевого института развития профессионального образования.

Контактный адрес: zbogomaz@irpodv.ru

Коцуба Марина Леонидовна – начальник отдела дополнительных профессиональных программ Хабаровского краевого института развития профессионального образования.

Контактный адрес: marina.kotcuba@irpodv.ru

Статья посвящена актуальным вопросам повышения профессиональной компетентности мастеров производственного обучения и преподавателей профессиональных дисциплин в условиях модернизации системы среднего профессионального образования. Представлены различные подходы к формированию структуры и содержания дополнительных профессиональных программ, позволяющие педагогам учитывать особенности проектирования образовательной деятельности, совершенствовать педагогические, психологические, методические компетенции, влияющие на развитие профессионально-педагогической позиции мастеров производственного обучения и преподавателей. Основное назначение деятельности мастера производственного обучения и преподавателя профессиональных дисциплин состоит в решении двух важнейших и взаимосвязанных задач: с одной стороны, они в значительной степени способствуют формированию высококвалифицированного специалиста, востребованного на рынке труда, а с другой – влияют на формирование его личности, способной к саморазвитию и самосовершенствованию. Поэтому перед системой среднего профессионального образования стоят задачи, требующие высокого уровня компетентности всех, кто обеспечивает процесс обучения. Материалы статьи могут использоваться в сфере профессиональной переподготовки и повышения квалификации педагогических работников.

Ключевые слова: дополнительная профессиональная программа, профессиональный стандарт, профессиональная компетентность, общие компетенции, мастер производственного обучения, преподаватель, педагогическое проектирование, профессиональная переподготовка, профессионально-педагогическая позиция, структура и содержание программ.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-155-160

Современная государственная политика направлена на повышение качества среднего профессионального образования, которое напрямую зависит от профессионального уровня педагогических кадров. Профессионализм работы мастеров производственного обучения и преподавателей профессиональных дисциплин (далее – преподаватели) является ключевым условием подготовки квалифицированных специалистов для экономики страны. Поэтому одним из актуальных вопросов системы профессионального образования является качественная переподготовка и повышение квалификации педагогических работников. Принятый профессиональный стандарт «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» (далее – профессиональный стандарт педагога) задает высокую планку для повышения квалификации мастеров производственного обучения, преподавателей, способствуя развитию у них новых компетенций, в том числе овладению ими современными образовательными технологиями, технологиями проектирования процесса обучения [8].

Для достижения цели – подготовки высококвалифицированных специалистов необходимо, чтобы мастера производственного обучения и преподаватели не только понимали основы образовательного процесса, методы обучения и воспитания, индивидуального подхода к обучающемуся, но и осознавали важность формирования студентов социально-активными личностями, обладающими общими и профессиональными компетенциями [9].

Состав педагогических кадров профессиональных образовательных организаций неоднородный. Пополнение штатов педагогических работников профессиональных образовательных организаций во многих случаях осуществляется за счет специалистов с предприятий, в этой связи не все мастера производственного обучения и преподаватели имеют педагогическое образование. Данная категория является высокопрофессиональной и компетентной в своей первичной профессиональной деятельности (например, электромонтажник, сварщик, токарь), а к деятельности педагогической мастера своего дела не всегда оказываются достаточно подготовленными.

Именно деятельность мастеров производственного обучения и преподавателей крайне важна. В нашем понимании, они закладывают основу знаний, умений обучающихся по профессии и специальности, которые в дальнейшем развиваются в условиях производства на практике, а также закладывают основы для социализации будущих рабочих [4].

Потребность в профессионально-педагогическом образовании мастеров производственного обучения и преподавателей велика. Им требуются педагогические, психологические, методические компетенции [10]. Программы повышения квалификации, построенные на основе принципов модульности и вариативности, а также программы профессиональной переподготовки по педагогике обеспечивают различные траектории входа в педагогическую профессию с учетом имеющейся базовой профессии и сформированной первичной профессиональной позиции, отсутствия или наличия опыта педагогической деятельности, определённых квалификационных потребностей. Реализация профессионального стандарта педагога неизбежно влечет за собой изменение подходов к повышению квалификации профессиональной переподготовки.

Хабаровский краевой институт развития системы профессионального образования (далее – институт) реализует различные дополнительные профессиональные программы, среди которых – программа профессиональной переподготовки «Педагогика профессионального обучения». Данная программа способствует развитию профессионально-педагогической компетентности, формированию и развитию компетенций, необходимых для выполнения трудовых функций мастеру производственного обучения и преподавателю, не имеющему педагогического образования. Структура и содержание программы представляют собой единство различных компонентов, направленных не только на передачу профессиональных знаний, умений и навыков, но и на развитие педагогического мышления и на приобщение мастеров производственного обучения и преподавателей к педагогическим ценностям [6].

Виды профессиональной деятельности, которые освоит педагог в процессе профессиональной переподготовки: учебно-профессиональная; научно-исследовательская; образовательно-проектировочная; организационно-технологическая, на наш взгляд, способствуют развитию профессионально-педагогической позиции.

Проблема формирования профессиональной позиции педагога как интегральной характеристики личности, отражающей суть процесса профессионализации, в целом не является новой для педагогики и психологии. Обращение к указанной проблематике нашло широкое отражение в трудах отечественных учёных, посвящённых изучению сущностных характеристик и средств формирования различных проявлений профессионала в педагогической деятельности.

Так, в научных трудах О.Л. Берак, А.В. Мудрика, З.А. Несимовой педагогическая деятельность определяется как личностное образование, выражающее профессиональную позицию каждого конкретного педагога. В исследованиях Г.С. Абрамовой, Е.П. Белозерцева профессионально-педагогическая позиция признаётся характеристикой, определяющей выбор субъектом своего профессионального пути, осуществления деятельности, поведения, общения.

В арсенале современной педагогической науки имеется немало исследований, в которых профессиональная позиция рассматривается в связи с решением некоторых определенных задач, например:

– через классификацию профессиональных позиций (Ю.И. Куницкая, А.К. Маркова, Т.Д. Пашкевич, Н.Е. Щуркова и др.);

– через динамику профессиональной позиции (В.П. Бедерханова, Н.М. Борытко, С.А. Нелюбов и др.);

– через выявление факторов, которые влияют на формирование позиции (В.А. Сластёнин, Н.И. Шелихова, Е.Г. Юдина и др.);

– через раскрытие специфики профессиональной позиции специалистов определённой квалификации либо конкретной ступени профессионального роста (М.А. Галанова, Н.Ф. Терпугова, Л.И. Фёдорова и др.).

Опираясь на представления учёных о содержании понятия «профессиональная педагогическая позиция», мы имеем в виду, что позиция характеризуется отношением педагогического работника к качеству выполнения своей образовательной деятельности, к коллегам, к обучающимся как к личностям, к самому себе как к специалисту. На наш взгляд, при таком подходе мастер производственного обучения и преподаватель должны осознавать свою причастность к образовательному процессу, выступать в нём заинтересованными лицами, стремиться к повышению своей профессиональной компетентности.

Профессионально-педагогическая позиция – это личностное образование, основывается на развитии ценностно-смысловых отношений к педагогической профессии, которое, развиваясь, характеризуется отношением мастера производственного обучения и преподавателя к личности обучающегося, к себе как к педагогу и к качеству выполнения своей профессиональной деятельности.

Содержание программы профессиональной переподготовки, направленное на развитие профессионально-педагогической позиции, реализуется через следующие этапы:

– субъектный: встреча с собой (открытие себя как педагога, своего отношения к профессии, оценка своего педагогического опыта);

– коммуникативно-ориентированный: встреча с обучающимися (открытие обучающихся как участников совместной деятельности и возможностей этой деятельности);

– технологический: расширение и обогащение, создание опыта взаимоотношений за счет освоения педагогических технологий. Этот этап не имеет четких границ, он пронизывает два вышеназванных этапа.

Каждый из этих этапов включает компоненты профессионально-педагогической позиции мастеров производственного обучения и преподавателей: мотивационно-смысловой, интеллектуально-содержательный, организационно-деятельностный и рефлексивный.

Профессионально-педагогическая позиция направлена не только на овладение способами реализации содержания обучения, но и на осознание ценности обучающегося, на создание условий для проявления универсальных личностных способностей будущего специалиста с учётом индивидуальных предпочтений и ценностных ориентаций, его социального окружения. Все это создает ситуацию принятия профессионально-педагогической позиции как профессионально значимой характеристики собственной педагогической деятельности.

Для мастеров производственного обучения и преподавателей с целью ликвидации профессиональных дефицитов в институте реализуются дополнительные профессиональные программы повышения квалификации.

В зависимости от программы по-разному определены цели и задачи, направленность, результаты и соответственно перечень совершенствуемых общекультурных и профессиональных компетенций, а также компетентность педагогов.

Анализ научно-педагогической литературы дает нам основание утверждать, что понятие «профессионально-педагогическая компетентность» шире понятия «педагогическая компетентность» и включает в себя общекультурную, педагогическую, предметную, методическую, коммуникативную компетенции (Г.В. Мухаметзянова, Н.В. Кузьмина, Л.М. Митина, В.А. Сластенин) [3]. Мы придерживаемся позиции Г.В. Мухаметзяновой, которая считает, что профессионально-педагогическую компетентность можно рассматривать через владение педагогическими и образовательными технологиями, как педагогическую направленность, эмоциональную гибкость, личностную мобильность, основывающуюся на открытости новому, гибкости личности, установок, способности перестраиваться с одного вида деятельности на другой [5].

Перечисленные факты являются необходимостью для включения в дополнительные профессиональные программы повышения квалификации содержательных разделов, модулей для совершенствования профессионально значимых качеств и профессиональных видов деятельности мастеров производственного обучения и преподавателей [7].

К таким программам относятся отраслевые курсы повышения квалификации в форме стажировки. Остановимся на примере модульной дополнительной профессиональной программы повышения квалификации «Технологии современного производства в практике профессионального образования», которая направлена на совершенствование профессиональных компетенций мастеров производственного обучения, необходимых для образовательной деятельности. Программа разработана в соответствии с профессиональными стандартами и федеральными государственными образовательными стандартами и предназначена для педагогических работников, реализующих программы СПО, в том числе по 50 наиболее востребованным новым и перспективным профессиям. Данная программа состоит из двух модулей. Изучение первого модуля (инвариантного) «Современные образовательные технологии и профессиональные стандарты для подготовки высококвалифицированных специалистов» позволяет приобрести теоретические знания в области современных педагогических технологий. Модуль разработан на основе профессионального стандарта «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования». Одним из важных содержательных элементов модуля является освоение технологий педагогического проектирования, что, в свою очередь, изменяет подход педагогов среднего профессионального образования к управлению педагогическим процессом. Используя технологический инструментарий соединения теории и практики, мастера производственного обучения и преподаватели смогут разрабатывать новые проекты, нацеленные на создание саморазвивающихся систем, педагогических процессов и учебных ситуаций, способствующих повышению результативности обучения, воспитания и развития обучающихся [1; 2].

Второй модуль – «Формирование новых компетенций в подготовке специалистов в соответствии с профессиональными стандартами и требованиями WorldSkills» – является вариативным (по отраслям) и реализуется на базе профессиональных образовательных организаций и предприятий («Электромонтажные работы», «Токарные работы на станках с ЧПУ», «Сварочные технологии», «Фрезерные работы на станках с ЧПУ», «Ремонт и обслуживание легковых автомобилей»).

На всех этапах обучения используются информационно-коммуникационные технологии и интерактивные методы обучения (групповые дискуссии, анализ ситуаций, презентации, дидактическая игра, метод «кейсов»). Применяются современные формы и средства обучения: программное обеспечение SYMplusv.5.1 (токарная и фрезерная обработка) – современная мультимедийная программная система для обучения операторов станков с ЧПУ. Стажировка проходит в мастерских профессиональных образовательных организаций, оснащенных высокоточным оборудованием в соответствии с требованиями WorldSkills. Задействованы лаборатории технопарка и кафедры «Машиностроение и металлургия» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, лаборатории ремонтных автомастерских специализированного центра компетенций Хорского агропромышленного техникума.

К разработке программ были привлечены представители организаций-партнеров: филиал ПАО «Авиационная холдинговая компания "Сухой"» «Комсомольский-на-Амуре авиационный завод имени Ю.А. Гагарина», ЗАО «Хабаровское монтажное управление "Дальэлектромонтаж"», ООО «Амур Машинери». Привлечение к реализации программы ведущих специалистов организаций и предприятий предполагает, что полученные педагогами в ходе обучения практические навыки станут уникальным инструментом повышения качества образовательного процесса.

Особенностью данной вариативной модульной программы является итоговая аттестация, которая проходит в формате демонстрационного экзамена, что позволяет слушателям выступить и в роли участника (обучающегося), и в роли организаторов (экспертов) экзамена.

Дополнительная профессиональная программа имеет положительные экспертные заключения, является победителем во II Всероссийском конкурсном проекте в сфере дополнительного профессионального образования «Образовательный марафон-2017» и полностью отвечает отраслевым и региональным требованиям рынка труда, способствует эффективному развитию человеческого капитала.

Институт в 2017 г. получил статус пилотного центра повышения квалификации Национального агентства развития квалификаций. На базе института организовано повышение квалификации мастеров производственного обучения и преподавателей, осуществляющих подготовку рабочих кадров, по дополнительной профессиональной программе «Проектирование и реализация учебно-производственного процесса на основе применения профессиональных стандартов, лучшего отечественного и международного опыта по профессиям "Сварщик дуговой сварки", "Токарь на станках с ЧПУ"».

Программа повышения квалификации включала три модуля и обеспечивала освоение профессиональных компетенций, необходимых педагогическим работникам, реализующим современные образовательные программы, ведущие к получению квалификации.

Первый модуль – методический – посвящен вопросам применения профессиональных стандартов при подготовке рабочих кадров и специалистов среднего звена. По окончании модуля у слушателей появились предложения по актуализации федеральных государственных образовательных стандартов среднего профессионального образования (далее – ФГОС), основных профессиональных образовательных программ, профессиональных стандартов по профессиям «Сварщик дуговой сварки», «Токарь на станках с ЧПУ». Мастера производственного обучения и преподаватели предлагали привести в соответствие ФГОС к профессиональным стандартам по профессиям; конкретизировать знания и умения, предусмотренные ФГОС; дополнить перечень профессиональных компетенций по видам деятельности, предусмотренных ФГОС СПО, и расширить практический опыт, обеспечивающий их освоение; внести в формирование общих компетенций, предусмотренных ФГОС, владение иностранными языками; изменить требование к опыту работы или учитывать обучение в учебном заведении.

Второй модуль – технологический – реализовался в форме стажировки на базах ООО «Аттестационный центр "НАКС-Хабаровск"» по профессии «Сварщик дуговой сварки» и КГАПОУ «Губернаторский авиастроительный колледж г. Комсомольска-на-Амуре (Межрегиональный центр компетенций)» по профессии «Токарь на станках с ЧПУ».

В ходе стажировки педагогические работники осваивали компетенции, актуальные для выполнения профессиональной деятельности, к которой готовятся выпускники образовательных программ. В рамках реализации стажировки проходило взаимодействие с экспертами – представителями Советов профессиональных квалификаций, предприятий по профессиям «Сварщик дуговой сварки», «Токарь на станках с ЧПУ», такими как Гевондян Константин Александрович, технический директор ООО «Аттестационный центр "НАКС-Хабаровск"»; Шестакова Татьяна Васильевна, руководитель Центра оценки квалификации ПАО «Машиностроительный завод имени М.И. Калинина» (г. Екатеринбург). По мнению слушателей курсов повышения квалификации, состоялся профессиональный диалог, который помог в конкретизации основных положений профессиональной деятельности.

Третий модуль – информационно-технологический – проходил в дистанционной форме обу-

чения и обеспечивал опыт применения электронных цифровых учебных материалов и дистанционных образовательных технологий при подготовке рабочих кадров.

Освоение программы повышения квалификации завершилось итоговой аттестацией в форме презентации и защиты портфолио.

Слушатели представили программы профессиональных модулей, практик, фонды оценочных средств, сценарии занятий и другие элементы, разработанные с применением профессиональных стандартов и размещенные в системе электронного обучения, входящие в состав программ подготовки рабочих кадров и специалистов среднего звена.

Характеризуя современные подходы к повышению квалификации педагогов, необходимо подчеркнуть возрастающую значимость рефлексии, которая сегодня расценивается как средство обновления профессионального образования и мастерства, так как именно высокий уровень рефлексивных способностей позволяет педагогическим кадрам анализировать, контролировать и изменять собственную практику профессиональной деятельности, используя аналитический подход к обучению.

В период прохождения курсов повышения квалификации по дополнительной профессиональной программе «Проектирование и реализация учебно-производственного процесса на основе применения профессиональных стандартов, лучшего отечественного и международного опыта (профессии «Токарь на станках с ЧПУ», «Сварщик дуговой сварки»)» проведено анкетирование.

Оценка успешности практической реализации программы определялась на основе критериев и методов диагностики результатов.

Многомерный мониторинг, заложенный в предлагаемой модели, имел следующую структуру:

– ежедневный анкетный опрос по оценке эмоционального комфорта, конструктивности взаимодействия, продуктивности работы, удовлетворенности личным участием, удовлетворенности работой коллег;

– анкетирование по итогам курсов.

На первом этапе проведена входная, а по окончании курсов – выходная диагностика по 5 параметрам. Результаты диагностики, представленные в баллах по 10-балльной шкале (от 0 до 9 баллов), приведены в табл. 1, на рис. 1.

Анализ данных анкет позволяет сделать вывод, что практически по всем параметрам диагностики наблюдаются положительные изменения. Особо следует отметить значимый прирост по таким позициям, как уровень знаний по проблеме (2,1) и уровень практических умений по проблеме (2,1). Высока и доля педагогов, желающих воплотить полученные знания и умения в практической деятельности.

Таблица 1

Диагностика слушателей курсов повышения квалификации

Наименование	Актуальность проблемы на современном этапе	Личная заинтересованность в изучении проблемы	Уровень знаний по проблеме	Уровень практических умений по проблеме	Свои намерения в реализации идей на практике
Входная диагностика	5,5	5,5	6,5	6,6	6,9
Выходная диагностика	7,9	8,5	8,6	8,7	8,8
Изменение показателя	+2,4	+3,0	+2,1	+2,1	+1,9

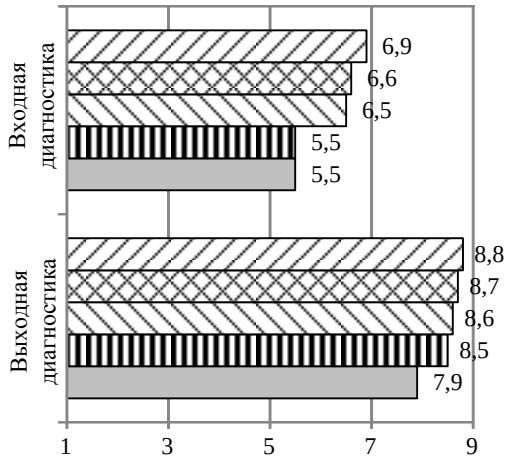


Рис. 1. Результаты диагностики: ▨ – свои намерения в реализации идей на практике; ▨ – уровень практических умений по проблеме; ▨ – уровень знаний по проблеме; ▮ – личная заинтересованность в изучении проблемы; ■ – актуальность проблемы на современнгом этапе

В течение курсов повышения квалификации осуществлялся и ежедневный мониторинг по следующим показателям (табл. 2, рис. 2):

– эмоциональному комфорту;

– конструктивности взаимодействия;

– продуктивности работы;

– удовлетворению личным участием в работе;

– удовлетворению работой коллег.

Анализ анкет ежедневного мониторинга позволяет утверждать, что и здесь имеет место положительная динамика по всем показателям.

Данные анкет подтвердились положительными отзывами мастеров производственного обучения и преподавателей об их высокой результативности при подведении итогов курсов повышения квалификации.

Таблица 2

Выходная диагностика слушателей курсов повышения квалификации

День	Эмоциональный комфорт	Конструктивность взаимодействия	Продуктивность работы	Удовлетворение личным участием	Удовлетворение работой коллег
1-й	7,5	7,8	8,1	8,2	8,8
2-й	8,5	8,8	8,5	8,3	9,0
3-й	7,7	8,2	8,1	8,3	8,5
4-й	8,5	8,6	8,6	8,7	8,5
5-й	7,9	8,3	8,3	8,4	8,2
6-й	7,7	8,4	8,4	8,8	8,8
7-й	8,3	8,6	8,5	8,4	9,0
8-й	8,4	8,4	8,1	8,7	9,0
9-й	9,0	8,8	8,8	8,7	9,0
Изменение показателей в 1-й и 7-й дни	1,5	1	0,7	0,5	0,2

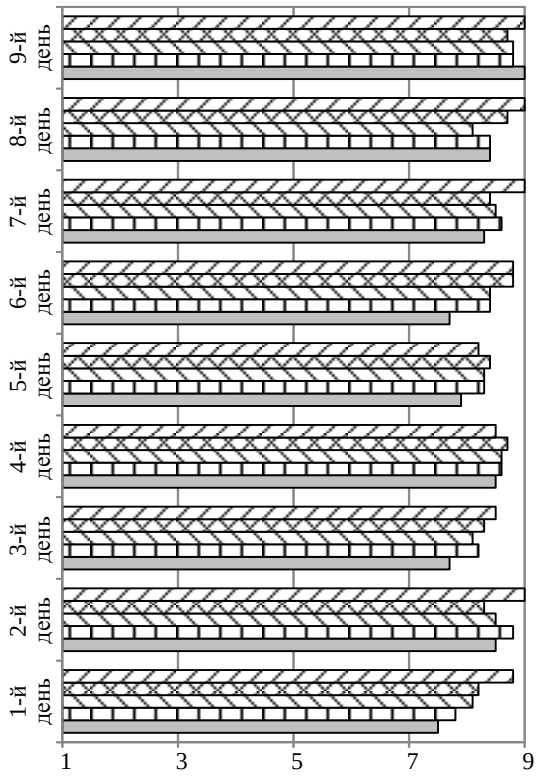


Рис. 2. Результаты мониторинга: ▨ – удовлетворение работой коллег; ▨ – удовлетворение личным участием; ▨ – продуктивность работы; □ – конструктивность взаимодействия; ▨ – эмоциональный комфорт

Дополнительные профессиональные программы, реализованные Институтом совместно с профессиональными образовательными организациями и предприятиями по повышению квалификации педагогических работников через модульные программы, в том числе отраслевую стажировку, применение интерактивных технологий при их реализации, позволяют не только повысить профессиональную компетентность мастеров производственного обучения и преподавателей, но и способствуют повышению качества обучения студентов учреждений СПО, формированию у них профессиональных и общекультурных компетенций.

Таким образом, образовательный процесс в системе дополнительного профессионального образования имеет свои особенности. Это характеризуется многообразием и вариативностью как в структурном, так и в содержательном плане, применяемыми на курсах повышения квалификации и профессиональной переподготовки.

Представленные нами дополнительные профессиональные программы и варианты обучения предлагают мастерам производственного обучения и преподавателям не только различные варианты для удовлетворения своих профессиональных дефицитов, но и способствуют развитию их профессионально-педагогической позиции и, как следствие, развитию общих и профессиональных компетенций обучающихся, но и позволяют спроектировать дальнейшую индивидуальную траекторию профессионального развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адольф, В.А.* Проектирование образовательного процесса на основе компетентностного подхода / В.А. Адольф, И.Ю. Степанова // Высшее образование в России. – 2008. – № 3.

2. *Волков, И.П.* Цель одна – дорог много: Проектирование процессов обучения: Книга для учителя: Из опыта работы / И.П. Волков. – М. : Просвещение, 1990. – 159 с.

3. *Дзюбенко, И.А.* Сущность понятий «компетентность» и «компетенция» / И.А. Дзюбенко // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2013. – № 1. – С. 18–20.

4. Методика профессионального обучения : учеб. пособие для мастеров производственного обучения и наставников на производстве / В.И. Блинов [и др.] ; под общ. ред. В.И. Блинова. – М. : Юрайт, 2017. – 219 с.

5. Методология и опыт инновационной деятельности в системе профессионального образования : коллективная моногр. / Г.В. Мухаметзянова [и др.]; под ред. Г.В. Мухаметзяновой. – Казань : Медицина, 2011. – 396 с.

6. *Онушкин, В.Г.* Непрерывное образование – приоритетное направление науки / В.Г. Онушкин, Ю.Н. Кулюткин // Советская педагогика. – 1989. – № 2.

7. *Печатнова, О.М.* Современные подходы к пониманию сущности непрерывного образования / О.М. Печатнова // Российский научный журнал. – 2009. – № 3.

8. Профессиональный стандарт «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fgosvo.ru/01.004.pdf

9. Профессиональная педагогика : учеб. пособие для вузов. В 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. В.И. Блинова. – М. : Юрайт, 2017. – 374 с.

10. Профессиональная педагогика : учеб. пособие для вузов. В 2 ч. Ч. 2 / под общ. ред. В.И. Блинова. – М. : Юрайт, 2017. – 353 с.

КРИТИЧЕСКИЙ РАЦИОНАЛИЗМ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Ю.А. Леонтьев

Леонтьев Юрий Алексеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, политологии и регионоведения Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: leontevy@yandex.ru

В статье показывается, что дерационализация массового сознания, имеющая место в молодёжной среде, является главным фактором эскалации экстремистских настроений. Это проявляется в том, что в повседневные коммуникации через СМИ активно транслируются социальные стереотипы, находящиеся вне критики и рефлексии. Большую опасность, по мнению автора, особенно для молодёжи, имеет некритическое восприятие некоторых религиозных идей и основанных на них мифов, разбор которых приводится в статье. Автор полагает, что главной целью антиэкстремистской деятельности в сфере образования является выстраивание рациональной коммуникации, блокирующей экстремистские идеи на ранней стадии их зарождения, а также формирование интеллектуальной авирулентности (невосприимчивости) по отношению к экстремистским идеологиям и идеям, их порождающим.

Ключевые слова: экстремизм, рациональность, дерационализация, молодёжь, религия.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-161-165

Тот, кто способен склонить к вере в небылицы,
способен склонить и к совершению злодеяний.
Вольтер

Слова Вольтера, взятые в качестве эпиграфа, очень точно отражают суть проблемы, о которой пойдет речь в данной статье. Эта проблема состоит в неожиданной успешности экстремистской пропаганды религиозного и политического толка, в том числе в самых крайних иррациональных формах, в некогда одной из самых образованных и передовых в научном смысле стран, каковым, безусловно, был СССР и, как казалось, должна была бы быть современная Россия. Данная ситуация, сложившаяся в нашей стране в постсоветский период, на наш взгляд, является прямым следствием процесса дерационализации массового сознания. Именно размывание стандартов рационального, трезвого, критического мышления является питательной почвой возникновения и распространения экстремистских идеологий, прежде всего в молодежной среде.

Очевидно, что поиск путей профилактики распространения экстремистской идеологии – комплексная проблема, включающая в себя не только юридические, политические и сугубо силовые аспекты. Важнейшей, если не главной, составляющей антиэкстремистской деятельности является собственно интеллектуальная, суть которой состоит в выстраивании рациональной коммуникации, блокирующей экстремистские идеи на ранней стадии их зарождения, а также в формировании интеллектуальной авирулентности (невосприимчивости) по отношению к экстремистским идеологиям. Именно в этом основная задача системы образования в деле профилактики проявлений экстремизма.

Мы исходим из предположения, что один из существенных факторов, способствующих росту экстремистских настроений, – дерационализация массового сознания, особенно остро проявляющаяся в молодежной среде. Таким образом, внешней концептуальной рамкой нашего подхода является проблема рациональности. Однако далее речь пойдет не о проблеме рациональности как проблеме критериев научности в ситуации постнеклассики, а в более конкретном и изначальном смысле как проблеме выбора рациональных критериев для построения общих полей аргументации и путях формирования интеллектуальной невосприимчивости к пропаганде экстремизма. Еще конкретнее речь пойдет об интерпретации возможных подходов к схеме закона достаточного основания в контексте выстраивания продуктивной коммуникативной стратегии противодействия пропаганде религиозного (и не только религиозного) экстремизма. На наш взгляд, во многом именно отсутствием продуктивной коммуникативной стратегии обусловлен критический уровень когнитивного диссонанса, порождающий конфликт цивилизаций, о котором писал еще С. Хантингтон [11]. Однако прежде чем предложить логическую экспликацию данного тезиса, которая по определению будет достаточно краткой, необходимо зайти с другой стороны и обосновать его актуальность в социально-политическом контексте.

Очевидно, что дерационализация массового сознания не является только российской проблемой. Многие американские интеллектуалы, прежде всего из лагеря агностиков, с удивлением отмечают поразительный уровень иррациональности в такой великой научной державе, как США. Например,

американский ученый и публицист Сэм Харрис, автор мирового бестселлера «Конец веры», не так давно отмечал: «Согласно последним опросам, 22 % американцев абсолютно уверены, что Иисус вернётся на Землю не позднее, чем через 50 лет. Ещё 22 % полагают, что это вполне вероятно. Судя по всему, эти 44 % – те же люди, кто посещает церковь как минимум раз в неделю, кто верит в то, что Бог в прямом смысле завещал евреям землю израильскую, и кто хочет, чтобы нашим детям не преподавали научный факт эволюции. /…/ Более 50 % американцев "негативно" или "крайне негативно" относятся к тем, кто не верит в Бога; 70 % полагают, что кандидаты в президенты должны быть "глубоко религиозны". Мракобесие в Соединённых Штатах набирает силу – в наших школах, в наших судах и во всех ветвях федеральной власти. Только 28 % американцев верят в эволюцию; 68 % верят в Сатану. Невежество такой степени, пронизывающее весь организм неуклюжей сверхдержавы, представляет проблему для всего мира» [9].

Кстати, тот факт, что соперником Б. Обамы от Республиканской партии на выборах президента США был М. Ромни, является косвенным свидетельством того, что если статистика и изменилась, то не в лучшую сторону. Напомним, что М. Ромни – мормон, т.е. по определению он должен верить в крайне одиозную с точки зрения рационального мышления историю, изложенную в так называемой «Книге Мормона», написанной в 1830 г. под диктовку полуграмотного авантюриста Джосефа Смита. Мормоны, как известно, ожидают Армагеддона и надеются в нем выжить и победить. И вот такому человеку американские избиратели (по крайней мере – республиканцы) готовы были доверить ядерную кнопку. Это действительно проблема для всего мира. Кстати, нынешний президент США Д. Трамп также вызывает у многих серьезные вопросы по поводу рациональности американского избирателя.

К сожалению, в нашей стране в последнее время происходят процессы, имеющие аналогичный смысл, хотя до приведенных выше показателей нам, надеюсь, еще далеко. Тем не менее несколько лет назад большой резонанс в СМИ имел опрос, проведенный ВЦИОМ. По его данным на 8 февраля 2011 г. (Пресс-выпуск № 1684), 32 % россиян верят, что Солнце вращается вокруг Земли, а 55 % считают, что радиация – рукотворный феномен [8]. Это, в числе прочего, следствие ликвидации школьной дисциплины «Астрономия», а также выбор курса на минимизацию преподавания естественных наук в средней школе. Не случайно министр образования России О.Ю. Васильева подняла вопрос о возвращении предмета «Астрономия» в среднюю школу.

Однако главный вклад в дерационализацию массового сознания вносят телеканалы. В погоне за рейтингами они не обращают ни малейшего внимания не только на «бритву Оккама», или «фальсификационизм Поппера», но даже на элементарный закон «достаточного основания». По ТВ можно увидеть в качестве «экспертов» людей, весьма далеких от академической науки, но только не настоящих ученых с опровержением околонаучных фантазий. Многие ли из нас видели на ТВ ушедшего из жизни в 2012 г. академика Эдуарда Круглякова, возглавлявшего комиссию Академии наук РФ по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований? А его преемника Евгения Александрова? Многие ли знают о том, что Э. Кругляков выпустил три тома под названием «Ученые с большой дороги»? Зато персонажи этой книги довольно частые гости телеканалов. После всего этого стоит ли удивляться, что люди готовы поверить чему угодно. Но дело в том, что такой легковерный человек, с разрушенным или еще не сформированным рефлексивным мышлением, готов поверить не только в «политкорректные» и «респектабельные» мифы, но и способен преклонить ухо к пропаганде сектантского и экстремистского толка.

К сожалению, при очевидных успехах наших спецслужб в деле борьбы с конкретными носителями идеологии религиозного и политического экстремизма существенных успехов в борьбе с самой этой идеологией (а это задача в том числе и системы образования, а не только спецслужб) пока не видно.

На наш взгляд, одна из причин такого положения дел состоит в *неадекватной постановке самой проблемы*. Мы пытаемся противостоять тем или иным искажениям той или иной религии или политической доктрины, неверным (на наш взгляд) интерпретациям той или иной Священной Книги. Однако корень проблемы лежит глубже. Очевидно, что проблема противодействия экстремистским идеологиям не решается только на уровне критики сектантства и фанатизма. Эта критика должна быть *фундирована научной критикой и самокритикой религиозной формы сознания как таковой*. К сожалению, сегодня экстремистские идеи, даже сугубо политические на первый взгляд, имеют религиозную подоплеку и паразитируют на религиозных текстах и институтах. Прежде всего это, конечно, касается Ислама, но не только. События осени 2017 г. вокруг фильма «Матильда» показали, что и в Православии вызревают силы и тенденции экстремистского толка.

Таким образом, проблема профилактики религиозного экстремизма приобретает герменевтический контекст, обусловленный необходимостью интерпретации религиозных учений и конкретных

текстов, так как иначе выстраивать коммуникацию с адептами религий невозможно.

В западной интеллектуальной традиции рефлексия по поводу интерпретации религиозных текстов существует, по меньшей мере, с начала новой эры, с экзегетики Филона Александрийского, разработавшего аллегорический метод истолкования Ветхого Завета. Согласно Филону, к некоторым отрывкам из Священного Писания дословная интерпретация неприменима: есть места, где дословное толкование унижает достоинство Бога или приводит к бессмысленным, противоречивым и недопустимым выводам; а также места, которые заключают в себе явные аллегории, своей формой прямо указывающие на невозможность дословного толкования.

Действительно, с точки зрения морального сознания, даже во времена Филона, не говоря о современности, сложно буквально воспринимать такие отрывки из Ветхого Завета:

– «А в городах сих народов, которых Господь Бог твой даёт тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души, но предай их заклятию: Хеттеев и Аморреев, и Хананеев, и Ферезеев, и Евеев, и Иевусеев, как повелел тебе Господь Бог твой» (Втор. 20:15);

– «Жертвенники их разрушьте, столбы их сокрушите, вырубите [священные] рощи их (Исх. 34:13-17).

То же самое касается и Корана (в переводе И.Ю. Крачковского) [3]: «проклятие же Аллаха над неверующими» (2:89); «Аллах враг неверным!» (2:98); «и сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами» (2:190); «и убивайте их, где встретите, и изгоняйте их оттуда, откуда они изгнали вас» (2:191); «я брошу в сердца тех, которые не веровали, страх; бейте же их по шеям, бейте их по всем пальцам!» (8:12); «избивайте многобожников, где их найдете, захватывайте их, осаждайте, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте!» (9:5).

Разумеется, против каждой из этих цитат можно выставить противоположную по смыслу цитату из того же самого священного текста. Это впервые с исчерпывающей полнотой продемонстрировал Пьер Абеляр, который в своем труде «Да и Нет» («SicetNon») собрал 1800 цитат из Библии и трудов Отцов Церкви, которые противоречили друг другу [6: с. 299–314]. Тем самым Абеляр ставил герменевтическую проблему и отстаивал законность и необходимость философской рефлексии. Однако из его метода можно извлечь и другой вывод: если путем ссылки на авторитет Писания и Предания можно равно доказать взаимоисключающие положения, то это значит, что таким способом нельзя доказать ничего. То есть ссылка на авторитет есть негодный метод доказательства. Очевидно, какой-то похожий силлогизм извлекла из книги Абеляра и Католическая церковь, осудившая философа на соборе в Суассоне в 1141 г.

Однако исчерпывающего логического обоснования подобной ситуации никто не сделал вплоть до И. Канта, который в «Критике чистого разума» показал, что любые метафизические высказывания порождают антиномии [2]. Впрочем, на то оно и массовое сознание, чтобы ничего не знать ни про Абеляра, ни про Канта. Однако и многие интеллектуалы, которые по роду занятий и долгу службы обязаны противодействовать религиозному экстремизму, продолжают вести полемику на уровне обмена авторитетными цитатами. Они исходят из того, что экстремизм есть некая девиация религиозного учения, которую можно исправить путем правильной интерпретации.

Согласно выводам Абеляра и Канта, и мы с ними солидарны в этом вопросе, такой единственно верной интерпретации нет и не может быть в силу тех самых причин, которые указал Кант в учении об антиномиях. Эти причины неустранимы. Как только мы выходим за рамки всякого возможного опыта (а высказывания о Боге, душе и спасении именно таковы), мы оказываемся в ситуации, когда тезис и антитезис могут быть обоснованы равно логично и внешне убедительно. Однако поскольку никакой решающий эксперимент в такой ситуации невозможен, то выбор носит внелогический, вненаучный характер, а значит, не может претендовать на истинность.

К сожалению, на данный момент в контексте профилактики религиозного экстремизма преобладает стратегия противопоставления некоей правильной (мирной, неэкстремистской) интерпретации священных текстов неправильной (экстремистской) интерпретации, которая является неким искажением той или иной религиозной традиции. Как было показано выше, такой подход бесперспективен, так как исходит из ложных предпосылок о существовании единственной истины и возможности ее единственно верного постижения.

Проиллюстрируем это на следующем примере. Часто в поддержку миролюбивой сущности Ислама приводится следующая цитата: «…кто убьет человека не за убийство или распространение нечестия на земле, тот словно убил всех людей, а кто сохранит жизнь человеку, тот словно сохранит жизнь всем людям» (сура 5, аят 32 – перевод Эльмира Кулиева) [7]. На самом же деле даже из этой красивой цитаты при желании можно извлечь совсем не миролюбивый смысл.

Непосредственно из приведенного фрагмента следует только то, что нельзя убивать без причины, а не вообще, как, например, в джайнизме (принцип ахимсы). Очевидно, что если при наличии доста-

точной причины убивать все же можно, то причина всегда найдется. Например, месть за убийство является законной и фактически запускает бесконечный круговорот кровной мести, а нечестие – это вообще крайне широкое понятие. Фактически это все, что нарушает запреты Корана или нормы шариата. К тому же в трактовке понятия «нечестие» очевиден простор для интерпретации. Например, талибы в Афганистане убивали за наличие телевизора в доме или за нарушение дресс-кода. Кроме этого, в исламе достаточно много «духовных авторитетов», которые дают религиозную санкцию на насилие, снимая тем самым со своих подопечных бремя ответственности и труд интерпретации. Например, лет пять назад, в разгар гражданской войны в Сирии, салафитский шейх Ясир аль-Аджлауни заявил, что для мусульман, воюющих против Асада и пытающихся установить власть шариата, «захват и занятие сексом» с алавитскими (к алавитам относится и семья Башара Асада), немусульманскими и несуннитскими женщинами является «законной фетвой» [1].

Как очевидно, диапазон интерпретаций понятия нечестия весьма широк, и пытаться найти здесь всех устраивающие конвенции нереально даже теоретически, не говоря – практически. Таким образом, стратегия на преодоление «неправильной» интерпретации священных текстов с помощью некоторой «правильной» интерпретации представляется нам бесперспективной. Это попытка играть на чужом поле по чужим правилам.

Таким образом, *релевантный подход к постановке проблемы противодействия пропаганде религиозного экстремизма состоит не в правильной интерпретации Библии или Корана, а в том, чтобы вывести коммуникацию за рамки этих источников, чтобы изъять эти источники из антецедента закона достаточного основания.*

Разумеется, это не может быть реализовано полностью, быстро и напрямую. Это сверхзадача Нового Просвещения, которое сегодня актуально как никогда. Критика религии как идеологии, преодоление примитивного уровня религиозного сознания, который условно можно обозначить как обрядово-национально-бытовой утилитаризм, может происходить только в *качестве фоновой практики процесса формирования критического рефлексивного типа мышления*. Но для реализации проекта Нового Просвещения требуется переформатирование как образовательного процесса на всех уровнях, так и, прежде всего, медийного пространства.

Очевидно, что идеология и религия формулируют некие предельно значимые для жизни человека утверждения, которые, по словам С. Харриса, «…определяют то, ради чего человек живёт, ради чего он готов умереть и – слишком часто – ради чего он готов убить» [9]. Такие утверждения никакой человек, даже совершенно необразованный, не примет просто так, без объяснений, без какой-либо аргументации. При этом самая простая и доступная схема аргументации как раз и соответствует наиболее простой формуле закона достаточного основания: **A → B**, которая читается так: «**B**, потому что **A**».

Таким образом, вся суть дела заключается в том, что это за **A**. Однако в любом случае **A** так или иначе должно подтвердить, обосновать **B**. Методологически это соответствует стратегии верификации Р. Карнапа, основанной на правиле modusponens, причем неправильной формы. Логический изъян и фундаментальная неустранимая трудность этой стратегии состоит в том, что искомое **B** можно вывести не только из **A**, но, возможно, также и из **C**, **D** и т.д. Дело в том, что одно и то же следствие выводимо из различных причин, в том числе пока неизвестных.

Таким образом, даже ложная теория может предсказывать факты. А это значит, что в области фактов можно при желании найти подтверждение для любой теории. Вот именно таким образом и строится аргументация религиозных и политических экстремистов при пропаганде своих взглядов и вербовке агентов. Причем целевая аудитория этой пропаганды гораздо более восприимчива к непосредственной апелляции к Традиции (Писание, Предание, обычай), чем к герменевтическим изыскам.

На указанные выше сложности верификационистской стратегии указал еще К. Поппер, предложивший взамен стратегию фальсификационизма, основанную на правиле modustollens, причем правильной формы (отрицание следствия означает отрицание всех возможных причин, в том числе гипотетических). Применительно к закону достаточного основания и процедуре аргументации данный подход можно обозначить как логику последствий. При таком подходе основанием аргументации выступает апелляция не к прошлому, а к возможному будущему.

Схема закона достаточного основания при таком подходе выглядит так: **A → ⌉ (A → (B &⌉B)).** Прочитать данную формулу можно следующим образом: **A** считается обоснованным, если среди его необходимых следствий нет противоречий, нелепостей или *практически неприемлемых последствий*. Последнее не зафиксировано в формуле в явном виде, но мы считаем необходимым добавить этот элемент. Более того, именно этот элемент является ключевым в контексте противодействия религиозному и политическому экстремизму. Еще один вариант прочтения схемы может быть таким: утверждение **A** считается обоснованным, если по отношению к нему не удается осуществить *reductioadabsurdum*. Такая логика обоснования автоматически выводит из сферы действия ссылки на священ-

ные тексты, традиции и обычаи, причем осуществляется это в качестве фоновой практики, а не напрямую. Таким образом, подрывается главная опора экстремисткой аргументации.

К сожалению, традиционные методики обучения и воспитания ориентированы как раз на более простой (верификационистский) вариант схемы достаточного основания, т.е. на священные тексты, традиции, историю, обычаи – как раз на то, что у всех нас разное иногда до противоположности.

В то время как альтернативный вариант схемы достаточного основания, предложенный выше, ориентирует на возможное будущее, в котором всем нам вместе предстоит жить, т.е. на то, что у нас общее. Именно поэтому предложенный нами вариант обоснования дает, на наш взгляд, больше шансов на построение общего поля аргументации, в котором будет возможен равный продуктивный диалог, способствующий развитию толерантного сознания.

В заключение вновь хочется обратиться к великому французскому философу. Английская писательница Эвелин Холл, автор книги-биографии Вольтера «TheFriendsofVoltaire» (1906), является, как принято считать, автором крылатого выражения, приписываемого обычно самому Вольтеру: «Я не согласен ни с одним словом, которое вы говорите, но готов умереть за ваше право это говорить». Широко распространена и другая редакция этой же мысли: «Я не разделяю ваших убеждений, но готов умереть за ваше право их высказывать». Не важно, кто в действительности является автором этого афоризма – сам Вольтер или английская писательница, перефразировавшая мысль великого философа. Важно то, что если бы большинство людей думали и действовали согласно этой максиме, то уровень нетерпимости и проявлений экстремизма во всех его разновидностях резко снизился бы.

Формирование именно такого мировоззрения, основанного на уважении и знании иных культурных традиций, вместе с тем, критического и рационального, умеющего отделять зерна от плевел, – одна из важнейших задач, если угодно, – миссия современного образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исламский клирик разрешил «повстанцам» в Сирии насиловать немусульманских и несуннитских женщин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: //www.regnum.ru/news/polit/1644332.html (дата обращения: 03.02.2018).

2. *Кант, И.* Критика чистого разума / И. Кант. – М. : АСТ, 2017. – 782 с.

3. Коран : пер. И.Ю. Крачковского. – Ростов н/Д. : Феникс, 2014. – 537 с.

4. *Корм, Ж.* Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис постмодерна / Ж. Корм. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 2012. – 288 с.

5. Профилактика национализма и экстремизма, формирование толерантного поведения в молодежной среде : информ. сб. (спец. выпуск) / сост. Ю.В. Артамонов, Н.А. Цветкова. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та , 2015. – 121 с.

6. *Рабинович, В.Л.* Исповедь книгочея, который учил букве, а укреплял дух / В.Л. Рабинович. – М. : Книга, 1991. – 496 с.

7. Смысловой перевод Священного Корана Эльмира Кулиева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://священный-коран.рф/smyslovoj-perevod-kulieva-sury-1-po-20.html (дата обращения: 1.02.2018).

8. «Солнце – спутник земли», или Рейтинг научных заблуждений россиян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: httpwciom.ru/index.php?id=459&uid=111345 (дата обращения: 28.06.2013).

9. Сэм Харрис о сути атеизма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ateism.ucoz.ru/publ/3-1-0-5 (дата обращения: 28.04.2018).

10. *Томалинцев, В.Н.* Социальный экстремизм в системе координат культуры / В.Н. Томалинцев. – СПб. : АЛЕТЕЙЯ, 2016. – 264 с.

11. *Хантингтон, С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. –М. : АСТ, 2011. – 571 с.

12. *Харрис, С.* Конец веры: Религия, террор и будущее разума / С. Харрис. – М. : Эксмо, 2011. – 496 с.

13. *Хитченз, К.* Бог не любовь: Как религия все отравляет / К. Хитченз. – М. : Альпина нон-фикшн, 2011. – 365 с.

14. *Чудинов, С.И.* Экстремизм в гобальном обществе риска / С.И. Чудинов. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2016. – 170 с.

ПАТРИОТИЗМ КАК ЦЕННОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Е.Л. Луценко

Н.Г. Баженова

Луценко Екатерина Леонидовна – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики, управления и финансового права Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема (г. Биробиджан).

Контактный адрес: luce-ekaterina@yandex.ru

Баженова Наталья Геннадьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономики, управления и финансового права, ректор Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема (г. Биробиджан).

Контактный адрес: rectorat@pgusa.ru

В статье рассматривается патриотизм как ценность студенческой молодежи. Приводятся результаты исследования, проведенного в Приамурском государственном университете им. Шолом-Алейхема, по выявлению патриотических настроений и нравственных ориентиров студентов. Авторы выяснили, что студенты подразумевают под понятием «патриотизм» и какое значение в него вкладывают, основные чувства, которые опрошенные студенты испытывают к своей стране, как проявляют гражданскую активность.

Ключевые слова: патриотизм, молодежь, студенчество, воспитание, регион, Дальний Восток.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-166-170

Известно, что идеи патриотизма в истории России занимали и занимают одно из ключевых мест. Проблема гражданско-патриотического воспитания молодежи в соответствии со Стратегией национальной безопасности и Госпрограммы по патриотическому воспитанию занимает важное место в обеспечении как национальной безопасности России, так и безопасности конкретного человека [2]. Поэтому одним из наиболее актуальных вопросов воспитания на сегодняшний день является формирование потребности любви к России, знания её истории. Ведь патриотизм – это составная и неотъемлемая часть национальной идеи, органический компонент культуры и науки. Исследованием проблемы патриотического воспитания молодежи занимались многие отечественные ученые, среди которых – Н.А. Добролюбов, В.Г. Белинский, Н.В. Ипполитова, В.Г. Чернышевский. Для решения задач национальной безопасности в области воспитания и образования необходимо повышение роли образовательных организаций в воспитании молодежи как ответственных граждан России на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей. Безопасность человека может быть обеспечена посредством воспитания социальной ответственности у индивидов и создания этико-правовых барьеров в практической деятельности [12]. Патриотизм не заложен в генах человека: это не наследственное, а социальное качество. Настоящий патриотизм имеет гуманистическую сущность – уважение к культуре других народов и их традициям. Культура межнациональных отношений и патриотизм – эти два явления связаны между собой. Патриотизм включает в себя различные духовные компоненты [10]: сохранение родного языка; долг перед большой и малой Родиной; уважение к историческому и культурному наследию страны; ответственность за судьбу страны; милосердие и гуманизм.

Сегодня можно смело утверждать, что патриотизм является ценностью молодежи, поскольку истинный патриотизм – это комплекс позитивных качеств, которые должны быть сформированы обществом, в том числе педагогами, в подрастающем поколении [1]. Понятие «ценность» весьма широко используется в философской и другой специальной литературе для указания на человеческое, социальное и культурное значение определенных явлений действительности. Ценность (по П. Менцеру) – это то, что чувства людей диктуют признать стоящим над всем и к чему можно стремиться, созерцать и относиться с уважением, признанием, почтением [3].

По сути, ценность – не свойство какой-либо вещи, а сущность, условие полноценного бытия объекта.

Ценность как совокупность всех предметов человеческой деятельности может рассматриваться как «предметные ценности», т.е. объекты ценностного отношения. Сама по себе ценность – это некая значимость объекта для субъекта. Ценности – это суть и свойства предмета, явления. Это также определен-

ные идеи, воззрения, посредством которых люди удовлетворяют свои потребности и интересы.

Способы и критерии, на основании которых производятся процедуры оценивания соответствующих явлений, закрепляются в общественном сознании и культуре, как и субъективные ценности. Таким образом, предметные и субъективные ценности представляют собой два полюса ценностного отношения человека к окружающему его миру.

То, что для одного человека может быть ценностью, другой может недооценивать, а то и вовсе не считать ценностью, т.е. ценность всегда субъективна [6].

Ценности с формальной точки зрения разделяют на позитивные и негативные (среди них можно выделить и малоценность), абсолютные и относительные, субъективные и объективные. По содержанию различают вещные, логические и эстетические ценности.

Рассматривая сущность и особенности понятия «ценности», ученые пользуются и такими понятиями, как этика ценностей, философия ценностей. Первое связано с работами Н. Гартмана, второе – с Ф. Ницше, пытавшимся осуществить переоценку всех ценностей, «упорядочить их по рангам».

Любая историческая общественная форма жизнеустройства, жизнедеятельности людей имеет не просто отдельные ценности, но их систему, определенную иерархию ценностей. Без усвоения личностью такой системы ценностей [5], без определения собственного отношения к ним невозможен не только успешный процесс социализации личности, но и соответствующее поддержание нормативного порядка в обществе вообще.

Когда говорят о системе ценностей, то имеют в виду не просто некую совокупность идеальных средств человеческой деятельности, а специфический культурный феномен, своеобразную «пирамидальную призму», в которой и посредством которой преломляется вся система реальных жизненных отношений между субъектом и окружающим его миром.

Сами по себе системы ценностей не существуют в строгих исторических временных рамках. Они дают о себе знать и за пределами (по времени) той социальной общности, в которой возникли и максимально проявились. Возьмем для примера ценности античного времени, Просвещения или наиболее близкие нашему пониманию, восприятию и ощущению ценности недавнего социалистического времени, ностальгическая приверженность к которым сохраняется у многих граждан и на пути сегодняшних социальных общественных трансформаций, перехода от тоталитаризма к демократии.

В свое время марксизм-ленинизм отрицал какой бы то ни было релятивизм в трактовке ценностей, пропагандировал идеи исторической преемственности в развитии ценностных систем. Именно такая преемственность (по О.Г. Дробницкому и др.) способствует формированию так называемой системы общечеловеческих ценностей, приоритетных и в последующие времена, эпохи. В общем эти утверждения небеспочвенны, ибо такие ценности, как Добро, Гуманизм, Мир и многие другие, по существу, имеют огромное социальное и общечеловеческое значение (лишь с некоторыми особенностями) в любое время и даже в различных формациях.

Приоритетное значение имеют индивидуальные ценности людей (личностей), ибо только некая их сумма может представлять собой ценности социальные, ценности всего общества.

Иерархия индивидуальных (личностных) ценностей является своеобразным связующим звеном между отдельным человеком (индивидом) и обществом, его культурой в целом. Иными словами, есть духовный мир самого человека и определенная культура общества, которые взаимосвязаны и взаимодействуют посредством ценностей определенного человека.

Не все потребности и ценности человеком ясно осознаются и познаются. При этом важно учитывать то обстоятельство психологического плана, что для подавляющего большинства людей суперценностью являются они сами, т.е. «Я-ценность!». В определенной мере это – объективное явление, ибо высочайшей целью человека является его самореализация, саморазвитие и самосовершенствование.

Высокоразвитая личность (вспомним Прометея, Иисуса Христа, Дон Кихота и др.) скорее пожертвует собственной физической жизнью, нежели откажется от своего «Я-образа». И хотя развитие индивидуальности, личности – процесс сложный, противоречивый, осуществляющийся чаще всего посредством проб и ошибок, прекрасно, что для каждого человека самое главное – собственное развитие. Прекрасно, что достигнув чего-то, мы вдруг можем осознать, что многое не успели, не смогли, не сделали. Главное, что ценностные ориентации не могут быть заданы либо привнесены кем-то извне [8]. Они – результат и предпосылки деятельности конкретного человека.

Ценностные ориентации (или реже – предпочтения) – это определенная совокупность иерархически связанных между собой ценностей, которая задает человеку направленность его жизнедеятельности.

С юных лет человек в основном приобщается к различным ценностям, уясняет для себя их сущность и смысл. Далее, в процессе обучения, всестороннего развития, накопления жизненного опыта личность вырабатывает способность самостоятельно выбирать системообразующую ценность, т.е. ту, которая в данный момент представляется ей наибо-

лее значимой и одновременно задает определенную иерархию ценностей.

В сознании каждого человека личностные ценности отражаются в форме социальных ценностных ориентаций, которые образно называют «осью сознания», обеспечивающей устойчивость личности. Ценностные ориентации – важнейшие элементы внутренней структуры личности, закрепленные жизненным опытом индивида, всей совокупностью его переживаний и ограничивающие значимое, существенное для данного человека от незначимого, несущественного.

Отдельный человек может признавать много ценностей реально существующими, влияющими на его жизнь, но далеко не все из них он выбирает и признает в качестве своих личных целей и задач жизнедеятельности. Так или иначе, большинство осознанных, признанных как собственные ценностей, стремление руководствоваться ими позволяют человеку взаимодействовать с другими людьми, вносить свой вклад в развитие общества как в материальном, так и в духовном отношении.

Ценностные ориентации человека складываются в определенную систему, имеющую (в виде подсистем) три основных направления: социально-структурные ориентации и планы; планы и ориентации на определенный образ жизни; деятельность и общение человека в сфере различных социальных институтов.

Положение молодежи в обществе, тенденции и перспективы ее развития представляют для общества большой интерес и практическое значение, прежде всего потому, что они определяют его будущее. Существенное место в этом занимает отношение молодежи к браку и ценностям семейной жизни.

Патриотизм призван дать новый импульс духовному оздоровлению народа, формированию в России единого гражданского общества. Для выбора инструментов поддержания и поднятия патриотических настроений среди молодежи в ФГБОУ ВО «Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема» было проведено исследование патриотических настроений студентов университета.

Цель исследования – выявить наличие патриотических чувств у студентов Приамурского государственного университета.

Предмет исследования – патриотические настроения и нравственные ориентиры молодежи.

Метод исследования – анкетный опрос студентов Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема, в котором было предложено 14 вопросов. Расчет результатов велся в процентах. Общее количество опрошенных бралось за 100 %.

Объект исследования – студенты 1–5-го курсов Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема.

Выборка – в исследовании приняли участие 115 студентов. Выборка простая вероятностная.

Для начала выясним, что студенты подразумевают под понятием «патриотизм» и какое значение в него вкладывают.

Большинство студентов считают, что патриотизм проявляется в чувствах любви и гордости за свою страну. Треть студентов уверены, что патриотизм проявляется в желании жить и трудиться на территории своего государства, а также в готовности защищать интересы своей страны (при необходимости – в военных действиях). Порядка 15 % опрошенных отметили, что патриотизм – это уверенность в своем будущем на территории государства, в котором живешь.

Основные чувства, которые опрошенные студенты испытывают к своей стране, положительные – это чувства гордости и уважения (рис. 1).

Рис. 1. Гистограмма, отражающая чувства, которые испытывают респонденты к собственной стране

Каждый третий студент испытывает надежду и любовь к своей стране. Около 18 % опрошенных отмечают, что доверяют своему государству. Среди негативных эмоций наиболее распространено чувство разочарования в своей стране, данный вариант отметили 20 % опрошенных студентов, около 13 % респондентов отмечают, что испытывают чувство недоверия.

Респонденты отмечают, что чувство гордости за свою страну у них вызывает богатая история Отечества (50 % опрошенных) и победа в Великой Отечественной войне (53 % опрошенных). Около 37 % опрошенных студентов полагают, что чувство гордости они испытывают за имеющиеся на территории страны природные богатства. Каждый третий студент утверждает, что гордится культурным наследием страны и ее положением на мировой арене. Некоторые студенты в качестве дополнительных причин отмечали, что гордятся достижениями отечествен-

ных спортсменов и спорта в целом. Один студент отметил, что он гордится духом русского человека, который не сломить. Не испытывают подобных чувств около 5 % участников опроса.

В качестве проблем, которые существуют в России [9], студенты отмечали достаточно много различных вариантов, но некоторые проблемы повторялись с большей периодичностью. Большинство участников назвали коррупцию как важную проблему государства (данную проблему указал каждый третий респондент, 33 %).

Около 8,7 % респондентов отметили экономику как одну из проблемных сфер, но прочие студенты выделяли более частные экономические проблемы. Так, 11,3 % респондентов отмечали, что в России существуют проблемы низких заработных плат, 9,5 % говорили о проблемах безработицы, 10,4 % опрошенных сообщали о проблемах бедности населения, особенно в отдаленных регионах страны, 2,6 % – о проблеме дифференциации доходов населения, 5,2 % отмечают проблему высоких цен (на продукты, жилье бензин и т.п.). Студенты называли и такие российские проблемы, как медицина (6,9 %), малое внимание к внутренней политике в пользу внешней (5,2 %), образование (5,2 %).

Сегодня вопросы патриотизации общества особенно актуальны [10], в связи с этим на территории всей страны осуществляют свою деятельность общественные всероссийские организации патриотической направленности. Большинство студентов не знают о существовании подобных организаций на территории города Биробиджана, но 39 % студентов, которые знакомы с организациями патриотической направленности для молодежи, отмечают такие общественные организации, как ДОСААФ (17,7 %), Молодая Гвардия Единой России (46,7 %), Российский союз молодежи (6,7 %), Российское движение школьников (2,2 %), Биробиджан Молодой (2,2 %) и ОПЛОТ (2,2 %).

Студентам также было предложено оценить, отличаются ли жители страны друг от друга и, в частности, отличаются ли жители Еврейской автономной области от жителей других регионов России (рис. 2).

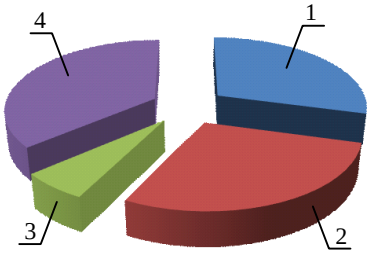


Рис. 2. Оценка разницы между жителями регионов России, по мнению респондентов: *1* – не отличаются, у россиян одна ментальность; *2* – отличаются в лучшую сторону; *3* – отличаются в худшую сторону; *4* – затрудняюсь ответить

Для респондентов сложным оказалось сравнение жителей Еврейской автономной области с жителями других регионов, порядка 35,7 % затруднились ответить на этот вопрос. Среди прочих респондентов около 33,9 % опрошенных посчитали, что отличия все же есть, притом большинство отметили, что данные отличия в лучшую сторону по сравнению с жителями других регионов (27,8 %), лишь 6,1 % респондентов отметили вариант «Отличаются в худшую сторону». Для 28,7 % между жителями Еврейской автономной области и жителями других регионов отличий нет, потому что у россиян одна ментальность.

В связи с высоким уровнем миграции населения участникам был задан вопрос: «Могли бы Вы уехать жить в другую страну?» (рис. 3).

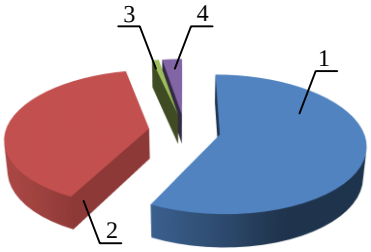


Рис. 3. Результаты ответа на вопрос: «Могли бы Вы уехать в другую страну?»: *1* – да, открывает новые перспективы; *2* – нет, мне нравится своя страна; *3* – да, я/моя семья уже запланировала переезд в другую страну; *4* – другое

Большинство участников (57,4 %) хотели бы переехать жить в другую страну, так как это открывает для них новые перспективы. Для 39,1 % переезд в другую страну невозможен, так как им нравится жить на территории своей страны. Среди прочих ответов студенты отмечали желание путешествовать – «Я хочу путешествовать», «Мне нравится моя страна, но есть другие страны, в которых я бы хотел жить».

Далее опрос имел форму экспресс-опроса, в котором респонденты должны были согласиться или не согласиться с утверждениями. Отметим основные результаты опроса.

Большинство студентов интересуются прошлым своей страны в разной степени: 20 % ответили утвердительно, 42,6 % респондентов отметили, что скорее интересуются историей, чем не интересуются. Около 23 % опрошенных отметили, что скорее не проявляют интереса к истории страны, а 7,8 % ответили отрицательно.

Мнения об увлечении культурными ценностями своей страны разделилось практически поровну: 46,9 % участников опроса в разной степени проявляют интерес к культуре государства, 44,4 % опрошенных респондентов в большей степени не

интересуются либо вовсе не интересуются культурными ценностями России.

Более 67 % респондентов испытывают гордость за свою страну, 19,4 % скорее не испытывают данных чувств по отношению к своему государству. Порядка 12,2 % студентов затруднились ответить на данный вопрос.

Следят за современными экономическими и политическими событиями в стране 68,7 % респондентов, и около 27 % не интересуются данной информацией.

Абсолютное большинство респондентов в разной степени принимают участие в общественной жизни учебного заведения (города, страны), положительно ответили 86,1 % участников опроса. При этом регулярно занимаются общественной деятельностью 22,6 % респондентов, а 63,5 % отметили, что они участвуют в некоторых мероприятиях, но активными участниками общественной жизни себя не определяют.

Актуальным на сегодня является вопрос об участии молодежи в выборах. 53 % ответили, что регулярно участвуют в выборах, 29,6 % респондентов отметили, что участвуют в выборах время от времени, а 17,4 % заявили, что не участвуют в выборах (примерно каждый шестой студент).

Наконец, студентам предложили ответить, считают ли они себя патриотами своей страны. 51,3 % студентов ответили утвердительно, 25,2 % (четверть опрошенных) ответили категорическим отрицанием. Примерно 23,5 % затруднились ответить на данный вопрос.

Сегодня молодежь становится свидетелем многочисленных изменений в стране и обществе [9]. Ее отношение к этим изменениям, к России, ее месту в мире обусловлено не только эффективностью реформ, но и духовными ценностями, которые заложены в период первичной социализации. Фиксируемые в ходе опроса настроения респондентов свидетельствуют, что современная российская молодежь имеет существенный запас «патриотической прочности» [11], однако жизненные реалии и вытекающие из них рациональные соображения заметно корректируют желание молодых людей связывать свои жизненные планы и стратегии с Россией. В этой связи все более актуальным становится вопрос о молодежной политике в области патриотического воспитания [6], нынешний уровень которой явно не отвечает задачам формирования настроений патриотизма. Необходимо разрабатывать, развивать и поддерживать программы, направленные на введение молодежи в историко-культурное пространство страны, акцентируя внимание на важности и необходимости подобных знаний для любого гражданина, формируя четкую осознанную гражданскую позицию молодежи. И, конечно, России важно достигнуть такого уровня и качества жизни, чтобы проживание здесь было приоритетной ценностью. Человек, осознающий неразрывную связь со страной, и что именно здесь он может жить достойно и благополучно, является самым надежным носителем гражданского самосознания и истинным патриотом своей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базовые ценности россиян. Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / под ред. А. Рябова, Е. Курбангалеевой. – М. : Дом интеллект. кн. (ДИК), 2003. – 448 с.

2. *Белоусов, Н.А.* Патриотическое воспитание студентов как проблема педагогического образования / Н.А. Белоусов, Т.Н. Белоусова // Патриотическое воспитание: история и современность : сб. науч. ст. – М., 2004. – С. 38–41.

3. *Бойков, В.Э.* Ценности и ориентиры общественного сознания россиян / В.Э. Бойков // Социологические исследования. – 2004. – № 7.

4. *Гидденс, Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь : пер. с англ. / Э. Гидденс. – М. : Весь мир, 2004. – 120 с.

5. Становление гражданского общества и социальная стратификация / З.Т. Голенкова [и др.] // Социс. – 2006. – № 6. – С. 13–16.

6. *Комаров, М.С.* Введение в социологию : учеб. для высш. учеб. заведений / М.С. Комаров. – М. : Наука, 2004. – 134 с.

7. *Луценко, Е.Л.* Репродуктивные установки молодых людей Еврейской автономной области (социологический анализ) / Е.Л. Луценко // Региональные проблемы (Научный журнал). – 2009. – № 12. – С. 78–83.

8. Социология / Г.В. Осипов [и др.]. – М., 2005. – 251 с.

9. *Пригожин, А.И.* Современная социология организаций / А.И. Пригожин. – М. : Интерпракс, 2005. – 156 с.

10. Проблемы патриотического воспитания современной молодежи [Электронный ресурс] / Научно-издательский центр «Социосфера». – Режим доступа: http://sociosphera.com/publication/conference/2017/135/problemy_patrioticheskogo_vospitaniya_sovremennoj_molodezhi/ (дата обращения: 11.11.2017).

11. *Романенко, Л.М.* Гражданское общество (социологический словарь-справочник) / Л.М. Романенко. – М., 2005. – 324 с.

12. *Шульженко, М.Э.* Патриотическое воспитание современной молодежи / М.Э. Шульженко // Молодой ученый. – 2017. – № 47. – С. 240–243.

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПУТЕМ ПОДГОТОВКИ УЧАСТНИКОВ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭТАПА ЧЕМПИОНАТА WORLDSKILLS НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

А.А. Холодилов

Р.А. Ещенко

Е.В. Фалеева

Холодилов Александр Андреевич – преподаватель кафедры вычислительной техники и компьютерной графики Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: kholodilovsapr@gmail.com

Ещенко Роман Анатольевич – кандидат технических наук, доцент кафедры вычислительной техники и компьютерной графики Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: raeshenko@gmail.com

Фалеева Елена Валерьевна – кандидат технических наук, доцент кафедры вычислительной техники и компьютерной графики Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: elena_ha2004@mail.ru

Вопрос подготовки специалистов не теряет своей актуальности. В условиях постоянно возрастающей и ужесточающейся конкуренции на рынке труда гораздо больше возможностей и перспектив получают выпускники, прошедшие практику в соответствии со стандартами рабочей профессии. Особенно если это признанные мировые стандарты – стандарты WorldSkills. Профессиональные навыки у подрастающих специалистов начинают формироваться с момента участия во Всероссийском чемпионате Junior Skills и закрепляются в ходе Мирового чемпионата WorldSkills.

Ключевые слова: профессиональное образование, профессионал, региональный этап, Дальний Восток, WorldSkills, Junior Skills.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-171-175

Перед школой и вузом стоит фундаментальная задача – осуществить подготовку специалистов, способных развивать современное производство, вести научные исследования. Этот процесс проходит при выдвижении на первый план задачи гибкого изменения и индивидуализации содержания образования при сохранении его фундаментальности, активизации учебно-познавательной деятельности учащихся и развитии личностно значимых качеств в процессе обучения [4; 12].

Популярность технических, инженерных специальностей в вузах России и, в частности, Дальнего Востока растет год от года, развиваются программы обучения, вводятся новые направления подготовки для сфер IT-технологий и промышленного производства. Базовые технические учебные дисциплины, относящиеся в учебных планах многих вузовских специальностей к основной части обучения, являются дисциплинами естественно-научного блока. По сути, многие из школьников, приходя в вуз, начинают изучать фундаментальные основы с нуля, либо им необходим долгий вводный курс повторения того, что им давали в школе на уроках. Отсюда и вытекает главная проблема – обеспечение непрерывности процесса обучения дисциплинам естественно-научного блока с момента начала изучения в школе и продолжения изучения в вузе. Также проблема образования заключается в обеспечении возможности учащимся, обладающим желанием посвятить себя деятельности инженера, конструктора, программиста в будущем, получения необходимого ими базиса знаний, опирающегося на профессиональные стандарты. На сегодняшний день остро стоит вопрос популяризации технической сферы высшего образования среди абитуриентов, потому как востребованность инженерных специальностей хотя и растет, но экономические и юридические специальности все еще пользуются более высокой популярностью в обществе. Все эти вопросы и проблемы можно решить, привлекая талантливую молодежь к участию в профессиональных чемпионатах Junior Skills и WorldSkills.

Система «школа–вуз»

Отвечая на поставленные вопросы, стоит применить понятие современной образовательной концепции «школа–вуз», чье совершенствование при-

обретает все большее значение. Концепция «школа–вуз» – образовательная структура, направленная на реализацию концепций непрерывного образования, учитывающего принципы фундаментальности, преемственности, гибкости, при совокупности принципов всеобщего образования и его индивидуализации [2; 3]. Данная концепция реализуется, в первую очередь, с помощью организации взаимодействия школьного и вузовского уровней образования, привлечения вузовских преподавателей к проведению основных или дополнительных занятий у учеников различных школ и классов, чаще всего с углубленным изучением профильных дисциплин, а также проведение тематических кружков и секций. Примером на Дальнем Востоке может служить взаимодействие преподавателей ДВГУПС со школами города Хабаровска.

Получение профессиональных навыков и передача знаний школьникам сильно влияет на выбор будущей профессии. По полученным данным, студенты, принявшие участие в региональных и всероссийских чемпионатах, отдали предпочтение дальнейшему развитию в области выбранной компетенции, обучению в аспирантуре или магистратуре. Школьники, принимавшие участие в Junior Skills, выбрали профессию, связанную с компетенциями, в которых они участвовали. Участники Junior Skills 2017 – сегодня студенты инженерных специальностей ДВГУПС.

Подготовка школьников к чемпионату происходит на базе школ или ДВГУПС через курсы дополнительного образования [14]. В соответствии со способностями учащихся расширяется диапазон видов деятельности, содействующих самореализации учащихся и их педагогов. В роли преподавателей выступают студенты, участники WorldSkills Russia, которые не только закрепляют полученные профессиональные навыки, но и подготавливают будущее поколение профессионалов. Создается и проектируется «развивающая среда», направленная на стимулирование собственных ресурсов школьника. Курсы по выбору учитывают специфику и возможности образовательных площадок:

– углубление, расширение и систематизацию знаний в выбранной области научного знания и вида деятельности;

– приобретение нового опыта познавательной деятельности, профессионального самоопределения;

– осуществление проектной, исследовательской деятельности на образовательных площадках через профильные лаборатории, где обучающиеся получают опыт профессиональной коммуникации.

Цель работы таких площадок заключается в создании условий для формирования и развития у обучающихся способности к исследованию, организации участия в коммуникации, освоения новых способов деятельности [1; 11; 13].

Обучающиеся получают опыт собственного образования по профилю в области выбранной дисциплины, опыт работы над проблемой в команде с педагогами и сверстниками.

Педагоги, в свою очередь, закрепляют свои профессиональные знания, формируя тем самым образовательные программы для нового поколения. Таким образом, обеспечивается развитие опыта самостоятельной и творческой деятельности, начало реализации личного карьерного роста как со стороны школьников, так и со стороны студентов [5; 10].

Для студентов работа на таких площадках тоже дает положительные результаты. Работая наставниками для школьников и принимая активное участие в качестве экспертов на Всероссийском чемпионате Junior Skills и в качестве участников на площадках компетенций Мирового чемпионата WorldSkills, студенты пробретают и закрепляют профессиональные навыки, необходимые в освоении будущей специализации.

Процесс приобретения студентами профессии происходит на основе социального института образования. В течение всего периода образования студент овладевает теоретическими навыками выбранной специализации. В российской социологии образования на сегодняшний день существуют три подхода к анализу действующего образования:

– институциональный, где образование рассматривается как социальный вуз;

– социокультурный, исследующий состояние и динамику социокультурных процессов в сфере образования, а также законы, принципы, механизмы и технологии учения как социокультурной деятельности;

– системный, в котором образование понимается как одна из подсистем общества, выполняющая определенные функции.

Наиболее значимым при формировании профессионала является системный подход в образовании. Выпускник рассматривается как член общества, позволяющий достигать заданного уровня экономического развития.

Для наиболее продуктивного достижения освоения профессиональных навыков в процессе обучения студенту необходимы минимум две «производственные площадки» – места, где можно на практике применить полученные теоретические навыки.

К сожалению, современный курс образования не предусматривает большого объема часов в учебном плане, направленных на освоение выбранной специализации.

В таком случае значительной поддержкой в получении профессионального образования может выступить как наставничество для школьников,

участников Junior Skills, так и непосредственное участие студентов в чемпионате профессиональных компетенций WorldSkills.

Примером реализации концепции «школа–вуз» может служить взаимодействие Хабаровского краевого центра внешкольной работы «Созвездие» и Дальневосточного государственного университета путей сообщения в области обучения учащихся школ Хабаровского края по направлению «Инженерная и компьютерная графика», проводимого преподавателями кафедры «Вычислительная техника и компьютерная графика» университета.

Взаимодействие в рамках системы «школа–вуз» можно проиллюстрировать на примере работы преподавателей, выпускников и студентов Дальневосточного государственного университета путей сообщения, призеров и победителей региональных и Всероссийских чемпионатов WorldSkills и общеобразовательных заведений, таких как МБОУ «Математический лицей», КГБОУ ДО «Созвездие», Хабаровский краевой центр развития творчества детей и юношества (ХКЦРТДиЮ) и КГАОУ «Краевой центр образования». Преподаватели ДВГУПС и студенты под их руководством регулярно проводят мастер-классы, занятия, кружки, а также ведут секции по программированию, робототехнике, компьютерной и инженерной графике, а также трехмерной печати в рамках профориентационной работы вуза [4; 14].

Данная деятельность принесла положительный результат. Многие участники мастер-классов и секций изъявили желание стать инженерами, промышленными дизайнерами и продолжить обучение именно на технических специальностях вузов, связанных с разработкой программного обеспечения, с работой с САПР и CAD-системами. Так, результат набора 2016 г. на специальности «Прикладная информатика в дизайне», «Информатика и вычислительная техника» и «Прикладная математика и информатика» Естественно-научного института ДВГУПС показал наличие у четверти из поступивших (16 чел. из 61) дипломов, грамот, сертификатов о прохождении курсов или участии в секциях дополнительного образования в инженерной, технической и IT-сферах.

Участие в чемпионатах рабочих профессий

Масштабной поддержкой для освоения полученных профессиональных навыков являются конкурсы, олимпиады и чемпионаты, проводимые в период учебного года для студентов в регионах, в России и в зарубежных странах.

Одним из самых значимым мероприятий является Международный чемпионат WorldSkills. Эти соревнования проводятся WorldSkills International (WSI) – международной некоммерческой ассоциацией. Ее целью является повышение статуса и стандартов профессиональной подготовки и квалификации по всему миру, в том числе популяризация рабочих профессий через проведение международных соревнований. На сегодняшний день в данном чемпионате принимают участие 77 стран. Основной целью чемпионата является привлечение внимания к рабочим профессиям и создание условий для развития высоких профессиональных стандартов. Одна из задач чемпионата – формирование профессиональных навыков у студентов ссузов и вузов и апробация их знаний в критических условиях. Ежегодно в странах-участниках проходит чемпионат, раз в два года – мировой чемпионат. По значимости данное мероприятие приравнивают к олимпийским играм, только в области рабочих профессий.

В структуру чемпионата WorldSkills входят 45 профессиональных компетенций, разделенных на шесть магистральных направлений:

– строительные технологии;

– творчество и дизайн;

– информационные и коммуникационные технологии;

– производственные и инженерные технологии;

– специалисты в сфере услуг;

– обслуживание гражданского транспорта.

Более тысячи молодых профессионалов представляют свои знания и умения на ежегодных чемпионатах. В России с 2013 г. проводится ежегодный чемпионат WorldSkills Rassia.

Все участники и призеры регионального и всероссийского уровня не только передают свои навыки студентам ДВГУПС, а также, имея практический опыт и высокие профессиональные знания в области своих компетенций, организуют и проводят чемпионаты Junior Skills для школьников. Junior Skills – это программа ранней профессиональной подготовки и профориентации школьников 10–17 лет. Программа была инициирована в 2014 г. Фондом Олега Дерипаски «Вольное Дело» при поддержке Агентства стратегических инициатив, WorldSkills Russia, Министерства образования и науки РФ, Министерства промышленности и торговли Российской Федерации. В 2018 г. было проведено и краевое мероприятие «Созвездие скиллс», в котором приняли участие школьники со всего Дальнего Востока. В период с 28 по 29 марта 2018 г. на базе ДВГУПС проводилось мероприятие городского масштаба Junior Skills, в котором принимали участие школьники г. Хабаровска. В сентябре 2018 г. совместно с представителями образования Китая будет организовано мероприятие из направления чемпионатов Skills, где примут участие студенты ДВГУПС и студенты провинции Вейхай. В организации чемпионата принимают участие преподаватели ДВГУПС – участники чемпионатов WorldSkills Rassia 2014–2017 гг.

Также положительным результатом данной работы является участие школьников и получение призовых мест в чемпионатах Junior Skills начиная с 2016 г. и по сегодняшний день.

Победители чемпионатов Junior Skills, поступив в ДВГУПС, продолжают свое участие в чемпионате профессий. Сегодня 1/3 участников вузовского чемпионата WorldSkills, проходящего на базе ДВГУПС, – это бывшие участники Junior Skills.

Тенденция формирования участников в чемпионатах WorldSkills от ДВГУПС отражает развитие их как профессионалов. Победитель 2014 г. WorldSkills Russia на сегодняшний день является региональным сертифицированным экспертом по компетенции «Инженерный дизайн CAD», а также аспирантом и начальником студенческого конструкторского бюро ДВГУПС. Другой участник соревнований – региональный эксперт по компетенции «Прототипирование», аспирант и начальник организационно-технического отдела координационного центра научной подготовки студентов ДВГУПС. Участник и серебряный призер WorldSkills Russia 2016 г. обучается в магистратуре по выбранному направлению. Сегодня полученные знания и умения в области профессионального направления передаются студентам ДВГУПС.

Симбиоз взаимодействия школьников и студентов под руководством профессионалов дает развитие еще одному направлению чемпионата WorldSkills – Future Skills. Это одна из приоритетных инициатив движения «Молодые профессионалы» (WorldSkills Russia), направленная на опережающую подготовку кадров. Развитие проекта обусловлено стремительными глобальными изменениями в сфере технологий и производства, которые диктуют новые требования к кадрам и их подготовке.

Задачами проекта являются:

– проведение исследований и выработка согласованной повестки по подготовке кадров по новым профессиям;

– проектирование соревнований по новым профессиям в новых форматах;

– разработка образовательных программ на основе стандартов WorldSkills с возможностью последующего международного признания компетенций.

Развитие и популяризация площадок чемпионата WorldSkills – очень важный вопрос для формирования специалистов-инженеров. Поэтому в 2018 г. ДВГУПС – одна из площадок проведения Всероссийского чемпионата Future Skills, направленного на формирование новых образовательных программ для подготовки востребованных кадров будущего.

Содержание образовательных программ

В ходе работы была создана авторская методика преподавания курсов по инженерной и компьютерной графике, прототипированию, робототехнике. При разработке образовательных программ основной направленностью стало освоение обучающимися профессиональных навыков компетенции «Инженерный дизайн CAD», «Изготовление прототипов», «Мобильная робототехника» [6; 15]. Педагогическая целесообразность разработки рабочих программ была обусловлена нововведениями в сфере науки и технологий, появляющейся потребностью в квалифицированных кадрах нового поколения, умеющего работать с программами компьютерного моделирования изделий, программами построения чертежей и моделей объектов окружающего мира, так как в век высоких технологий важно полное автоматизирование систем жизнеобеспечения производственной сферы деятельности. Целью программ ставилось ознакомление обучающихся с профессиональными стандартами профессии инженер-конструктор, инженер-проектировщик и т.д. Помимо внедрения наработанных методик в учебный процесс, авторские методики внедряются в курсы для специалистов через Институт дополнительного образования (ИДО) ДВГУПС. Одна из задач, решаемая через курсы ИДО, – создание условий для формирования профессиональных компетенций в области инженерного проектирования, графического дизайна, развитие конструкторских навыков обучающихся.

Вывод

В ходе совместной работы Дальневосточного государственного университета путей сообщения и МБОУ «Математический лицей», КГБОУ ДО «Созвездие», Хабаровского краевого центра развития творчества детей и юношества (ХКЦРТДиЮ) и КГАОУ «Краевой центр образования» удалось выстроить образовательную платформу «школа–вуз», на которой реализовалась цепочка «участник Junior Skills – участник WorldSkills – профессионал – педагог». Полученная методика обучения по профессиональным стандартам компетенций внедрена в образовательные программы дополнительного образования школ, учебного процесса ДВГУПС и дополнительного образования специалистов на базе ИДО ДВГУПС.

Участники Junior Skills и школьники, прошедшие обучение на площадках дополнительного образования под руководством студентов – призеров WorldSkills, выбирают обучение по специализации, с которой они познакомились на базе площадок дополнительного образования.

Совершенствование знаний по направлению профессиональных компетенций осуществляется из года в год. Участники Junior Skills становятся участниками WorldSkills, а те, в свою очередь, переходят на уровень компетенций Future Skills.

Таким образом, основная задача образовательного процесса – развитие профессионального образования, которое получает очень большую поддержку на площадках компетенций WorldSkills. А проведение регионального чемпионата на Дальнем Востоке дает возможность совершенствования профессиональных навыков как студентов, так и преподавателей дальневосточных вузов, таких как ДВГУПС.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасьева, И.Б.* Личностно-ориентированное обучение в системе непрерывного образования «школа–вуз» / И.Б. Афанасьева, Е.В. Князева // Современное машиностроение. Наука и образование : материалы 3-й междунар. науч.-практ. конф. – СПб., 2013. – С. 42–50.

2. *Князева, Е.В*. К вопросу о графической подготовке в системе непрерывного образования «школа–вуз» / Е.В. Князева // Проблемы качества графической подготовки студентов в техническом вузе: традиции и инновации / Пермский национальный исследовательский политех. ун-т. – Пермь, 2014. – С. 256–259.

3. *Князева, Е.В.* Проектная деятельность преподавателя в процессе изучения инженерно-графических дисциплин / Е.В. Князева // Психология, коммерция, дизайн: актуальные проблемы подготовки специалистов : сб. науч. тр. / Нев. ин-т управления и дизайна. – СПб., 2008. – № 1. – С. 32–35.

4. *Кожевникова, Т.В.* Информационные технологии в школьном образовательном пространстве / Т.В. Кожевникова, Е.В. Фалеева, С.А. Погорелов // Информационные технологии и высокопроизводительные вычисления : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А.И. Мазур, А.Л. Верхотурова. – Хабаровск : Изд-во ТОГУ. – С. 81–83.

5. *Лейбов, А.М.* Применение технологий 3D-прототипирования в образовательном процессе [Электронный ресурс] / А.М. Лейбов, Р.В. Каменев, О.М. Осокина // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – Режим доступа: http://www.scienceeducation.ru/ru/article/view?id=14933 (дата обращения: 19.12.2017).

6. *Сябренко, А.П.* Использование технологии 3D-печати в образовательном процессе вуза / А.П. Сябренко, В.С. Тынченко // Развитие современного образования: теория, методика и практика : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 29 мая 2016 г.) / О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2016. – № 1 (7). – С. 244–247.

7. *Фалеева, Е.В.* Педагогические основы учебного процесса компьютерной графики и трехмерного моделирования / Е.В. Фалеева, В.С. Лукашевич // Всероссийская научно-исследовательская конф. студентов и школьников. – Хабаровск : Изд-во ХГУЭП, 2016. – С. 81–86.

8. *Фалеева, Е.В.* Развитие инновационного образования путем создания информационно-технологических лабораторий / Е.В. Фалеева, О.Л. Козина // Перспективы развития информационных систем и технологий на Дальнем Востоке : сб. материалов городской науч.-исслед. конф. (10 апр. 2015 г.). –Хабаровск : Изд-во ХГУЭП, 2015. – С. 63–65.

9. Использование возможностей репозитория в образовательном процессе дальневосточных вузов / М.Д. Фалеев [и др.] // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2017. – № 4 (56). – С. 92–96.

10. *Хмылько, О.Н.* Анализ основных составляющих курса «Компьютерная графика» при обучении в системе непрерывного образования «школа–вуз» / О.Н. Хмылько // Вестник Псков. гос. ун-та. – 2010. – № 10. – С. 146–149.

11. *Холодилов, А.А.* Влияние технологии трехмерной печати на мотивационную составляющую школьников / А.А. Холодилов, Ю.В. Пономарчук // Проблемы и перспективы развития образования в технических вузах : сб. материалов науч.-метод. конф. (8–10 нояб. 2016 г.) / под ред. А.Н. Гануса. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2016. – С. 355–359.

12. *Холодилов, А.А*. Опыт интегрированного обучения компьютерной и инженерной графике в системе «школа–вуз» на примере подготовки учащихся профильных смен КГБОУ ДО «Созвездие» / А.А. Холодилов // Проблемы и перспективы развития образования в технических вузах : сб. материалов науч.-метод. конф. (8–10 нояб. 2016 г.) / под ред. А.Н. Гануса. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2016. – С. 348–354.

13. *Якунин, В.А.* Психология учебной деятельности студентов : учеб. пособие / В.А. Якунин. – СПб., 2004. – 154 с.

14. 3D-печать – в школы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://habrahabr.ru/company/makeitlab/blog/252663/ (дата обращения: 19.12.2017).

15. *Canessa, E.* Low-cost 3D Printing for Science, Education & Sustainable Development / E. Canessa, C. Fonda, M. Zennaro // ICTP – The Abdus Salam International Centre for Theoretical Physics. – 2013. – 202 p.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

КНИГИ И СУДЬБЫ: ИЗ ФОНДА РЕДКИХ КНИГ ХАБАРОВСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

А.В. Брейтман

Брейтман Анастасия Викторовна – кандидат филологических наук, методист Краевого центра образования (г. Хабаровск).

Контактный адрес: really.19.70@mail.ru

В статье поднимается проблема сохранения и изучения уникальной коллекции редких книг и журналов, выходивших в России и зарубежом в XVIII–XIX вв., хранящейся в научной библиотеке Педагогического института ТОГУ. По книжным знакам (штампы, экслибрисы, автографы, инскрипты) восстанавливается история некоторых экземпляров книг, устанавливается личность их владельцев. Художественные издания на иностранных языках, пришедшие из Владивостокской морской библиотеки, ведут к именам выдающихся военных и государственных деятелей, гидрографов, морских офицеров, служивших делу освоения региона и развития Тихоокеанского флота (И.А. Шестаков, К.С. Посьет, Ф.Ф. Шуберт и др.). История книги – история культуры. Ценность описываемых книжных экземпляров состоит прежде всего в прочной связи истории Дальнего Востока и *Большой истории* страны.

Ключевые слова: культурное наследие Дальнего Востока, история редкой книги, книжные знаки, Хабаровский педагогический институт, Владивостокская морская библиотека, экслибрис, суперэкслибрис, инскрипт, Пиго-Лебрен, Луиджи Иорини.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-176-182

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я…
А.С. Пушкин

Проблема культурной памяти – одна из самых острых на Дальнем Востоке. Причиной того, что молодые дальневосточники активно покидают регион, являются не только сложные экономические условия, но и наличие такого фактора, как *культурный вакуум.* Как пишет профессор КНАПУ А.А. Шунейко, в силу ряда исторических и социально-экономических причин пространство региона поражено *мифом отъезда*, согласно которому Дальний Восток – «предельный край», «конец земли, где постоянно жить нельзя» [9: с. 51]. Сегодня как никогда Дальний Восток нуждается в развитии культурных институтов, привлекательных для молодежи долгосрочных проектов, и, конечно же, в глубоком изучении культурного наследия Дальнего Востока.

В Хабаровске есть такие очаги культурной памяти, которые способны сохранить связь поколений и, в той или иной мере, способствовать укреплению культурной идентичности дальневосточников. Так, в научной библиотеке бывшего Хабаровского педагогического института (нынешнего Педагогического института ТОГУ) хранится уникальная коллекция редких книг и журналов, выходивших в России и за рубежом в XYIII–XIX вв. Среди хабаровских вузов только пединститут обладает такой ценностью. Всего в коллекции насчитывается около 6000 книг и журналов на русском и европейских языках. Здесь есть памятники как федерального, так и регионального значения[1].

[1] Согласно заключению специалистов отдела Центра консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края Дальневосточной государственной научной библиотеки (июнь 2013 г.) в редком фонде Научной библиотеки ДВГГУ хранятся документы федерального значения, являющиеся культурным достоянием народов Российской Федерации. Это отечественные издания, вышедшие до 1830 г. В фонде их три: 1) Гене А. Иудейские письма к г. Вольтеру, с прибавлением сокращенного комментария. Ч. 1. М. : В Университетской тип., 1808 (инв. 83932); 2) собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. 2-е изд. СПб.: Печатано в тип. Ивана Глазунова, 1822. Ч. 1–2 в одном корешке – два книжных памятника, одна единица хранения (инв. 65492); 3) Полевой Н.А. История русского народа. Т. 1–3. М.: В тип. Августа 15 Семена, при Имп. мед.-хирург. акад., 1829 (инв. 74562).
По социально-ценностному критерию статус федеральных книжных памятников присвоен следующим экземплярам, хранящимся в редком фонде ДВГГУ: 1) Блок А.А. Стихи о Прекрасной Даме. М.: Гриф, 1905 (первая книга поэта); 2) Ransome A. M. Old Peter's Russian Tales. London; Edinburgh: T.C. &, E.C.Jack, Ltd, 1916 (книга иллюстрирована известным художником Д. Митрохиным); 3) Барановский Г.В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века. Т. 1–7. СПб.: ред. журн. «Строитель», 1902–1908.
Помимо этого, редкий фонд ДВГГУ также включает издания, ценные с региональной точки зрения. Особую ценность имеет хранящаяся в фонде книжная коллекция семьи Плюсниных – хабаровских предпринимателей, проживавших в городе почти со дня его основания.

Редкий фонд функционировал в бывшем ХГПИ-ДВГГУ как обычный читальный зал, а это значит, что к нему предъявлялись те же требования по посещаемости, книговыдаче и отчетам, что и к другим читальным залам. Он так и не удостоился статуса научной лаборатории, не дождался реализации рекомендованных комиссией ДВГНБ (июнь 2013 г.) условий, необходимых для хранения редких книг: специально оборудованных шкафов, окон, кондиционеров. В 2016 г. его покинула последняя «хранительница древностей» И.А. Афанасьева, специалист, много сделавший для систематизации коллекции, ее изучения и популяризации. У фонда были свои друзья: профессора Н.И. Холодок и С.И. Красноштанов, преподаватели и студенты филологического факультета. На грубо оборудованных полках фонд объединил интереснейшие издания, раскрывающие страницы истории России и Дальнего Востока, Европы и Азии [2].

В собрании хранится большое количество книг на европейских языках: английском, немецком, французском, итальянском, польском. Это различные словари, например, шестнадцать томов одиннадцатого издания знаменитой энциклопедии «Британика», прижизненные издания Ф. Купера, А.Теннисона, Б. Шоу, Р. Киплинга, Дж. Лондона. Роскошное издание «Божественной комедии» Данте на итальянском языке с гравюрами знаменитого французского художника-иллюстратора Гюстава Доре (Милан, 1889) не может не привлечь внимание ценителей редкой книги (рис. 1) [10]. История книги – история культуры. Как же много может она рассказать!

Рис. 1. Доре Г. Иллюстрация
к «Божественной комедии» Данте. Ад, второй круг

На подарочном (неоригинальном) переплете экземпляра «Божественной комедии», изданной в Милане в 1889 г., сразу бросается в глаза тисненная золотом надпись: «1869 – XXV – 1894 AL ONOREVOLE MAESTRO LUIGI IORINI JSCOLARI DELLA SCOOLA DI BELLE ARTI IN ODESSA» (рис. 2) («Достопочтенному маэстро Луиджи Иорини от учеников одесской школы изобразительных искусств»). Книга была преподнесена учащимися Одесского училища искусств скульптору маэстро Луиджи Иорини в честь 25-летия его преподавательской деятельности в Одессе). Стоит сказать несколько слов о ее владельце.

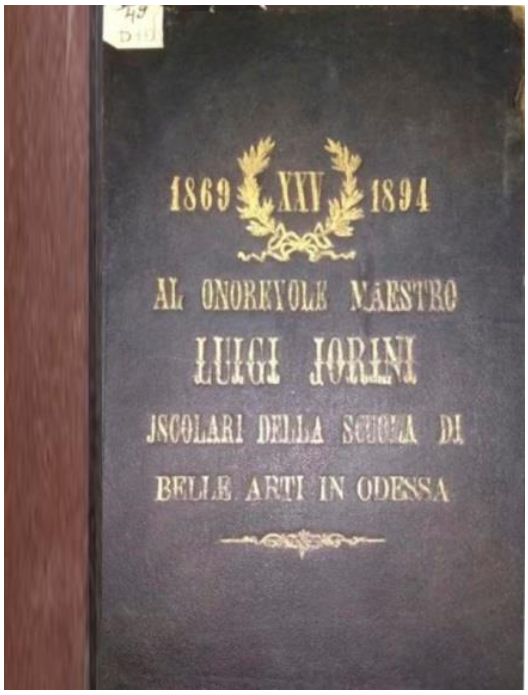


Рис. 2. Данте А. Божественная комедия.
Милан, 1889

Луиджи Доминкович Иорини, выпускник миланской Академии художеств, в 1869 г. по приглашению архитектора одесской городской управы, президента Общества изящных искусств Ф.О. Моранди приехал в Одессу. Он жил и преподавал в училище (ныне художественное училище Щукина) лепку и рисунок до самой своей смерти 1911 г. Иорини был любим и почитаем учениками. Здание одесской мэрии до сих пор украшают его скульптуры: Меркурия и Цереры, а также аллегорические фигуры Дня и Ночи (рис. 3). В связи с 30-летним юбилеем в 1899 г. Общество изящных искусств решило установить бюст Иорини в здании школы (с 1900 г. – художественного училища), где он находится и поныне. А в 1911 г., после смерти скульптора, была учреждена стипендия его имени для нуждающихся учеников.

Рис. 3. Л. Иорини. Скульптуры Дня и Ночи.
Здание мэрии г. Одесса

На портрете Иорини кисти неизвестного автора, хранящемся в одном из музеев Одессы (рис. 4), мы можем увидеть величественного старца с твердыми чертами лица, темный сюртук которого украшают три ордена: Святой Анны III степени, Святого Станислава III степени и офицерский крест Ордена Итальянской короны. Последний был получен за участие в походах Гарибальди.

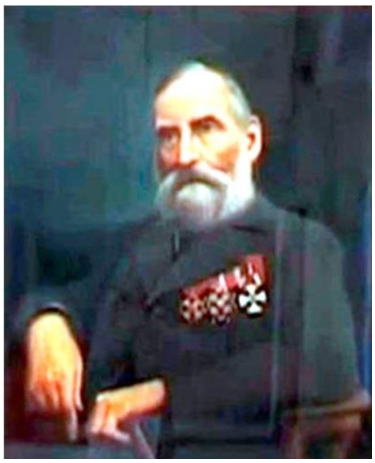


Рис. 4. Неизвестный художник.
Портрет Л. Иорини

Знаменитая *Щукинка* прославилось не только преподавателями, но и талантливыми выпускниками: Ф. Рубо, К. Костанди, Ю. Дмитренко, А. Красовским, Б. Эдуарде. Гостями училища были И. Айвазовский, И. Репин, М. Врубель, В. Верещагин. В стенах школы некоторое время обучались Л. Пастернак, И. Бродский, П. Володкин, А. Шевкуненко, Н. Альтман, М. Греков, Д. Бурлюк.

Учеником Л. Иорини был архитектор Б.М. Иофан, чьи «высотки» в Москве стали воплощением сталинского классицизма. «В 1911 году Иофан закончил его (училище) и получил… диплом и звание техника-архитектора. В период обучения в Одесском художественном училище немалую роль в становлении личности будущего мастера сыграл его любимый учитель – скульптор Луиджи Иорини. С ранней юности он внушил Иофану любовь к классическому наследию античности и эпохе Возрождения» [4]. Иофан уделял особое внимание скульптуре и ее живому взаимодействию с архитектурой.

Ныне в Хабаровске на кафедре международных коммуникаций, сервиса и туризма Дальневосточного университета путей сообщения успешно работает Валентина Владимировна Костанди, потомок другого знаменитого ученика Луиджи Иорини – художника греческого происхождения Кириака Константиновича Костанди (1852–1921). Его именем названа улица в Одессе. В.В. Костанди закончила Одесскую консерваторию, впоследствии Петербургскую академию художеств (рис. 5). Виолончелист, доцент, кандидат культурологии, она с честью продолжает духовные традиции одесской династии художников. В дальневосточной столице все знают ежегодно организуемый ею межвузовский фестиваль классической музыки «Золотая лира».

Рис. 5. Художник К.К. Костанди
и кандидат культурологии В.В. Костанди (Хабаровск)

Ценность хранящегося в фонде редких книг пединститута экземпляра «Божественной комедии» определяется не только историей дарственной надписи, но и замечательными иллюстрациями (их около ста) – гравюрами гениального Гюстава Доре (1831–1883). Это обязывает нас сказать несколько слов и о нем. Без гравюр Доре мир многих литературных произведений в сознании европейских и русских читателей невозможно представить: «Подвиги Геракла», роман Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», «Дон Кихот» Сервантеса, «Озорные рассказы», «Человеческая комедия» Бальзака, «Потерянный рай» Мильтона, басни Лафонтена, сказки Перро, «Неистовый Роланд» и др. Стиль иллюстраций Доре сочетает гротескно-фантастическое и сатирическое начала, обилие деталей, сложность и отточенность композиции.

«Доре раскладывал на огромном столе сразу до 20 досок белого самшита и, переходя от одной к другой, набрасывал рисунок с быстротой и уверенностью, которые изумляли» [7]. «Небрежно набрасывая» в разных местах части предметов, тел, пейзажа, он с безукоризненной четкостью соединял их в сложную многоплановую композицию. Дальнейшую работу проделывали виртуозы-граверы, сохраняя в полном объеме стиль и методику Доре» [7]. Тьма ада и сияние рая представлены тысячами неповторимых оттенков, неизменно поражающих воображение. Благодаря большому формату книги и качеству печати это миланское издание дает редкую возможность в полной мере насладиться полифонической выразительностью черно-белых иллюстраций Гюстава Доре.

Как данный экземпляр «Божественной комедии» мог попасть в Хабаровск? На третьей странице экземпляра отчетливо виден штамп: «Хабаровский крайкниготорг. Магазин № 12. Квитан. № 7074/177 Новая цена 250 р.». По всей вероятности, книга попала на Дальний Восток через сеть букинистических магазинов, затем приобретена для частной коллекции и после подарена библиотеке педагогического института. На страницах экземпляра отсутствуют знаки индивидуального чтения. Карандашные подписи, представляющие перевод итальянского текста (на титульном листе, под или над заголовками глав, под иллюстрациями), свидетельствуют об использовании книги в учебном процессе. Они сделаны только на страницах «Ада», изучаемого по программе учебных заведений, с ориентацией на отечественное издание «Ада» Данте 1940 г. с теми же гравюрами Г. Доре [3]. Например: «Глава первая. Лес. – Холм спасения. – Три зверя. – Вергилий».

Большую часть фонда редких книг Хабаровского пединститута составляют книги из Владивостокской морской библиотеки. История этой библиотеки, погибшей от пожара во время революционных событий 1905 г. во Владивостоке, когда восставшие моряки обстреливали с кораблей город, улицу Светланскую, кровно связана с именами выдающихся исторических деятелей на Дальнем Востоке, основателей Тихоокеанского флота, морских офицеров, гидрографов. «Почетными попечителями ее стали Великий князь Алексей Александрович Романов и генерал-адъютант К.С. Посьет (по императорскому дозволению от 21 сентября 1873 года). В 1887 году морской министр И.А. Шестаков подарил библиотеке 1115 томов ценных книг» [5: с. 37]. В фонде сохранилась книга из серии подаренных министром: на форзаце виден шрифтовый экслибрис-наклейка «Из книг И.А. Шестакова» (рис. 6). Это книга на английском языке «Немезия в Китае. Из записок У. Холла и личных наблюдений У. Бернарда» У. Холла, изданная в Лондоне в 1848 г. [11]. На шмуцтитуле надпись, скорее всего дарственная: «W.N. Captain Hall (имя адресата неразборчиво) 10 October 1852». Означает ли это, что надпись сделана рукой самого автора?

Рис. 6. Экслибрис-наклейка «Из книг И.А. Шестакова»

И.А. Шестаков (1820–1888), знаменитый флотоводец, государственный деятель, гидрограф, кораблестроитель, в 1886 г. избран первым почетным гражданином Владивостока, а его портрет был помещен в зале городской думы Владивостока.

В этом году он, будучи морским министром, прибыл на Дальний Восток на пароходе «Москва», после чего активизировалось обустройство Владивостокского порта и строительство железной дороги Владивосток – Хабаровск. И.А. Шестаков захоронен в храме Святого Владимира в Севастополе рядом с адмиралами Нахимовым, Бутаковым и Перелешиным.

Часть собрания Владивостокской морской библиотеки переведена в библиотеку Краснознаменной Амурской флотилии в период формирования флотилии на Амуре в 1910-х гг. Так, множество художественных изданий на английском, французском, немецком, итальянском, польском языках оказались в Хабаровске. Эти издания дают возможность получить представление о высокой образованности морских офицеров царской России.

Среди разновидностей штампов Владивостокской морской библиотеки суперэкслибрис «В.М.Б» в виде наклейки на корешках хорошо просматривается, например на всех шести томах собрания сочинений Пиго-Лебрена; на двух же наклейки частично утратились (рис. 7). «Суперэкслибрисы (лат. super сверху) – владельческий знак, состоящий из рисунка или тиснения на переплете. К началу XX века гербовые, вензельные и шрифтовые суперэкслибрисы выродились в инициалы, которые помещались в нижней части корешков книг в силу того, что изменился состав владельцев библиотек, да и сложный экслибрис был очень дорог в изготовлении. В нашем книжном собрании имеются именно инициалы на корешках книг… Так же имеется суперэкслибрис "Б.Г.Ш." на некоторых книгах редкого фонда из Библиотеки главного штаба…», – отмечает библиограф редкого фонда И.А. Афанасьева [1: с. 50].

Рис. 7. А. Пиго-Лебрен.
Собрание сочинений, Париж, 1818–1824

Перед нами шесть изящных небольших томиков карманного формата на французском языке. Это часть собрания сочинений современника французской революции Антуана Пиго-Лебрена (1753–1835), автора более семидесяти романов. Двадцатитомное собрание сочинений издано в Париже в 1818–1829 гг. [12]. На форзаце мы видим гербовый экслибрис «Из личной библиотеки Ф.Ф. Шуберта» и несколько различных штампов Владивостокской морской библиотеки. Итак, это издание мог читать и держать в руках А.С. Пушкин, знаток и любитель французской словесности!

В.Г. Белинский во второй статье «Сочинения Александра Пушкина» упоминает Пиго-Лебрена, называя его сочинения «остроумными» и полными духа французского Просвещения. Романы Пиго-Лебрена сразу же стали активно переводиться на русский язык, при этом русские переводчики именовали автора *Пиго ле-Брюнь, Пигольт-Лебрюн, Пиголе-Брюн, Пиголт*. В фонде на французском языке можно прочесть следующие романы Пиго-Лебрена: «Аделаида де Меран» (1820), «Священная лига, или Муха: исследование истоков фанатизма, суеверий и лицемерия» (1829), «Монсеньор да Робервиль» (1824), «Человек прожектер» (1819), «Теодор, или Перуанцы» (1820), «Бароны Фельсгейм, немецкая история, которая вовсе не немецкая» (1818) (рис. 8) [12].

Владельцем этих шести изящных томиков был Федор Федорович Шуберт (1789–1865), учёный-геодезист, директор Военно-топографического и гидрографического депо, первый руководитель Корпуса топографов, почётный член Морского учёного комитета [11]. Знакомство с основными фактами его славной биографии откроет нам символический смысл экслибриса. Под верхней частью окружности на латыни начертан девиз: «QUO FAS ET GLORIA DUCUNT» (Кого судьба и слава ведут). Ф.Ф. Шуберт был достойным сыном достойного отца – выдающегося астронома, директора библиотеки Российской академии наук Фёдора Ивановича Шуберта (1758–1825).

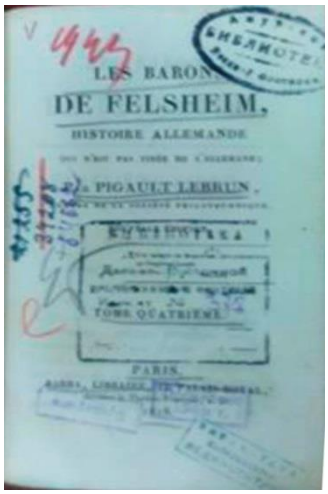


Рис. 8. А. Пиго-Лебрен.
Бароны Фельсгейм, история немецкая, которая вовсе не немецкая. Париж, 1818

Федор Федорович Шуберт (рис. 9) участвовал во всех военных походах русской армии первой половины XIX в.: кампании 1806–1807 гг., Русско-шведской войне, войне с турками, Отечественной войне 1812 г. В рапорте о действиях корпуса во время Бородинской битвы генерал-адъютант Ф.К. Корф отметил Шуберта, помогавшего под жестоким картечным огнём удержать расстроенные кавалерийские полки, подавая пример храбрости солдатам.

Рис. 9. Ф.Ф. Шуберт

С открытием кампании 1815 г. Шуберт в составе армии фельдмаршала Барклая-де-Толли направился к Рейну. После вторичного занятия Парижа союзными войсками он получил командировку в Арденны и Аргоны для военного обозрения обеих горных цепей. С 1827 по 1837 г. был начальником Гидрографического депо Главного Морского штаба Его Императорского Величества [8]. Он руководит

обширными тригонометрическими и топографическими работами в ряде губерний, занимается организацией издания «Записок Военно-топографического депо», ежегодного издания, выходившего до начала 1920-х гг., и «Записок Гидрографического депо». Составленное им «Руководство для исчисления тригонометрической съёмки и работ Военно-топографического депо» служило основным пособием для русских топографов на протяжении многих десятилетий. В 1827 г. Ф.Ф. Шуберт избран почётным членом Петербургской академии наук. Большое значение получают изданная им на 60 листах десятивёрстная специальная карта Западной части России, известная под именем «Карты Шуберта», гравированные планы Москвы и Санкт-Петербурга, а также его работы, посвящённые изучению вида и размеров Земли.

Вслед за отцом Ф.Ф. Шуберт был видным представителем российского масонства, в том числе 2-м надзирателем Великой ложи Астрея в Петербурге. Свободное время Фёдор Фёдорович посвящал нумизматике (в 1857 г. им был опубликован капитальный труд по этому вопросу). Он в совершенстве владел четырьмя языками, прекрасно разбирался в музыке и живописи, был разносторонним, трудолюбивым и культурным человеком. Его имя выгравировано на юбилейной медали «В память пятидесятилетия Корпуса военных топографов. 1822–1872 гг.».

В 1820 г. Федор Федорович женится на баронессе Софье Александровне Раль (1801–1833), дочери барона А.А. фон Раля (рис. 10). Таким образом, он породнился через сестер своей жены с журналистом О.И. Сенковским и художником А.П. Брюлловым. В семье Федора Федоровича называли Оракулом и обращались за помощью в любых сложных ситуациях. Дом Ралей, как впоследствии и дом Шубертов, был одним из заметных музыкальных центров пушкинского Петербурга.

Рис. 10. С.А. Раль (в замужестве Шуберт)

Внучками Шубертов являются знаменитый математик С.В. Ковалевская и писательница, участница Парижской коммуны А.В. Жаклар. Дом Шубертов на Первой линии Васильевского острова, унаследованный незамужней дочерью Софьей, часто посещал Ф.М. Достоевский (рис. 11, 12).

Рис. 11. Дети Ф.Ф. и С.А. Шубертов

Рис. 12. Дом Шубертов в Петербурге

Гербовый экслибрис на книгах Ф.Ф. Шуберта является ярким отражением его «судьбы и славы» (рис. 13). Можно попытаться истолковать символику рисунка. Герб, напоминающий форму сердца, поддерживаемый аллегорическими животными, справа – львом, слева – конем, сверху венчается лебедем, расположившимся на рыцарском забрале с наплечниками. Триада «конь–лев–лебедь» символизирует движение вперед, могущество и чистоту помыслов. Герб положен на ромбовидную фигуру, напоминающую солнце, лучи которого как множество рыцарских мечей примкнули друг к другу. В нижней части дуга из орденов и крестов горизонтально пронизана шпагой. Это означает не только личную славу, но в той же степени силу и благородство рода.

Рис. 13. Экслибрис «Из книг Ф.Ф. Шуберта»

Вполне возможно, что идея принадлежности к общему, выраженная в рисунке, должна пониматься в рамках масонской эзотерики как принадлежность к *вселенскому гражданству масонов*. Удивительное соответствие жизненного пути и символики экслибриса! В фонд редких книг Хабаровского пединститута книги Ф.Ф. Шуберта поступили из той же Владивостокской морской библиотеки. Становление Тихоокеанского флота сопровождалось развитием морских, офицерских библиотек, которые пополнялись литературой, направляемой из Петербурга.

Изучая книжное собрание фонда редких книг Хабаровского пединститута, не перестаешь удивляться таинственным сплетениям судеб людей и книг, прошедших вехи истории XIX и XX вв. Собрание фонда все еще ждет своего настоящего исследователя. И думается, что это чрезвычайно важно для нас, дальневосточников. Становление и развитие Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии – одна из важнейших стержневых линий истории Дальнего Востока. Из центров военно-морского образования и науки – Петербурга и Кронштадта – на Дальний Восток направлялись высокообразованные, преданные делу освоения дальневосточных территорий и российскому флоту военные и государственные деятели, ученые, морские офицеры, моряки средних и младших чинов. Они обосновывались здесь, пускали корни и, таким образом, активно формировали то, что мы называем дальневосточной культурой и дальневосточной культурной идентичностью. Об этом нельзя забывать, так как именно здесь лежат основания связи истории нашего региона с *Большой историей* страны.

Как мы убедились в последнее время, история – вещь неоднозначная. Официальной историей легко «управлять» в политических или личных целях. А вот частная, «домашняя», по выражению Пушкина, история гораздо лучше сохраняет теплый образ ушедших людей и событий. Старинные библиотеки, старинные книги охотно раскрывают внимательному и вдумчивому читателю, не довольствующемуся навязанными историческими штампами, неизвестные грани подлинной истории. Так и издания из фонда редких книг Хабаровского пединститута терпеливо ждут возможности поделиться бережно сохраненными автографами прошлого с неравнодушными, понимающими ценность культурного наследия дальневосточниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасьева, И.А.* Книжные знаки на изданиях редкого фонда научной библиотеки ДВГГУ – ценное культурно-историческое наследие Дальнего Востока / И.А. Афанасьева // Шестые Гродековские чтения. Актуальные проблемы исследования российской цивилизации на Дальнем Востоке : межрегион. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 20–21 апр. 2009 г.). – Хабаровск : ХКМ им. Н.И. Гродекова, 2009. – С. 50–54.

2. *Афанасьева, И.А.* Европа и Азия в фонде редкой книги Научной библиотеки ДВГГУ-ТОГУ / И.А. Афанасьева, О.С. Кабардина // Запад, Восток, Россия: литература и культура на пороге XXI века : сб. науч. ст. по материалам междунар. лингвокультурологического форума «Язык и культура: мосты между Европой и Азией (15–18 сент. 2009 г.) / под ред. Е.В. Савеловой. – Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2009. – С. 170–176.

3. *Данте Алигьери.* Божественная комедия. Ад / Данте Алигьери. – М. : Худож. лит., 1940. – 334 с.

4. Контент-платформа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ftp.pandia.ru/text/77/421/6405.php

5. *Мизь, Н.Г.* История Владивостока. Первые книги. Первые библиотеки / Н.Г. Мизь // Печатный двор. Дальний Восток России. – 2010. – № 10. – С. 36–39.

6. Пиго-Лебрен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/ %D0 %9F %D0 %B8 %D0 %B3 %D0 %BE- %D0 %9B %D0 %B5 %D0 %B1 %D1 %80 %D0 %B5 %D0 %BD

7. *Селинов, П.* «Народный художник» Доре [Электронный ресурс] / П. Селинов. – Режим доступа: http://prihozhanin.msdm.ru/home/podumat/o-zhizni/290-narodnyj-khudozhnik-gyustav-dore.html

8. Шуберт Ф.Ф. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/ %D0 %A8 %D1 %83 %D0 % B1 %D0 %B5 %D1 %80 %D1 %82,_ %D0 %A4 %D1 %91 %D0 %B4 % D0 %BE %D1 %80_ %D0 %A4 %D1 %91 %D0 %B4 %D0 %BE %D1 %80 %D0 %BE %D0 %B2 %D0 %B8 %D1 %87

9. *Шунейко, А.А.* Миф информационного пространства с позиций его реконструкции / А.А. Шунейко, А.В. Матюшко, О.В. Чибисова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12 (78). – С. 50–53.

10. *Dante Aligheri.* La Divina commedia / Dante Aligheri. – Illustrata da Gustavo Dore. – Edizione Economica. – Milano : Edoardo, Sonzogno, Editore, 1889. – 854 c.

11. *Hall, W.H.* Tне Nemesis in China: comprising a history of late war in that country: with an account of the colony of Hong-Kong: From notes of W.H. Hall and personal observationsaby W.D. Bernard / W.H. Hall. – London : H. Colburn, 1848. – 339 p.

12. *Pigault Lebrun.* Les Barons de Felsheim, Histoire Allemande qui N'est pas Tiree de L'allemand / Pigault Lebrun. – Nouvelle edition. – T. 4. – Paris : Barba, Libraire, Au Palais-Reyal, 1818. – 240 p.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВЫПУСКНИКОВ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ СРЕДНИХ ШКОЛ О ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ КАК ПРОСТРАНСТВЕ САМОРЕАЛИЗАЦИИ*

Э.А. Зайцев

И.Ю. Махова

Зайцев Эдгард Александрович – магистр педагогики, магистрант кафедры психологии образования Амурского гуманитарного педагогического государственного университета, депутат городской Думы (г. Комсомольск-на-Амуре).

Контактный адрес: 12345zaiaz67@mail.ru

Махова Ирина Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования Амурского гуманитарного педагогического государственного университета (г. Комсомольск-на-Амуре).

Контактный адрес: miu60@mail.ru

Статья посвящена анализу когнитивного и эмоционально-ценностного аспекта представлений выпускников школ г. Комсомольска-на-Амуре и поселка городского типа Эльбан о городе как оптимальном пространстве для жизни и самореализации. Обнаружено, что на когнитивном уровне большинство выпускников-дальневосточников выражают намерения покинуть свою малую родину, однако на эмоциональном уровне связывают с ней возможности и сферы самореализации. Данные факты определяют психологическую проблему социокультурного брендинга малых городов и обозначают направление патриотического воспитания молодежи Дальнего Востока России.

Ключевые слова: оптимальное пространство для жизни, сферы самореализации, когнитивный аспект представлений, эмоциональный аспект представлений, миграционные намерения, город как оптимальное пространство самореализации выпускников школ.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-183-192

Дальний Восток – территория, находящаяся на расстоянии около шести тысяч километров от экономического и культурного центра России и в связи с этим неизбежно лишенная преимуществ централизованного положения. Не удивительно, что основной миграционной тенденцией, сложившейся на Дальнем Востоке в целом и в Хабаровском крае в частности, является постоянный исход населения, переселение людей из малых городов и поселков в центры ДВ региона и России.

В разные периоды развития страны отношение правительства к Дальнему Востоку менялось и опосредовалось программами «переселения с севера» (2002 г.), укрупнения городов Дальнего Востока (с конца 1990-х до 2010 г.), создание территорий опережающего развития «Хабаровск» и «Комсомольск» в Хабаровском крае (2015 г.) и др. Исторически сложилось восприятие Дальнего Востока представителями разных поколений россиян как места ссылок и лишения свободы.

Налаживание дружественных политических, экономических и культурных отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона – Китаем, Японией, Северной и Южной Кореей в настоящее время и увеличение числа представителей этих стран, посещающих города дальневосточного региона с различными целями, не меняют преимущественного отношения коренных жителей к своему краю и его малым городам как к провинциальным задворкам России.

Отметим, что общепринятой в современной социологии, экономике, социальной и этнической психологии является мысль о том, что именно малые и средние города играют важнейшую роль в общественном развитии во всем мире, так как в них сохраняются вековые традиции, культурное наследие и национальный колорит страны в отличие от универсализированных мегаполисов [1; 2; 9; 10 и др.]. Кроме того, актуальность сохранения и развития городов и поселков Дальнего Востока связана с необходимостью сохранения территориальной целостности и незыблемости границ Российского государства для потомков. Этим обусловлено внимание к развитию Дальнего Востока и миграционным тенденциям, являющимся индикаторами качества жизни в нашем крае [8]. В принятой 28 июня 2016 г. Правительством РФ концепции демографической политики Дальнего Востока определены

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках темы «Социальные и психологические факторы миграции молодежи Комсомольска-на-Амуре».

показатели развития региона: к 2025 г. увеличение численности населения за счет естественного прироста должно составить 50 тыс. человек, а за счет положительного сальдо миграции должен произойти прирост еще 250 тыс. человек [12].

Феномен оптимального пространства для жизни достаточно активно рассматривается в работах современных исследователей. Это связано с тем, что бытие человека в стремительно изменяющемся мире осуществляется как в виртуальном пространстве, так и в реальном физическом, без которого существование материального субъекта невозможно. Использование в психологии научной метафоры «жизненное пространство человека» связано с именем гештальтпсихолога Курта Левина и его «теорией поля», позволяющей объяснять поведение личности посредством отраженных в ее сознании фрагментов физической реальности, имеющих для нее различную значимость.

Под жизненным пространством, междисциплинарным понятием, разрабатываемым в психологических, культурологических, антропологических и философских исследованиях, подразумевается «…динамичная система, внутренняя структура которой содержит различные уровни включенности человека в социальную реальность: уровень телесной организации, идентификационный уровень, уровень повседневности» [1]. В широком философском смысле жизненное пространство – это взаимосвязь объективных территориальных, временных, социальных условий и субъективно-личностных факторов жизнедеятельности человека, которые определяют его жизнь, судьбу в зависимости от степени его активности и свободы. Жизненное пространство, таким образом, предполагает понимание человеком всех аспектов реальности, в которой он существует, а также своих надежд, стремлений, возможностей [15]. Опираясь на идеи В. Франкла, отметим, что возможность на фоне действительности обнаруживается в поиске смысла, в процессе внутреннего диалога, в рамках определенной топологии социальных индикаторов: свободы и необходимости, благополучия и дискомфорта, справедливости и «несправедливости», достоинства и унижения и т.п. [13]. По мнению В.А. Писачкина, именно в смысловой структуре жизненного пространства субъекта и субстанциально, и символически отражены его реальные отношения с миром, которые определяют его социальные действия [11].

Категория «смысл» в контексте жизненного пространства и социального самоопределения человека и общества обозначается как ключевая в работах М. Вебера, Э. Гидденса, Н. Лумана, Ю. Хабермаса и др. Смысл и смысловые отношения рассматриваются как основание субъектности. М. Вебер считает, что именно смысл превращает действие индивида в социальное, при котором он соотносит свое поведение с поведением других людей и ориентируется на них [4]. При этом смысловая адекватность является определяющей в конструировании веберовских «идеальных типов». П. Бергер и Т. Лукман, очерчивая понятие «социальное конструирование реальности», также отмечают значение в нем смысловых структур общества: смысловые структуры, разделяемые представителями данного общества как социальные конструкты первого порядка, влекут за собой возникновение социальных структур второго порядка, создающих «конечные миры смыслов» как типизации или образцы взаимодействия [3]. В топологическом плане смысл – это пространство, которое «…служит средой-абсорбером всех релевантных событий» и «…задается отношениями, определяющими возникновение типологических явлений», – считает В.В. Ильин [7: с. 47].

Современными российскими социологами (И.В. Бабаян, В.А. Писачкин, А.Н. Чумиков и др.) рассматриваются смысловые аспекты жизненного пространства в контексте социальной топологии и регионологии, «социокультурного брендинга страны» [11: с. 658].

Авторы отмечают, что регион представляет особую «социальную композицию комплексного смыслового, символического, территориального и практического характера» [11: с. 657]. Это пространство смысла развертывается в процессе самореференции регионального социума на глобальном, национальном и местном уровнях в контексте социокультурного брендинга региона. Социокультурный брендинг региона, консолидация смыслов и ценностей в этом направлении, очевидно, определены в материальном плане уровнем благосостояния его жителей, в духовном – состоянием проблем справедливости и свободы в социуме, а также возможностями самореализации личности.

Город, поселок как локус жизненного пространства человека, точку пересечения жизненных пространств всех его жителей (настоящих, будущих и тех, кто не живет в нем, а лишь с различными целями посещает его) рассматривают Ю.Л. Балюшина, А.В. Иконников, М.Н. Макарова А.В. Мудрик и др. Город как специфическая форма организации бытия людей, обусловливающая материальные, социокультурные, коммуникативные характеристики их жизнедеятельности, с одной стороны, создан исторически самими людьми, постоянно изменяется под их влиянием, но и воспроизводит определенный тип горожанина [1; 2; 6; 9; 10].

Психологическое исследование смысловой конфигурации коммуникационных и дискурсивных пространств современных дальневосточных городов и поселков позволяет не только описать социальную топологию, или «хронотоп», Дальнего Во-

стока России – представления людей о возможностях самореализации во времени (в настоящем и будущем) и пространстве (в том числе различных сферах самореализации), но и наметить пути оптимизации жизненного пространства дальневосточников. В данном контексте особенно актуально исследование восприятия Дальнего Востока как пространства для жизни и самореализации выпускниками города и поселка, так как значительная их часть, даже рожденных здесь, ощущают временность своего пребывания на Дальнем Востоке, строят и реализуют планы смены места жительства.

Организация и методы исследования. В эмпирическом исследовании восприятия Дальнего Востока как пространства для жизни и самореализации участвовали выпускники поселка городского типа Эльбан (23 ученика выпускного класса МБОУ СОШ № 3) и г. Комсомольска-на-Амуре (27 выпускников школы № 15). Исследование было организовано сравнительным методом и проведено в течение 2016/17 учебного года.

Когнитивный аспект представлений выпускников сельской и городской школ об оптимальном пространстве для жизни и миграционных намерениях выявляли с помощью методики «Неоконченные предложения». В качестве стимулов выступили следующие предложения: «Самое важное, что должно измениться в нашем городе…»; « На самом деле я хочу, чтобы в нашем городе…»; «Я не уезжаю из города, потому что…»; «Я мечтаю уехать из города, потому что…». Обработка результатов осуществлялась методом контент-анализа.

Эмоционально-ценностный компонент представлений об оптимальном пространстве для жизни исследовали с помощью модифицированного варианта теста С. Деллингер (адаптация А.А. Алексеева, Л.А. Громовой). В традиционном варианте применения психогеометрический тест выявляет предпочитаемый респондентом тип личности, его положительные и негативные свойства. Модификация теста осуществлялась на кафедре психологии образования ФГБОУ ВО «АмГПГУ». Являясь проективным тестом, данная процедура конституирует эмоционально-ценностное отношение к ассоциируемым со стимулами (в данном случае геометрическими фигурами: кругом, квадратом, прямоугольником, треугольником, зигзагом) объектам. Слова, которые респондентам предлагалось ассоциировать с фигурами психогеометрического теста, отражают ин-группу (группу и тип личности, с которыми респонденты себя отождествляют) и аут-группу (т.е. группу, с которой респонденты считают себя нетождественными) идентификации, а также пространство, время, сферы жизни и самореализации: «я», «мы», «они», «Комсомольск-на-Амуре», «комсомольчанин», «будущее», «настоящее», «профессиональная карьера», «самореализация», «образование», «семья», «работа», «возможности». Помимо традиционной интерпретации свойств, которые респонденты приписывают оцениваемым объектам, ассоциируя их с фигурами, можно определить и эмоциональное отождествление объектов пространства, времени и сфер самореализации участников исследования с помощью корреляционного анализа рангового места категорий, отражающих группы идентификации «мы», «они», «я».

Задача выявления различий в представлениях респондентов города и села об оптимальном пространстве для жизни и самореализации решалась с помощью критериев Манна–Уитни и Фишера. Применялся пакет программ Statistica 10.0.

Результаты эмпирического исследования. Рассмотрим результаты исследования *когнитивного аспекта представлений* выпускников сельской и городской школ дальневосточного региона.

В ходе анализа текстов окончания респондентами предложений «Самое важное, что должно измениться в нашем городе …»; « На самом деле я хочу, чтобы в нашем городе…» были определены единицы контент-анализа. Ими выступили словосочетания, отражающие законченную мысль. Нижеследующие категории выступили смысловыми единицами анализа.

Категория *«социальные аспекты»* включала потребности в преобразованиях социальной инфраструктуры (детские сады, больницы, образовательные учреждения, развлекательные центры), социальных условий жизни (ремонт дорог, запрет продажи алкогольной продукции и сигарет).

Категория *«экологические аспекты»* отражала потребности респондентов в организации и обустройстве парков, чистоте и проведении мероприятий, направленных на улучшение экологической обстановки в поселке или городе.

Под категорией *«интегрально-оценочные суждения»* подразумевали высказывания типа: «хочу, чтобы изменилось все», «хочу, чтобы город процветал», потребности в появлении новых красивых мест; чтобы была поддержка государства.

К категории *«изменение людей»* были отнесены высказывания о потребностях в изменении отношения людей к городу, об участии молодёжи в развитии города, изменении состава администрации города, равнодушии администрации, о качестве работы учителей.

В категорию *«экономические изменения»* были включены высказывания респондентов о необходимости увеличения зарплаты, финансовой поддержки. Кроме того, была определена категория *«нет ответа»*, к которой были отнесены протоколы, не содержащие ответов на вопросы.

Результаты контент-анализа текстов протоколов, отражающих потребности респондентов обеих групп в оптимальном пространстве для жизни и самореализации и представления о нем на основе контент-анализа продолжения неоконченных предложений, представлены в табл. 1 и на рис. 1.

Таблица 1

Содержание представлений о желаниях и потребностях, связанных с оптимальным пространством для жизни и самореализации респондентов

Категория	Ответы выпускников пгт Эльбан		Ответы выпускников г. Комсомольска-на-Амуре	
	Абсолютное кол-во ответов	%	Абсолютное кол-во ответов	%
Экологические аспекты	3	6,7	8	12,9
Социальные аспекты	15	33,3	19	30,6
Интегрально-оценочные суждения	6	13,3	15	24,2
Изменение людей	6	13,3	10	16,1
Экономические аспекты	0	0*	6	9,7*
Нет ответа	15	33,3**	4	6,5**
Всего ответов	45	100	62	100

Примечания
* Достоверные различия: $\varphi = 3{,}23$, $p < 0{,}01$.
** Достоверные различия: $\varphi = 3{,}66$, $p < 0{,}01$.

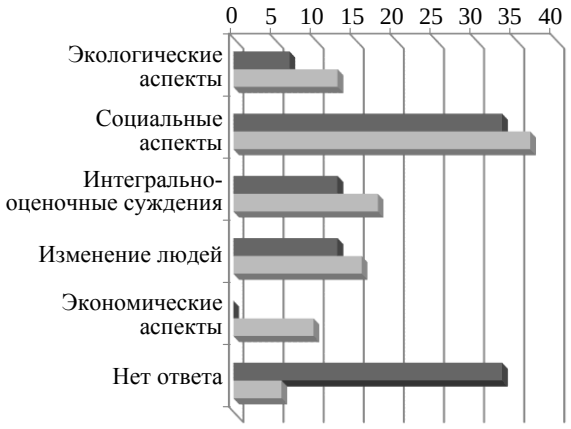


Рис. 1. Содержание представлений респондентов о желаниях и потребностях, связанных с оптимальным пространством для жизни и самореализации: ■ – выпускники пгт Эльбан; □ – выпускники г. Комсомольска-на-Амуре

В текстах выпускников пгт Эльбан преобладают ответы категории «социальные аспекты» (33,3 %) и «нет ответа» (33,3 %). Сельские выпускники испытывают недостаток социальных объектов. Особенностью ответов, отнесенных к категории социальные аспекты, этих респондентов было то, что они выражали желание, чтобы их поселок стал городом, т.е. приобрел статус и городскую инфраструктуру. Отсутствие продолжения предложений о потребностях и желаниях, связанных с изменениями в поселке, указывает на отсутствие четких представлений у данных респондентов. Об этом же свидетельствуют и интегрально-оценочные суждения. К такой категории были отнесены 13,3 % ответов выпускников пгт Эльбан. Сельские респонденты не указали потребность в экономических изменениях, что, вероятно, свидетельствует о некотором благополучии в этой сфере. Небольшие размеры поселка, вероятно, не требуют затрат на транспорт, а наличие подсобных хозяйств позволяет легко решать проблемы обеспечения продуктами питания, составляющими основную статью расходов городских жителей. Различия в потребностях, связанных с экономическими изменениями, выпускников сельской и городской школ достоверны на 99%-м уровне.

Желания в изменениях социальной сферы также преобладают и у городских выпускников. Количество таких ответов составляет 30,6 %. Респонденты-комсомольчане указывали на желание видеть больше мероприятий, направленных на улучшение жизни горожан, решение проблемы мигрантов из других регионов, увеличение количества вузов и т.п.

На слабую дифференцированность представлений об оптимальном пространстве для жизни и самореализации выпускников г. Комсомольска-на-Амуре указывает большое количество интегрально-оценочных суждений. Такой категории ответов было выявлено 24,2 %. Однако значительно меньше выпускников г. Комсомольска-на-Амуре отказались от продолжения предложений о желаемых изменениях в городе по сравнению с выпускниками пгт Эльбан. Различия в данной категории статистически достоверны. Бóльшее (в сравнении с результатами сельских респондентов) количество комсомольчан указывают на желания, связанные с изменением экологии города (12,9 % в сравнении с 6,7 %). Однако в данном случае различия не достоверны статистически.

В ходе контент-анализа текстов продолжения предложения «Я не уезжаю из города, потому что….» были выделены следующие ниже смысловые единицы (категории), отражающие миграционные намерения респондентов.

Категория *«вынужденная зависимость от места жительства»* включала ответы респондентов, связанные с тем, что они либо заканчивают школу («В данный момент учусь» (код протокола 217), либо не достигли возраста самостоятельности («Я слишком молод» (код протокола 218)) и т.п.

В категорию *«коммуникативные аспекты»* были включены ответы, связанные с коммуникатив-

ными привязанностями, например: «здесь мои друзья и семья» (код протокола 225) и т.п.

Категория *«интегральное отрицание»* подразумевала ответы типа «нет выхода отсюда» (код протокола 21), «готовлюсь к отъезду» (код протокола 2).

К категории *«интегрально-оценочные суждения»* отнесли ответы «я останусь здесь» (код протокола 22), «хочу остаться здесь» (код протокола 220), «это родной город» (код протокола 232), «привыкла к нему» (код протокола 238).

Преобладающее число как выпускников пгт Эльбан, так и г. Комсомольска-на-Амуре указывают в качестве причины своего пребывания в городе (поселке) *вынужденную необходимость пребывания* здесь, связанную с продолжением учебы, несовершеннолетием (табл. 2, рис. 2). Зависимость от нынешнего места жительства около половины выпускников обеих сравниваемых групп определяет их стремление сменить место жительства и тот факт, что выпускники не рассматривают его в качестве пространства для самореализации. Лишь небольшая часть сельских (10,7 %) и городских (8,7 %) выпускников не намерены уезжать и связывают дальнейшую жизнь со своим городом (поселком). Об этом свидетельствует количество высказываний категории «интегрально-оценочные аспекты».

Отсутствие дифференцированных представлений о миграционных намерениях чаще демонстрировали выпускники города на Амуре (25,9 %) в сравнении с сельскими школьниками (13 %). Различия, однако, не достоверны.

Таблица 2

Содержание представлений о миграционных намерениях респондентов (на основе контент-анализа продолжения неоконченного предложения «Я не уезжаю из города, потому что…»)

Категория	Ответы выпускников пгт Эльбан		Ответы выпускников г. Комсомольска-на-Амуре	
	Абсолютное кол-во ответов	%	Абсолютное кол-во ответов	%
Коммуникативные аспекты	1	4,3*	4	14,8*
Интегрально-оценочные аспекты	2	8,7	3	10,7
Вынужденная зависимость от места жительства	13	56,5	13	46,4
Интегральное отрицание	4	17,4**	0	0**
Нет ответа	3	13,0	7	25,9
Всего	23	100	27	100

Примечания

* Достоверные различия: $\varphi = 1{,}67$, $p < 0{,}05$.

** Достоверные различия: $\varphi = 3{,}03$, $p < 0{,}01$.

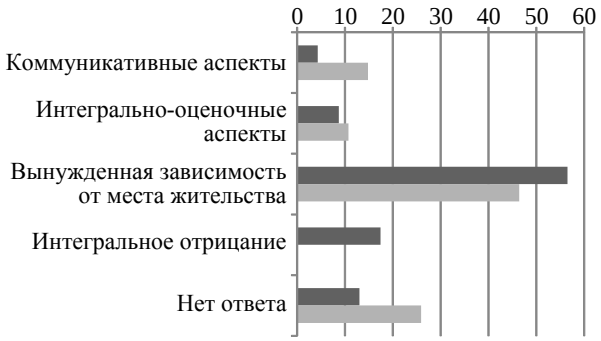


Рис. 2. Содержание представлений о миграционных намерениях респондентов (на основе контент-анализа продолжения неоконченного предложения «Я не уезжаю из города, потому что…»): ■ – выпускника пгт Эльбан; ■ – выпускники г. Комсомольска-на-Амуре

Значимо реже в качестве причин пребывания в городе (поселке), где живут в настоящее время, ученики пгт Эльбан указывали коммуникативные привязанности. Следовательно, зависимость от социального окружения в большей степени свойственна городским выпускникам.

Существенные различия (на высоком уровне достоверности ($p < 0{,}01$)) обнаружены в интегральном отрицании места, где живут, выпускниками поселка Эльбан (17,4 %). Эти выпускники ответили так: «ничего нет», «нет выхода отсюда». Комсомольчане не дали ответов данной категории.

Представления респондентов о причинах стремления уехать из города выявляли с помощью контент-анализа текстов продолжения неоконченного предложения «Я мечтаю уехать из города, потому что…». Смысловые единицы анализа в данном случае следующие: *«социальные причины», «интегральная отрицательная оценка», «экологические причины», «отрицание намерения уехать», «нет ответа».*

Категория *«социальные причины»* включала утверждения такого содержания: «здесь мало возможностей как для молодежи, так и для взрослых людей» (код протокола 12), «мало инфраструктуры» (код протокола 1) и т.п.

«Интегральная отрицательная оценка» включала суждения типа «хочу в другой город» (код протокола 16), «зона отчуждения» (код протокола 21).

К категории *«Экологические причины»* отнесены ответы «хочу жить» (код протокола 2), «здесь суровые зимы» (код протокола 215).

Ответы, не содержащие намерения уехать, а выражающие противоположное намерение, отнесли к категории «*отрицание намерения уехать».*

Результаты контент-анализа представлений о миграционных намерениях выпускников представлены в табл. 3 и на рис. 3.

Преобладающими причинами стремления покинуть место настоящего пребывания выпускников обеих сравниваемых групп являются социальные

причины. О них заявили половина комсомольчан и 60,7 % выпускников пгт Эльбан. Респонденты отмечают неразвитость инфраструктуры, отсутствие возможностей и перспектив для карьерного роста, трудоустройства. Таким образом, общей тенденцией, отражающей поиски оптимального пространства для жизни выпускников сравниваемых групп, является стремление покинуть город (поселок). Ничтожное количество респондентов выразили намерение остаться в городе (поселке). Значительное количество респондентов выразили интегрально-отрицательную оценку своего места жительства, демонстрируя свои миграционные намерения (25 % сельских и 32,4 % городских выпускников).

Таблица 3

Содержание миграционных намерений выпускников сельских и городских школ (на основе продолжения предложения «Я мечтаю уехать из города, потому что…»)

Категория	Ответы выпускников пгт Эльбан		Ответы выпускников г. Комсомольска-на-Амуре	
	Абсолютное кол-во ответов	%	Абсолютное кол-во ответов	%
Экологические причины	1	3,6	1	2,9
Социальные причины	17	60,7	17	50
Отрицание намерения уехать	1	3,6	2	5,9
Интегральная отрицательная оценка	7	25	11	32,4
Нет ответа	3	10,7	3	8,8
Всего	28	100	34	100

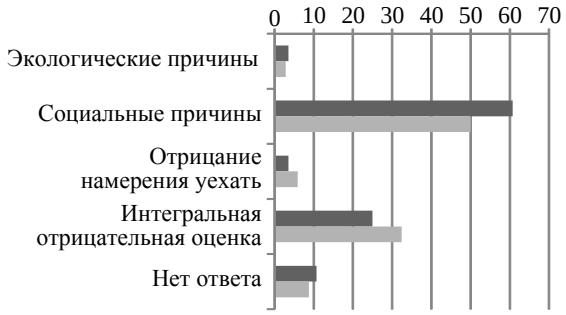


Рис. 3. Содержание миграционных намерений выпускников сельских и городских школ (на основе продолжения предложения «Я мечтаю уехать из города, потому что…»): ■ – выпускники пгт Эльбан; ■ – выпускники г. Комсомольска-на-Амуре

Изучение эмоционально-ценностного компонента представлений об оптимальном пространстве для жизни и самореализации выпускников пгт Эльбан и г. Комсомольска-на-Амуре осуществлялось с помощью модифицированного варианта психогеометрического теста С. Деллингер.

Сравнительный анализ ассоциаций выпускников сельской и городской школ с категориями, отражающими «хронотоп» их самореализации, с фигурами психогеометрического теста (С. Деллингер) представлен на рис. 4.

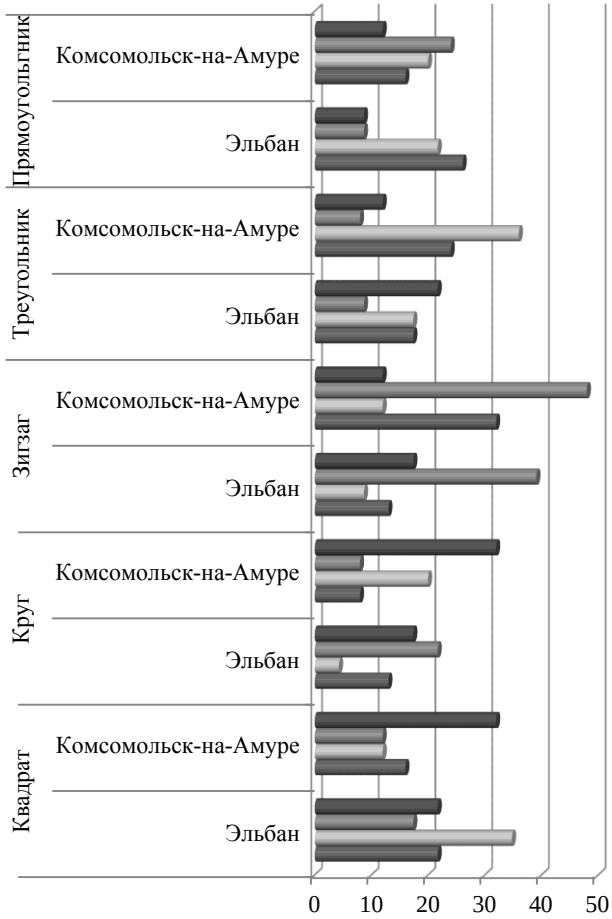


Рис. 4. Ассоциации выпускников сельской и городской школ категорий, отражающих пространство и время жизни с фигурами психогеометрического теста: ■ – настоящее; ■ – будущее; ■ – комсомольчанин; ■ – Комсомольск-на-Амуре

Очевидно, что г. Комсомольск-на-Амуре как пространство для жизни представляется выпускникам пгт Эльбан как *прямоугольник* и *квадрат*. В восприятии данных респондентов это непонятное, но жесткое пространство, имеющее свои четкие правила и границы, но вместе с тем неустойчивое и изменяющееся.

Комсомольчане чаще ассоциируют родной город с зигзагом (39 %), т.е. воспринимают его как место свободы самовыражения, креативности, творчества, инакомыслия. Данная фигура характеризуется, кроме того, непрактичностью, разбросанностью, непредсказуемостью. Различия в ассоциациях г. Комсо-

мольска-на-Амуре с зигзагом сельских (13 %) и городских (39 %) выпускников приближаются к достоверным ($\varphi = 1{,}60 \leq 1{,}64 = \varphi_{критич}$, $p = 0{,}05$).

С зигзагом ассоциируют свое *будущее* большинство выпускников обеих сравниваемых групп. Следовательно, выпускники рассматривают креативность и творчество, разнообразие, отсутствие четкой системы и последовательности как свое *будущее*. Наблюдается сходство в ассоциациях выпускников обеих групп своего будущего и с другими фигурами. Не выявлено достоверных различий в сравнении. Однако комсомольчане (24 %) чаще выпускников Эльбана (8,7 %) ассоциируют свое будущее с прямоугольником, т.е. видят его неустойчивым, непредсказуемым, тревожным.

В восприятии *настоящего* выпускниками сельских и городских школ различия видны в ассоциациях его с кругом. С дружбой и межличностными отношениями чаще связывают свое настоящее выпускники-комсомольчане (32 %), в то время как подобные ассоциации «настоящее» вызывает лишь у 17,4 % школьников поселка Эльбан. Однако различия недостоверны.

Ассоциации выпускников сельских и городских школ категорий, отражающих профессиональное становление, самореализацию, ее сферы и возможности с фигурами психогеометрического теста, представлены на рис. 5.

Большинство выпускников пгт Эльбан связывают *самореализацию* с зигзагом (34,8 %), а значительное число комсомольчан с прямоугольником (36 %) и треугольником (32 %). В представлениях сельских выпускников *самореализация* – это креативность и творчество, отсутствие рамок и правил. Для жителей г. Комсомольска-на-Амуре *самореализация* не вполне понятна, непредсказуема, изменчива и неустойчива (ассоциации с прямоугольником демонстрируют 36 % выпускников), и в то же время они считают самореализацию лидерством и соревнованием, стремлением ставить и достигать цели (ассоциации с треугольником у 32 % выпускников). Достоверные различия получены в анализе ассоциаций *самореализации* сельских и городских выпускников с зигзагом и с прямоугольником.

Значимо чаще выпускники Комсомольска-на-Амуре (48 %), чем выпускники пгт Эльбан (21,7 %), ассоциируют *профессиональную карьеру* с прямоугольником, т.е. не вполне понимают, что это такое, этот феномен для них непредсказуем, непостоянен, сопряжен часто с низкой самооценкой. Различия выявлены на 95%-м уровне.

Чаще, чем сельские выпускники, комсомольчане ассоциируют свои *возможности* для самореализации с зигзагом (44 %). Для данных выпускников *возможности* – это творчество и отсутствие границ. В восприятии респондентов Эльбана *возможности* связываются с межличностными отношениями и коммуникацией, протекцией, так как 30,4 % ассоциируют их с кругом. Достоверные различия выявлены в сравнении ассоциаций сельских и городских выпускников *возможностей* с квадратом ($\varphi = 1{,}99$, $p < 0{,}05$). Выпускники пгт Эльбан не связывают возможности с трудом, терпением, профессионализмом и порядком.

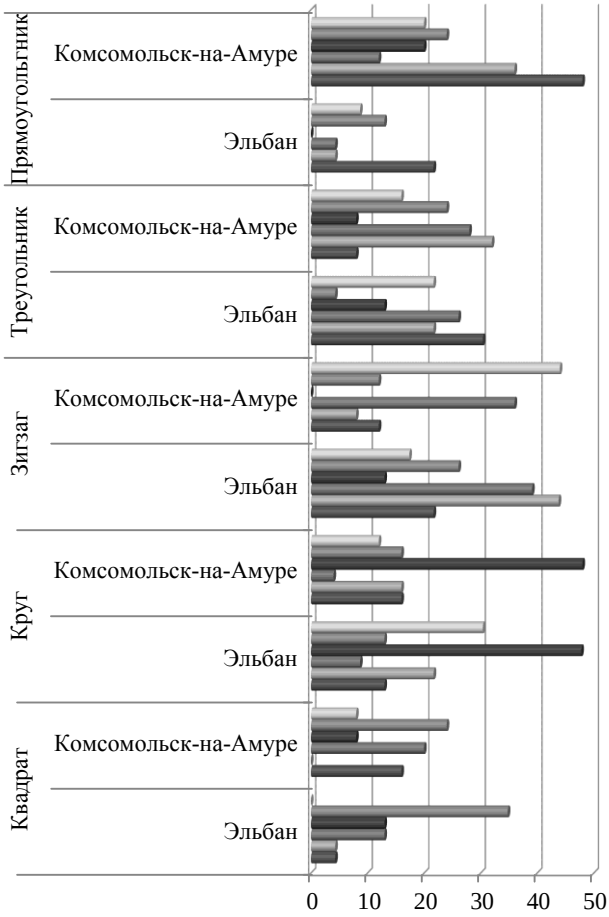


Рис. 5. Ассоциации выпускников сельских и городских школ категорий, отражающих профессиональное становление, самореализацию, ее сферы и возможности, с фигурами психогеометрического теста: □ – «возможности»; ■ – «работа»; ■ – «семья»; ■ – «образование»; ■ – «самореализация»; ■ – «проф. карьера»

Выявлены достоверные различия в восприятии *сфер самореализации* сельскими и городскими выпускниками. *Семья* чаще ассоциируется школьниками выпускного класса Эльбана как сфера творчества, креативности, отсутствия правил и системы (ассоциации с зигзагом продемонстрировали 13 % выпускников), в то время как комсомольчане не связывают семью с проявлением творчества.

Анализ предпочтений и эмоционально-ценностного отношения к категориям, отражающим пространство для жизни и самореализации сельских и городских школьников выпускных классов, осу-

ществляли на основе сопоставления ранговых мест оценки данных категорий (с помощью модифицированного варианта психогеометрического теста С. Делингер (адаптация А.А. Алексеева, Л.А. Громовой)).

График, отражающий средние значения отношений к заданным категориям, показывает, что респонденты пгт Эльбан наиболее высоко оценивают себя (ср. знач. 1,56), ин-группу «мы», в которую включают себя (ср. знач. 1,56); немногим ниже оценивается категория «семья» (ср. знач. 1,78). Категории, отражающие жителей г. Комсомольска и сам город как пространство для жизни, оцениваются более низко, на это указывают более высокие значения рангов: «Комсомольск-на-Амуре» (ср. знач. 2,34), «комсомольчанин» (ср. знач. 2,52).Такие категории, как самореализация (ср. знач.2,39), настоящее (ср. знач. 2,4), будущее (ср. знач. 2,3), образование (ср. знач. 2,69), работа (ср. знач. 2,69), профессиональная карьера (ср. знач. 2,78), в рамках выполненного исследования имеют низкостатусные значения (рис. 6).

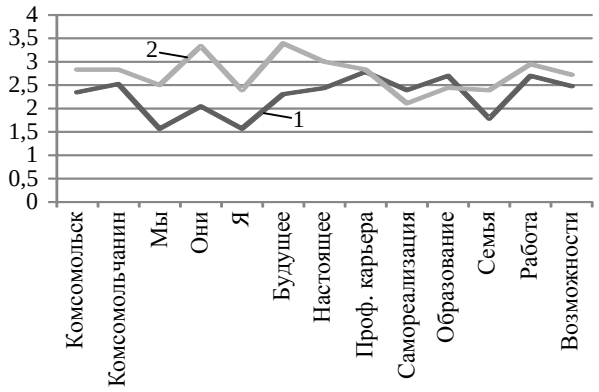


Рис. 6. Средние значения оценок отношения к категориям, отражающим пространство для жизни и самореализации, выпускников-комсомольчан и выпускников пгт Эльбан (на основе психогеометрического теста С. Деллингер): *1* – Эльбан; *2* – Комсомолск-на-Амуре

На графике (см. рис. 6) видно, что респонденты г. Комсомольска-на-Амуре наиболее высоко оценивают *самореализацию* (ср. знач. 2,1), себя («*я*»), *образование*, категорию «*семья*» (ср. знач. 2,4); немногим ниже оцениваются такие категории, как *Комсомольск-на-Амуре*, *комсомольчанин*, *профессиональная карьера* (ср. знач. 2,8); *возможности* (ср. знач. 2,7), *работа* (ср. знач. 2,9). Категории, отражающие аут-группу («*они*») (ср. знач. 3,3), «*настоящее*» (ср. знач. 3), оцениваются более низко, об этом указывают более высокие значения рангов. Категория «*будущее*» (ср. знач. 3,4) в рамках выполненного исследования имеет самое низкостатусное значение.

Таким образом, эльбанские выпускники в целом все категории оценивают чуть выше, чем комсомольчане, за исключением категорий «*самореализация*» и «*образование*». Их комсомольские школьники выпускных классов оценивают чуть выше. Одинаковое отношение респондентов наблюдается к категории «*профессиональная карьера*». Достоверные различия выявлены в эмоционально-ценностном отношении сельских и городских респондентов к категориям «*мы*», «*они*», «*будущее*», а также приближающиеся к достоверным различия в оценке респондентами категории «*семья*». Сельские школьники ин-группу, аут-группу и будущее ценят ниже городских выпускников, а семью выше, чем комсомольчане.

Структуру эмоционального компонента представлений об оптимальном пространстве для жизни выпускников г. Комсомольска-на-Амуре выявляли на основе корреляционного анализа рангового места категорий, отражающих оптимальное пространство для жизни и самореализации (на основе модифицированного психогеометрического теста С. Деллингер).

На рис. 7 видны взаимосвязи категорий, позволяющие утверждать, что респонденты г. Комсомольска-на-Амуре связывают свое будущее с городом, в котором живут, следовательно, интуитивно на эмоциональном уровне не испытывают потребности покинуть город.

Свое *настоящее* они видят в *образовании*, связывают *возможности* и *самореализацию*. *Профессиональная карьера*, с точки зрения респондентов-комсомольчан, не совместима с *семьей*. Об этом свидетельствует отрицательная корреляция ранговых мест оценки категорий «*профессиональная карьера*» и «*семья*».

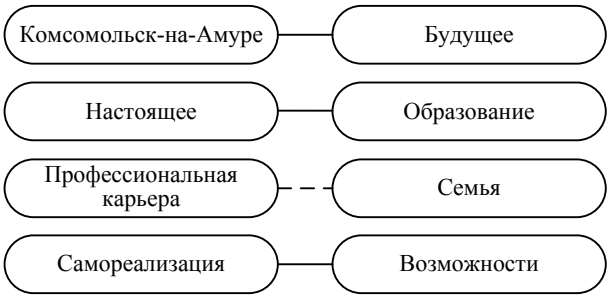


Рис. 7. Корреляционные плеяды значений рангового места категорий, отражающих оптимальное пространство для жизни и самореализации выпускников г. Комсомольска-на-Амуре (на основе психогеометрического теста С. Деллингер, адаптированного А.А. Алексеевым и Л.А. Громовой): —— – достоверные положительные связи; - - - – достоверные отрицательные связи

Структура эмоционального компонента представлений об оптимальном пространстве для жизни и самореализации эльбанских выпускников значительно сложнее (рис. 8).

Взаимосвязь категории «Комсомольск-на-Амуре» с категориями, отражающими пространство, время и сферы самореализации, а также категориями, отражающими идентификации респондентов пгт Эльбан, позволяет утверждать, что для респон-

дентов этой группы город является оптимальным пространством для жизни, с которым они связывают свое настоящее, считая себя в будущем комсомольчанами.

Рис. 8. Корреляционная плеяда значений рангового места категорий, отражающих оптимальное пространство для жизни и самореализации респондентов пгт Эльбан (на основе психогеометрического теста С. Деллингер, адаптированного А.А. Алексеевым и Л.А. Громовой)

Обсуждение результатов исследования. Содержание представлений (когнитивный аспект) сельских и городских выпускников об оптимальном пространстве для жизни в первую очередь связано с потребностями в социальных изменениях, т.е. расширении инфраструктуры, обеспечивающей возможности трудоустройства, карьерного роста, образования. Различия в содержании представлений о потребностях и связанных с ними изменениях в представлениях выпускников сельской и городской школ обнаружены в экономическом аспекте: респонденты Эльбана не указали потребность в экономических изменениях, что, вероятно, свидетельствует о некотором благополучии в этой сфере. Небольшие размеры поселка, возможно, не требуют затрат на транспорт, а также наличие подсобных хозяйств позволяет легко решать проблемы обеспечения продуктами питания, составляющими основную статью расходов городских жителей. Несмотря на это существенное преимущество поселка, сельские выпускники чаще городских интегрально отрицают место, где живут, негативно высказываясь о своей «малой родине». Содержание представлений о миграционных намерениях выпускников сравниваемых групп различается по коммуникативным основаниям. Городские школьники в большей степени коммуникативно зависимы, что выступает причиной их намерений остаться в своем городе для дальнейшей жизни. Опыт жизни в городе способствует, вероятно, пониманию ценности коммуникативной защищенности в мегаполисе, значимости социальных связей и отношений.

Общей тенденцией представлений об оптимальном пространстве для жизни выпускников сельской и городской школ являются *их намерения покинуть прежнее место жительства*.

Рассматривая эмоционально-ценностный компонент представлений выпускников пгт Эльбан и г. Комсомольска-на-Амуре, отметим, что отношение к категориям, обозначающим г. Комсомольск-на-Амуре, в контексте пространства, времени и сфер жизни и самореализации несколько выше у сельских школьников, чем у городских. Достоверные различия выявлены в эмоционально-ценностном отношении сельских и городских респондентов к категориям «мы», «они», «будущее», а также приближающиеся к достоверным различия в оценке респондентами категории «семья».

В восприятии сельских выпускников *г. Комсомольск-на-Амуре* не всегда понятен, впечатления о нем неустойчивы и изменчивы, он выступает жестким пространством, имеющим свои четкие правила и границы, требующим от горожан больших трудовых усилий. Комсомольчане же чаще воспринимают свой город как место свободы самовыражения, креативности, творчества, инакомыслия.

Выпускники обеих сравниваемых групп рассматривают свое *будущее* как креативное и творческое, имеющее большое разнообразие, в нем отсутствует четкая система и последовательность, оно непредсказуемо. В восприятии же *настоящего* выпускниками сельских и городских школ есть различия: выпускники-комсомольчане чаще связывают его с дружбой и межличностными отношениями, в то время как школьники поселка Эльбан воспринимают настоящее как соревнование, конкуренцию по жестким правилам, которым надо соответствовать.

В представлениях сельских выпускников *самореализация* – это креативность и творчество, отсутствие рамок и правил. Для жителей г. Комсомольска-на-Амуре *самореализация* не вполне понятна, непредсказуема, изменчива и неустойчива, и в то же время они связывают самореализацию с лидерством и соревнованием, стремлением ставить и достигать цели.

Значимо чаще выпускники Комсомольска-на-Амуре, чем выпускники пгт Эльбан, воспринимают *профессиональную карьеру* как непредсказуемый для них феномен, непостоянный, сопряженный часто с низкой самооценкой. Чаще, чем сельские выпускники, комсомольчане ассоциируют свои *возможности* для самореализации с творчеством и отсутствием границ и рамок. В восприятии респондентов Эльбана *возможности* связываются с межличностными отношениями и коммуникацией, протекцией. Выпускники пгт Эльбан не связывают *возможности* с трудом, терпением, профессионализмом и порядком.

Выявлены достоверные различия в восприятии *сфер самореализации* сельскими и городскими выпускниками. *Семья* чаще ассоциируется школьниками выпускного класса Эльбана как сфера творчества, креативности, отсутствия правил и системы, в то время как комсомольчане не связывают *семью* с проявлением творчества.

В целом на эмоциональном уровне выпускники г. Комсомольска-на-Амуре связывают свое будущее с городом, в котором живут, следовательно, интуитивно на эмоциональном уровне не испытывают потребности покинуть город. Свое *настоящее* они видят в образовании, связывают *возможности* и *самореализацию*. *Профессиональная карьера*, с точки зрения респондентов-комсомольчан, не совместима *с семьей*.

Взаимосвязь категории «Комсомольск-на-Амуре» с категориями, отражающими пространство, время и сферы самореализации, а также категориями, отражающими идентификации респондентов пгт Эльбан, позволяет утверждать, что для респондентов этой группы город является оптимальным пространством для жизни, с которым они связывают свое настоящее, считая себя в будущем комсомольчанами.

Выводы. Границы жизненного пространства связаны с усвоением смыслов, отражающих общепринятую точку зрения, а также с процессом их конструирования, в котором главную роль играет язык, «типизирующий опыт и связывающий в единое целое мир повседневности и конечные миры смыслов» [4: с. 33]. Именно консолидация ценностно-смысловых полей, являющихся реальным коммуникативным хабермасовским «процедурным пространством» [14], связанным с масштабным обобщением явлений и процессов аксиологического, эпистемологического и символического порядка, определяет исходное жизненное пространство взрослеющего человека, которое дает ему возможность достичь самореализации.

Выявленные в ходе эмпирического исследования противоречия между транслируемым на осознаваемом уровне отношением к месту своего проживания (г. Комсомольск-на-Амуре и пгт Эльбан) сельских и городских школьников-выпускников (когнитивный компонент представлений) и эмоционально-ценностным отношением к нему указывают на топологическую репрезентацию Дальневосточного региона как непривлекательного для жизни и самореализации. Общим для обеих групп респондентов является обозначаемое стремление покинуть поселок и город, в котором они родились и живут. При этом на неосознаваемом уровне (эмоционально-ценностный компонент представлений) они связывают со своей «малой родиной» возможности и самореализацию в настоящем и будущем, удовлетворение потребностей в дружественной поддержке и межличностных отношениях, иными словами, переживают отношение к Комсомольску-на-Амуре как к оптимальному пространству для жизни и самореализации. Данный факт, с одной стороны, обнаруживает генетическую реальность патриотизма и патриотических ценностей, обеспечивающих основу развития и защиты территорий Дальнего Востока России, а с другой – заставляет задуматься об актуальной необходимости улучшения репутации Дальнего Востока, причем не за счет умелой подачи его образа в СМИ, а за счет существенного изменения облика региона [8: с. 77].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балюшина, Ю.Л.* Город как специфический локус жизненного пространства человека (социально-философский аспект) [Электронный ресурс] / Ю.Л. Балюшина // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 7. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/gorod-kak-spetsificheskiy-lokus-zhiznennogo-prostranstva-cheloveka-sotsialno-filosofskiy-aspekt (дата обращения: 05.02.2018).

2. *Белов, М.С.* Феномен социокультурного бренда малого города России / М.С. Белов, Е.А. Шмелева, М.С. Лунякова// Известия вузов. – 2015. – № 6 (1). – С. 26–29. – (Серия «Гуманитарные науки»).

3. *Бергер, П.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Моск. филос. фонд, 1995. –322 с.

4. *Вебер, М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. Т. 1 / М. Вебер. – М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2016.

5. *Иванов, Д.В.* Парадигмы в социологии : учеб. пособие / Д.В. Иванов. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2005.

6. *Иконников, А.В.* Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве / А.В. Иконников. – М. : URSS, 2006. – 352 с.

7. *Ильин, В.В.* Теория познания. Симвология. Теория символических форм / В.В. Ильин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2013.

8. *Лившиц, Р.Л.* Образ Дальнего Востока и реальный Дальний Восток / Р.Л. Лившиц // Конструирование образа Дальнего Востока. История и современность : материалы междунар. научн.-практ. конф. (Биробиджан, 16–17 нояб. 2012 г.). – Биробиджан : ПГУ им. Шолом-Алейхема, 2012. – С. 71–77.

9. *Макарова, М.Н.* Малые города как локальные социально-экономические системы / М.Н. Макарова // Журнал экономической теории. –2016. – № 4. – С. 73–80.

10. *Мудрик, А.В.* Город как фактор социализации подрастающего поколения / А.В. Мудрик // Сибирский педагогический журнал. – 2005. – № 2. – С. 47–53.

11. *Писачкин, В.А.* Пространство смысла в социальной топологии региона / В.А. Писачкин // Регионология REGIONOLOGY. – 2017. – Т. 25. № 4. – С. 656–669.

12. *Рязанцева, М.В.* Анализ причин усиления миграционных процессов на территориях опережающего развития Дальнего Востока [Электронный ресурс] / М.В. Рязанцева, М.О. Синицына // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 6–5. – С. 936–940. – Режим доступа: https://www.applied-research.ru/ru/article/view?id=9731 (дата обращения: 30.01.2017).

13. *Франкл, В.* Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.

14. *Хабермас, Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие : пер. с нем. / Ю. Хабермас ; под ред. Д.В. Скляднева. – СПб. : Наука, 2000. – 276 с.

15. *Хасанов, М.Р.* Жизненное пространство человека [Электронный ресурс] / М.Р. Хасанов // Современные исследования социальных проблем. – 2011. – № 4. – С. 88. – Режим доступа: http://ej.soc-journal.ru/archive/2011/4/hasanov.pdf (дата обращения: 23.05.2016).

ДВА ПОДХОДА К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЗАДАЧ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ ЯПОНСКИЙ И ЛЕВ ТИХОМИРОВ

Н.В. Карташева

Карташева Наталья Валерьевна – кандидат культурологии, доцент, и.о. зав. кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Контактный адрес: natkartasheva@gmail.com

В статье сопоставляются различные взгляды на цели православной миссии на Дальнем Востоке. Несмотря на близкую идейно-политическую позицию и сотрудничество в деле развития миссионерства, свт. Николай Японский и Л.А. Тихомиров высказывали противоположные взгляды на цели миссии, на историческую ценность традиционных культур Дальнего Востока и на роль России в сложных геополитических конфликтах региона.

Ключевые слова: русская общественная мысль, православное миссионерство, свт. Николай Японский, Л.А. Тихомиров, Дальний Восток, религиозное и национальное в культуре, христианизация, Японская православная церковь, конфликт цивилизаций.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-193-196

В конце XIX – начале XX в. дальневосточная миссия Российской православной церкви невольно оказалась свидетельницей и, в некотором отношении, участницей масштабных культурных и социальных изменений, происходивших в регионе. В ситуации, когда события в Китае и Японии становились предметом активного обсуждения на страницах русской прессы и аргументами в историософских и геополитических спорах, вопрос о целях русской духовной миссии за рубежом неизбежно приобретал идеологическое звучание. Сопоставление различных точек зрения на этот вопрос позволяет выявить принципиальные расхождения даже у тех деятелей, которые, казалось бы, консолидированы единым мировоззрением, в частности, консервативным и церковно-православным. Ярким примером различных подходов к определению целей русской миссии на Дальнем Востоке могут служить взгляды свт. Николая Японского и Льва Александровича Тихомирова.

Просветительская и гуманитарная деятельность создателя Японской православной церкви свт. Николая (Касаткина) была заметным явлением в общественной жизни Японии: в нем признавали выдающуюся личность, чьё служение имело не только религиозный, но и цивилизаторский характер. Однако и в русской общественной мысли фигура японского миссионера по праву занимает видное место. Несмотря на то, что он более полувека провел в Японии и лишь дважды за это время на короткий период выезжал на родину, его обширные социальные и духовные контакты, знакомство с отечественной прессой и новейшей литературой позволяли ему быть в курсе всех актуальных вопросов российской жизни. Благодаря интенсивной переписке, он прочными нитями человеческих контактов, симпатий, единомыслия и сотрудничества был связан со многими выдающимися людьми России. Среди его корреспондентов представители разных сословий, священнослужители, журналисты, благотворители, военные, сочувствующие делу миссии политики, ученые-лингвисты, общественные деятели. В их числе и представители консервативного направления русской мысли конца XIX – начала XX в.: М.Н. Катков, К.П. Победоносцев, Л.А. Тихомиров. Общение с японским миссионером для современников представляло большой интерес, так как в своей деятельности он нередко давал практические ответы на те вопросы, которые занимали русские умы по преимуществу в теоретическом дискурсе. В их числе и проблема соотношения вероучительного и цивилизаторского начала в христианской миссии, и вопрос об исторической ценности тысячелетнего языческого культурного наследия Востока, и др.

Лев Александрович Тихомиров принимал деятельное участие в судьбе японской миссии, неоднократно писал о ней в «Московских ведомостях», пытался изыскивать денежное вспомоществование, способствовал изготовлению иконостаса для строящегося в Японии православного храма. С руководителем японской миссии его связывали длительная переписка и совместные начинания. Несмотря на преимущественно деловой характер их контактов, между этими выдающимися людьми существовала и духовная общность, и обмен мнениями, что позволяет нам сопоставлять их взгляды в едином идейно-историческом контексте.

Заинтересованность Льва Тихомирова судьбой православия в Японии объяснялась не только благотворительностью воцерковленного человека, она основывалась на его историософских и политических взглядах, неоднократно высказанных в многочисленных статьях и письмах. В частности, одной из важнейших задач национальной политики России в начале XX в. Л.А. Тихомиров считал расширение российского влияния на Дальнем Востоке. Крайне напряженные и конфликтные отношения России с ее дальневосточными соседями, по мнению Тихомирова, имели, в первую очередь, культурно-религиозную основу, а уже потом – политическую. Именно поэтому наиболее продуктивным путем преодоления антагонизма этих могущественных наций ему представлялась христианизация Китая, Японии и Кореи. Таким образом, важнейшей формой осуществления русской национальной политики на Дальнем Востоке, по Тихомирову, оказывалась православная миссия. Именно она могла способствовать преодолению «противоположности культурного содержания» дальневосточного общества «нормам нашей жизни». Задача христианизации языческой культуры, приобщения дальневосточных народов к христианскому миру определялась Львом Тихомировым как «нравственно обязательная» для русской нации, «наиболее трудная, но и наиболее плодотворная» [10]. (Заметим, что, судя по крайней ограниченности средств, выделяемых правительством и Св. Синодом на Японскую, а также Китайскую и Корейскую миссии, эта идея не нашла поддержки в правящих кругах.)

В период боксерского восстания 1898–1901 гг. Лев Тихомиров развивает свою концепцию противостояния России и государств Дальнего Востока. Так, в течение сентября 1900 г. в газете «Московские ведомости» им был опубликован ряд статей под названием «Китай, Россия и Европа», в которых происходящие в Китае события представлены как цивилизационный конфликт, глобальное столкновение христианства, объединяющего Европу и Россию, и монголо-буддийского Востока. «Христианство видит перед собой последнего из языков, восставшего против него. Если на этот раз победа останется на нашей стороне, то будущее человечества отныне уже станет всецело историей внутренних сил христианства» [8], – пишет он. Важным положением, которое Тихомиров последовательно отстаивает на протяжении всей своей программной статьи, является духовная общность России и Западной Европы, сохранившаяся, несмотря на значительную степень «разложения» христианских начал европейской жизни. Таким образом, анализируя актуальные военно-политические события, Тихомиров переводит их в религиозный и культурно-исторический контекст, предлагая и в частных суждениях, и в государственной политике руководствоваться исключительно масштабными духовно-религиозными категориями. «Мы с Европой расходимся в том, как лучше устраивать один и тот же общий нам храм. С Китайским миром мы расходимся в том, что он воздвигает совсем иной храм. Это огромная разница!» [9].

Последовательно характеризуя происходящую войну как «столкновение двух культурных миров», Тихомиров не только указывает на религиозный смысл происходящего, но и уделяет внимание судьбе христианских миссий в конфликте. Положительно оценивая катехизаторскую, гуманитарную и, главное, культурно-облагораживающую деятельность католических и протестантских миссионеров («Миссионеры заслуживают лишь благодарности китайцев по своему влиянию на них» [7]), Тихомиров пеняет русской Духовной миссии в Китае на ее пассивность и отказ от проповеди, объясняя это пренебрежением своим христианским долгом со стороны русского общества в целом. В качестве положительного примера он вскользь упоминает успехи Японской миссии. Несмотря на разность оценок, и католическая, и протестантская, и православная миссия в представлении Тихомирова есть необходимый элемент политики в отношении «варварского» Китая, авангард христианской культуры, практический деятель на исторической ниве. Необходимость миссионерства нисколько не ставится им под сомнение, более того, оно рассматривается в русле единой идеи *права* европейских народов на вторжение во внутренние дела и культурное развитие Китая[*]. Право это, в свою очередь, обусловлено высшей духовной правотой, которую дает европейцам христианская основа их цивилизации.

Иное понимание целей православной миссии на Дальнем Востоке мы находим у свт. Николая. Глава русской миссии часто пишет о том, какое благо для Японии может составить ее христианизация, при этом, в отличие от Л. Тихомирова, не связывает эти рассуждения с государственными задачами Российской империи. Он скорее рассматривает задачи миссии с точки зрения духовной пользы и исторической судьбы японского народа. «Пора увидеть этому народу, доброму по природе, живому к принятию и усвоению всего хорошего, пора увидеть ему свет Христов!» [4: с. 320], – пишет он Иркутскому и Нерчинскому епископу Вениамину в 1873 г. В речи Св. Синоду при положении в сан

[*] «Каждый народ может у себя дома устраиваться и жить как ему угодно…, но это право…относительное. Есть вкусы и особенности, которых человечество не допускает, и иностранные державы имеют *полное право* всякими средствами, от пропаганды до силы, уничтожать такие виды и особенности…» (Тихомиров Л.А. Китай, Россия и Европа // Московские ведомости. 1900. № 242 от 2(15) сент.).

епископа 27 марта 1880 г. он излагает свою миссионерскую программу: «…в качестве заграничного миссионера я не могу не выразить желания, чтобы то, что Русская церковь делает для Японии, она начала делать и для других языческих стран. Ей по преимуществу вверены глаголы жизни вечной. Что же она так долго оставляет народы, сидящие во тьме и сени смертной без слуха и ведения о них? Что вынуждает ее к тому?» [4: с. 377]. В этой же речи он говорит об обширности «миссионерского поля»: «четырехсотмиллионная империя» Китай, народы Индийского полуострова. В последующие годы свт. Николай активно способствовал появлению православной миссии в Корее и на Формозе (о. Тайвань).

Мысль о праве на вмешательство Европы и России во внутренние дела дальневосточных государств, звучавшая в российской прессе на рубеже XIX и XX вв., представлялась свт. Николаю абсолютно необоснованной. В его дневниках неоднократно звучит резкое несогласие с политическими амбициями некоторых представителей военного командования, которые, навещая главу Духовной миссии в Японии, говорили о необходимости захвата Кореи или установления жесткого контроля над Китаем. «Как можно так легко лишить самостоятельного существования государство, веками существующее и имеющее четырнадцать миллионов населения?» [2: с. 47], – возражает епископ Николай генералу Дубасову в марте 1899 г. Будучи отличным знатоком японской и китайской исторической литературы, миссионер не может согласиться с часто произносимыми суждениями своих гостей из России о том, что «Корея в политическом плане ничего не значит; это – замерзшее племя» [2: с. 47], японцы – «народ, совершенно погрязший в материальности; никаких идеалов, ничего возвышенного у него нет» [2: с. 48] и т.п.

Показательны различия в оценке роли дальневосточных народов в мировой истории у свт. Николая и Льва Тихомирова. Для Тихомирова судьба их темна и неопределенна, и Высший замысел относительно этих народов все еще не обнаружил себя. Святитель Николай, напротив, видит в истории японского народа и достоинство, и целесообразность. «Ясностью взгляда и трезвостью сознания японский народ обязан тому, что он при многих других хороших качествах, исторически приобретенных, обладает еще качеством замечательного умственного развития» [3: с. 159]. «Это какое-то заброшенное, отрезанное, религиозно беспомощное существование целых миллиардов людей целые 4000 лет» [6: с. 430], – пишет Тихомиров об историческом пути Китая. Совсем иная интонация слышится в словах свт. Николая о китайском народе: «…народ будущего – величайшего из всех судеб, доставшихся на долю других народов. Великий народ, и теперь могущий задавить весь свет! <…> Привить христианство этому народу, и он именно будет водворителем на земле того высшего блага, что "будет едино стадо и един пастырь", но не завоеваны будут все народы для этого, а мирное влияние христианского Китая будет таково» [1: с. 318].

Русско-японская война обострила геополитическое звучание миссионерского вопроса, подтолкнула как епископа Николая, так и Льва Тихомирова к дальнейшему осмыслению проблем соотношения национального, государственного и религиозного аспектов взаимоотношений России и Японии. Для Тихомирова эта война стала максимальным проявлением враждебности дальневосточной языческой цивилизации христианской России, предупреждением, «грозным призывом» Бога к исполнению апостольского долга христианизации народов Китая, Японии и Кореи. Угроза, исходящая с Востока, по мнению Л.А. Тихомирова, может быть ослаблена только в результате коренного преобразования религиозных оснований восточной культуры на христианский лад.

Святитель Николай во время Русско-японской войны находился со своей японской паствой, в Токио. Многие из духовных чад Японской православной церкви воевали в Императорской армии и получали благословение пастыря на защиту своего Отечества. Одного этого было бы достаточно, чтобы убедиться, что глава Японской православной церкви не воспринимал эту войну как конфликт цивилизаций, как глобальное противостояние христианства и язычества. Для святителя Николая война – скорее общее несчастье двух народов, историческое бедствие, одинаково трагичное для победителей и побежденных. В одной из послевоенных проповедей он вспоминает: «Мы каждый день были вместе, мы не были я – русский, а вы – японцы, а были братья и сестры во Христе, дети одного Отца Небесного» [4: с. 116]. Яркой иллюстрацией того, что христианское единство выше всяких национальных розней, стало попечение Японской православной церкви о русских военнопленных.

Таким образом, если Л.А. Тихомиров видел прямую связь между успешностью христианизации дальневосточных стран и остротой противостояния между ними и Россией, то для святителя Николая эти процессы осуществлялись в разных плоскостях. Несмотря на горечь от поражения России, он отмечает положительное влияние войны на судьбу Японского православия: «…с военным порохом улетело на воздух много предрассудков японцев против Православной Церкви» [5: с. 475]. Идея христианской миссии как миссии национально-политической чужда святителю Николаю, а военные конфликты в Китае и Японии он не связывает с духовно-религиозной проблематикой. На вопрос

репортера газеты «Дзидзи Симпоо» о значении, которое мог бы иметь политический союз между Россией и Японией для успеха православной миссии, владыка отвечает: «Мое дело подчиняется совершенно другим законам, чем мирские. Мой вождь и начальник вот (указывая на икону Спасителя). Он велел: идите возвещать благую весть об Отце Небесном людям еще не верующим, что они дети Божии, – и мы идем, и Он дает нам успехи, не сообразуясь с мирскими соображениями» [2: с. 289].

Лев Тихомиров неоднократно подчеркивает, что миссия – дело национальной политики, необходимая форма самоосуществления национального духа в его историческом развитии, право христианских наций на утверждение морального закона в «варварских» странах. Недостаточность миссионерской работы он связывает с непониманием в обществе благотворного и фундаментального значения христианства для судьбы национальной культуры. Святитель Николай Японский, напротив, рассматривает проповедь христианства прежде всего как обязанность Церкви, осуществляющуюся вне зависимости от политики государства. В своих дневниках японский миссионер неоднократно сокрушается об отсутствии этого понимания в церковном руководстве. Сетует он и на равнодушие русского общества, однако оно оценивается им в контексте проблемы общего упадка религиозности в России. При этом слабость православной миссии видится ему в какой-то мере объективным явлением, причины которого лежат в сфере духовного развития: «Винить ли за это нас? Наша история виною сему. Не пришло еще время наше; не развились еще мы. Будет и наша очередь громко говорить миру слово истинного Христова Евангелия…» [2: с. 335]. В отличие от теоретических конструкций Льва Александровича Тихомирова святитель Николай выносит суждения, основанные на горьком опыте и объективном видении общественной ситуации в России и состояния Русской церкви.

В заключение отметим, что сопоставление взглядов выдающегося миссионера и известного общественного деятеля в конкретно-историческом контексте представляется нам достаточно перспективным подходом для изучения взаимовлияния церковной и светской культур России рубежа XIX–XX столетий. Частный случай расхождения в вопросе понимания целей православной миссии на Дальнем Востоке затрагивает значительные историософские вопросы русской мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дневники святого Николая Японского. В 5 т. Т. 1 / сост. К. Накамура. – СПб. : Гиперион, 2004. – 464 с.

2. Дневники святого Николая Японского. В 5 т. Т. 4 / сост. К. Накамура. – СПб. : Гиперион, 2004. – 976 с.

3. Избранные ученые труды святителя Николая архиепископа Японского. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2006. – 171 с.

4. *Саблина, Э.Б.* 150 лет Православия в Японии : История Японской православной церкви и её основатель Святитель Николай / Э.Б. Саблина. – М. : АИРО-XXI; СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. – 528 с.

5. Святитель Николай Японский в воспоминаниях современников / сост. Г.Е. Бесстремянная. – Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2012. – 528 с.

6. *Тихомиров, Л.А.* Апология веры и монархии / Л.А. Тихомиров. – М. : Москва, 1999. – 481 с.

7. *Тихомиров, Л.А.* Китай, Россия и Европа / Л.А. Тихомиров // Московские ведомости. – 1900. – № 244.

8. *Тихомиров, Л.А.* Китай, Россия и Европа / Л.А. Тихомиров // Московские ведомости. – 1900. – № 245.

9. *Тихомиров, Л.А.* Китай, Россия и Европа / Л.А. Тихомиров // Московские ведомости. – 1900. – № 248.

10. *Тихомиров, Л.А.* Христианские задачи России на Дальнем Востоке / Л.А. Тихомиров // Московские ведомости. – 1900. – № 295.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ 1930–1931 ГОДОВ В ТУГУРО-ЧУМИКАНСКОМ РАЙОНЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

В.Б. Малакшанова

Малакшанова Виктория Баторовна – главный научный сотрудник научно-исследовательского сектора этнографии Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова.

Контактный адрес: malak2801@mail.ru

Статья посвящена политическим событиям, происходившим на Охотском побережье в 1920–30-х гг. За эти два десятилетия у охотских тунгусов (эвенки и эвены), переживавших патриархально-родовые отношения, полностью изменился традиционный образ жизни: произошел переход от кочевого уклада к оседлому, были внедрены новые общественные устои, традиции. Желание ускоренными темпами интегрировать эти народы в общегосударственную жизнь советского общества и объявить о победе идей коммунизма привело в 1930–1931 гг. к вооруженному выступлению на Охотском побережье.

Ключевые слова: эвенки, тунгусы, оленеводы, гражданская война, тунгусское восстание, советизация, коллективизация, нацрайонирование.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-197-200

На территории Дальнего Востока с приходом советской власти в 1920–30-е гг. произошли события, кардинально изменившие уровень социально-экономического развития и культурный облик коренных малочисленных народов Севера. У этносов, переживавших патриархально-родовые отношения, полностью изменился традиционный образ жизни: произошел переход от кочевого уклада к оседлому, были внедрены новые общественные устои, традиции. Для локальных этнических групп, имеющих характерные культурные черты, особенности в традиционном хозяйственно-бытовом укладе, эти процессы имели огромное историческое значение. Исследований, посвященных истории советизации и проблемам культурного развития эвенков Охотского побережья, так называемых охотских, насчитывается единицы. До середины XX в. в этнографических и исторических работах об этой локальной группе имелись только краткие упоминания. В 1958 г. была опубликована статья В.А. Туголукова «Охотские эвенки» [14] с описанием территориального расселения и этапов развития до конца 1940-х гг. Других научных трудов не было опубликовано вплоть до 1994 г., когда вышла в свет монография ученых В.И. Дьяченко и Н.В. Ермоловой «Эвенки и якуты юга Дальнего Востока XVII–XX вв.» [3], где были изложены материалы по этнографии, истории эвенков и якутов Хабаровского края и Амурской области. К исследованиям последних лет относятся публикации В.А. Тураева [15]. Во всех вышеназванных трудах политические события, произошедшие в 1930–1931 гг. в Тугуро-Чумиканском районе Хабаровского края, упоминаются без описания причин, целей участников и итогов. Задача данной статьи попытаться восполнить этот пробел.

После установления советской власти на Охотском побережье, с ликвидацией банды генерала А.Н. Пепеляева в 1924 г. началось так называемое Тунгусское восстание, в котором приняло участие местное население – эвены, эвенки и якуты. Причинами этого явились недовольство политикой советских властей, повсеместное обложение кочевого населения общегражданским (с мужчин по 2 руб., с женщин по рублю) и сельскохозяйственным налогами. Еще одними сборами, усложняющими жизнь аборигенного населения, являлись попенный и лесной. Кочевники должны были платить по 3 руб. за каждый кубический сажень хвороста, валежника, сухостоя. За каждую срубленную жердь тунгус платил по 70 коп., а за каждое ободранное дерево – от 70 коп. до 4 руб. 40 коп. [5: с. 62]. Кроме того, были отменены ярмарки, где оленеводы выплачивали сборы и налоги, регистрировали рождения детей и смерти родственников, проводили собрания и закупки. После их отмены кочующее население было закреплено к волостям, где необходимо было в течение трех дней зарегистрировать ребенка или получить разрешение на промысел, вне зависимости от фактического местонахождения. Подобная практика часто приводила к штрафам из-за отсутствия представителя местной власти на рабочем месте, не говоря уже о том, что в большинстве случаев он не знал родного языка туземцев, а те, в свою очередь, – русского. Подтверждением допущенных ошибок служит отчет К.К. Байкалова, назначенного командующим вооруженными силами Якутской области и Северного края. После обследования этой обширной территории он выявил несколько причин антисоветского выступления тунгусов Охотского побережья. Одной из первых он назвал прикрепление тунгусов-кочевников к вновь образованным 4 волостям: Ново-устьской, Инской, Ольской и Аянской, в 1923 г. [9: л. 27].

В это время была введена система пушного сбора и регистрация добытой шкуры охотником: пушнина, незарегистрированная в трехдневный срок, считалась контрабандой и подлежала конфискации, необходимо ее было регистрировать перед продажей и после продажи вместе с покупателем. Также охотнику необходимо было приобрести охотничье свидетельство, облагаемое сбором в 1 руб., и зарегистрировать оружие. По распоряжению ГПУ оружие представлялось на регистрацию там, где оно находилось в данный момент, с предъявлением билета на право охоты. За право ношения нарезного оружия взыскивали по 3 руб. 10 коп., а гладкоствольного – 2 руб. 10 коп. [5: с. 62].

Усугубило сложившуюся ситуацию взыскание старых долгов и введенная в 1923 г. каюрная повинность. Неорганизованная мобилизация оленей, собак, каюрных людей заставляла кочевников перебираться в глухую тайгу, а оседлое население уничтожать собак. За этот период поголовье оленей сократилось в несколько раз. Согласно справке Аянского волостного революционного комитета в прибрежной части района до прихода белых банд числилось 829 оленей, а на 1 августа 1925 г. – 159 голов [14: с. 15]. Последней каплей стала жестокость красноармейцев по отношению к местному населению, сопровождающаяся насилием и грабежами [9: л. 29].

После подавления Тунгусского восстания советское правительство начинает вести политику с учетом национальных особенностей коренных малочисленных народов. Но к концу 1920-х гг., в связи с ускоренными темпами развертывания коллективизации по стране, национальная политика начинает приобретать иной характер – от учета специфических интересов аборигенов к растворению их в общественной политике развития регионов. Для оседлых народов и разоренных хозяйств организация колхозов прошла достаточно быстро и не столь затруднительно. Этот же процесс у кочевого населения сопровождался серьезными «перегибами» при определении форм колхозного строительства. Большинство колхозов создавалось сразу на уставах сельскохозяйственных или рыболовецких артелей с обобществлением всех оленей, жилища, орудий промысла и труда. На этой почве в Тугуро-Чумиканском районе на Охотском побережье возникает антиколхозное движение, участие в котором приняли удские и джано-учурские эвенки [4: с. 136].

С осени 1930 г. до марта 1931 г., по сведениям из документов представителя ОГПУ по ДВК Т.Д. Дерибаса от 23 октября 1932 г., «феодально-кулацкой верхушкой» селения Удского Тугуро-Чумиканского района под руководством кулаков Шмонина и Третьяковых была организована банда в 107 человек [17]. В состав банды вошли бывшие белогвардейцы, прибывшие на Охотское побережье вместе с генералом Пепеляевым в начале 1920-х гг., укрывавшиеся под видом геологов и наемных работников у семьи Третьяковых с 1925 г. [18]. По архивным данным, банду возглавляли Николай Третьяков, Константин Александрович Крылов, Иннокентий Иванович Шмонин, Вячеслав Штенгель, семья которого владела небольшим имением в с. Удском [7: л. 37, 38]. Глава семьи Киргофи Штенгель занимался культивированием различного рода семян, засевал корнеплоды, имел большой жилой дом, амбар с навесом, баню, слесарную и фотографическую мастерские, стойло для коров и лошадей, коптилку и ледник [6: л. 108]. По сравнению с аборигенными хозяйствами, только переходящими на оседлость, можно было считать эту семью достаточно зажиточной.

Семья Третьяковых, по сведениям председателя Комитета Севера К.Я. Лукса, приехавшего расследовать произошедшие события, была «самой зажиточной» в районе. Николай Кириллович Третьяков был избран в 1928 г. председателем райисполкома. В возрасте 23 лет участвовал в ликвидации остатков белобандитов в 1923 г., был помощником командира красного отряда П.К. Протодьяконова [12: л. 17, 34]. Люди относились к нему с уважением и прислушивались к его словам не только за его заслуги или занимаемую должность, но и за то, что он соблюдал эвенкийский обычай взаимопомощи, который обязывал обеспеченных эвенков и удачливых охотников делиться добычей, отдавать оленей, устраивать на работу. Следование старым традициям соблюдалось так же неукоснительно, как и вера в силу шаманов, последний из которых оказывал поддержку руководителям банды. Он всячески запугивал жителей и привлек на сторону восставших 20 человек. Во время ареста ему с семьей удалось бежать в тайгу, где он скитался долгое время. В последний раз охотники встретили его осенью 1942 г. [13: с. 3]. Благодаря авторитету руководителей отряд повстанцев превысил 100 человек.

Руководители повстанцев ставили своей целью захватить районный центр с. Чумикан и другие населенные пункты, ликвидировать в них советскую власть, после чего добиться признания независимости Охотоморья Японией и США [1: с. 123].

С начала советизации района не было налажено медицинское обслуживание, отсутствовало регулярное снабжение продуктами первой необходимости и продовольствием, состояние школ и интернатов было плохим. На редких собраниях эвенки жаловались на то, что никто не разъяснял, что такое «артель», «колхоз», целей обязательного учета оленей, тогда как у оленеводов существует до настоящего времени древний запрет (табу) на точный счет

поголовья в стаде [8: л. 3–9, 12об., 14 об.]. Они верили, что нарушение его приведет к бедам.

В памяти коренных жителей были еще свежи поборы, повинности, жестокое отношение красных отрядов в 1920-х гг. Из информационных отчетов К.Я. Лукса известно, что братья Николай и Иван Третьяковы не раз выражали свое недовольство обобществлением имущества в колхозы, более того, «…они распускали слухи о том, что будут отбирать оленей у всех, отнесенных к зажиточным кулакам» [12: л. 3], пугали колхозами, сдачей пушнины и мяса, общностью жен, работой на большевиков [19]. Эти обстоятельства повлияли на отношение, формирующееся у жителей, к советской власти.

Положение ухудшилось с объявлением нацрайонирования, без разъяснения его целей, значений, границ. Кочевники, столетиями передвигавшиеся на огромных пространствах без ограничений, посчитали, что по новым правилам будет объявлен запрет на свободное передвижение по тайге, невозможно будет встретиться с родственниками, живущими за пределами района Охотского побережья [10: с. 24]. Появившиеся слухи не успокоили население, а только напугали его.

В ночь на 29 марта 1931 г. отряд вошел в с. Чумикан, который оборонялся погранпунктом из 6 человек, где погибли начальник Чумиканского КПД Т. Ревика, начальник почты района Д.Л. Верхотуров, эвенк-пастух Николай Борисов, радист-комсомолец Н.В. Хабаров, заведующий факторией М.Ф. Майков [11]. Завязался бой, были убитые. Из Николаевска-на-Амуре и села Аяна в помощь пограничникам были направлены части особого назначения. Операцию по ликвидации отряда Третьякова возглавил оперуполномоченный ОКДВА А.Н. Липский, прилетевший на самолете из Хабаровска в Чумикан. Преследование отряда, отступившего в с. Удское, продолжалось до майских праздников [1: с. 123].

23 августа 1932 г. банда Шмонина – Третьякова была ликвидирована. Н. Третьяков и большая часть банды были арестованы, В. Штенгель, К.А. Крылов, И.И. Шмонин расстреляны [8: л. 40–42, 46].

В первые месяцы 1933 г., после тщательных обследований района, начинается процесс исправления «перегибов» в колхозном строительстве. Колхозы были переведены на устав простейших производственных объединений (ППО), колхозникам возвращались орудия промысла, транспортные средства, обобществленные олени, кроме приплода, полученного за время существования колхозов. В результате доля обобществленных оленей в Тугуро-Чумиканском районе на 1 января 1940 г. в колхозах составила 2507 голов, или 25 % всего поголовья [4: с. 136]. Несмотря на принятые меры, протоколы заседаний Тугуро-Чумиканского райисполкома за 1938–1939 гг. «О проведении инвентаризации оленьего поголовья» свидетельствуют о том, насколько остро стоял вопрос о частных и общественных оленях. Отмечалось крайне недопустимое состояние учёта оленей в колхозах райземотдела. В документе указывалось на необходимость обязать райзо, сельсоветы и правления колхозов выпас колхозных оленей производить отдельно от частных оленей. Были выявлены случаи незаконного убоя оленей под видом болезни. Поэтому было принято решение запретить убой оленей без ведома на это комиссии сельсовета [2: л. 9]. Массовый убой животных начался еще в первые годы колхозного строительства и принёс большой ущерб оленеводству. Традиционно эвенки очень редко убивали своих оленей, только в крайних случаях. Ситуация в корне изменилась, когда олени были обобществлены. Поскольку колхозные и личные олени долгие годы выпасались в одном стаде, пастухи под разными предлогами (свадьба, смерть, встреча знакомых и т.д.) забивали колхозных животных [4: с. 137]. До 1940-х гг. большинство оленей находились в личном пользовании колхозников, но в официальной статистике они числились как колхозные. На этом фоне возникают неточности в данных по оленеводческим хозяйствам.

Таким образом, в 1920–30-х гг. на территории Охотского побережья произошли ряд важнейших политических событий: выступления белогвардейских отрядов, тунгусское восстание, установление советской власти, приведшее к преобразованиям во всех сферах жизни. За короткий промежуток времени началась работа по организации школы, больницы, улучшилось медико-санитарное и ветеринарное обслуживание, началось становление национальной интеллигенции. Но в социально-экономическом отношении не все так однозначно: в ходе советизации и коллективизации были допущены серьезные «перегибы», главным образом отрицательно сказавшиеся на кочевом населении Охотского побережья. Организация промысловых артелей, кооперации, колхозов производилась без учета национальной специфики развития хозяйственной жизни тунгусов. Желание ускоренными темпами интегрировать эти народы в общегосударственную жизнь советского общества и объявить о победе идей коммунизма привело к трагическим событиям на Охотском побережье в 1930–1931 гг. Многие семьи до сих пор не знают, что случилось с родственниками, которые были объявлены бандитами, после арестов. В настоящее время на месте расстрела потомками жертв этих событий установлена памятная стела.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вишневский, Н.В.* Отасу: этнополитические очерки / Н.В. Вишневский. – Южно-Сахалинск : Сахалинский областной краеведческий музей, 2013. – 284 с.

2. Государственный архив Хабаровского края. – Ф. 137. – Оп. 4. – Д. 281.

3. *Дьяченко, В.И.* Эвенки и якуты юга Дальнего Востока XVII–XX вв. / В.И. Дьяченко, Н.В. Ермолова. – СПб. : Наука, 1994. – 160 с.

4. История и культура дальневосточных эвенков: историко-этнографические очерки / отв. ред. В.А. Тураев; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. – СПб. : Наука, 2010. – 334 с.

5. *Ковлеков, С.И.* Тунгусское восстание 1924–1925 гг. / С.И. Ковлеков. – Якутск : Изд-во Якутского ун-та, 2005. – 135 с.

6. Муниципальный архив Николаевского района. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 108.

7. Муниципальный архив Николаевского района. – Ф. 303. – Оп. 1. – Д. 47.

8. Муниципальный архив Николаевского района. – Ф. 303. – Оп. 1. – Д. 48.

9. Национальный архив Республики Саха (Якутия). – Ф. 3. – Оп. 20. – Д. 32а.

10. Полевые материалы автора из экспедиции в Аяно-Майский район, Хабаровского края в 2015 г.

11. Пакетик семян в подарок [Электронный ресурс] // Тихоокеанская звезда. – 2011. – 24 марта. – Режим доступа: https://toz.su/newspaper/novost/zarevo_nad_chumikanom/?sphrase_id=57741 (дата обращения: 20.04.2018).

12. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. – Ф. Р-626. – Оп. 1. – Д. 52.

13. Тихоокеанская звезда. – 1964. – 9 января. – С. 3.

14. *Туголуков, В.А.* Охотские эвенки / В.А. Туголуков // Советская этнография. – 1958. – № 1. – С. 11–23.

15. *Тураев, В.А.* Охотские эвенки в XX веке: от этнокультурной эволюции к социальной деградации / В.А. Тураев // Этнос и культура в условиях общественных трансформаций. – Владивосток : Дальнаука, 2004. – 212 с.

16. *Тураев, В.А.* Охотские эвенки: этнокультурные и социально-демографические процессы в XX веке / В.А. Тураев // Народы и культуры северной Азии : материалы исследований 2004 г. – Иркутск, 2005. – С. 103–130.

17. *Чернявский, А.Г.* Зарево над Чумиканом [Электронный ресурс]/ А.Г. Чернявский // Тихоокеанская звезда. – 2011. – 17 марта. – Режим доступа: https://toz.su/newspaper/novost/zarevo_nad_chumikanom/?sphrase_id=57741 (дата обращения: 20.04.2018).

18. *Чернявский, А.Г.* Зарево над Чумиканом [Электронный ресурс] / А.Г. Чернявский // Тихоокеанская звезда. – 2011. – 24 марта. – Режим доступа: https://toz.su/newspaper/novost/zarevo_nad_chumikanom/?sphrase_id=57741 (дата обращения: 20.04.2018).

19. *Чернявский, А.Г.* Зарево над Чумиканом-2 [Электронный ресурс] / А.Г. Чернявский // Тихоокеанская звезда. – 2015. – 29 мая. – Режим доступа: https://toz.su/newspaper/novost/zarevo_nad_chumikanom/?sphrase_id=57741 (дата обращения: 20.04.2018).

РОССИЙСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В МАНЬЧЖУРИИ (КОНЕЦ XIX ВЕКА – 1917 ГОД)

Т.Г. Мамаева

Мамаева Татьяна Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Дальневосточного государственного медицинского университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: klio27@mail.ru

В статье освящается история российского предпринимательства в Маньчжурии в конце XIX – начале XX века. Дается оценка его роли в развитии Северо-Востока Китая.

Ключевые слова: Китай, Маньчжурия, предпринимательство, торговые отношения, Айгуньский договор, КВЖД.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-201-204

Начало истории российского предпринимательства в Китае положили договоры, заключенные Российской империей с Китаем в 1858 г. (Айгуньский) и 1860 г. (Пекинский). В соответствии с ними к России отошел ряд территорий, стала общей граница. Соглашения предусматривали установление торговых связей. Айгуньский договор устранял предусмотренные Кяхтинским договором 1727 г. территориальные ограничения в русско-китайской торговле [8: с. 227]. После подписания договоренностей в России стали создаваться торговые компании, нацеленные на торговлю с соседним Китаем.

Среди первых предприятий такого рода следует отметить акционерное общество «Амурская торговая компания», учрежденное в Петербурге в 1858 г. [3: с. 5].

Наряду с Амуром россияне стали осваивать и р. Сунгари [4: с. 1].

Экспедиции были сопряжены с большими затратами и денежными рисками. Кроме того, они были небезопасны, поскольку нередко русские купцы подвергались нападениям хунхузов. Так, в конце 1859 г. Чеботарев, поднимавшийся вторично один по Сунгари на лодке, был убит ими в Сансине [4: с. 1].

Неудачи не останавливали готовых к риску первых дальневосточных купцов. В 1869 г. поездку по Сунгари совершили жители Благовещенска – Очередин и Михеев. Они намеревались наладить торговлю с маньчжурами, осуществить закупку у них провианта. На станции Екатерино-Никольская к ним присоединился поверенный купца Чардымова – Ярков. 20 июня пароход вошел в устье реки, но, как и в других случаях, был остановлен китайским караулом для выяснения дальнейших целей. Отметим, что сами китайские чиновники купили у Михеева разные товары – самовары, медные тазы, ткани, мыло и др. – общей стоимостью на 40 руб. По свидетельствам, русские купцы проявили дружелюбие, угостив китайцев конфетами, папиросами. Был даже совместно распит чай [11: с. 59]. Экспедиция отправилась дальше, по пути делались остановки с целью пополнения провианта. Однако это было непросто, поскольку само местное население покупало хлеб и другие товары в крупных городах. Обратим внимание на любопытный факт: 25 июня экспедиция заходила в селение Унсуту, и тут выяснилось, что местный крестьянин, имевший большое поле, уже был наказан китайской администрацией за продажу командиру русского парохода пшеничной муки и потому не захотел ничего продавать экспедиции Очередина [11: с. 61]. В селении Сэйн-Логэ, в 15 верстах от Сансина, экспедицию встретили 3 китайских чиновника, которые сказали русским купцам, что им нечего там делать ввиду отсутствия торговли. На вопрос о том, запрещало ли китайское правительство своим подданным вести торговлю с русскими, чиновники ответили отрицательно [11: с. 65]. Тем не менее экспедиция возвратилась в Хабаровск 14 июля ни с чем [11: с. 73]. Это не помешало хабаровскому купцу А.Ф. Плюснину на следующий год снарядить очередную экспедицию. Ей удалось дойти на пароходе до пункта Баянсусу [14: с. 3]. Но и она была безуспешна, завязать торговые отношения, несмотря на большие старания, не удалось. Главной причиной была позиция китайских властей, запрещавших жителям что-либо продавать русским и покупать у них, что противоречило Айгуньскому договору [14: с. 312].

Довольно долго отсутствовали торговые отношения с китайцами и у казаков.

Ситуация изменилась, когда в Примурье началось становление горного дела. Для рабочих золотых приисков требовались хлеб, мясо, скот, фураж и другие продукты. Все это можно было достать только на китайском берегу Амура. Богатейшие золотые россыпи привлекали из Сибири и даже из европейской части крупные капиталы и технические силы. Тайга оживлялась, создался рынок, хоть и небольшой, но с превосходными платежными средствами. Поставщиком всего необходимого для золотых приисков стал Благовещенск, через который из Маньчжурии организовался крупный под-

воз в тайгу продуктов земледелия, скотоводства. Такую же торговую роль стали постепенно играть и те казачьи станицы, через которые лежал путь из Маньчжурии на золотые прииски [14: с. 13–14].

По мере увеличения городского населения и численности войск в Приамурье из Маньчжурии стало больше ввозиться разных товаров, поставлявшихся китайскими купцами на джонках. Главными предметами ввоза были скот и хлеб. Потребность в этих продуктах с течением времени приняла огромные размеры [4: с. 1].

Однако надежды русских закрепиться в Маньчжурии хотя бы в пределах 50 верст от границы не оправдались из-за продолжавшихся препятствий с китайской стороны. Это беспокоило и официальные российские власти. Проблема стала предметом обсуждения на Особом совещании по продлению срока действия Санкт-Петербургского договора в Министерстве иностранных дел 23 марта 1891 г. На нем говорилось о несоблюдении на практике беспошлинного характера российской торговли в 50-верстной полосе. Получалось, что хотя и косвенным путем, русским торговцам все же приходилось уплачивать пошлину [1: с. 337–338]. Постепенно вся приграничная торговля сосредоточилась в руках китайского купечества [1: с. 337–338].

С увеличением численности населения Приамурья возрастала потребность в разнообразных товарах. В начале мая 1895 г. Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской предложил торговым людям вновь организовать экспедицию на Сунгари. Вскоре, 17 июня, хабаровские купцы С.Я. Богданов и Н.И. Тифонтай выехали на пароходе «Телеграф» и барже «Сынок», зафрахтовав эти суда у Товарищества Амурского пароходства [14: с. 4]. Во время почти месячной поездки они столкнулись с теми же проблемами, что и торговцы до них – китайские местные власти не позволяли населению торговать с русскими купцами. В конце XIX – начале XX в. Дальний Восток превращается в мировую ярмарку. Пользуясь слабостью Китая, сюда устремились великие державы. Особую активность проявляли Россия, Германия и США. Это встречало недовольство и раздражение со стороны Японии. Завязался довольно острый узел противоречий. Россия поставила целью закрепить свое влияние в Маньчжурии.

Царское правительство изучало возможности развития российской торговли в Маньчжурии. Российский государственный исторический архив сохранил большой объем корреспонденции, полученной им в 1895–1897 гг. от Д.Д. Покотилова, официального агента Министерства финансов в Китае, ближайшего сподвижника министра финансов С.Ю. Витте. Так, в своем письме в ноябре 1895 г. Д.Д. Покотилов докладывал, что встречался с российским консулом в Нагасаки, «…который оказался осведомленным с делами наших окраин – Приморской и Амурской областей. Между прочим, – писал Д.Д. Покотилов, – он высказал мнение о несомненной доходности пароходной линии по Сунгари, которая важна в особом смысле облегчения доставки в Амурскую область из Маньчжурии пищевых продуктов и, в частности, мяса. Поставщиком мяса в Хабаровске является китаец Тифынтай, которому… принадлежать будет целая половина города… Продукты из Маньчжурии будут очень выгодны для Хабаровска ввиду своей низкой цены…» [5].

Отражением интересов Российской империи в Маньчжурии стало соглашение, подписанное с Китаем о строительстве КВЖД в 1896 г.

Огромную роль в поддержке русских предпринимателей в Маньчжурии сыграл Русско-Китайский банк. Первоначальный капитал банка составлял 6 млн руб., из которых 5/8 приходилось на французские банки и 3/8 – на русский банк. Китайское правительство согласилось внести 5 млн таэлей (4,5 млн руб.), и его доля в прибылях или убытках этого единственного учреждения должна была исчисляться пропорционально этому вкладу. Однако фактически китайское правительство этого взноса не сделало [6: с. 288–289]. Официально банк, с одной стороны, должен был облегчить производство расчетов за вывозившийся из Китая, главным образом, чай, с другой стороны, способствовать сбыту там русских товаров. Как отмечает исследователь Г.Н. Романова, он должен был упрочить российское экономическое влияние в Китае в противовес Англии и другим западным державам. Заключение контракта на строительство КВЖД было крупнейшей операцией банка [12: с. 77–78]. В его задачи входили поддержка и развитие российской торговли и промышленности, кредитами могли пользоваться только российские предприниматели.

Дорога еще не была построена, но уже активно заявляли о себе и европейские конкуренты [10]. Об этом свидетельствуют ряд документов, обнаруженных в Российском государственном историческом архиве. Так, руководство французской компании по производству динамита «Нобель» 27 декабря 1897 г. обратилось с вопросом к российскому представителю в Китае в связи с намерением получить концессию на устройство порохового завода в северном Китае. Любопытно, что граф В.Н. Ламздорф, товарищ министра иностранных дел, в своей телеграмме С.Ю. Витте от 23 февраля 1898 г. в этой связи писал: «…Учреждение упомянутого завода вовсе не предполагается необходимым для потребностей войск Приамурского округа, но… существование такого завода где-либо на линии Маньчжурской дороги, быть может, оказалось бы полезным для нас впоследствии и что ввиду сего, Военное Министерство, хотя и лишено возможности предо-

ставить заводу какие-либо гарантии военных заказов, но не усматривает и препятствий к освоению завода…». Известно, что интерес к получению концессий для эксплуатации минеральных и иных богатств Маньчжурии проявляла и Бельгия [10: л. 2–3].

В этих условиях Министерство финансов активизировало деятельность по защите экономических интересов России в Китае. В сентябре 1898 г. Д.Д. Покотилов направил секретную телеграмму В.Н. Ламздорфу, в которой высказал мысль о желательности получить от китайского правительства следующие обязательства: «…1) предоставление Обществу КВЖД права эксплуатации минеральных богатств, приобретение недвижимой собственности и пр. … на пространстве…всех ветвей Маньчжурской магистрали…2) признание за русскими предпринимателями преимущественного перед иными иностранцами права получения концессий на железной дороге… и иные промышленные предприятия на всем застенном Китае…» [10: л. 14]. В результате дипломатических усилий Россия обеспечила себе эти привилегии.

При этом китайское правительство, похоже, не видело угрозы со стороны России и весьма снисходительно отнеслось к планам своего соседа. Об этом свидетельствует, например, Секретная записка, поступившая на имя графа В.Н. Ламздорфа 8 февраля 1899 г. от китайского правительства. В ней писалось: «…Иностранная предприимчивость может быть допущена нами в пределы Маньчжурии, так как, владея рельсовым путем, с правом установления железнодорожных тарифов и… правил перевозки, пользуясь льготным таможенным тарифом, мы всегда будем настолько влиятельны в названной стране, что иностранная предприимчивость едва ли может представлять для нас серьезную опасность…» [10: л. 18–19].

Возрастание интереса российских предпринимателей к Маньчжурии потребовало разработки необходимого регламента въезда на ее территорию. Коммерсанты были обязаны подавать прошения на имя чиновника по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе в Хабаровске о выдаче билета. Он выдавался сроком на 6 месяцев [13] и подписывался переводчиками китайского и русского языков. За билет получатель вносил гербовый взнос [13: л. 9–11].

В июле 1903 г. КВЖД была сдана в эксплуатацию. Первым управляющим КВЖД стал полковник Д.Л. Хорват, бессменно проработавший на этой должности 16 лет. Полоса отчуждения при нем получила название «Счастливая Хорватия». Он был искусным администратором, пользовался огромным уважением у местного населения и китайских властей. Его отличали простота и демократизм [2: с. 6].

Стоит отметить, что немецкие предприниматели, в числе которых было немало русскоподданных, внесли большой вклад в развитие российского Порт-Артура [16: s. 288–290].

На территории Маньчжурии в конце 1890-х – начале 1900-х гг. возникла зона высокой деловой активности, где рыночная стихия обрела свою полную силу. Быстрыми темпами осваивались прилегающие новые территории, строились торговые и промышленные предприятия, возникали города и поселки. Эта активность была прервана событиями 1900–1901 гг., вошедшими в историю как боксерское восстание. Его причины коренились в экономическом закабалении Китая европейскими державами. От восстания пострадала часть дороги и полоса отчуждения КВЖД. Но, судя по всему, урон после боксерского восстания не был катастрофическим. Как отмечает Е.Х. Нилус, с конца 1900 г. начался расцвет частного предпринимательства и коммерческого оживления Харбина [9: с. 136]. Российские торговые предприятия стали возникать почти во всех населенных пунктах вдоль железной дороги.

Большой толчок развитию торговли и промышленности в Северо-Восточном Китае дала Русско-японская война 1904–1905 гг., когда Маньчжурия стала ареной военных событий и привлекла внимание крупных коммерческих кругов России. Сюда потянулись представители московских фабрик и заводов, которые обосновались здесь и открыли торговлю.

Особенно это отразилось на Харбине. С самого начала войны город превратился в важнейшую тыловую базу по снабжению русской армии в Маньчжурии. Огромные продовольственные, фуражные и прочие нужды армии стали удовлетворяться за счет местного рынка и местных возможностей. В город хлынула масса различного рода дельцов и спекулянтов, стремившихся воспользоваться конъюнктурой, столь благоприятной для развития предприятий и личного обогащения.

Итоги Русско-японской войны 1904–1905 гг., как известно, оказались печальными для России и для будущего многих российских предпринимателей в Маньчжурии. Многие склады оказались затоваренными. Это приводило к обесцениванию товаров, коммерсанты несли огромные убытки. Русские торговые фирмы стали испытывать значительную конкуренцию со стороны Японии, Германии и других стран [6: с. 295–296].

Не способствовало укреплению позиций российского бизнеса и изменение статуса Харбина. После Русско-японской войны 1904–1905 гг. он стал открытым городом как для проживания иностранцев, так и для осуществления свободной торговли. Многие предприятия, не выдержав конкуренции, закрывались.

В это же время активизировали свою деятельность в Маньчжурии иностранные предприятия. Управляющий дорогой Д.Л. Хорват в 1905 г. телеграфировал Правлению Общества КВЖД в Петербург: «…Торговля в Харбине совершенно остановилась… Американцы стали вывозить хлеб и ввозить машины, рассчитывая на быстрое развитие здесь промышленности… Японцы центр торговли и промышленности края перенесут в Куаньченцзы. Полагаю, ввиду острой конкуренции японцев, нам не следует отталкивать иностранцев, но вместе с тем… нашим предпринимателям, обладающим энергией и опытом, но не изобилующим деньгами…необходимо не отказывать в кредите, даже с некоторым риском и вообще помочь образованию здесь мелкого кредита…» [6: с. 6].

Таким образом, руководство дороги было заинтересовано в восстановлении российских торговых и промышленных предприятий в регионе и призывало центральную власть совместно решать вопрос о поддержке российских предпринимателей и об открытии российских кредитных учреждений в Маньчжурии.

Послевоенный кризис продолжался недолго, и уже в 1907 г. он сменился экономическим подъемом. В развитии Харбина обозначился новый этап: он превратился в центр международной торговли, благодаря экспорту маньчжурской сельхозпродукции в страны Западной Европы и Японию. Первым экспортным продуктом стала соя. По инициативе предпринимателя Р.М. Кабалкина и при поддержке правления КВЖД и Петербурга начались поставки соевых бобов в Европу. Именно экспорт этой сельскохозяйственной культуры обеспечил прилив в Маньчжурию значительных денежных средств, что привело к оживлению деловой активности [10].

К 1914 г. в полосе отчуждения было построено значительное число русских предприятий. На ст. Маньчжурия их насчитывалось 386, в Хайларе – 225, Цицикаре – 75, Бухэду – 66, Фуляэрди – 24, в остальных – от 1 до 20 предприятий [10]. Однако значительное влияние на экономическую жизнь Маньчжурии оказала Первая мировая война. Мобилизация заставила русских коммерсантов спешно ликвидировать свои дела [7]. Торговля стала постепенно переходить в руки китайцев, японцев и европейцев. Стоит отметить, что по мере падения курса рубля во время войны соответственно возрастал курс местных кредиток. Русские капиталы таяли, а китайские и японские росли [15]. Это привело к тому, что сокращалось число российских торговых и промышленных предприятий, все больше появлялось японских и китайских магазинов и фабрик.

Таким образом, несмотря на многочисленные попытки российских предпринимателей наладить отношения с Маньчжурией, начало их активной деятельности стало возможным лишь в условиях активизации политики Российской империи на Дальнем Востоке и строительства КВЖД.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляева, Н.А.* 50-верстная приграничная полоса в системе русско-китайских торговых связей / Н.А. Беляева // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций (Пятые Крушановские чтения, 2006 г.). В 2 т. Т. 2. – Владивосток : Дальнаука, 2008. – С. 337–344.

2. Город Харбин : справ. / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. – Владивосток : Дальнаука, 1995. – 99 с.

3. *Даттан, А.В.* Исторический очерк развития Приамурской торговли / А.В. Даттан. – М. : Тип. Т.И. Гаген, 1897.

4. Дневник Дмитрия Богданова по поездке на Сунгари на пароходе «Телеграф» в 1895 г. – М. : Типо-литография О.И. Лашкевича и Ко, 1896.

5. Донесения Д.Д. Покотилова тайному советнику П.М. Романову по вопросам политического и экономического характера 1895–1897 гг. // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 560. – Оп. 29. – Д. 105. – Л. 22.

6. История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 1. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII – начало XX в.). – Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1987. – 424 с.

7. Краткий отчет о коммерческой деятельности КВЖД за 1917 г. – Харбин : Тип. Китайской Восточной железной дороги, 1920. С. 13–14) // РГИА. – Ф. 323. – Оп. 8. – Д. 609. – Л. 6.

8. *Мясников, В.С.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. / В.С. Мясников. – Хабаровск, 1997. – 543 с.

9. *Нилус, Е.Х.* Исторический обзор КВЖД 1896–1923. Т. 1 / Е.Х. Нилус. – Харбин, 1923. – 690 с.

10. Об учреждении русских и иностранных предприятий в Маньчжурии и Северном Китае // РГИА. – Ф. 560. – Оп. 28. – Д. 821. – Л. 1–55.

11. *Ржевин*. Поездка по Сунгари. Военный сборник / Ржевин. – Б.д., б.м., б.с. – С. 59.

12. *Романова, Г.Н.* Значение российских инвестиций и предпринимательства в модернизации Северо-Восточного Китая (конец XIX – начало XX в.) / Г.Н. Романова // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков : материалы первой междунар. науч.-практ. конф. – С. 77–78.

13. Свидетельства, удостоверения, справки и прошения о выдаче разным лицам билетов для проезда в Маньчжурию по торговым делам (7 марта 1900 – 19 марта 1901 гг.) // Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). – Ф. 702. – Оп. 7. – Д. 59. – Л. 3.

14. *Штейнфельд, Н.* Русское дело в Маньчжурии с XVII века до наших дней / Н. Штейнфельд. – Харбин : Русско-китайско-монгольская тип. газеты «Юань-дунь-бао», 1910.

15. РГИА. – Ф. 323. – Оп. 8. – Д. 609. – Л. 7.

16. *Sieveking, H.* Die Hamburgisch Firma Kunst und Albers in Wladiwostok 1864–1914 / H. Sieveking // Vierteljahresschrift für Sozial – und Wirtschaftsgeschichte. – 1941. – № 34.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ И МЕЦЕНАТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕМЕЦКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Е.Г. Молчанова

Молчанова Елена Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: lenmolch@mail.ru

Статья посвящена благотворительной и меценатской деятельности немецких предпринимателей на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в. Немецкие предприниматели принимали активное участие в работе благотворительных обществ. Они выделяли средства на нужды образования, здравоохранения, развитие науки, культуры. Особое внимание в статье уделено факторам, которые побуждали немецких предпринимателей к благотворительной деятельности.

Ключевые слова: благотворительность, меценатство, немецкие предприниматели, история Дальнего Востока России, общественная деятельность предпринимателей.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-205-212

В дореволюционной России неотъемлемой частью деятельности предпринимателей были благотворительность и меценатство. Благотворительность была значительным общественным явлением. Ею в России занимались очень многие, однако предприниматели играли здесь особую роль, так как имели больше возможностей для щедрых пожертвований.

Немецким предпринимателям, прибывшим в Россию, необходимо было приспосабливаться к традициям новой для себя среды и ориентирам одобряемого поведения. Большинство из них активно включились в благотворительную деятельность. Принимая участие в городском управлении, участвуя во всевозможных комиссиях, они постоянно сталкивались с проблемами нехватки финансов на городские нужды, с плачевным состоянием здравоохранения, народного образования, тюремной системы. Большая потенциальная энергия деловых людей, их желание реализовать свои силы на общественном поприще, адаптироваться к местным условиям, повысить свой социальный статус находили выход в занятии благотворительностью.

Переселение на Дальний Восток и освоение края были сопряжены со значительными трудностями и затратами со стороны государства и населения. В помощи и поддержке нуждалась значительная часть жителей региона. Поэтому благотворительная деятельность предпринимателей здесь была крайне необходима. Благотворительность как общественная система призрения сложилась на Дальнем Востоке России в конце XIX в. с созданием благотворительных обществ во Владивостоке (1876), Благовещенске (1886), Хабаровске (1890), на Сахалине (1892), в Петропавловске (1895), Николаевске (1898), Никольск-Уссурийске (1901). К 1917 г. на дальневосточной окраине России было более 40 благотворительных обществ [3: с. 14–15].

Немецкие коммерсанты входили в состав почти всех крупных благотворительных обществ края. Так, совладелец фирмы «Кунст и Альберс» Адольф Даттан почти тридцать лет был почетным членом Владивостокского благотворительного общества [41: л. 8]. На средства этой организации содержались богадельня, детский приют и ночлежный дом, оказывалась другая помощь нуждавшимся. Членами общества в разное время также были П. Мейер, А. Альберс, Г. Юнгхендель и другие немцы. Обязанности казначея несколько лет исполнял один из ведущих служащих фирмы «Кунст и Альберс» Э. Корнельс. Жена совладельца фирмы «Кунст и Альберс» Маргарита Альберс входила в состав комитета общества, обязанностями которого было привлечение благотворителей и средств, вопрос их распределения между неимущими, который должен быть доведен «до пределов разумной осторожности и возможной справедливости» [51–53].

Немецкие предприниматели активно работали в попечительных советах детских благотворительных учреждений. Несмотря на то что А. Даттан постоянно проживал во Владивостоке, он был пожизненным членом Хабаровского благотворительного и попечительного общества Ольгинского детского приюта трудолюбия. Этот приют содержался только на благотворительные средства. Они складывались из взносов членов общества, разного рода пожертвований, сборов с благотворительных концертов, спектаклей, гуляний с устройством лотереи-аллегри, кружечного сбора и т.д. Всю работу организовывал комитет общества, в котором также работали несколько представителей немецких фирм, например сотрудник хабаровского отделения торгового дома «Кунст и Альберс» Ф. Гутт [15; 16]. Он также принимал участие в работе Хабаровского общества содействия физическому развитию детей,

исполняя в нем должность казначея, а затем и члена ревизионной комиссии [2: с. 167; 21: с. 77].

Значительную помощь оказывали немецкие предприниматели и хабаровскому детскому приюту «Ясли». Действительными членами этой организации были руководители хабаровского филиала торгового дома «Кунст и Альберс» М. Шпитце, К. Штейнберг [18: с. 5] и др. Причем немцы очень рационально подходили к делу благотворительности. Они внимательно изучали нужды опекаемых учреждений, старались делать пожертвования адресно. К примеру, в 1913 г. К. Штейнберг выделил средства для оборудования в приюте «Ясли» 15 детских кроватей для малышей [32]. В 1911 г. для постройки приюта для детей переселенцев фирма «Кунст и Альберс» безвозмездно выделила 70 пудов оцинкованного железа, за что ей была выражена благодарность руководителей края [31].

Одним из важнейших направлений благотворительности в Амурской и Приморской областях в конце XIX – начале XX в. стала помощь переселенцам. Благотворительные организации выделяли средства на строительство переселенческих пунктов, выплачивали пособия крестьянам на проезд, обзаведение хозяйством, покупку семян и т.д. При помощи предпринимателей для них были открыты склады для продажи предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий труда в рассрочку и по льготным ценам. Много лет представители немецкого торгового дома «Кунст и Альберс» работали в составе Общества по оказанию помощи и покровительства нуждающимся переселенцам Приморской области. 23 марта 1900 г. совладелец фирмы А. Даттан был избран его почетным членом [17: с. 1–6; 41: л. 29–30].

Немецкие предприниматели не только выделяли средства, но и активно работали в местных отделениях Российского общества Красного Креста (РОКК). Эта организация осуществляла сбор пожертвований и организовывала медицинскую помощь больным, раненым и пострадавшим от стихийных бедствий. 5 декабря 1891 г. членом комитета Владивостокского отделения РОКК был избран А. Даттан. 3 марта 1903 г. он стал членом правления общества и получил право ношения Знака Красного Креста, а 29 января 1904 г. был избран казначеем Владивостокского управления РОКК [41: л. 32–33; 36]. Особенно активно немецкие предприниматели и служащие их фирм работали в этой организации в годы Русско-японской войны. Членами Владивостокского управления общества Красного Креста помимо А. Даттана были служащие фирмы «Кунст и Альберс» Э. Корнельс, П. Мейер, представители фирмы «Вальдекер и Пеппель» Б. Озмидов и Е. Пеппель, доверенный торгового дома «И. Лангелитье» В. Шумахер и др. В 1909–1910 г. из семнадцати действительных членов и руководителей Владивостокского управления РОКК семь представляли немецкие фирмы [19: с. 161; 20: с. 148].

В XIX в. в России сложилась система благотворительно-тюремных обществ. Тюремная система была в состоянии кризиса. Не хватало средств на содержание заключенных, тюремные помещения были переполнены. Образовались специальные благотворительные организации. Крупнейшей из них было Общество попечительное о тюрьмах. Оно сочетало в себе черты общественной и государственной структуры. С одной стороны, правительство было заинтересовано в привлечении благотворительных средств для содержания мест заключения, а с другой, опасалось отдавать бразды правления в этой сфере общественным организациям. Поэтому в местные комитеты попечительного о тюрьмах общества избирались так называемые директора «по должности» (в основном государственные чиновники, в том числе губернатор области, городской голова, прокурор и т.д.) и директора «по избранию» (общественные покровители мест заключения).

Немецкие предприниматели принимали активное участие в работе этих организаций. Уже в 60-е гг. XIX в. немецкий коммерсант Ф.А. Людорф был избран директором Приморского областного попечительного о тюрьмах комитета [46: л. 25]. Активное участие в работе Николаевского комитета этого общества принимал П. Небель. В октябре 1875 г. он был избран директором, а еще через восемь месяцев – директором-казначеем комитета. Тюрьма Николаевска-на-Амуре находилась в это время в плачевном состоянии. Помещение, где она располагалась, было ветхим, не хватало провианта для арестованных. П. Небель ежегодно жертвовал на нужды тюрьмы от 800 до 2 тыс. руб. Помимо этого, он выполнял обязанности по заготовке и хранению продуктов питания, принимал участие в решении других проблем тюремного ведомства. За эти заслуги в ноябре 1880 г. П. Небель был представлен к ордену Святой Анны III степени [47: л. 1–3].

Активное участие в работе попечительных о тюрьмах комитетов принимали также владельцы и ведущие служащие фирмы «Кунст и Альберс». 31 мая 1884 г. директором Владивостокского попечительного о тюрьмах комитета был избран А. Даттан. Вскоре на общественных началах он стал исполнять обязанности казначея. Однако его деятельность не ограничивалась только исполнением своих обязанностей и уплатой членских взносов. Он часто сам проявлял инициативу и оказывал необходимую помощь. Так, в 80-х гг. XIX в. А. Даттан построил во Владивостоке на свои средства деревянное на каменном фундаменте здание для тюремного лазарета. Затем, когда тюрьма была переведена в другое место, взял на себя хлопоты по переносу зда-

ния лазарета. В 1909 г. был избран директором-распорядителем комитета Владивостокского попечительного о тюрьмах общества [41: л. 2–7]. За помощь тюремному ведомству А. Даттан неоднократно получал правительственные награды. Старшие служащие фирмы «Кунст и Альберс» также проводили большую работу в попечительных о тюрьмах комитетах. По правилам, принятым в фирме, ведущие сотрудники получали приличное жалование и, более того, принимали участие в прибылях торгового дома. Многие из них за годы своей работы на российском Дальнем Востоке становились людьми состоятельными. Таким образом, они также получали финансовую возможность заниматься благотворительностью и реализовывать себя на общественном поприще. Активное участие в работе Владивостокского тюремного комитета с 1901 г. принимал П. Бен. В 1902 г. он был избран на должность директора и регулярно жертвовал средства на содержание заключенных. За заслуги по тюремному ведомству 25 февраля 1910 г. он был награжден орденом Святого Станислава II степени [39: л. 2–3]. В разное время директорами комитета избирались также П. Мейер, А. Релль, обязанности директора-казначея длительное время исполнял Э. Корнельс [20: с. 146; 42: л. 35]. В целом немцы играли видную роль в работе Владивостокского комитета попечительного о тюрьмах общества. Например, в 1911 г. из 16 директоров «по избранию» 4 были представителями немецких фирм. Кроме П. Бена, А. Даттана и Э. Корнельса, в их числе был Г. Толле (представитель фирмы «И. Лангелитье»). Причем двое из них занимали руководящие должности в комитете [1: с. 34]. В Николаевском тюремном комитете, кроме П. Небеля, активную работу вел доверенный торгового дома «Кунст и Альберс» Г. Вюнше [38: л. 93]. В Хабаровске должность директора-казначея попечительного о тюрьмах общества исполняли руководители филиала фирмы «Кунст и Альберс» А. Лангшвадт и К. Штейнберг [19: с. 158; 2: с. 167]. Активную работу в этом обществе вел владелец пивоваренного завода Б. Люббен. В 1906 г. он занял должность директора-казначея комитета и за добросовестную работу был представлен к золотой медали «За усердие» для ношения на Анненской ленте [38: л. 103]. В Никольск-Уссурийском отделении комитета работал доверенный торгового дома «Кунст и Альберс» Карл Эверс [40: л. 1–2].

Во второй половине XIX – начале XX в. одной из самых насущных проблем, стоявших перед российским обществом, было повышение уровня образованности населения. В 1864 г. в результате реформ было дано право учреждать школы не только Министерству просвещения, но и различным общественным организациям, а также частным лицам. В управлении образовательных организаций усиливалась роль общественности и органов местного самоуправления. Таким образом, политика правительства была направлена на привлечение к решению задачи создания системы народного образования как сил и средств государства, так и всех слоев общества [11: с. 138–140]. Это было особенно актуально для российского Дальнего Востока. Необходимы были огромные средства для освоения региона, развития социальной сферы, в том числе для создания сети учреждений образования. В значительной степени инициативу по их созданию и затраты на содержание взяла на себя общественность. В крае начали возникать общества для развития образования. По примеру благотворительных обществ общественного призрения в городах края – Благовещенске, Владивостоке, Хабаровске, Николаевске, Петропавловске были открыты общества вспомоществования нуждающимся учащимся, организации попечения о народном образовании и т.д. К 1917 г. они были созданы практически в каждом населенном пункте. На их средства строились и оборудовались школы, получали материальную поддержку ученики из малообеспеченных семей. В целом около 85 % расходов на строительство и содержание школ края несло само население, в том числе в результате деятельности благотворительных обществ [3: с. 16].

Немецкие предприниматели, наряду со всеми состоятельными людьми края, принимали активное участие в развитии системы образования. Уже в 1865 г. Ф. Людорф стал членом попечительного совета Николаевского женского училища. За годы работы в этом совете он пожертвовал на нужды учебного заведения 8 тыс. руб. (годовой оборот его торговли на Амуре в 60-е гг. XIX в. составлял около 800 тыс. руб.) [46: л. 34–35]. Наиболее щедрой в этом направлении была деятельность А. Даттана. Он начал службу по Министерству народного просвещения 30 марта 1891 г. в должности почетного попечителя Владивостокской прогимназии (с 1895 г. гимназии). Его материальные пожертвования на нужды учебного заведения составили около 15 тыс. руб. Особое внимание он уделял комплектованию библиотеки. Кроме этого, А. Даттан выделил капитал в 6 тыс. руб. на учреждение стипендии торгового дома «Кунст и Альберс» для выпускников гимназии. На протяжении многих лет предприниматель работал в попечительных советах Владивостокской женской гимназии и был почетным попечителем женской прогимназии и других учебных заведений [48: л. 37]. В своей благотворительной деятельности А. Даттан не ограничивался только учебными заведениями Владивостока. Он был действительным членом Общества содействия нуждающимся учащимся Хабаровска. Целью организации было сделать доступным образование всем де-

тям города, вне зависимости от достатка их семей. Общество оплачивало малообеспеченным детям учебу, им назначались стипендии, оказывалась другая помощь. На годовом общем собрании, состоявшемся 12 января 1914 г., торговый дом «Кунст и Альберс», наряду со своим основным конкурентом – фирмой «Чурин и К°» был избран пожизненным членом данного общества (такой чести удостаивались только самые щедрые благотворители). Представитель фирмы «Кунст и Альберс» в Хабаровске К. Штейнберг стал членом правления общества [29]. А. Даттан был также почетным членом Общества распространения народных развлечений и начального народного образования Хабаровска [27].

Особенно много сделал торговый дом «Кунст и Альберс» и лично А. Даттан для Восточного института. Это первое в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке высшее учебное заведение было основано во Владивостоке в 1899 г. А. Даттан с момента создания института и вплоть до 1915 г. оказывал ему значительную помощь. В 1899 г. пожертвовал около 100 тыс. руб. на строительство здания, в котором разместилось общежитие, и даже добавил к земельному участку, отведенному городом, собственный участок. Причем А. Даттан не жалел средств на оборудование здания новейшими достижениями техники того времени – центральным отоплением и электричеством [48: л. 37–38; 23]. 6 декабря 1899 г. за заслуги по ведомству народного просвещения он был награжден орденом Святой Анны III степени [25]. В 1900 г. А. Даттан соорудил на свои средства при Восточном институте церковь, затратив на это 12 тыс. руб. В этом же году он был избран действительным почетным членом попечительного совета Восточного института. В 1903 г. стал его почетным попечителем. А. Даттан отчислял средства на организацию командировок студентов в азиатские страны для практического изучения восточных языков, содержал столовую для студентов, при необходимости финансировал их лечение и т.д. В целом материальная помощь А. Даттана только Восточному институту и Владивостокской мужской гимназии за все годы его работы в попечительных советах этих учебных заведений составила очень существенную по тем временам сумму – около 200 тыс. руб. [48: л. 37–38].

Представители фирмы «Кунст и Альберс» оказывали благотворительную помощь и другим учебным заведениям региона. Например, совладелец торгового дома А. Альберс входил в попечительный комитет Владивостокского Александровского училища дальнего плавания, которое готовило кадры для морского флота [44: л. 5].

На российском Дальнем Востоке остро ощущался недостаток в образованных коммерсантах, бухгалтерах и других специалистах. Поэтому особое внимание предприниматели уделяли помощи учебным заведениям, готовившим кадры для их предприятий. Торговый дом «Кунст и Альберс» вместе с другими солидными предпринимателями оказывал помощь в строительстве Владивостокского коммерческого училища [3: с. 136], действительным членом попечительного совета которого был А. Альберс [4: с. 65]. В работе общества попечения об учащихся данного училища принимали участие также представители фирмы «Вальдекер и Пеппель» Б.В. Озмидов и Е.И. Пеппель [21: с. 54]. Хабаровскому коммерческому училищу и торговой школе помощь оказывала фирма «Кунст и Альберс», которая ежегодно жертвовала им 300 руб., а также взяла на себя полное обеспечение шести учеников школы [35].

Очень серьезной проблемой во второй половине XIX – начале XX в. была необходимость изучения края. Практических сведений о свойствах климата, животного и растительного мира, режима рек, характеристик почвы было недостаточно, что являлось серьезным препятствием для успешного освоения региона. Необходимо было организовывать и финансировать исследования. Сложность состояла в том, что в отличие от центральной части России, где формирование научного фонда шло на протяжении столетий, на Дальнем Востоке его необходимо было создавать заново и в кратчайшие сроки. Государственных средств не хватало, поэтому решение и этих проблем в основном взяла на себя общественность. В 1884 г. во Владивостоке было создано Общество изучения Амурского края [6: с. 8–9]. Участие в его финансировании приняли многие состоятельные люди, в том числе и немецкие предприниматели. К примеру, покровителем общества был А. Даттан, который неоднократно делал щедрые пожертвования на нужды организации [41: л. 11]. В 90-х гг. XIX в. появилась потребность в более интенсивном изучении региона. Возрастал поток переселенцев, начались работы по строительству Уссурийской железной дороги. В связи с этим 2 мая 1894 г. в Хабаровске открылся отдел Русского географического общества. Он был создан для изучения края в географическом, этнографическом, статистическом и прочих отношениях. Более того, отдел должен был устраивать и поддерживать музей и библиотеку. Ввиду недостатка средств большие надежды возлагались на благотворителей. И если в Санкт-Петербурге и других российских городах в члены Русского географического общества избирались только люди, имеющие заслуги перед наукой, то на Дальнем Востоке избирались все, кто аккуратно вносил взносы и делал пожертвования. Так, членами географического общества стали многие купцы [6: с. 16–23]. А. Даттан, неоднократно делавший пожертвования Приамурскому отделу Русского гео-

графического общества, был избран его членом-учредителем. Входили в состав данной организации и руководители филиала фирмы «Кунст и Альберс» в Хабаровске. Действительным ее членом в 1895 г. был К. Прелле [7: л. 115; 8: л. 188а–189].

Однако немецкие предприниматели в своей меценатской и благотворительной деятельности не ограничивались только денежными пожертвованиями. Они старались принимать участие непосредственно в работе опекаемых ими организаций. В 1894 г. к А. Даттану обратилось руководство Приамурского отдела ИРГО с просьбой помочь найти опытного препаратора-зоолога для музея. А. Даттан поручил найти такого специалиста гамбургскому отделению фирмы «Кунст и Альберс». В Германии, в научном издании «Зоологический вестник», фирма опубликовала объявление. На него откликнулись два ученых-зоолога. А. Даттан передал сведения о них руководству Приамурского отдела ИРГО и предложил взять на себя расходы на переезд специалиста из Германии в Хабаровск. Однако помощь А. Даттана не понадобилась, так как к этому времени препаратора уже нашли в России. Однако совет Приамурского отдела Географического общества, оценив его труды, принял решение «благодарить А. Даттана за его просвещенное содействие» [7: л. 273–274]. В 1903 г. Приамурский отдел ИРГО вновь обратился за помощью к торговому дому «Кунст и Альберс» с просьбой помочь с перевозкой редкого экспоната – скелета морской коровы Стеллера. Он был куплен парижским музеем за 5 тыс. франков. Добровольный флот отказал в транспортировке этого груза. Фирма «Кунст и Альберс», отозвавшись на просьбу, безвозмездно доставила экспонат в Нагасаки, откуда он был отправлен во Францию на военном крейсере французского флота [26].

Помимо имен представителей фирмы «Кунст и Альберс», в списках жертвователей для музея и библиотеки Приамурского отдела ИРГО можно встретить имена и других немецких коммерсантов. Так, неоднократно дарил журналы и книги для библиотеки хабаровский пивовар Б. Люббен [7: л. 392].

Немецкие предприниматели выделяли средства другим научным организациям. К примеру, фирма «Кунст и Альберс» оказывала помощь Приамурскому отделу Императорского общества востоковедения. А представитель этого торгового дома В.А. Рубцов выполнял обязанности казначея общества [20: с. 76; 28].

Немцы выделяли средства на другие культурные потребности края, оказывали помощь в возведении храмов, памятников. В 1897 г. имя А. Даттана появилось на страницах дальневосточной прессы в связи с установкой в Успенском соборе Хабаровска памятника А.Н. Корфу. Он был изготовлен в Санкт-Петербурге, а фирма «Кунст и Альберс» безвозмездно взяла на себя хлопоты по его перевозке в Хабаровск [22; 23]. 26 октября 1902 г. А. Даттан был назначен членом комитета по постройке во Владивостоке памятника Александру III [41: л. 31]. Немецкие коммерсанты не оставались в стороне при строительстве православных церквей, несмотря на то, что большинство из них исповедовали лютеранство. 10 апреля 1890 г. строительный комитет по сооружению храма во Владивостоке выразил глубокую благодарность А. Даттану за пожертвования и содействие при его строительстве [41: л. 13–14]. В 1911 г. он наряду с другими солидными предпринимателями, священнослужителями, чиновниками входил в состав комитета по сбору пожертвований и постройке кафедрального собора во Владивостоке [1: с. 34].

Однако особое внимание немецкие предприниматели, работавшие на российском Дальнем Востоке, оказывали лютеранской общине. В 1896 г. было построено здание лютеранского молитвенного дома в п. Александровском-на-Сахалине. Горный инженер и предприниматель Ф. Клейе оказывал материальную помощь храму и осуществлял надзор за ним [45: л. 6]. Особенно деятельное участие немецкие предприниматели приняли в возведении каменной кирхи Святого Павла во Владивостоке, строительство которой началось в 1907 г. Г. Альберс выделил 5 тыс. руб., Адольф Даттан – 3 тыс. руб. (по случаю освящения церкви он пожертвовал еще 1 тыс. руб.). Германские фирмы «Кунст и Альберс» и «Тильманс и К°» оказывали помощь строительными материалами. Существенную сумму собрали работники немецких фирм и члены их семей. Жены служащих фирмы «Кунст и Альберс» Анна Корнельс и Эльзе Мейер организовывали благотворительные спектакли [45: л. 13–14], сборы от которых шли на строительство кирхи. В одном из них главную роль исполнил А. Альберс [10: с. 208]. Помимо этого, А. Даттан и руководитель Владивостокского отделения фирмы «Кунст и Альберс» П. Мейер организовали сбор средств в Германии. В работе строительного комитета церкви принимали активное участие немцы Г. Толле, Г. Юнгхендель (он был автором проекта кирхи), П. Мейер, П. Бен.

Таким образом, благотворительная и меценатская деятельность немецких предпринимателей была очень разносторонней. Ни одна из областей социальной сферы, культурного развития края, нуждающихся в помощи, не осталась без их внимания. Эта их деятельность не ограничивалась только денежными пожертвованиями, они активно работали в составе различных обществ, комитетов и т.д. Причем обращает внимание та рациональность, с которой немцы подходили к делу благотворительности. Они старались оказывать помощь адресно, умели определить, где и в какой форме их поддержка мо-

жет оказаться более эффективной, следили за тем, чтобы средства расходовались рационально.

При изучении вопроса благотворительности предпринимателей очень важным является определение мотивов этой деятельности. Естественно, необходимо иметь в виду этические причины, сострадание, желание помочь нуждающимся, присущие каждому нормальному человеку. Важно учитывать личностные характеристики предпринимателей, которые определяли масштабы, направления и формы их благотворительной деятельности. Однако, оценивая мотивы благотворительности, нельзя ограничиваться только этическими основаниями этого явления. Конечно же, было множество примеров бескорыстных пожертвований. Но все-таки главной целью любого предпринимателя было целенаправленное хозяйственное созидание и приумножение своих капиталов. И деятельность абсолютного большинства предпринимателей была подчинена именно этой цели.

Рассматривая мотивы благотворительности, нужно учитывать несколько факторов. Необходимость благотворения была одним из главных ценностных и поведенческих стереотипов, закрепившихся в сознании российской буржуазии. Предпринимательская деятельность в сколько-нибудь серьезных масштабах не мыслилась без благотворения. И общественное мнение требовало со стороны предпринимателей такой деятельности. Помимо этого, для коммерсантов в России благотворительность была главным средством повышения общественного статуса, что было крайне необходимо для обеспечения стабильности их бизнеса, получения благоприятных условий для успешной коммерческой деятельности. Предприниматель, жертвовавший средства на поддержку образования, культуры, науки, давал понять, что он собирается вести свои дела основательно, это был некий знак солидности предприятия [50: с. 449–453; 13: с. 108]. Таким образом, для солидных предпринимателей в России во второй половине XIX – начале XX в. благотворительность отчасти была необходимым условием их успешной и стабильной коммерческой деятельности.

Российской контрразведке в годы Первой мировой войны стало известно содержание одной из бесед совладельца фирмы «Кунст и Альберс» А. Даттана со своими служащими. На вопрос одного из них, чем он может объяснить свою благотворительную деятельность по отношению к русским, А. Даттан ответил: «Вы думаете я все это делаю с удовольствием… Нет, это все не то… Мало ли что приходится делать, чего не хочешь, чтобы иметь возможность потом делать то, что хочешь: это та же взятка, но только под другим соусом». Присутствовавший при этом разговоре служащий фирмы Ганзен добавил: «Лучше теперь израсходовать против желания десятки и даже сотни тысяч на русских, чем потерять миллионы» [9: л. 35]. Оценивая это высказывание А. Даттана, конечно, необходимо учитывать, что оно сделано в годы Первой мировой войны, когда были сильны антинемецкие настроения и проводились во многом необоснованные репрессии против немцев. И, естественно, здесь сыграли свою роль досада, разочарование, обида человека, много лет проработавшего в крае, достигшего высокого положения и в один момент лишившегося очень многого. Но, даже учитывая все эти обстоятельства, нельзя не видеть в этом высказывании зерна прагматизма и хотя бы частичного объяснения особенностей мотивации благотворительной деятельности немецких предпринимателей.

Благотворительность и активная общественная деятельность позволяла предпринимателям получать правительственные награды и чины. Иногда даже формулировки при награждении орденами говорили сами за себя: «за заслуги по тюремному ведомству», «за усердную службу по ведомству народного просвещения» и т.д. Ордена и чины давали право на почетное гражданство и даже получение дворянского звания. Немецкие предприниматели, получая награды и чины, пользовались этим правом и повышали свое социальное положение, причем иногда настойчиво добивались этого. Например, 14 декабря 1866 г. немецкий предприниматель Ф.А. Людорф обратился к генерал-губернатору Восточной Сибири с просьбой о присвоении ему почетного звания коммерции советника [46: л. 8]. Обладатели этого звания в России имели право пользоваться титулом «ваше высокоблагородие», приглашались на совещания «по делам торговли и промышленности» и могли причисляться к потомственным почетным гражданам. В деловой среде этот особый статус пользовался популярностью [12: с. 231]. Ф. Людорф объяснял стремление получить звание тем, что это «…сделает поощряющее и благое впечатление на остальной торговый мир» и «…может иметь хорошее влияние на коммерческие отношения на Амуре» [46: л. 8]. Однако ходатайство Ф. Людорфа было оставлено без удовлетворения. Возможно, это произошло потому, что за время пребывания на российском Дальнем Востоке он дважды находился «под судом» и даже четыре месяца провел в тюрьме за «нанесение обиды чиновнику Сушко-Неслодовскому и мещанину Кравецкому». После отказа в получении звания коммерции советника Ф. Людорф начал добиваться награждения орденом Станислава II степени и даже нашел в этом вопросе высокопоставленных покровителей [46: л. 16, 35, 37, 45].

Показателен пример и другого немецкого предпринимателя Г. Дикмана. В 1881 г. за благотвори-

тельность и другие заслуги он был награжден орденом Станислава III степени, который давал право на получение потомственного почетного гражданства. 16 ноября 1890 г. Г. Дикман принял российское подданство и начал ходатайствовать о переводе его в потомственное почетное гражданство. В 1891 г. Департамент герольдии Правительствующего сената отказал в присвоении предпринимателю этого звания на том основании, что он в момент награждения орденом имел иностранное гражданство. Г. Дикман не сдавался и настойчиво вел переговоры с сенатскими чиновниками. В результате он добился желаемого. 16 марта 1895 г. общее собрание Сената постановило присвоить звание потомственных почетных граждан Г. Дикману и его дочерям – 17-летней Ольге и 15-летней Марии [14: с. 141].

Самым титулованным и влиятельным из всех немецких предпринимателей, работавших в то время на российском Дальнем Востоке, был совладелец фирмы «Кунст и Альберс» Адольф Даттан. Как уже отмечалось выше, предприниматель активно участвовал в общественной жизни региона и выделял значительные средства на благотворительность. За свою деятельность он был удостоен многих государственных наград Российской империи. В их числе: три золотые медали «За усердие», ордена Станислава II и III степеней, орден Святой Анны III степени и др. [37: л. 9–10]. В 1891 г. А. Даттан в числе самых авторитетных людей региона встречал цесаревича Николая Александровича и получил от него в подарок золотое кольцо с драгоценными камнями. А еще через год, на высочайшем приеме в Гатчине, был представлен Императору и Императрице [49: с. 185]. 1 сентября 1904 г. А. Даттан получил чин статского советника, а 1 января 1911 г. был удостоен чина действительного статского советника [48: л. 12], который давал право на получение потомственного дворянства. 28 января 1914 г. А. Даттан с женой и детьми был возведен в потомственное дворянство за «выдающуюся деятельность по торговому и культурному развитию края» [30]. Возведение в «потомственное Российской империи дворянское достоинство» было одной из самых высших форм поощрения. Случаи пожалования дворянства за успехи на предпринимательском поприще были вообще не часты (за весь пореформенный период насчитывалось только около 30 таких предпринимательских родов). Речь шла о том, как в условиях России просто богатые становились сословно-привилегированными. Каждый подобный факт был своеобразным отрицанием традиций и сословно-корпоративных принципов. Характерно, что именно высший, наиболее отличившийся слой предпринимателей признавался «ровней» дворянскому сословию [12: с. 232; 5: с. 69]. И, конечно же, получение А. Даттаном потомственного дворянства означало принадлежность его к числу самых видных представителей деловой элиты России.

Первая мировая война и начавшаяся кампания по борьбе с «немецким засильем» самым серьезным образом повлияли и на благотворительную деятельность немецких предпринимателей. Большинство из них были вынуждены прекратить ее в силу разных причин. Некоторые по подозрению в шпионаже или как военнопленные были высланы в Сибирь, в том числе и А. Даттан. Сразу после его ареста по указанию Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти были даны телеграммы в Министерство народного просвещения и Главное тюремное управление о срочном приостановлении дела о награждении А. Даттана орденом Святого Владимира III степени [48: л. 13]. 8 февраля 1915 г. по приказу военного губернатора Приморской области он был исключен из состава директоров тюремного комитета [43: л. 6]. 23 февраля уволен с должности Почетного попечителя Восточного института [48: л. 24], а затем и из состава других благотворительных организаций.

Политика по ликвидации предприятий, принадлежавших подданным враждебных государств, которая начала проводиться с середины 1915 г., не способствовала благотворительности немецких предпринимателей, которые много усилий направляли на выживание своих предприятий. Однако те из них, кто сумел продолжить свою деятельность на российском Дальнем Востоке в годы Первой мировой войны, хотя и в значительно меньшем объеме, но все же продолжали благотворительную деятельность. В это время в крае на волне патриотического подъема началась кампания по организации помощи семьям мобилизованных воинов, раненым, беженцам и т.д. Практически все жители региона, кто имел хоть какую-либо финансовую возможность, принимали участие в сборе средств. В этой обстановке находившиеся в регионе немецкие предприниматели не могли остаться в стороне от подобных акций. Так, например, сразу после создания Приамурского комитета по оказанию помощи раненым, увечным и больным воинам и их семьям фирма «Кунст и Альберс» перечислила 1 тыс. руб. [36]. Этот торговый дом делал пожертвования в пользу приюта для детей нижних чинов [33; 34]. Немецкие предприниматели и фирмы старались поддержать имидж своих предприятий настолько, насколько это было возможно в условиях войны с Германией. Они продолжали, хотя и в меньших объемах, оказывать помощь школам, училищам, богадельням, дарить подарки к праздникам Рождества и Пасхи и т.д.

Таким образом, немецкие предприниматели во второй половине XIX – начале XX в. активно занимались благотворительностью. Пожертвования на

общественные нужды, развитие образования, здравоохранения, содержание детских приютов, тюрем были обычной статьей их расходов. Они не только выделяли средства, но и принимали активное участие в работе всероссийских и местных благотворительных обществ, попечительных советов, комитетов. Немецкие предприниматели занимались организационной работой, использовали возможности своих предприятий, связи за границей для оказания благотворительной помощи. Поддерживая науку, образование, культуру, содействуя решению социальных проблем региона, немцы тем самым способствовали освоению российского Дальнего Востока, его экономическому и культурному развитию. Часто эта их деятельность поощрялась чинами и орденами, званиями, что в ряде случаев позволяло выйти за рамки сословной обособленности. Все это укрепляло позиции немецких предпринимателей в обществе, повышало их социальный статус, что в конечном счете способствовало сохранению их богатства, стабильности бизнеса, созданию благоприятных условий для предпринимательской деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адрес-календарь и Торгово-промышленный Указатель Дальнего Востока и Спутник по Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. – Иркутск : Типолитография П. Макушина и В. Посохина, 1911. – Вып. VII. – 803 с.

2. Адрес-календарь и Торгово-промышленный указатель Дальнего Востока и Спутник по Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. – Иркутск, 1914. – Вып. X. – 840 с.

3. *Белоусов, А.А.* На алтарь отечества. Из истории меценатства и благотворительности в России / А.А. Белоусов. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – 208 с.

4. *Березкина, Н.И.* Из истории Владивостокского коммерческого училища 1908–1922 гг. / Н.И. Березкина // Записки общества изучения Амурского края. Т. XXXII. – Владивосток, 1998. – С. 65–71.

5. *Боханов, А.Н.* Крупная буржуазия России (конец XIX – 1914 г.) / А.Н. Боханов. – М. : Наука, 1992. – 264 с.

6. *Востриков, Л.И.* И привести в известность край…: Из истории Приамурского (Хабаровского) филиала Географического общества Союза ССР / Л.И. Востриков. – Хабаровск : Хабаровское кн. изд-во, 1989. – 128 с.

7. ГАХК. – Ф. И-2. – Оп. 1. – Д. 1.

8. ГАХК. – Ф. И-2. – Оп. 1. – Д. 2.

9. ГАХК. – Ф. И-16. – Оп. 1. – Д. 1.

10. *Деег, Л.* Кунст и Альберс. История немецкого торгового дома на российском Дальнем Востоке (1864–1924) / Л. Деег. – Владивосток : Примполиграфкомбинат, 2002. – 336 с.

11. История культуры Дальнего Востока России XVII – XX веков : учеб. пособие / И.Г. Стрюченко [и др.]. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. – 300 с.

12. История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX – начало XX в. – М. : РОСПЭН, 1999. – 575 с.

13. *Новикова, С.* Из истории отечественного меценатства / С. Новикова // Посев. – 1992. – № 2. – С. 106–111.

14. *Ноздрин, Г.А.* Национальная немецкая благотворительность в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / Г.А. Ноздрин // Зарубежные экономические и культурные связи Сибири (XVIII–XX вв.) : сб. науч. тр. – Новосибирск, 1995. – С. 137–152.

15. Отчет о ходе и положении дела благотворительного и попечительного общества об Ольгинском детском приюте трудолюбия в г. Хабаровске за 1905 г. – Хабаровск : Тип. канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1907. – 32 с.

16. Отчет о ходе и положении дела благотворительного и попечительного общества об Ольгинском детском приюте трудолюбия в г. Хабаровске за 1907 г. – Хабаровск : Тип. канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1908. – 34 с.

17. Отчет по оказанию помощи покровительства нуждающимся переселенцам Приморской области с 1 марта 1900 по 1 марта 1901 года. – Хабаровск : Тип. канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1901. – 38 с.

18. Отчет общества «Ясли» за время с 1 июля 1909 г. по 1 июля 1910 г. – Хабаровск : Тип. т-ва «Приамурье», 1910. – 10 с.

19. Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток : Приморский обл. стат. ком., 1905. – 268 с.

20. Памятная книжка Приморской области на 1909 – 1910 гг. – Владивосток : Приморский обл. стат. ком., 1910. – 322 с.

21. Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Б/м, 1912. – 295 с.

22. Приамурские ведомости. – 1897. – 23 марта.

23. Приамурские ведомости. – 1897. – 18 мая.

24. Приамурские ведомости. – 1898. – 15 нояб.

25. Приамурские ведомости. – 1899. – 19 дек.

26. Приамурские ведомости. – 1903. – 4 апр.

27. Приамурские ведомости. – 1903. – 31 окт.

28. Приамурские ведомости. – 1912. – 7 июля.

29. Приамурские ведомости. – 1914. – 14 янв.

30. Приамурские ведомости. – 1914. – 28 янв.

31. Приамурская жизнь. – 1911. – 28 авг.

32. Приамурская жизнь. – 1913. – 21 нояб.

33. Приамурская жизнь. – 1915. – 20 марта.

34. Приамурская жизнь. – 1915. – 29 марта.

35. Приамурская жизнь. – 1916. – 20 сент.

36. Приамурье. – 1914. – 17 авг.

37. РГИА ДВ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1476.

38. РГИА ДВ. – Ф. 1. – Оп. 8. – Д. 2382.

39. РГИА ДВ. – Ф. 1. – Оп. 8. – Д. 2396.

40. РГИА ДВ. – Ф. 1. – Оп. 8. – Д. 2405.

41. РГИА ДВ. – Ф. 1. – Оп. 8. – Д. 2468.

42. РГИА ДВ. – Ф. 1. – Оп. 8. – Д. 2558.

43. РГИА ДВ. – Ф. 1. – Оп. 8. – Д. 3122.

44. РГИА ДВ. – Ф. 28. – Оп. 1. – Д. 68.

45. РГИА ДВ. – Ф. 244. – Оп. 1. – Д. 1137.

46. РГИА ДВ. – Ф. 701. – Оп. 1. – Д. 10.

47. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 1872.

48. РГИА ДВ. – Ф.702. – Оп. 2. – Д. 506.

49. *Троицкая, Н.А.* Адольф Васильевич Даттан: биография предпринимателя / Н.А. Троицкая // Краеведческий бюллетень. – 1994. – № 3. – С. 184–188.

50. *Хорькова, Е.П.* История предпринимательства и меценатства в России / Е.П. Хорькова. – М. : ПРИОР, 1998. – 493 с.

51. XXVIII Отчет Комитета Владивостокского благотворительного общества за 1904–1906 гг. – Владивосток, [б/г.].– 24 с.

52. XXXIII Отчет Владивостокского благотворительного общества за 1911 г. – Владивосток : Тип. Иогансон В.К., [б/г.]. – 49 с.

53. XXXVI Отчет Владивостокского благотворительного общества за 1914 г. – Владивосток : Тип. Иогансон В.К., 1916. – 46 с.

ИЗУЧЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ОЙКОНИМИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРОБЛЕМ В СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ХРИСТИАНСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

О.Ю. Тарасов

В.А. Чернов

Тарасов Олег Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела научно-инновационных разработок и дополнительного образования Хабаровского института инфокоммуникаций – филиал СибГУТИ.

Контактный адрес: oltar-1972@mail.ru

Чернов Владислав Афиногенович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Управления аспирантуры, докторантуры и подготовки научных кадров Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: vl.af.chernov@mail.ru

Статья обращена к перспективам использования информационного потенциала топонимики районов позднего заселения. В частности, авторы обращают внимание на изоглоссарный метод, который в данной работе использовался в тематическом ряде «православные названия».

Рассмотрены ойконимы христианской этимологии, которые присвоены населённым пунктам Дальнего Востока переселенцами из западных областей Российской империи. Выявлены причины этих топонимических локаций, проведено сопоставление уровня религиозности в этих районах с другими нередко более плотно заселёнными районами.

Ключевые слова: ойконимия Дальнего Востока, сакрально-религиозные топонимы, перспективы топонимических исследований.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-213-216

История освоения Дальнего Востока и развития дальневосточного общества многогранна (образование, наука, промышленность, религия, искусство), и уровень отдельных явлений, феноменов и параметров на разных этапах различен. В рамках исследования рассмотрены аспекты отражения православной религии, её обычаев и праздников в топонимике Дальнего Востока. Топонимика является самодостаточной наукой со своим объектом исследования и методикой. При рассмотрении тематических групп топонимов в своё время была разработана историко-культурная классификация географических названий и «уровневый метод» [4: с. 40–65; 5: с. 5–14]. Но в рамках междисциплинарных научных взаимодействий необходимо отметить, что топонимика как явление и пласт культуры отражает практически все аспекты общественной, хозяйственной, семейной и других сфер деятельности человека и человеческих сообществ, в том числе и создания населённых пунктов, их имянаречения (ойконимии). В данном контексте необходим поиск тематических групп ойконимов, относящихся к религиозным православным праздникам. Основание, закладка или сбор первых урожаев и начала осёдлой деятельности в религиозной традиции славян «привязывались» к религиозным датам.

Применение изоглоссарного метода позволяет «очертить» районы наибольшего распространения сакрально-религиозного типа (по О.Ю. Тарасову) православного характера. В данном направлении можно обнаружить некоторые закономерности.

История формирования топонимики и история освоения тесно связаны, более того – топонимика уточняет отдельные факты и хронологические границы этапов истории освоения геопространства [6: с. 86–104]. На первом этапе освоения Дальнего Востока (для Якутии, Амурской области, Хабаровского края, Чукотки, Магаданской области временные границы несколько разнятся) православной ойконимии практически нет: чаще всего называли остроги и сёла по именам первопоселенцев или ассимилировали местные названия: Игнашино, Бейтоново, Толбузино, Бекетово, Среднеколымский, Кумарский, Албазинский и пр.

Лишь на третьем этапе (Первом переселенческом) освоения Приамурья после «Амурских сплавов» до начала строительства Транссиба в регион с разной интенсивностью прибывали крестьянские семьи с территорий Украины, Белоруссии, Тамбовской, Орловской, Ивановской губерний и некоторых южных регионов. Крестьянство – наиболее религиозный слой населения Российской империи, и основание населённых пунктов было для них сакральным актом, который должен был быть назначен на определённую дату православного календаря. Неграмотные крестьяне плохо разбирались в числах и месяцах календаря, поэтому ориентирова-

лись только по памятным датам церковного календаря: «На Сретенье», «На святках», «На Покров», «На Благовещенье» и т.п. Не было дня в году, когда не поминали какого-нибудь святого или нескольких или праздновали какое-либо событие из христианской мифологии. Поэтому простой народ прекрасно мог обходиться без привычного нам календаря с числами и месяцами.

Не только крестьяне, но и провинциальное дворянство тоже плохо разбиралось в официальном календаре. Вот как описывает И.А. Гончаров в романе «Обломов» окружение главного героя: «*Они вели счёт времени по праздникам, по временам года, по семейным и домашним случаям, не ссылаясь никогда ни на месяцы, ни на числа. Может быть, это происходило частью из-за того, что, кроме самого Обломова, прочие все путали и названия месяцев, и порядок чисел».* Поэтому в старину и дни рождения не праздновали, а только дни именин, т.е. день, посвящённый святому, именем которого его крестили.

В церковном календаре присутствовали и названия некоторых недель (сплошная, пёстрая, мясопустная, страстная, светлая) или дней недели (чистый понедельник, Фомин понедельник, чистый четверг, семик – седьмой от Пасхи четверг, страстная пятница, родительская суббота, прощённое воскресенье, святая неделя, здесь понимается в устаревшем значении – воскресный день, т.е. «не делать»), которые соответствовали определённым датам христианского календаря. Поэтому жизнь не только крестьянства, но и вообще провинциальная «выстраивалась» не по официальному, а чаще по церковному календарю.

Рассмотрим важнейшие после Пасхи (Светлого Воскресения Христова) праздники, которые назывались двунадесятыми (так как их было двенадцать): переходящие – Вход Господень в Иерусалим, называемый также Вербным воскресеньем (за неделю до Пасхи); Вознесение Господне (на 40-й день после Пасхи); День Святой Троицы, Пятидесятница (50-й день после Пасхи) и непереходящие (по старому и новому стилю) – Рождество Христово (25 декабря (7 января)); Васильев день (Обрезание Господне, 1 (14) января); Крещение (Богоявление) Господне (6 (19) января); Сретение Господне (2 (15) февраля); Благовещение Пресвятой Богородицы (25 марта (7 апреля)); Яблочный Спас (Преображение Господне, 6 (19) августа); Успение Пресвятой Богородицы (15 (28) августа); Рождество Пресвятой Богородицы (8 (21) сентября); Воздвижение Креста Господня (в честь обретения Животворящего Креста святой Еленой (326 год), 14 (27) сентября); Введение во храм Пресвятой Богородицы (21 ноября (4 декабря)). До 1925 г. в России они были не только церковными, но и гражданскими праздниками. В православии отмечаются и другие дни, в том числе и дохристианские славянские праздники, которые часто совпадали и с христианскими: Иван Купала (Рождество Иоанна Крестителя (Предтечи), Иванов день – в ночь с 23 июня (6 июля) на 24 июня (7 июля)); Петров день (день святых равноапостольных Петра и Павла, 29 июня (12 июля)); Ильин день (20 июля (2 августа)); Медовый Спас (Спас на воде, первый день Успенского поста, 1 (14) августа); Усекновение главы Иоанна Предтечи (29 августа (11 сентября)); Семёнов день (Семён Летопроводец, 1 (14) сентября); Покров Пресвятой Богородицы (1 (14) октября); Андреев день (Андрей Первозванный, 30 ноября (13 декабря)) [3: с. 28–424]. Естественно, что основание населённого пункта в зимнее время было нецелесообразно, но наименование вполне возможно.

Безусловно, в ономастическом пространстве бывают наложения, которые невозможно разрешить при отсутствии документальных источников. Так, например, множественные ойконимы-дублеты (Ивановка, Ильинка, Семёновка, Петровка, Васильевка и пр.) могут быть производными от фамилий первопоселенцев или первооснователей по их фамилиям или именам, а Ивановки могут быть основаны и переселенцами из Иванова (или одноимённой губернии). Тем не менее перейдём к топонимическим (ойконимическим) фактам.

Амурская область: Архаринский район (Иннокентьевка, Красная Горка (религиозный праздник Фомин понедельник или Фомина неделя, время долгожданных свадеб, запрещённых в Великий пост), Новопокровка, Петропавловка); Белогорский район (Никольское, Павловка, Успеновка); Благовещенский район (Благовещенск, Верхнеблаговещенское, Новопетровка, Новотроицкое); Бурейский район (Николаевка, Семёновка, Успеновка); Завитинский район (Антоновка, Демьяновка, Ивановка, Иннокентьевка, Куприяновка, Новоалексеевка, Преображеновка, Успеновка, Фёдоровка); Зейский район (Николаевка); Ивановский район (Андреевка, Богородское, Богословка, Вознесеновка, Крещеновка, Новопокровка, Петропавловка, Троицкое, Успеновка); Константиновский район (Крестовоздвиженка, Новопетровка, Новотроицкое); Магдагачинский район (Новопокровка); Мазановский район (Богословка, Петровка); Михайловский район (Воскресеновка, Петропавловка); Октябрьский район (Борисово, Борисоглебка, Георгиевка, Покровка, Преображеновка); Ромненский район (Братолюбовка, Вознесеновка, Знаменка, Святоруссовка); Свободненский район (Новоникольск, Петропавловка, Семёновка); Серышевский район (Введеновка, Воскресеновка, Павловка, Рождественка, Сретенка); Тамбовский район (Духовское, Козьмодемьяновка, Николаевка); Шимановский район (Нововоскресеновка, Новогеоргиевка) [1: с. 26–451]. В Тындинском, Селемджинском, Сковородинском районах ойконимов религиозного характера не выявлено.

Еврейская автономная область: Ленинский район (Воскресеновка, Новотроицкое, Преображе-

новка); Октябрьский район (Благословенное); Смидовичский район (Нижнеспасское, Николаевка). В Облученском, Биробиджанском районах религиозных православных ойконимов нет.

Хабаровский край: Амурский район (Архангеловка, Вознесенское); Комсомольский район (Новоильиновка); Нанайский район (Иннокентьевка, Троицкое); Николаевский район (Иннокентьевка); Советско-Гаванский район (Иннокентьевский); Ульчский район (Богородское, Воскресенское, Новотроицкое); Хабаровский район (Благодатное, Ильинка, Новотроицкое, Петропавловка). В остальных районах «православной топонимики» не выявлено.

Приморский край: Анучинский район (Новопокровка, Новотроицкое); Дальнереченский район (Боголюбовка, Вербное, Новотроицкое, Рождественка, Стретенка); Кировский район (Архангеловка, Преображенка); Красноармейский район (Богуславец, Вербовка, Новокрещенка, Новопокровка, Покровка); Лазовский район (Преображение); Лесозаводский городской округ (Иннокентьевка); Октябрьский район (Новогеоргиевка); Ольгинский район (Новониколаевка); Уссурийский городской округ (Боголюбовка, Воздвиженка, Воздвиженский, Новоникольск); Ханкайский район (Новониколаевка, Троицкое); Хорольский район (Благодатное, Вознесенка); Шкотовский район (Рождественка); Яковлевский район (Покровка).

Республика Саха (*Якутия*): Амгинский улус (Покровка); Ленский район (Остров Преображения, Спасское); Олёкминский район (Троицкое); Усть-Майский район (Троицк).

Сахалинская область: Александровск-Сахалинский район (Владимировка); Анивский район (Благовещенское, Воскресенское, Новотроицкое, Петропавловское, Троицкое, Успенское); Долинский городской округ (Покровка); Тымовский район (Воскресеновка); Углегорский район (Никольское). В других районах области изоглоссы «православного типа» не проходят.

В Чукотском автономном округе, Магаданской области, Камчатском крае (кроме Петропавловска-Камчатского) православие в топонимии никак не отразилось.

На первом этапе освоения казаками-первопроходцами не ставилась цель распространения православной веры, хотя номинально обращение в православие проходило по всей территории Дальнего Востока и более активно (порой агрессивно) и на протяжении более долгого времени именно в северных районах дальневосточного региона. Однако там почти не наблюдается поселений с религиозной православной семантикой. Это объясняется целями казаков – «мягкое золото» и «рыбий зуб» [7: с. 186–195; 8: с. 128–145]. Впрочем и сами казаки не были носителями высокой христианской морали. Ярким примером может быть жестокое отношение Василия Пояркова не только к коренному населению, но и к своим единоверцам.

Во второй половине XIX в. началось заселение Приамурского края, а с открытием Добровольным флотом в 1880 г. пароходного сообщения между Одессой и Владивостоком, Санкт-Петербургом и Владивостоком переселение крестьян из европейской части Российской империи приняло постоянный характер. Переселенцы получали наделы земли, подъёмные средства, основывали деревни и сёла, сохраняя привычный уклад своей жизни. Значительная часть переселенцев, прибывавших пароходами, были выходцами из Черниговской, Полтавской и других южных губерний, где ощущался недостаток земли и работы [9]. Крестьяне основывали свои поселения в наиболее удобных для ведения сельского хозяйства землях (Амурско-Зейская равнина, Зейско-Буреинская равнина, долины рек–притоков Амура в среднем течении и Уссури), другие территории были малопригодны для эффективного земледелия и животноводства. Именно там и наблюдается распространение названий населённых пунктов, относящихся к религиозным праздникам, именам апостолов и т.п. (рисунок).

Интересно отметить, что, по данным социологических исследований [2], наибольшая религиозность наблюдается именно в этих районах. Конечно, наличие «сакральной топонимии» никак не связано напрямую с уровнем сохранения православной морали, оно лишь определяет зоны расселения верующего крестьянства. Это является косвенным признаком – сохранение традиций, в том числе и православных, чаще происходит в сельской местности.

Освоение геопространства Дальнего Востока в последующие годы: этап строительства Транссибирской магистрали, советское промышленное освоение – оказывало влияние лишь на рост городского населения и появление новых городов, посёлков городского типа, железнодорожных станций, названия которых несли совсем другую семантическую нагрузку. Впрочем и прибывающее население имело чаще всего техническое образование и атеистические убеждения.

Таким образом, отметим следующее: 1) топонимика (ойконимия) религиозного типа указывает на расселение религиозного крестьянства; 2) казачество, активно участвовавшее в распространении православия, в том числе и в строительстве церквей, часовен и храмов, не оказало должного влияния на укрепление религиозности среди местного (коренного) населения; 3) строительство зданий религиозного культа не является главным фактором укрепления и распространения православной морали и традиций среди населения, что подтверждает изоглоссы христианских ойконимов, которые не всегда соответствуют концентрации церковных сооружений и числа церковнослужителей; 4) для укрепления позиций

Православной церкви (если она действительно хочет оказывать позитивное влияние на духовное состояние общества) необходимо уделять большее внимание возрождению отечественного села.

Рисунок. Схема распространения названий населённых пунктов, относящихся к религиозным праздникам, именам апостолов

Основной вывод данной работы заключается в возможности использования топонимических исследований для выявления общих проблем религиозности и укрепления христианской морали населения Дальнего Востока России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амурская область: опыт энцикл. слов. / науч. ред. В.В. Воробьев, А.П. Деревянко ; ред.-сост. Н.К. Шульман. – Благовещенск : Хабаровское кн. изд-во. Амур. отд-ние, 1989. – 415 с.

2. *Каариайнен, К.* Религиозность в России в 90-е годы / К. Каариайнен, Д.Е. Фурман // Старые церкви, новые верующие: религия в массовом сознании постсоветской России / под ред. проф. К. Каариайнена и проф. Д.Е. Фурмана. – СПб.; М. : Летний сад, 2000. – С. 7–48.

3. *Некрылова, А.Ф.* Круглый год. Русский земледельческий календарь / А.Ф. Некрылова. – М. : Правда, 1991. – 496 с.

4. *Тарасов, О.Ю.* Отражение исторических процессов освоения Северо-Востока России в топонимике региона : моногр. / О.Ю. Тарасов. – Хабаровск : ХГИИК, 2012. – 366 с.

5. *Тарасов, О.Ю.* Топонимика Дальнего Востока. Культурологический анализ : моногр. / О.Ю. Тарасов. – Хабаровск : КНОТОК, 2002. – 52 с.

6. *Тарасов, О.Ю.* Топонимический аспект освоения Верхнего Приамурья : моногр. / О.Ю. Тарасов. – Хабаровск : ХГИИК, 2012. – 204 с.

7. *Тарасов, О.Ю.* Другая сторона казачьих походов: «поборные» и военные экспедиции на Дальнем Востоке / О.Ю. Тарасов, С.А. Лучков, Е.М. Трофимова // Инновационные инфокоммуникации XXI века : сб. материалов XVII межвуз. науч.-практ. конф., посвящённой Дню Радио и Дню Победы. – Хабаровск : Изд-во ХИИК СибГУТИ, 2016. – С. 186–195.

8. *Тарасов, О.Ю.* Вооружённые противостояния между аборигенными народами крайнего Северо-Востока в ходе процесса присоединения к России (середина XVII – конец XVIII в.) / О.Ю. Тарасов, Н.В. Шульженко // Наука сегодня: постулаты прошлого и современные теории : сб. материалов VII междунар. науч.-практ. конф. – Саратов : Изд-во ЦПМ «Академия Бизнеса», 2016. – С. 128–145.

9. *Чернов, В.А.* Паломническая книжка как предшественница туристского ваучера / В.А. Чернов // Приоритеты и перспективы научных исследований международного туризма в XXI веке : тр. Междунар. туристской акад. – М. : МТА, 2010. – Вып. 5. – С. 282–286.

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА ЭВЕНОВ ПРИОХОТЬЯ

Г.Т. Титорева

Титорева Галина Теодоровна – кандидат искусствоведения, заведующий научно-исследовательским сектором этнографии Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова (г. Хабаровск).

Контактный адрес: mazo2005@mail.ru

Статья посвящена исследованию практики сохранения здоровья у эвенов Охотского побережья. В ней обобщены сведения по народной медицине региона, собранные в прошлом, и публикуются данные, полученные автором в ходе полевых экспедиционных работ среди эвенов Охотского района Хабаровского края в 2006–2018 гг.

Ключевые слова: эвены, народные знания, коренные малочисленные народы Севера, медицина.

DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-3-217-220

Кочевой образ жизни, природное окружение, климатические условия способствовали сложению у эвенов Приохотья традиционной системы врачевания. Отсутствие стационарных медицинских пунктов, изолированность и территориальная разобщенность оленеводческих семей, обширные и часто труднопроходимые ландшафты вызывали объективную необходимость владения определенными медицинскими знаниями и навыками в каждой семье. Эти знания и опыт формировались веками и передавались из поколения в поколение.

До прихода на Охотское побережье русских в XVII в. эвены (ламуты) практически не знали эпидемических заболеваний. От этих болезней не спасали даже шаманы, служившие эвенам главными таежными врачами. К их помощи прибегали в лечении сложных заболеваний, таких как душевные расстройства, паралич, трудные роды, общее недомогание непонятной природы, переломы костей и в других случаях, когда домашние средства не приносили желаемого результата [7: с. 66]. Я.И. Линденау, побывавший у охотских эвенов (ламутов) в XVIII в., приводит описание некоторых приемов шаманского врачевания и, в частности, переломов костей: «Лечить переломы костей умеют не все шаманы, а имеется очень мало, которые могут сразу определить место и степень перелома. Какая бы часть тела ни была повреждена у человека, берется такая же часть от оленя. При этом учитывается пол пострадавшего. Если беда случилась с мужчиной, то берут нужную часть от самца, если с женщиной – от самки оленя». Помимо иррациональных методов лечения, шаманы использовали и средства традиционной народной медицины: «…от ломоты в членах и опухолей на теле употребляют трут – Ulla. Его ламуты зажигают и кладут на больное место. При опухолях от этой операции выступает гной, и опухоль проходит. Еще лечат опухоли мохом. Наливают воду в сосуд, в него кладут раскаленные камни, а на них мох. Потом этим мхом растирают распухшее место некоторое время» [7: с. 55].

К шаманам обращались и для лечения более распространенных в условиях Севера заболеваний, например таких, как ревматизм и артрит. Частые переохлаждения, неизбежные в охотском климате, постоянные кочевки, большие физические нагрузки приводили к тому, что к пожилому возрасту большинство эвенов страдали болезнями суставов и позвоночника. По рассказам В. Сергучевой, шаман Николай Тетерин лечил ее отца от боли в позвоночнике, посадив его себе на плечи (ПМА, 2009 г.)[*]. Одновременно с шаманскими ритуалами эвены широко использовали различные **лекарственные средства растительного происхождения**.

При лечении ревматизма и других нарушений опорно-двигательного аппарата незаменимым средством служили ветки **кедрового стланика** (Pinos pumila) *болгит*. Из них готовили стланиковые ванны. Молодые веточки заливали кипятком и опускали в него ноги. Иногда запаривали ветки и горячими обкладывали больное место. Примочками из отвара стланика лечили вывихи и раны. Очищенную от коры веточку молодого стланика мелко стругали, стружки кипятили. Смоченную в отваре марлю прикладывали к больному суставу или ране. Примочки можно комбинировать: день из стланика, день – из листьев березы (ПМА, 2006 г.).

Кора, ветки и иглы кедрового стланика служили общеукрепляющим средством при сильной слабости. Из них готовили настои для приема внутрь [10: с. 114].

Другим популярным лечебным средством служили **листья багульника** (Lédum) *хэнкыс*. Отвар из них пили при простудных и вирусных заболеваниях, для лечения ангины, в качестве эффективного отхаркивающего средства при бронхитах и сильном кашле. Высушенный багульник жгли и вдыхали дым при насморке (ПМА, 2009 г.). Его также использовали для профилактики туберкулеза.

[*] Полевые материалы автора (ПМА) собраны среди жителей оленеводческих баз Усчан, Надьбаки, Кетанда, Наманкур, Черпулай и с. Арка Охотского района Хабаровского края.

Собирали листья багульника ранней весной, после таяния снега, или осенью, после цветения. Старались собирать их вдали от голубицы, содержащей фитонциды, придающие багульнику сильную горечь. Листья багульника заваривали свежими и употребляли в качестве чая, а также сушили на длительное хранение. Для приготовления лечебного отвара сухие листья заливали кипятком (столовая ложка на стакан воды) и кипятили 15–20 минут. Принимали, как правило, на ночь по полстакана, для детей доза была меньше (ПМА, 2008–2009 гг.).

Самым распространенным растением в охотской тайге является **лиственница даурская** (Lárix) *хекита/ирэт*. Эвены широко используют ее в домашней лечебной практике. Молодые светло-зеленые отростки рекомендуется жевать утром при сильном кашле, а также для укрепления десен и зубов. Для этих же целей использовали и смолу лиственницы *нют,* которую жевали как жевательную резинку, пока от нее исходили эфирные масла. Смолой лечили раны. Для этого ее растапливали и теплой замазывали рану. Гнойные раны лечили, привязав лепешку из смолы, предварительно размягченную во рту. Горячей смолой останавливали кровотечения (ПМА, 2013 г.). Отваром коры лиственницы в прошлом успешно лечили цингу [10: с. 114].

Листья брусники (Vaccínium vítis-idaéa) *хемтычэн* эвены применяли при заболеваниях почек и циститах. Их собирали в конце сентября, выбирая неповрежденные и крупные. Высушенные листья хранили в прохладном месте и заваривали как чай.

У всех групп эвенов настойка из **чаги** (Inonotus obliquus) относилась к лекарственным напиткам [10: с. 115]. Чагу использовали для лечения различных заболеваний желудочно-кишечного тракта, печени и мочеполовой системы (ПМА, 2007 г.). Примочки из настоя чаги залечивали порезы и открытые раны [5: с. 131].

Чагу собирают, как правило, осенью. Приготовление лекарственного средства требует определенных знаний и навыков. В частности, брать нужно только верхнюю часть гриба, удалив корень. Для длительного хранения сырье необходимо хорошо просушить. Перед завариванием чаги ее или вымачивают в течение суток, чтобы вышла горечь, или после закипания первую порцию сливают, наливают новую воду и кипятят в течение 20 минут.

Каждая эвенская семья непременно заготавливала на зиму плоды **шиповника** (Rōsa). Особенно ценились ягоды удлиненной формы, а не круглой, потому что в них выше содержание витамина С. Шиповник заваривали и пили как чай. Он обладает общеукрепляющим действием, а в прошлом его применяли как эффективное средство против цинги (ПМА, 2007 г.).

Весной эвены собирали **почки березы** (Bétula) *чалбан*, которые, как и ветки лиственницы, использовали в качестве полоскания и аппликаций при стоматитах. Кроме этого, березовыми почками лечили дерматит и укусы насекомых. Перед применением сушеное сырье замачивали, затем заваривали кипятком и настаивали в течение 2–3 часов (ПМА, 2006–2007 гг.).

Помимо названных растений эвены использовали в лечебных целях и другие таежные средства. При кишечных расстройствах употребляли плоды **черемухи** (Prúnus pádus) *нолука*, в качестве кровоостанавливающего средства накладывали на свежие раны **подорожник** (Plantágo) *орат,* настоем ромашки (Matricaria chamomilla) *нёча* промывали глаза при конъюнктивите, а сушеные соцветия **тысячелистника** (Achilléa) заваривали и пили как чай при заболеваниях желудочно-кишечного тракта; кашель лечили напитком из горного папоротника (Polypodióphyta) *оир*.

Ягоды брусники и голубицы (Vaccínium uliginósum) *гит* в больших количествах заготавливали на зиму как источник витаминов. Их сохраняли свежими в прохладном месте в берестяных плотно закрытых коробках, без доступа воздуха (ПМА, 2013 г.). Раньше ягоду эвены не варили, да и сейчас предпочитают свежую.

Наряду с лекарственными растениями, сырьем для изготовления различных препаратов и инструментом оригинальных методик лечения многих заболеваний у эвенов Приохотья служили **средства животного происхождения**. Одновременно с таежным оленеводством эвены занимались охотничьим промыслом, добывали дикого оленя, горного барана, медведя, лося, пушного зверя – белку, соболя, лису – и других животных. Большинство из них, а также домашний северный олень служили источником сырья для изготовления лечебных препаратов.

Эвены используют оленя практически безотходно: мясо, внутренние органы, рога – все применяется и как продукты питания, и в качестве лечебных средств. Оленеводческие народы давно обратили внимание на целебные свойства оленины. Количества витаминов, содержащихся в 100 г мяса оленя, достаточно для обеспечения суточной потребности человека при нормальной физической нагрузке [8: с. 199]. Мясо северного оленя содержит до 12 мг % витамина С, в то время как в мясе крупного рогатого скота его всего 0,9 мг %. Содержание белка в оленине также выше, чем в говядине, свинине, баранине и телятине [1: с. 132]. Бульон из свежего мяса очень целебен, так как легко усваивается организмом, придает силы, поднимает тонус и аппетит. При потере веса, малокровии и общем недомогании человека кормят сырой печенью, почками и мясом, поят теплой кровью только что забитого оленя [4: с. 267] (ПМА, 2007, 2017 гг.).

Наиболее сильным лечебным эффектом обладают **панты** *немат* – молодые, не окостеневшие, напол-

ненные кровью рога оленей. Ни одна ткань, ни один регенерирующий орган у позвоночных не растет так быстро, как рога северного оленя. За сутки длина пантов увеличивается на 10–20 мм [3: с. 41]. Рост пантов происходит у северных оленей в течение 10 лет, затем масса их уменьшается [6: с. 13]. Олени эвенской породы по пантовой продуктивности превосходят чукотских и помесных животных [4: с. 164].

Панты оленей содержат разнообразные биологически активные вещества: аминокислоты, минеральные вещества, пептиды, липиды и основания нуклеиновых кислот [6: с. 18]. Причем количество полезных веществ в пантах северного оленя выше, чем их содержание в пантах пятнистого оленя [8: с. 64].

Эвены употребляют свежесрезанные панты. И взрослые, и дети, опалив на огне ворсистую поверхность, грызут мягкую кость рога, считая ее вкусным деликатесом. Таежные кочевники давно знают силу этого лекарственного средства, повышающего общий тонус, излечивающего от заболеваний пищеварительного тракта, нервной и кровеносной системы и органов половой сферы.

Эвены Приохотья постоянно употребляли свежую горячую **кровь оленя** *хунгэл*. Она считалась хорошим кроветворным, общеукрепляющим и даже «омолаживающим» средством. Использование крови различных животных в качестве тонизирующего, ранозаживляющего и кровоостанавливающего средства известно восточной медицине давно.

Кровью оленя врачевали ожоги, ею успокаивали боли в желудке и кишечнике [5: с. 130]. Оленеводы Охотского района и сегодня, «угостив» огонь теплой кровью только что разделанного оленя, выпивают ее, сколько смогут. Обязательна эта процедура для больных и старых людей.

В современной фармакологии кровь оленей, особенно молодняка, – ценное сырье для получения из нее сыворотки, которая является незаменимым компонентом при производстве различных биологических препаратов. В сыворотке крови северных оленей содержится около 20 аминокислот [6: с. 58]. По своему составу кровь оленя не уступает, а по таким показателям, как гемоглобин, сахар, липиды и др., превышает показатели крови других домашних животных [4: с. 166]. В настоящее время из оленьей крови производят более 70 медицинских препаратов [9: с. 4].

В прошлом эвены Приохотья повсеместно употребляли **молоко оленей** *окэн*, сегодня практика доения важенок сохраняется в редких семьях. Оленье молоко по вкусовым качествам и питательности представляет ценнейший продукт, превосходящий молоко других животных, особенно по содержанию жира и легкоусвояемых белков. По сравнению с коровьим молоком оленье содержит больше в 5,8 раза жира, в 3,1 раза белка и в 2 раза минеральных солей. Литр оленьего молока калорийнее коровьего в 3,8 раза [9: с. 4]. Сумма незаменимых аминокислот оленьего молока в 1,7 раза выше, чем в коровьем молоке [4: с. 98]. В молоке оленя не обнаружено патогенных бактерий, следов хлорорганических соединений и тяжелых металлов [4: с. 99].

Молоко оленей имеет не только пищевое, но и диетическое значение, являясь лечебным средством при заболеваниях пищеварительных органов и верхних дыхательных путей [4: с. 97]. Оленье молоко в народной медицине эвенов использовали и как лекарственное средство при лечении некоторых травм, ран, расстройства желудочно-кишечного тракта, и как общеукрепляющее.

Наиболее универсальным средством в домашнем лечении у эвенов является желчь диких животных (горный баран, медведь). Она высоко ценится в народной медицине многих этносов Юго-Восточной Азии.

Самой эффективной эвены считают **желчь медведя** *де* и называют ее «лекарством от всего». Желчный пузырь необходимо извлечь из добытого медведя сразу, иначе через 2–3 часа желчь теряет свои лечебные свойства и плохо сгущается. Очищенный от жира и крови пузырь подвешивают в отапливаемом помещении или в тени на сквозняке и сушат в течение 20–40 дней, пока его содержимое не приобретет консистенцию пластилина [11: с. 14–15].

Медвежью желчь используют в виде раствора или спиртовой настойки. Для приготовления разовой нормы при приеме внутрь достаточно кусочка желчи размером со спичечную головку, который растворяют в теплой кипяченой воде и принимают на голодный желудок. Раствор имеет желтый цвет и горький вкус. Таким способом лечат болезни желудка, печени, почек, желудочно-кишечные расстройства. Так же используют и желчь горного барана. Раствором медвежьей желчи эвены лечат ангину, полоская горло перед сном и утром. Густым раствором можно делать сетку, аналогичную йодовой, для прогревания грудной клетки и горла при простуде и кашле или при лечении ушибов. Насыщенным раствором желчи делают также компрессы. Для лечебных компрессов в настоящее время используют и настойку медвежьей желчи на спирту (ПМА, 2013 г.).

Лечебными эвены считали и другие органы медведя. В частности, женщины, страдающие бесплодием, принимали внутрь порошок, наструганный с косточки пениса медведя. Этот порошок обладал и кровоостанавливающим эффектом при наружных кровотечениях. А жесткую ступню с вареных лап медведя, после того, как из них выберут жир и косточки, одевают на ноги для лечения болезней суставов (ПМА, 2012 г.).

К наиболее ценным, известным еще с V в. и часто применяемым лекарственным средствам животного происхождения относится мускус, или **струя кабарги** *колэкэн*. В китайской медицине му-

скус кабарги используется в качестве быстродействующего лекарственного средства при истерии, судорогах, неврастении, мигрени и сердечных приступах [6: с. 86]. Мускус кабарги имеет сложный химический состав, включающий в себя десятки различных веществ. Эвены Приохотья применяют высушенную струю кабарги так же, как и желчь медведя, – растворяя маленький кусочек в воде. Используют лекарство при простуде, болях в желудке и как общеукрепляющее, иммуномодулирующее средство (ПМА, 2018 г.).

В народной медицине Сибири, Дальнего Востока и стран Юго-Восточной Азии издавна применяется **жир** *имсэ* различных животных: медведя, оленя, барсука, сурка, собаки. Особенно эффективен он при лечении туберкулеза и других легочных заболеваний [5: с. 130].

Наиболее распространен в лечебной практике охотских эвенов топленый внутренний жир медведя, собранный под грудиной. Его используют для лечения кожных заболеваний, заживления ран, болезней дыхательных путей. Медвежий жир заготавливают впрок, для этого его вытапливают на водяной бане и хранят полученный продукт в герметично закрытой посуде. Для лечения туберкулеза медвежий жир подвергают двойной топке (ПМА, 2007 г.).

Жир оленей также является целебным. Подкожный и мышечный жиры применяют как высококачественный диетический продукт, а внутренний используют для лечения кожных болезней и повреждений. Жир оленя помогает также бороться с судорогами [6: с. 76]. Внутрь его применяли при лечении бронхита и воспаления легких. Нутряной жир оленя использовали и наружно, в виде высушенной тонкой сетки. Подогрев, ее прикладывали на грудь и спину как горчичник при сильном кашле.

Сухожилия ног оленя *хум* использовали при лечении переломов костей. Чтобы кости быстрее срастались, употребляли холодец из сухожилий. Кроме того, сухожилия северных оленей содержат целый комплекс биологически активных веществ, содержащий 19 минеральных элементов, 8 жиро- и водорастворимых витаминов, 9 жирных кислот и 16 аминокислот [9: с. 127]. Эвены употребляли свежие сухожилия оленя в сыром и вареном виде (ПМА, 2018 г.).

Для остановки крови и лечения ран в прошлом использовали мездру шкуры оленя. Ее соскабливали и прикладывали к травмированному месту. А чтобы не осталось шрама – прикладывали беличью шкурку. Как лекарственное и обезболивающее средство беличью шкурку прикладывали и на зубы, и на радикулит (ПМА, 2016 г.).

Легкие обморожения растирались снегом или кусочками льда. При сильных обморожениях конечности помещали в разрезанную брюшную полость только что забитого оленя. При сильном охлаждении человека полностью заворачивали в шкуру еще «горячего» убитого оленя. Для лечения простуды тоже привлекали оленя, только живого. В этом случае больного человека и связанного оленя укладывали рядом и плотно закрывали шкурами. Такое лечение горячим дыханием оленя длилось 20–30 минут, после чего оленя выпускали в стадо, но после этого на нем не ездили верхом и не перевозили вещи [5: с. 131].

Эвенам были знакомы и способы хирургического вмешательства. При трахоме или остром конъюнктивите они выскабливали пораженное место краем стебля осоки или кончиком острого ножа [2: с. 22]. В Приохотье имеются природные горячие источники, в водах которых эвены лечили кожные и костные заболевания (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 931. Л. 14 об.).

Таким образом, традиционная медицина эвенов Приохотья оставила немало эффективных рецептов приготовления и использования лекарственных средств растительного и животного происхождения. Длительные наблюдения за поведением больных животных, многовековая практика употребления продуктов охотничьего промысла и оленеводства, опыт кочевой жизни, навыки выживания в суровом арктическом климате, бережное отношение к традициям прошлого – все это позволило эвенам выработать и сохранить определенную систему рациональных знаний и приемов, позволяющих им лечить различные заболевания в отсутствие профессиональной медицинской помощи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агаджанян, Н.А.* Человек в условиях Севера / Н.А. Агаджанян, П.Г. Петрова. – М. : Крук, 1996. – 206 с.

2. *Антропов, М.* Среди ламутов / М. Антропов. – М., Л. : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1931. – 47 с.

3. *Богачев, А.С.* Рога, панты и отава оленей / А.С. Богачев // Земля сибирская, дальневосточная. – 1981. – № 3. – С. 40–41.

4. *Владимиров, Л.Н.* Научные аспекты возрождения северного оленеводства / Л.Н. Владимиров, И.С. Решетников, В.А. Роббек. – Якутск : ООО «Академия», 2005. – 336 с.

5. История и культура эвенов. – СПб. : Наука, 1997. – 180 с.

6. Лечебно-профилактические средства из органов северных животных (практические рекомендации) / А.К. Ахрименко [и др.]. – Якутск : ЯФ Изд-ва СО РАН, 2003. – 124 с.

7. *Линденау, Я.И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / Я.И. Линденау. – Магадан : Кн. изд-во, 1983. – 154 с.

8. *Мухачев, А.Д.* Оленеводство / А.Д. Мухачев. – М. : Агропромиздат, 1990. – 272 с.

9. *Мухачев, А.Д.* Продуктивность домашних северных оленей / А.Д. Мухачев. – СПб. : ГУАП, 2008. – 242 с.

10. *Попова, У.Г.* Эвены Магаданской области / У.Г. Попова. – М. : Наука, 1981. – 304 с.

11. *Размахнин, В.Е.* Желчь диких животных – ценный лекарственный продукт / В.Е. Размахнин // Охота и охотничье хозяйство. – 1988. – № 7. – С.14–15.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.

2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.

3. Рассмотрение работ аспирантов и соискателей кандидатской степени осуществляется только при наличии отзыва научного руководителя и рекомендации кафедры по месту их обучения.

4. Для аспирантов и соискателей публикация статей бесплатно

5. Статьи должны быть в объёме от 0,5 до 1 п. л. (20 000 – 40 000 знаков). В них может быть, как правило, размещено не более трех иллюстраций, графиков или схем.

6. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.

6.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.

6.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в следующем порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фамилии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются.

6.3. Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском языке, затем на иностранных. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку. Библиографическое описание источника в списке литературы (фамилии и инициалы авторов печатаются курсивом) составляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ 7.1–2003. Шрифт и межстрочный интервал те же, что и в статье.

6.4. Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое – 1 см; размер бумаги – А4 (210×297 мм); шрифт – «Times New Roman» № 14; межстрочный интервал – 1,5.

6.5. Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

7. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.

8. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.

9. К статье прилагается краткая аннотация, ключевые слова (не более 15), а также профессиональный перевод на английский язык аннотации, ключевых слов и названия статьи.

10. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 262. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Электронная почта: journal@festu.khv.ru. Материалы, присланные ценными письмами и бандеролями, не принимаются.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 450 руб. (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

Извещение **Кассир**	Дальневосточный государственный университет путей сообщения УФК по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) **БИК** 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП) Подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2018 год (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.
Квитанция **Кассир**	Дальневосточный государственный университет путей сообщения УФК по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) **БИК** 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП) Подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2018 год (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.

Научное издание

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал
Том XV
Выпуск 3, 2018

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

Редактор *Т.М. Яковенко*
Технический редактор *И.А. Нильмаер*

План 2018 г. Поз. 12.7. Подписано в печать 18.09.2018 г.
Гарнитура «Times New Roman». Уч.-изд. л. 29,5. Усл. печ. л. 27,4. Зак. 163. Тираж 500 экз.

Издательство ДВГУПС
680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.